

BESTSELLER

Филлис Дороти ДЖЕЙМС

СМЕРТЬ ЭКСПЕРТА-
СВИДЕТЕЛЯ

*Безукоризненно хороший детективный
роман, просто шедевр...*

Sunday Times

Ф.Д. Джеймс (р. в 1920 г.) — классик современного британского детектива, член Британской Королевской академии, удостоенная множества высоких наград — включая орден Британской империи и титул баронессы, пожалованный ей лично королевой Елизаветой II.

Перу этой писательницы принадлежат четырнадцать романов, каждый из которых стал не только национальным, но и международным бестселлером.

Удивительный успех... История, которая приведет в восторг всех, кто и сейчас тоскует о «золотом веке» Агаты Кристи.

Джулиан Симонс

Новое произведение многоопытной Ф.Д. Джеймс. Прекрасно написанная книга, финал которой не только пугает, но и идеально вплетается в сюжет.

Evening Standard

ISBN 5-17-021611-4

9 785170 216116

BESTSELLER

Филлис Дороти Джеймс

СМЕРТЬ ЭКСПЕРТА-СВИДЕТЕЛЯ

РОМАН

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЗОН
Москва
2004

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
Д41

Серия основана в 1998 году

P.D.James
DEATH OF AN EXPERT WITNESS
1977

Перевод с английского И.М. Бессмертной

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Green and Heaton Ltd. c/o Toumania LLC

Подписано в печать 21.11.03. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1772.

Джеймс Ф.Д.

Д41 Смерть эксперта-свидетеля: Роман / Ф.Д. Джеймс; Пер. с англ.
И.М. Бессмертной. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ВЗОИ»,
2004. — 382, [2] с. — (Bestseller).

ISBN 5-17-021611-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9602-0073-2 (ОАО «ВЗОИ»)

Загадочное преступление совершено прямо в лаборатории судебно-медицинской экспертизы — убийство, жертвой которого стал один из лучших экспертов.

Работа маньяка? Возможно.

Но маньяки не убивают просто так. Первый вопрос, который задает себе следователь, — почему убийца сделал именно такой выбор? И лишь вторым станет вопрос — когда и где будет нанесен следующий удар?..

Чтобы поймать убийцу — необходимо понять его мотивы...

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© P.D.James, 1977

© Перевод. И.М. Бессмертная, 2004

© ООО «Издательство АСТ», 2004

ОТ АВТОРА

В Восточной Англии нет государственной научно-исследовательской лаборатории судебной медицины, а даже если бы и была, совершенно невероятно, чтобы она хоть в малой степени походила на Лабораторию Хоггата. Все сотрудники этой последней, как и прочие, даже самые неприятные, персонажи в этом романе — лица вымышленные и не имеют ничего общего с кем бы то ни было из людей, реально существующих или когда-либо существовавших.

КНИГА ПЕРВАЯ

ВЫЗОВ НА МЕСТО УБИЙСТВА

ГЛАВА 1

Телефон зазвонил ровно в шесть часов двенадцать минут. Керрисон нащупал в темноте и схватил трубку, чтобы унять яростный звон телефона, почти одновременно отметив время по светящемуся циферблату электронных настольных часов, и лишь потом включил стоящую рядом лампу. Привычка прежде всего отмечать время уже въелась в плоть и кровь. Почти всегда ему удавалось снять трубку после первого же звонка, и все равно каждый раз он пугался, что от этого звона проснется Нелл. Голос в трубке был ему хорошо знаком, а вызов не был такой уж неожиданностью. Звонил инспектор уголовной полиции Дойл. Голос звучал громко и уверенно, словно Дойл всей своей немалой массой навис над изголовьем кровати, а из-за его раскатистого ирландского «р» казалось, что он вот-вот угрожающе зарычит.

— Док Керрисон? — Вопрос, разумеется, был совершенно излишним. Кто же еще в этом гулком полупустом доме мог поднять трубку в шесть двенадцать утра? Он не ответил. Дойл продолжал: — У нас тут труп обнаружился. На пустыре, где раньше известняк брали, — километрах в полтора на северо-восток от Маддингтона. Женщина. Молодая. По виду — удушение. Может, случай вполне ясный, но раз так близко...

— Хорошо. Еду.

В голосе инспектора не прозвучало ни нотки облегчения или благодарности. Впрочем, вполне естественно: разве доктор когда-нибудь отказывался приехать по вызову? Ему ведь и платят неплохо за эту его всегдашнюю готовность, да только деньги вовсе не единственное объяснение его крайней добросовестности. Он подозревал, что Доил относился бы к нему с большим уважением, если бы хоть изредка он проявлял несколько меньшую готовность явиться по первому зову. Да он и сам уважал бы себя чуть больше.

— Это будет первый съезд с дороги А-142 после Гиббетс-Кросса. Я там человека поставлю.

Керрисон положил трубку, спустил с кровати ноги и потянулся за карандашом и блокнотом — записать кое-что, пока детали свежи в памяти. Известняковая выработка. Скорее всего грязь, тем более что вчера прошел дождь. Окно было приотворено снизу. Он подтолкнул раму вверх, вздрогнув от ее громкого скрипа, и высунул голову наружу. С болот тянуло густым запахом осенней ночи, сильно и свежо пахла мокрая глинистая земля. Дождь перестал, по небу неслись серые тучи, а меж ними, словно обезумевший бледный призрак, мчалась луна. Мысленно он представил себе далеко протянувшиеся опустелые поля, полуразрушенные дамбы, а за ними — выбеленное луной пространство Уоша* и наползающую на песчаный берег пенную кромку Северного моря. Он мог даже вообразить, что ощущает в промытом дождем воздухе терпкий морской, отдающий лекарствами запах. Где-то там во тьме, окруженное атрибутами, типичными для сцены насильственной смерти, лежит мертвое тело. И мозг его послушно воспроизвел столь знакомую картину, неминуемо сопутствующую его профессиональным занятиям: фигуры людей, черными тенями передвигающихся позади ярко освещенной прожекторами площадки; аккуратно припаркованные в стороне полицейские машины; хлопа-

* Уош — узкий залив Северного моря на восточном побережье Англии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ные пластиковых заградительных щитов; обрывки фраз и отрывочные разговоры полицейских, поджидающих, когда же на дороге появится свет фар его автомобиля. Сейчас они уже поглядывают на часы, гадая, сколько времени ему понадобится, чтобы добраться до места.

Осторожно закрыв окно, он натянул брюки поверх пижамных штанов и просунул голову в тугий воротник водолазки. Потом взял фонарь, выключил лампу у кровати и стал осторожно спускаться по лестнице, нащупывая ногами ступени и держась поближе к стене, чтобы ни одна ступенька не скрипнула. Но из комнаты Элеанор не доносилось ни звука. Воображение опережало его шаги, мысленно он уже преодолел те десять метров — площадку и два лестничных пролета, — что отделяли его от комнаты дочери. Там, в глубине дома, спала шестнадцатилетняя Нелл — Элеанор. Сон девочки всегда был очень чуток. Поразительно, но, даже когда спала, она реагировала на звонок телефона. А ведь она никак не могла его слышать! Вот о трехлетнем Уильяме можно было не беспокоиться. Малыш как заснет, так и проспит без просыпа до утра.

Все, что он сейчас делал, как и все его мысли, шло по раз навсегда установившейся колее. Этот порядок никогда не менялся. Сначала Керрисон отправлялся в маленькую умывальную, что рядом с черным ходом. У входной двери стояли наготове резиновые сапоги: из высоких голенищ, словно обрубки ног, торчали толстые красные шерстяные носки. Закатав рукава до плеч, он облил холодной водой руки, а после, наклонившись пониже, окунул в раковину и голову. Он совершал этот акт омовения, словно священнодействуя, и вначале и после каждого выезда на место преступления. И давно перестал задаваться вопросом — почему? Это успокаивало и стало необходимостью, словно ритуальное действие в храме: краткое предварительное омовение — это освящение, конечное — не просто необходимая процедура, а словно отпущение грехов, будто, смывая со своего тела запах, характерный для его профессии, он мог очистить от него и свой мозг. Вода, выплес-

нувшись из раковины, залила зеркало, и, потянувшись за полотенцем, он увидел сквозь стекающие по стеклу струи собственное искаженное лицо: опавший рот, мокрые, словно морские водоросли, пряди черных волос наполовину скрывают опухшие глаза... Будто лицо всплывающего из-под воды утопленника. Им овладела предрассветная меланхолия.

«Через неделю мне стукнет сорок пять, — думал он, — а что в итоге? Вот этот дом, двое детей, неудавшийся брак и работа, которую так страшно потерять, ведь это единственное, в чем я добился успеха».

Старый пасторский дом, полученный в наследство от отца, не был заложен, так что здесь проблем не было. Зато нельзя этого сказать обо всем остальном в его полной тревожной жизни. Любовь, которой так ему не доставало, растущая потребность в ней, неожиданная и пугающая надежда на ее обретение — все это тяжким бременем легло на плечи. Даже его работа, эта часть жизни, где он мог с уверенностью продвигаться вперед, не была свободна от проблем.

Тщательно вытирая руки — каждый палец по очереди, — он снова ощутил, как возвращается застарелая, гнетущая, как злокачественная опухоль, тревога. Его все еще не назначили патологоанатомом Министерства внутренних дел после ушедшего на пенсию доктора Стоддарда, а ему очень хотелось получить эту должность. Официальное назначение дало бы ему больше денег. Полицейское управление уже пригласило его работать в этом качестве на условиях сдельной оплаты и платило вполне прилично за каждое обследование. Эти деньги вместе с гонорарами за коронерские аутопсии* давали ему такой доход, что это вызывало не только зависть его коллег в Отделении патанатомии Главной районной больницы, но и неприязнь к его непредсказуемым исчезновениям — выездам по полицейским вызовам на мес-

* Коронерская аутопсия — посмертное вскрытие, проводимое в присутствии коронера — должностного лица, обязанного разбирать дела о смерти при сомнительных обстоятельствах.

то преступления, на долгие судебные разбирательства, — к его неизбежной известности.

Да, это назначение было ему очень важно. Если министерство найдет другого кандидата, трудно будет объяснить Областному отделу здравоохранения, почему он постоянно работает на местную полицию на основе частного договора. К тому же нет уверенности, что полицейские власти захотят и дальше его использовать. Он сознавал, что он отличный судебный патанатом, надежный, обладающий высокой профессиональной компетенцией, предельно аккуратный и добросовестный. К тому же он никогда не теряет присутствия духа в суде. В полиции знали, что их тщательно выстроенные доказательства не рухнут, не разлетятся на куски под перекрестным огнем допроса, если свидетельские показания дает доктор Керрисон. Правда, иногда он подозревал, что его считают излишне принципиальным, чтобы чувствовать себя вполне комфортно с ним рядом. Ему явно не доставало легкости, способности устанавливать отношения чисто мужского приятельства, той смеси циничности и махизма*, которые так тесно связывали с полицейскими старика Стоддарда. Если им придется обходиться без него, вряд ли о нем будут сильно скучать и вряд ли они станут лезть из кожи вон, чтобы его при себе оставить.

Свет в гараже слепил глаза. Закатывающаяся наверх дверь послушно открылась, как только он коснулся кнопки, и поток света выплеснулся на гравий въездной аллеи, посеребрив взлохмаченную траву по обеим ее сторонам. Но этот свет все-таки не сможет потревожить Нелл — ее комната в задней части дома. Прежде чем включить мотор, он тщательно просмотрел карту. Маддингтон. Город на самой границе района, километрах в двадцати пяти к северо-западу отсюда. Меньше получаса езды в обе стороны, если все сложится удачно. Если специалисты из Лаборатории уже там — а Лорример, ведущий биолог, непременно являлся на место убийства, когда

* Махизм — преувеличенное утверждение или демонстрация собственной мужественности.

только мог, — в этом случае ему не так уж много останется делать. Допустим, час на все про все на месте убийства, тогда, если повезет, он вернется домой еще до того, как проснется Нелл. Ей даже и знать не надо, что он уезжал из дома. Керри-сон выключил свет в гараже. Осторожно, словно легкость его движений могла как-то утихомирить звук мотора, включил зажигание. «Ровер» медленно двинулся в ночную тьму.

ГЛАВА 2

Неподвижно застыв за оконной шторой на ближней ко входу лестничной площадке и прикрывая правой ладонью бледно светящийся огонек ночника, Элеанор Керри-сон увидела, как на въездной аллее вдруг вспыхнули красным хвостовые огни «ровера» — машина остановилась у ворот, а затем повернула налево и, набирая скорость, исчезла из вида. Девочка дождалась, пока отблеск фар окончательно не растаял во тьме. Потом отвернулась и пошла по темному коридору к спальне Уильяма. Она была уверена — малыш не мог проснуться. Сон его всегда являл собою неутоляемо плотское торжество забытья. А когда он спал, она знала — ему ничто не грозит, она может освободиться от вечной тревоги. Наблюдать, как малыш спит, доставляло ей такое наслаждение, вызывая смешанное чувство любви и жалости, что порой, боясь собственных мыслей, обуревавших ее по утрам, или — еще больше — ночных кошмаров, она относилась свой ночник в комнату брата и просиживала на полу у кровати целый час, а то и дольше, не отрывая глаз от его лица; покой малыша умерял ее собственное беспокойство.

Хотя Нелл знала — малыш не проснется, она поворачивала ручку двери с такой осторожностью, будто ожидала, что вот-вот прозвучит взрыв. Ночничок, ровно горевший в стеклянной плошке, оказался не нужен, его желтоватое сия-

ние растаяло в лунном свете, лившемся в ничем не занавешенные окна. Уильям, как в мешок упрятанный в замусоленный спальный комбинезон, лежал, как всегда, на спине, закинув обе ручонки наверх. Голова его завалилась набок, видно было, как на тонкой шейке бьется пульс, и шейка эта казалась такой хрупкой, что и не понять, как она выдерживает тяжесть его головы. Губы малыша слегка приоткрыты, но Нелл не смогла расслышать тихий шорох его дыхания. Она все смотрела, смотрела, и вдруг Уильям открыл ничего не видящие глаза, закатил их наверх и снова со вздохом закрыл их, опять погрузившись в сон, так похожий на смерть.

Нелл тихонько прикрыла за собой дверь и вернулась в свою комнату, соседнюю с комнатой брата. Стянув с постели пуховое одеяло, она набросила его на плечи и прошлепала босыми ногами через всю площадку. Поднялась по лестнице на самый верх. Тяжелые дубовые перила, часто усаженные медными шляпками гвоздей, изгибаясь, уходили вниз, в темноту холла. Доносившееся оттуда тиканье старинных напольных часов казалось неестественно громким, несущим в себе угрозу, словно тиканье часового механизма бомбы замедленного действия. В нос вдруг ударил запах старого дома — затхлый, как из давно забытого термоса, пропитанный ароматами скучных и плотных пасторских трапез. Поставив ночничок у стены, Нелл уселась на верхней ступеньке, завернувшись в одеяло так, что край его высоко горбился над плечами, и уперлась взглядом во тьму. Лестничная дорожка неприятно скребла босые ступни. Мисс Уиллард никогда не чистила ее пылесосом, жалуясь, что больное сердце не позволяет ей тащить пылесос со ступеньки на ступеньку, а отец, казалось, вовсе и не замечает, как обшарпан и грязен дом. Да и бывает он дома так редко. Неподвижно сидя в темноте, она думала об отце. Наверное, он уже приехал на место преступления. Конечно, все зависит от того, как далеко ему ехать. Если на самый край его района, то может не вернуться до самого ленча. Но на самом деле она надеялась, что он вернется до завтрака и найдет ее здесь,

одинокое скорчившуюся на верхней ступеньке, ждущую и испуганную, потому что он оставил ее одну. Он тихонько заведет в гараж машину, а дверь не закроет — побоится, что ее глухой стук разбудит дочь, потом, словно вор, прокрадется в дом через черный ход. Она услышит, как плещется вода в нижней умывалке, потом — его шаги по узорным плиткам холла. И тут он взглянет вверх и увидит ее. И взбежит по ступенькам, волнуясь за нее и в то же время боясь разбудить мисс Уиллард, а лицо его, когда он обнимет ее дрожащие плечи, вдруг станет совсем старым от усталости и тревоги.

— Нелл, моя родная, ты давно здесь? Зачем ты встала? Ты же замерзнешь! Ну что ты, девочка моя, теперь уже нечего бояться. Я же дома. Давай-ка я уложу тебя в постель и ты постарайся еще чуть-чуть поспать. А я приготовлю завтрак. Что, если я принесу его тебе в постель так через полчасика? Хочешь?

И он отведет ее в ее комнату, утешая и уговаривая, притворяясь, что не боится, не боится, что она начнет плакать и требовать мать, что появится мисс Уиллард, все осуждающая и вечно недовольная, и станет жаловаться, что ей не дают спать; не боится, что его непрочный быт развалится на куски и у него отберут сына. Вот Уильяма он по-настоящему любил, Уильяма боялся потерять. А добиться, чтобы по суду ему оставили Уильяма, не отдали малыша мамочке, он мог, только если с ним оставалась Нелл — помочь присматривать за братом.

Нелл думала о том, какой ее ждет день. Пятница — серый день. Не черный; когда она совсем не видит отца, но и не желтый, вроде воскресенья, когда он почти все время дома, если только его не вызовут. Утром, сразу после завтрака, он уедет в городской морг, на вскрытие. Будут еще и другие вскрытия — те, кто умер в больнице, старики, самоубийцы, жертвы катастроф. Но труп, который он, должно быть, уже сейчас осматривает, будет первым на секционном столе в морге. Убийство имеет приоритет над всем остальным. Разве не так всегда говорят в Лаборатории? Она раздумывала, правда, без большого интереса, над тем, что сейчас

мог делать отец с этим трупом, о котором она ничего не знает, — молодой это был человек или старый, мужчина или женщина? Но что бы отец ни делал, труп ничего не почувствует, ничего не будет знать. Мертвым уже не страшно, им уже нечего бояться и их бояться незачем. Только живые умеют причинять боль. И вдруг во тьме холла ожили две тени и Нелл услышала голос матери, визгливый и тонкий, пугающе незнакомый, напряженный, срывающийся и злой:

— Работа, работа, вечно эта чертова работа! И, Господи прости, нечего удивляться, что она тебе так хорошо удается. У тебя кишка тонка по-настоящему людей лечить. Один раз ошибся в диагнозе и струсил, не так ли? Не мог больше взять на себя ответственность за живых, за кровь, которая еще может литься, за нервы, которые еще могут чувствовать. Все, на что ты способен, — это в трупах копать. Тебе ведь так нравится, что все тебя ох как ценят, верно? Телефон звонит день и ночь, в любое время, полицейские тебя сопровождают повсюду. Тебе наплевать, что я тут гнию живо в этих проклятых Болотах*, вместе с твоими детьми. Ты даже не смотришь на меня больше, не видишь меня. Я показала бы тебе гораздо интереснее, если бы подохла и лежала у тебя на столе в морге. Тогда по крайней мере тебе пришлось бы обратить на меня внимание.

А потом — тихий, оправдывающийся голос отца, удрученный и жалкий. Нелл тогда слушала их, укрывшись в темноте, и ей хотелось крикнуть ему:

— Не так надо ей отвечать! Не надо показывать ей, что ты сдался! Разве ты не видишь, что так она еще больше станет тебя презирать?

Слова отца доносились до нее еле слышно, отрывочно:

— Это моя работа. То, что удастся мне лучше всего. Ничего другого я делать не умею. — И потом, гораздо яснее: — То, на что мы живем.

— Только не я! Я больше не желаю!

И грохот захлопнутой двери.

* Болота — низкая болотистая местность на востоке Англии.

Воспоминание было таким живым, что на мгновение ей показалось, она все еще слышит этот грохот. Шатаясь, Нелл поднялась на ноги, прижимая к себе одеяло, и уже раскрыла было рот, чтобы окликнуть их, но увидела, что холл пуст. Никого и ничего. Только размытые очертания дверного витража, сквозь который лился лунный свет, да тиканье часов, да пальто и куртки, свисающие с вешалки. Она тяжело опустилась на ступеньку.

И вдруг она вспомнила. Она же должна кое-что сделать. Сунув руку в карман халатика, она нащупала холодную, скользкую фигурку из пластилина — слеplенный ею образ доктора Лорримера. Осторожно высвободив фигурку из складок халата, девочка поднесла ее к огоньку ночника. Фигурка вышла не очень-то хорошо, а лицо доктора было облеплено пушинками — от кармана, и все же фигурка была в целости и сохранности. Нелл распрямила у фигурки длинные ноги и руки и плотнее прижала к ее голове черные нитки — волосы. Белый халат, выкроенный из старого носового платка, решила она, получился особенно удачно. Жалко, нельзя было использовать его собственный платок, прядь его настоящих волос. Фигурка эта была не просто доктор Лорример, который так дурно обошелся с нею и Уильямом, прямо-таки выставил их из Лаборатории. Фигурка символизировала всю Лабораторию Хоггата целиком.

Так. Теперь — убить ее. Нелл осторожно ударила фигурку головой о лестничную балясину. Но пластилин только расплющился, голова утратила былое сходство с Лорримером. Девочка осторожно выправила пальцами голову и поднесла ее к огню. Но запах был противный, и, кроме того, она боялась, что может вспыхнуть белый халат. Тогда она вонзила ноготь мизинца фигурке за левое ухо. Очень глубоко. До самого мозга. Вот так-то лучше. Она удовлетворенно вздохнула. Положив убитого на правую ладонь, Нелл сжала пальцы, смятая розовый пластилин вместе с белым халатом и нитяными волосами в один бесформенный ком. Потом, плотно закутавшись в одеяло, села и стала ждать зари.

ГЛАВА 3

Машину — зеленый «моррис-майнор» — столкнули с края неглубокой впадины посреди пустыря, и она, проехав какое-то расстояние, застыла на травянистой площадке метрах в трех от склона, словно неуклюжее животное, стремящееся зарыться в землю. Она так и стояла там, видимо, уже не первый год, ободранная мародерами, недозволенная игрушка местной ребятни, желанное укрытие для случайного бродяги — вроде того семидесятилетнего алкоголика, который и наткнулся на убитую. Два передних колеса были сняты, а ржавые задние, с насквозь прогнившими покрышками, прочно вросли в известняковую почву; покраска кузова облупилась, приборная доска и руль из машины исчезли. Дуговые лампы двух прожекторных установок, одна — сверху, прямо с «берега» выработки, другая — кое-как поместившись на самом краю впадины, безжалостно высвечивали неприглядность дряхлого остова. В их ярком свете, подумал Керрисон, этот остов похож на какую-то гротескную и претенциозную современную скульптуру, символически застывшую на грани мирового хаоса. Заднее сиденье, с набивкой, вылезавшей из-под искромсанного пластика, было выдрано из салона и брошено сбоку.

На переднем сиденье лежал труп молодой девушки. Ее ноги были благопристойно сжаты, остекленевшие глаза, казалось, хитро поглядывают из-под полуприкрытых век, не тронутые помадой губы обиженно опущены. Два тоненьких ручейка стекавшей вниз к подбородку крови удлиннили линию рта, отчего это лицо, при жизни, вероятно, вполне милостивое или, во всяком случае, по-детски ранимое, стало похожим на бессмысленно застывшее лицо старого клоуна. Тонкое пальцецо, явно слишком легкое для ноябрьской ночи, завернулось до самой талии. Девушка носила чулки, пряжки резинок впились в ее полные белые бедра. Подойдя поближе к убитой под пристальными взглядами Дойла и Лорри-

мера, Керрисон снова, как почти всегда случалось с ним на месте убийства, подумал, что все это выглядит нереально. Вся сцена показалась ему совершенно неуместной аномалией, настолько смехотворной, что он с трудом заставил себя подавить нервный смешок. Это чувство не было таким сильным, когда он видел труп, уже начинавший разлагаться. Тогда ему казалось, что кишачая червями гниющая плоть, обрывки разлезшейся одежды уже стали частью земного праха, вобравшего в себя мертвое тело, которое поэтому было не более противоестественным и страшным, чем горка компоста или кучка опавших листьев. Но сейчас, когда в этом безжалостном свете все цвета выступали особенно ярко, а очертания предметов высвечивались так четко, девушка казалась живой, одушевленной, абсурдно бурлескной, кожа ее бледного лица выглядела такой же ненатуральной, как грязный пластик сиденья, к которому она прижималась щекой. Невозможно было представить себе, что ей уже не помочь. И как всегда, ему пришлось побороть стремление прижаться ртом к ее рту и дать «поцелуй жизни» или ввести иглу в не остывшее еще сердце.

Керрисон было удивился, увидев на площадке Максима Хоурта, недавно назначенного директора Лаборатории судебной медицины, но потом вспомнил — тот как-то говорил, что собирается присутствовать при расследовании очередного дела об убийстве с начала и до конца. Очевидно, придется давать ему объяснения по ходу дела. Выбравшись наружу из открытой дверцы, Керрисон сказал:

— Смерть — почти наверняка — результат удушения руками. Незначительное кровотечение изо рта вызвано тем, что язык закусен между зубами. Удушение при помощи рук неминуемо означает убийство. Сама она не могла этого сделать.

Хоурт очень старался, чтобы голос его звучал нормально:

— Я ожидал бы увидеть более явные повреждения на шее.

— Так обычно и бывает. Ткани всегда оказываются повреждены, хотя степень повреждения зависит от положения нападающего и жертвы во время убийства, от того, каким

образом схвачена шея и какова сила сжатия. В данном случае я предположил бы наличие глубоких внутренних повреждений, но летальный исход в принципе может быть получен и при отсутствии множественных внешних признаков. Это случается, когда убийца не прекращает давления до наступления смерти: кровь перестает поступать в сосуды, а сердце перестает биться прежде, чем убийца уберет руки. Причина смерти — асфиксия, и следует ожидать наличия соответствующих признаков. В данном случае особенно интересен трупный спазм. Видите, она сжимает бамбуковую ручку своей сумки? Мускулы совершенно ригидны, это доказывает, что она сжала пальцы в самый момент или незадолго до наступления смерти. Мне раньше не приходилось видеть такой спазм в случаях удушения руками, так что это представляет особый интерес. Должно быть, смерть наступила необычайно быстро. Но все станет вам гораздо яснее, если вы будете присутствовать при аутопсии.

Разумеется, подумал Хоуарт, при аутопсии. Интересно, когда Керрисон предполагает заняться этим. Он вовсе не боялся, что сдадут нервы, только вот не подвел бы желудок. Жаль, что он уже пообещал прийти. Мертвым не дано права на личную тайну: самое большее, на что можно рассчитывать, — это некоторое уважение. Сейчас ему представлялось чудовищным, что завтра он, человек совершенно чужой, будет беспрепятственно разглядывать это обнаженное тело. Но на данный момент с него достаточно. Теперь он может отойти в сторону, не теряя лица.

Предраассветный промозглый воздух, казалось, стал еще холоднее; подняв воротник элегантного плаща, Хоуарт взобрался по склону впадины и остановился на краю. Взглянул вниз, на остов машины. Должно быть, вот так все выглядит на киносъемках: ярко освещенная площадка, томление в ожидании главных исполнителей, краткие минуты бурной деятельности, повышенное внимание к деталям. А тело девушки вполне могло оказаться телом актрисы, исполняющей роль убитой — симулирующей смерть. Он прямо-таки

ожидал, что вот-вот кто-то из полицейских бросится поправлять ей прическу.

Ночь подходила к концу. За его спиной небосклон уже посветлел, и пустырь, ранее казавшийся бесформенной грудой тьмы, опрокинувшейся на кочковатую землю, стал приобретать форму и очертания. На западе вырисовывались строения, скорее всего микрорайон, застроенный муниципальными домами: аккуратный ряд одинаковых крыш и под ними квадратные отрезки тьмы, кое-где прорезанной желтыми квадратиками меньшего размера — в некоторых окнах уже загорался свет. Немощеная дорога, по которой ночью его машина пробиралась, трясаясь и подсакивая, серебрившаяся во мгле и усыпанная камнями, странная и чуждая в ярком свете фар — как лунный пейзаж, теперь тоже обрела форму и направление и выглядела вполне обыденно. Окружающее утратило всякую таинственность. Местность — всего-навсего бесплодный, заросший низким кустарником пустырь меж двумя городскими окраинами, замусоренный и обсаженный по краям редкими деревьями над неглубокой канавой. Хоуарт знал — в канаве этой затхлая вода, заросли чертополоха по склонам, гниющие отбросы, а деревья над ней изранены вырезанными в коре инициалами, обломанные нижние ветви их беспомощно свисают над водой. Здесь была городская ничейная земля, территория, вполне подходящая для убийства.

Ошибкой было явиться сюда; он должен был бы понять, что роль пассивного наблюдателя всегда недостойна. На самом деле нет ничего более деморализующего, чем стоять без дела и смотреть на людей, демонстрирующих свою профессиональную компетентность. Керрисон, этот любитель мертвечины, прямо-таки принохивался к трупу; молчаливых фотографов интересовала только освещенность да ракурсы; инспектор Дойл, этот импресарио смерти, наконец-то впервые возглавивший расследование убийства, весь напрягся от сдерживаемого возбуждения, словно ребенок, получивший новую игрушку на Рождество... Когда ждали Керрисона, Дойл даже

расхохотался от всей души, да так громко, что слышно было на всю площадку. А Лорример? Прежде чем дотронуться до трупа, он коротко перекрестился. Жест был таким укромным и точным, что Хоуарт мог бы его и не заметить; но он привык присматриваться ко всему, что делал Лорример. Никого другого этот эксцентричный поступок, по всей видимости, не удивил. Может быть, все к этому привыкли. Доменика не говорила ему, что Лорример — человек верующий. Впрочем, сестра вообще ничего не говорила ему о своем любовнике. Даже не сказала, что между ними уже все кончено. Но в последний месяц достаточно было только взглянуть Лорримеру в лицо, чтобы догадаться. Лорример! Его лицо, его руки... Странно, раньше он никогда не замечал, какие длинные у него пальцы, как мягко и осторожно Лорример прикрепляет полиэтиленовые мешки к рукам убитой, чтобы, как он тусклым голосом пояснил, добросовестно исполняя роль инструктора, сохранить вещественные доказательства, которые могли оказаться у нее под ногтями. Он взял образец крови из нухлой безжизненной руки, так осторожно нащупывая иглой вену, будто девушка все еще могла вздрогнуть от укола.

Руки Лорримера. Хоуарт запретил воображению рисовать мучительные, жестокие своей однозначностью картины. Никогда раньше он не испытывал такой неприязни к возлюбленным Доменики. Никогда не ревновал сестру к ее покойному мужу. Ему казалось вполне естественным, что она может снова захотеть выйти замуж, точно так же, как она могла от скуки или в неожиданном порыве приобретательства захотеть купить себе меховую шубку, а то и новые драгоценности. Ему в свое время даже понравился Чарлз Шофилд. Почему же тогда, с самой первой минуты, мысль о Лорримере в постели сестры была ему невыносима? Впрочем, Лорример никак не мог оказаться в ее постели, во всяком случае, не в Лимингсе. И он снова задумался о том, где же они могли встречаться, как удалось Доменике завести нового любовника втайне от всех — ни в Лаборатории, ни в деревне никто ничего не знал. Как они могли встречаться? Где?

Разумеется, все началось с той провалившейся затее с обедом, год тому назад. Тогда казалось совершенно естественным и приличествующим случаю отпраздновать получение директорского поста, устроив небольшой вечер для руководящего состава Лаборатории у себя дома. Он хорошо помнил — обед начался с дыни, за нею последовал бефстроганов, затем — салат. Они оба — и Доменика, и он сам — любили хорошую еду, сестра даже любила иногда эту еду готовить. Он открыл для гостей коллекционный кларет 1961 года: и он, и Дом любили именно это вино, и ему не пришлось в голову подать гостям что-либо подешевле. Оба они переоделись к обеду — это вошло у них в привычку. Приятно было сохранять определенный стиль, наряжаясь к обеду, тем самым отделяя рабочую часть дня от проводимых вдвоем вечеров. Он же не виноват, что Билл Морган, исследователь транспортных средств, решил явиться в рубашке апаш и вельветовых брюках: ведь и Дом, и ему было совершенно наплевать, как одеты их гости. Если Билл Морган почувствовал себя не в своей тарелке из-за каких-то совершенно несущественных вкусовых пристрастий, ему следует либо научиться менять костюмы, либо обрести больше уверенности в отношении собственной эксцентричности в одежде.

Хоуарту и в голову не могло прийти, что шестеро руководящих сотрудников Лаборатории, неловко сидящие за его столом и не утратившие эту неловкость даже после выпитого вина, усмотрят в этой затее изощренную гастрономическую шараду, цель которой — продемонстрировать его социальное и интеллектуальное превосходство. Во всяком случае, Пол Миддлмасс, главный научный сотрудник, заведующий Отделом по исследованию документов, оценил вино, то и дело подтягивал к себе бутылку через весь стол и наполнял свой бокал, не сводя с хозяина ироничных, с ленцою, глаз. А Лорример? Лорример практически ничего не ел и еще меньше пил, чуть ли не с раздражением отодвинув свой бокал и устремив горящий взгляд огромных глаз на Доменику так, будто никогда в жизни не видел женщины.

Это-то, судя по всему, и было началом. Как это развивалось, как они продолжали встречаться, как все кончилось, Доменика так ему и не сказала.

Званный обед оказался не только личным, но и публичным фиаско. Интересно, думал он, чего же эти руководящие сотрудники ожидали? Вечеринки с обильными возлияниями в отдельном кабинете паба «Простофиля»? Или бесплатного угощения в поселковом клубе для всех сотрудников Лаборатории, включая уборщицу миссис Бидуэлл и старика Скоби — служителя? Что он станет со всеми вместе отплясывать «Матушку Браун» («раз-два, выше коленки, выше коленки, раз-два-три!») в до отказа набитом пабе? Конечно, они могли считать, что инициатива должна исходить с их стороны. Но тогда следовало признать, что существуют две стороны. По установившейся традиции само собой разумелось, что Лаборатория — вся целиком — идет в одной упряжке, взнузданной общей целью, а вожжи, не слишком натягивая, но твердой рукой держит директор. Эта идея вполне удачно работала у Браша. Но там он руководил научно-исследовательской лабораторией, занимавшейся общей научной темой. А как прикажете управлять «упряжкой», когда твои сотрудники заняты десятком самых разных тем, используют собственные подходы и методы и сами отвечают за полученные результаты? В конце концов, каждому из них приходится в одиночку защищать свою правоту там, где только и может по-настоящему оцениваться качество работы ученого-судмедэксперта: на свидетельском месте в судебном заседании. Нет на свете другого такого места, где человек чувствовал бы себя более одиноким. А он, Хоуарт, сам в этой роли никогда не бывал.

Он знал, что старый доктор Мак, его предшественник, время от времени брал расследование какого-нибудь дела в свои руки — чтобы не утратить сноровки, как он говорил. Он чуть ли не бегом отправлялся на место преступления, с удовольствием приносиваясь к полузабытым запахам, словно старая гончая, и в конце концов появлялся на свидетель-

ском месте таким библейским пророком. Судьи приветствовали его суховатыми, чисто судейскими комплиментами, а члены местного совета шумно поздравляли его потом в баре, как старого завсегдатая пирушек, которого всем так недоставало и который так неожиданно к ним вернулся. Но все это было не в его, Хоуарта, стиле. Его назначили руководить этой Лабораторией, и он будет руководить ею по-своему. Сейчас, пытаясь в холодном свете зари заглянуть в собственную душу, он мрачно задумался о причинах, побудивших его проследить за расследованием этого убийства с начала и до конца, от вызова на место преступления до самого суда. Было это решение вызвано желанием все увидеть собственными глазами или всего лишь стремлением произвести впечатление? Или, хуже того, попыткой расположить к себе своих сотрудников, продемонстрировать, как он ценит их знания и опыт, как хочет идти с ними в одной упряжке? Если так, то ему следует добавить еще один неверный шаг к суровому подсчету совершенных им со времени нового назначения ошибок.

Похоже было, что на площадке дело идет к концу. Застывшие пальцы убитой осторожно отцепили от ее сумочки, и теперь Дойл, надев резиновые перчатки, выкладывал содержимое сумочки на полиэтилен, расстеленный на капоте машины. Хоуарт смог разглядеть что-то, по форме похожее на кошелек, тюбик губной помады, сложенный вчетверо листок бумаги. Скорее всего любовное письмо, полученное этой несчастной. Интересно, а Лорример писал Доменике письма? Хоуарт всегда первым оказывался у двери, когда приходила почта, и сам относил сестре письма. Возможно, Лорример знал об этом. Но ведь он просто должен был ей писать. Нужно же было как-то назначать свидания. Лорример вряд ли рискнул бы звонить из Лаборатории в рабочие часы или даже вечером из дома, когда Хоуарт мог взять трубку.

На площадке готовились увозить труп. Перевозка подъехала поближе к впадине, и теперь санитары устанавливали

носилки на место. Из полицейского фургона вытаскивали пластиковые щиты — огораживать место убийства. Скоро здесь соберется кучка досужих зрителей; взрослые станут отгонять любопытных ребятишек; явятся фоторепортеры. Хоуарт видел, как чуть поодаль, спинами к нему, сблизив черноволосые головы, беседуют Лорример и Керрисон. Дойл, захлопнув свой блокнот, наблюдал за переносом тела так, словно опасался, что этот драгоценный экспонат вот-вот разобьют. Свет нарастал.

Он дождался, пока Керрисон взберется к нему по склону, и они вместе направились к стоящим в стороне машинам. По дороге Хоуарт задел ногой жестянку из-под пива, она со звоном подкатилась к останкам детской коляски и ударилась о железную раму с грохотом пистолетного выстрела. Хоуарт вздрогнул.

— Ну и местечко, — произнес он раздраженно. — Господи, надо же в таком месте умереть! Где мы, в сущности, находимся? Я-то ведь ехал вслед за полицейскими машинами.

— Это место здесь называют «меловое поле». Тут до недавнего времени брали известняк. Добывать его здесь начали еще в средние века. Во всей округе не найти другого камня для строительства, так что здесь все строят из туфа — местные называют его мелом. Даже церкви внутри им отделывают. Например, придел Богоматери в Или. Почти у каждой деревни был меловой карьер. Теперь, правда, они заросли. Некоторые очень красивы весной и летом — настоящие оазисы зелени и цветов.

Керрисон сообщил все это тусклым голосом, словно добросовестный гид, наизусть затвердивший официально одобренный текст. Вдруг он покачнулся и ухватился за дверцу своей машины. «Болен? — подумал Хоуарт. — Или утомлен до предела?» Но патанатом выпрямился и с натужной бодростью произнес:

— Аутопсию проведу завтра утром, в девять. В больнице Святого Луки. Вахтер вам объяснит, как пройти. Я его предупреджу.

Заставив себя улыбнуться, он кивнул на прощание, опустился на сиденье машины и захлопнул дверцу. «Ровер» медленно, подпрыгивая на камнях и ухабах, стал выбираться на дорогу.

Хоуарт вдруг заметил, что Дойл и Лорример стоят рядом с ним. Дойл был возбужден до предела. Обернувшись, он посмотрел вдаль, через меловое поле, на ровную линию домов: теперь их стены из желтоватого камня и подслеповатые окна были вполне различимы.

— Он сейчас где-то там. Может, в постели лежит. То есть, конечно, если он не один живет. Не очень-то хорошо, если ты слишком рано на ногах оказался, верно ведь? Не-ет, он будет лежать и раздумывать, как бы ему себя пообыкновеннее вести; будет поджидать, когда незнакомая машина к дому подъедет, когда в дверь позвонят. Ну, конечно, если он один, тогда все по-другому. Будет в потемках бродить да решать, сжечь ему костюм свой или нет, да грязь с ботинок отскрести. Да только все ему никак не отскрести. Следы все равно останутся. И топки такой большой, чтоб костюм сжечь, у него все равно нет. А если б и была, что он скажет, когда мы у него костюм этот потребуем? Так что, может, он ничего такого и не делает вовсе. Лежит и ждет. Он же всю прошлую ночь не спал. Да теперь ему еще долго спать не придется.

Хоуарта подташнивало. Накануне он пообедал слишком рано и не слишком сытно, и теперь был голоден. Тошнота на голодный желудок особенно неприятна. Тщательно следя за своим голосом, чтобы не выказать ничего, кроме обычной заинтересованности, он спросил:

— Так вы полагаете, случай достаточно ясный?

— В случае бытовых убийств все бывает довольно ясно. А я так считаю, что это — убийство бытовое. Девочка замужняя, корешок билета на танцы в Оддфеллоуз*, и письмо в сумке с угрозами, если, мол, она другого парня в покое не

* Оддфеллоуз (от англ. oddfellows — чудаки) — общество взаимопомощи с тайным ритуалом масонского типа, имеющее сеть клубов в сельской местности.

оставит, то... Чужак про это место и не знал бы. А и знал бы, так она с ним ни за что бы сюда не пошла. А по ее виду судить, так они вполне уютно тут устроились, перед тем как он ее за горло схватил. Вопрос только в том, вместе они с танцев ушли или он раньше и здесь ее дождался.

— И вам известно, кто она такая?

— Пока нет. Дневничка в сумке нету. Такие, как она, дневничков не ведут. Но я выясню — через полчаса.

Доил повернулся к Лорримеру:

— Вещдоки будут в Лаборатории к девяти или около того. Вы первым делом ими займетесь?

Лорример ответил довольно резко:

— Первым делом. Вы же знаете, убийство имеет приоритет над всем остальным.

Довольный, даже торжествующий смешок Доила действовал Хоуарту на нервы.

— Слава Богу, хоть что-то у вас имеет приоритет! Вы и так затянули с делом Гаттериджа. Я вчера был в Отделе биологических исследований, и Брэдли сказал, что докладная еще не готова. Он, мол, работает на защиту. Мы, конечно, все знаем про эту лажу, что, мол, Лаборатория от полиции независима, я и сам это всегда готов повторять где надо. Да только старик Хоггат ее создавал как полицейскую лабораторию, такой она и остается. Так что давайте сделайте все по-срочному, будьте добреньки. Я хочу этого парня горяченьким взять, как можно скорее.

Доил тихонько покачивался с носка на пятку и улыбался, подняв лицо к разгорающейся заре, радостно принюхиваясь к утренним запахам, словно охотничий пес в азарте гона. Как странно, думал Хоуарт, он вовсе и не слышит холодной угрозы в тоне Лорримера.

— Лаборатория Хоггата время от времени действительно проводит исследования для защиты, если нас об этом просят и если вещественные доказательства правильно упакованы и должным образом переданы в Лабораторию. Такова принятая в Отделе практика. Но мы не являемся полицей-

ской лабораторией, хотя вы и можете приходить туда и уходить, когда вам заблагорассудится, как на свою собственную кухню. И в этой моей Лаборатории я решаю, что имеет приоритет, а что нет. Вы получите заключение не раньше, чем оно будет готово. И между прочим, если у вас имеются вопросы, извольте обращаться ко мне, а не к моим подчиненным. И пока вас не пригласили, держитесь от моей Лаборатории подальше.

Не дожидаясь ответа, Лорример пошел к своей машине. Дойл смотрел ему вслед, сердитый и растерянный.

— Черт возьми! Его Лаборатория! Какая муха его укусила? Он в последние дни дергается, как сука во время течки. Того и гляди к психоаналитику угодит или загремит прямо в психушку, если в руки себя не возьмет.

— Он тем не менее прав, — холодно ответил Хоуарт. — Любые запросы, относящиеся к работе его Отдела, должны направляться к нему, а не к его сотрудникам. А когда кто-то захочет войти в Лабораторию, принято просить разрешения.

Дойл почувствовал себя уязвленным и нахмурился. Лицо его застыло, стало жестким. Хоуарт испытал замешательство, разглядев едва сдерживаемую агрессивность под маской привычного добродушия.

— Старый доктор Мак всегда приветствовал появление полицейских в своей Лаборатории, — сказал Дойл. — У него было такое странное представление, что Лаборатория и существует-то для того, чтоб полиции помогать. Но если мы у вас нежеланные гости, поговорите с начальством. Не сомневаюсь, оно выдаст необходимые инструкции.

Инспектор повернулся на каблуках и направился к машине, не дожидаясь, пока Хоуарт ответит.

«Черт бы побрал этого Лорримера, — подумал Хоуарт. — Все, к чему он имеет хоть малейшее касательство, идет у меня наперекосяк».

Он прямо-таки физически ощутил прилив столь яростной ненависти, что тошнота подступила к самому горлу. Если бы только это Лорример лежал мертвым на дне мелового

карьера! Если бы это его труп оказался завтра утром на фаянсовом покрытии лабораторного стола во время аутопсии! Хоуарт понимал, что с ним происходит. Диагноз был настолько же прост, насколько унижен: тот самовозгорающийся жар в крови, что так долго и обманчиво дремлет, никак не проявляясь, и вдруг вспыхивает обжигающим, мучительным огнем. Ревность. У нее те же, чисто физиологические симптомы, что у страха: та же сухость во рту, то же гулко бухающее сердце, волнение, лишаящее покоя и аппетита. И теперь, на этот раз он, знал — его болезнь неизлечима. Не имело значения даже то, что роман давно закончился, что Лорриммер тоже страдает. Разумные доводы здесь не помогали, и он подозревал, что не помогут ни расстояние, ни время. Покончить с этим могла лишь смерть — Лорриммера или его собственная.

ГЛАВА 4

В половине седьмого утра в фасадной спальне дома № 2 по улице Акейша Клоус, что в Чевিশеме, проснулась Сюзан Брэдли, жена старшего научного сотрудника Отдела биологических исследований. Ее приветствовал чуть слышный, жалобный плач их двухмесячной дочки, требовавшей первого в этот день кормления. Сюзан включила ночник — розовый свет лампы под оборчатый шелковый абажуром, протянула руку за халатиком и, босая и сонная, прошла в ванную — дверь туда открывалась прямо из спальни, а потом — в детскую. Это была маленькая, чуть больше телефонной будки, комната в задней части дома, но когда Сюзан зажгла низковольтный — специально для детской — светильник, она снова, в который уже раз, ощутила прилив материнской собственнической гордости. Даже в утренней тяжелой полудреме одного взгляда на детскую было достаточно, чтобы

придать Сью бодрости и улучшить настроение. Здесь было все, что нужно: кресло для кормления младенца, на спинке кресла — орнамент из танцующих зайчиков; такой же орнамент у стола для пеленания, в столе — ящики для детских вещичек; плетеная кровать, которую она обшила изнутри ситчиком в белых, розовых и голубых цветочках, под стать оконным занавескам; яркий бордюр из фигурок героев детских сказок и стихов, которым Клиффорд украсил стены.

При звуке ее шагов плач усилился. Она подняла из кровати теплый, пахнувший молоком кокон и заворковала успокаивающе. Плач немедленно прекратился, и влажный ротик Дебби, раскрываясь и закрываясь, словно у рыбки, отыскал сосок; крохотные сморщенные кулачки высвободились из одеяла, раскрылись, пальчики ухватились за смятую ночную сорочку матери. В книжках пишут, что сначала надо ребенка перепеленать, но у Сюзан не хватало духа заставлять Дебби ждать. К тому же была и другая причина: стены новых домов такие тонкие, она не хотела, чтобы плач разбудил Клиффа.

Неожиданно Клифф появился в дверях детской. Он слегка покачивался, расстегнутая пижама на груди раскрыта. Сердце у Сюзан упало. Она постаралась, чтобы ее голос звучал бодро, будто ничего не случилось:

— Я так надеялась, что она тебя не разбудила, дорогой. Но ведь уже больше половины седьмого. Она проспала больше семи часов. Явно поправляется.

— Я все равно не спал.

— Отправляйся-ка в постель, Клифф. Можешь еще часок поспать.

— Я не могу спать.

Он оглядел детскую, озадаченно хмурясь, будто его огорчило, что здесь нет еще одного стула. Сюзан сказала:

— Принеси табурет из ванной. И надень халат, ты простудишься.

Клиффорд поставил табурет у стены и скорчился там, сердитый и несчастный. Сюзан подняла голову — она сиде-

ла, прижавшись щекой к теплой, пушистой головке дочери. Маленькое курносое существо, пивкой присосавшееся к ее груди, сжимало и разжимало пальчики в эйфории наслаждения. Сюзан убеждала себя, что должна сохранять спокойствие, ведь нельзя допустить, чтобы ее нервы и мышцы сейчас снова напряглись от привычной боли и беспокойства. Все говорят, это очень плохо для молока.

— Что-нибудь не в порядке, дорогой? — спокойно спросила она.

Но она знала, что именно не в порядке. Знала, что он ответит. И почувствовала до сих пор незнакомую и пугающую неприязнь к нему: ведь он не дает ей спокойно покормить Дебби! И пижаму не может застегнуть. Сидит там сторбившись, полуголый... Распустился. «Что это со мной делается», — подумала она. Она никогда раньше так к нему не относилась. До рождения Дебби.

— Я больше не могу. Не могу сегодня пойти в Лабораторию.

— Ты болен?

Но она знала — он не болен. Пока еще не болен. Только это обязательно случится, если все оставить, как есть, с Эдвином Лорримером. Ее охватил давний страх — предчувствие надвигающейся беды. В книгах пишут о черном бремени беспокойства, и это правда, именно так она и ощущала это бремя — постоянную физическую тяжесть, словно давящую на плечи ноту, гнетущую сердце, лишаящую радости, и даже — подумала она горько — губящую счастье, которое дает им Дебби. Может быть, со временем это бремя погубит и их любовь. Сюзан молча прижала к себе другую, теплую и маленькую, ношу, устроила девочку поудобнее у себя на руках.

— Придется бросить эту работу. Все бесполезно, Сью. Я больше не могу. Он меня до того довел, что я и вправду стал таким ничтожеством, каким он меня считает.

— Но, Клифф, ты же знаешь, что это неправда. Ты прекрасный работник. В старой лаборатории никто никогда не мог на тебя пожаловаться.

— Я тогда ведь не был старшим научным. Лорример считает, что меня и не следовало повышать. Он прав.

— Он не прав. Дорогой, не позволяй ему лишить тебя уверенности. Это тебя погубит. Ты — надежный и добросовестный судебно-медицинский биолог. И тебя не должно беспокоить, что ты работаешь не так быстро, как другие. Это совершенно не важно. Доктор Мак всегда говорил: самое важное — это точность и аккуратность. Ну и что, если работа занимает у тебя больше времени? Ты же всегда в конце концов получаешь правильный ответ.

— Теперь не всегда. Теперь я даже простой тест с пероксидозой четко сделать не могу. Стоит ему подойти ко мне на метр-полтора, у меня руки трястись начинают. Я только что закончил исследование пятен на молотке — по делу Паско, о подозрении в убийстве. Так сегодня Лорример останется в Лаборатории, чтобы снова все перепроверить. И он обязательно доведет до сведения всей Лаборатории, почему он это делает.

Сюзан знала — Клифф не умеет противостоять грубости и сарказму. Может, из-за отца. Сейчас, после инсульта, старик парализован, и, наверное, ей следует испытывать к нему жалость, ведь он прикован к больничной койке, лежит недвижимый, словно срубленное дерево, подбородок дрожит, говорить не может, только злые глаза впиваются с бессильной яростью то в одно склоненное над ним лицо, то в другое. Но из того немногого, что мог порой обронить Клифф, выходило, что старик был ему плохим отцом. Нелюбимый и неудачливый школьный учитель, он возлагал ничем обоснованные надежды на своего сына. А сын смертельно его боялся. Клифф больше всего нуждается в любви и поддержке. Ну и что, если он никогда не поднимется выше старшего научного? Кого это интересует? Он такой добрый, такой любящий. Так заботится о ней и Дебби. Он ее муж, и она его любит. Только он не должен уходить из Лаборатории. Разве он сможет найти другую работу? Какую? Ничего другого он делать не умеет. В Восточной Англии полно безработных, как и во всех других местах. А им надо выплачивать взносы

за дом, и счета за электричество огромные — из-за отопления: на этом не сэкономишь, ведь Дебби нужно тепло. И за спальный гарнитур, купленный в рассрочку... Даже в детской мебель еще не полностью оплачена. Сюзан хотела, чтобы у Дебби было все новое и красивое, пришлось истратить последние сбережения.

— А ты не можешь обратиться в Организационный отдел с просьбой о переводе? — спросила она.

Отчаяние, звучавшее в его голосе, надрывало ей сердце:

— Никто не захочет меня взять, если Лорример скажет, что я ни на что не годен. Он, похоже, самый лучший судмедбиолог в округе. И если он решил, что я ничтожество, значит, я — ничтожество.

Вот и это тоже стало ее раздражать — раболепное преклонение жертвы перед своим угнетателем. Порой, ужасаясь собственной нелояльности, она начинала понимать, почему доктор Лорример так презирает ее мужа.

— Почему бы тебе не поговорить с директором? — спросила она.

— Поговорил бы, если бы доктор Мак не ушел. А Хоурту все равно. Он же у нас новичок. Ему ни к чему ссориться с руководящими сотрудниками, особенно сейчас, когда Лаборатория готовится к переезду в новое здание.

Тут она вспомнила про Миддлмасса, заведующего Отделом по исследованию документов. Она работала у него в Отделе младшим научным до того, как вышла замуж. Она и Клиффа встретила в Лаборатории Хоггата. Может, Миддлмасс сумеет что-нибудь сделать для них, поговорить с Хоуртом, использовать свое влияние в Орготделе. Она не вполне представляла себе, как он сумеет им помочь, но потребность довериться кому-то была совершенно непреодолима. Так больше просто нельзя. Клифф сорвется. Как только она будет справляться с ребенком и больным мужем, притом что их будущее совершенно не обеспечено? Но мистер Миддлмасс, конечно, сможет что-то сделать. Сюзан верила в него — ей необходимо было верить. Она взглянула на Клиффа.

— Не надо так волноваться, дорогой. Все будет хорошо. Мы что-нибудь придумаем. Ты иди сейчас на работу, а вечером мы все обсудим.

— Да как? Ведь твоя мать к ужину собиралась приехать.

— Значит, поговорим после ужина. Она должна успеть на автобус в семь сорок пять. Тогда и поговорим.

— Я больше так не могу, Сью.

— И не надо. Я что-нибудь придумаю. Все уладится. Обещаю тебе, дорогой. Все будет хорошо.

ГЛАВА 5

— Мам, а ты знала, что каждый человек уникален?

— Конечно, знала. Это каждому понятно. Ведь кого ни возьми — существует только один такой. Ты — это ты. Я — это я. Передай папе джем и вынь свой рукав из масленки.

Бренда Придмор, недавно получившая должность секретаря-регистратора в Лаборатории Хоггата, подтолкнула джем на другую сторону стола и принялась аккуратно, тоненькими ломтиками срезать белок с яйца, оттягивая — по детской еще привычке — решительный момент явления сверкающего желтизной купола, в который она с наслаждением погрузит свою вилку. Однако сегодня этот увлекательный ритуал совершался полуавтоматически. Мысли ее были заняты треволениями и открытиями, связанными с первой в жизни работой.

— Я хотела сказать — уникален биологически. Инспектор Блейклок, помощник сотрудника по связям с полицией, объяснил, что каждый человек имеет уникальные отпечатки пальцев и что на земле не может быть двух совершенно одинаковых типов крови. Если бы у ученых хватало нужной аппаратуры, они смогли бы их все один от другого отличить,

эти типы крови. Ну, он считает, что такой день не за горами. Судебный ученый-серолог сможет определенно сказать, откуда кровь, даже если пятна уже высохли. Труднее всего с засохшей кровью. А если кровь свежая, мы гораздо больше можем выяснить.

— Интересную работку ты себе выбрала. — Миссис Придмор снова наполнила фаянсовый чайник из того, что кипел на плите, и вернулась на свое место за столом.

Кухня старой фермы, с кретоновыми занавесками в ярких цветах, все еще скрывавшими окна, наполнилась домашним теплом и уютом. Пахло подогретыми хлебцами, жареным беконом и крепким, душистым чаем.

— Не могу сказать, чтоб мне все это так уж нравилось, — продолжала она. — Ведь тебе приходится принимать и регистрировать куски трупов и окровавленную одежду. Надеюсь, ты тщательно моешь руки перед уходом домой?

— Ну, мам, все совсем не так! Все вещдоки прибывают в пластиковых мешках, и к ним инд... идентификационные бирки привешены. И нам надо ужасно тщательно следить, чтоб на все ярлыки правильно наклеить и правильно все в журнал записать. Все дело в неразрывности улики, инспектор Блейклок называет это «целостность отбора». И нам никогда не присылают куски трупов.

Вдруг ей вспомнились запечатанные бутылки и колбы с содержимым желудков, тщательно иссеченными тканями печени и кишок: если подумать, ничуть не более страшные, чем экспонаты в школьной лаборатории по естествознанию. И она поспешно поправилась:

— Ну, присылают, конечно, но не в том виде, как вы думаете. Все вскрытия делает доктор Керрисон. Он — судебный патанатом при Лаборатории. И конечно, некоторые органы присылает к нам на анализ.

Еще ей вспомнилось, как инспектор Блейклок рассказывал, что в лабораторном рефрижераторе как-то хранилась целая голова. Но про это уж никак нельзя было маме говорить. Она даже жалела, что инспектор ей самой про это рас-

сказал. С тех пор рефрижератор, приземистый и сверкающий, как хирургически стерильный саркофаг, приобрел в ее глазах какую-то зловещую притягательность. А миссис Придмор с радостью ухватила за знакомое имя.

— Думается мне, я знаю, кто такой доктор Керрисон. Это ведь он живет в старом пасторском доме в Чевিশеме, рядом с церковью, да? От него еще жена сбежала. С доктором каким-то, из его же больницы. И детей двух ему оставила: дочку — очень странная девочка, скажу я вам, и сынишку — бедный малыш, мне так его жалко. Помнишь, Артур, сколько об этом разговоров было?

Муж не ответил. Да она и не ждала, что он ответит. В доме существовал молчаливый уговор, что за завтраком беседу ведут только женщины, не вмешивая в нее Артура Придмора. Бренда с удовольствием продолжала просвещать родителей:

— Научные исследования в области судебной медицины не только помогают полиции установить, кто виновен. Мы помогаем снять обвинения с невиновного. Почему-то все об этом забывают. Вот в прошлом месяце к нам пришло дело — я, конечно, не могу назвать имена — шестнадцатилетняя девочка из церковного хора обвинила vicария в изнасиловании. Так вот он оказался невиновным.

— Еще бы он оказался виновным! В изнасиловании! Подумать только!

— Но его дело казалось совсем безнадежным. А ему очень повезло. Потому что он — выделитель.

— Господи, это еще что такое?

— А у него группа крови может определяться по любой жидкости, которую его организм выделяет. Это не у всех людей бывает. Так что наш биолог смог сделать анализ его слюны и сравнить его группу крови с пятнами, которые остались у жертвы на...

— Бренда, не во время же завтрака, будь добра!

Бренда, чей взгляд как раз уперся в круглое молочное пятно на скатерти, и сама уже подумала, что завтрак не са-

мое подходящее время для изложения недавно приобретенных знаний о том, как расследуется дело об изнасиловании. Она перешла к более безопасной теме:

— Доктор Лорример — главный научный сотрудник, он у нас заведует Отделом биологических исследований, — говорит, что мне следует позаниматься и сдать экзамен на аттестат зрелости повышенного уровня. Тогда я смогла бы получить должность ассистента научного сотрудника. Он считает, я способна на большее, чем секретарская работа. А когда я получу должность ассистента, я уже буду вроде как научный работник и смогу расти. Он говорит, некоторые самые знаменитые судмедэксперты именно так и начинали. Он обещал составить мне список литературы. А еще он говорит, что не видит, почему бы мне нельзя было пользоваться лабораторным оборудованием, если надо будет лабораторные работы делать.

— А я и не знала, что ты в Биологическом отделе работаешь.

— А я там не работаю. Я почти всегда в регистратуре, с инспектором Блейклом, только иногда помогаю в Общей канцелярии. Мы с ним разговорились, когда я целый день в его Лаборатории провела — сверяла с его сотрудниками докладные для суда, и он был так со мной любезен. У нас многие его не любят. Говорят, он слишком строгий. А я думаю, он просто очень стеснительный. Он мог бы стать нашим директором, да только МВД его обошло и доктора Хоурта назначили.

— Он вроде тобой очень заинтересовался, этот мистер Лорример.

— Доктор Лорример, мам.

— Ну, пусть будет доктор Лорример. Только зачем ему надо, чтоб его доктором звали, мне никак не понять. К вам же в Лабораторию больные на прием не ходят.

— У него докторская степень, мам. Он доктор философии.

— Вон оно что. А я-то считала, он науками занимается. Во всяком случае, ты будь с ним поосторожней.

— Ну что ты, мам, что за глупости! Он же старый. Ему уже лет сорок, а может, и больше. Мам, а ты знала, что наша Лаборатория — самая старая научно-исследовательская лаборатория судебной медицины в Англии? В каждом графстве есть такая, только наша — самая первая. Полковник Хоггат ее открыл в 1860 году, в своем Чевишемском поместье. Он тогда был главным констеблем. А перед смертью завещал поместье своему Угро. Судебная медицина тогда только зарождалась — так инспектор Блейклок говорит, — и полковник Хоггат был чуть ли не первым главным констеблем, который понял, какие у нее возможности. У нас в вестибюле его портрет висит. И только наша Лаборатория называется по имени основателя. Поэтому в министерстве и согласились оставить нам это имя, когда мы в новое здание переедем. Другие отделения Угро — Северо-западное, Столичное и какие там еще — посылают вещдоки в свои региональные лаборатории. Но в Восточной Англии всегда говорят: «Лучше отправить это к Хоггату».

— Лучше бы тебе самой отправиться к Хоггату, если хочешь попасть туда к восьми тридцати. И не вздумай выбрать короткий путь, через новую Лабораторию. Здание и наполовину не готово, это небезопасно — ведь утром еще темно. Можешь в подвал провалиться, или кирпич на голову упадет. Не-ет, на стройке всегда опасно, это все знают. Вспомни, что случилось с твоим дядюшкой Уиллом!

— Да ладно, мам. Нам все равно не разрешают через стройку ходить. И потом, я же на велосипеде. Это мои бутерброды или папины?

— Конечно, твои. Ты же знаешь, папа всегда обедает дома по пятницам. Бутерброды с сыром и помидорами, а еще я тебе крутое яйцо положила.

Бренда помахала рукой на прощание, а миссис Придмор вернулась к столу выпить вторую чашку чаю. Посмотрела на мужа.

— Я думаю, не так уж плохо, что она себе такую работу нашла?

Когда Артур Придмор снисходил до застольной беседы, он высказывался авторитетно, тоном судьи: ведь он был управляющим у мистера Боулема и церковным старостой местного храма. Он положил вилку.

— Работа у нее хорошая. Ей повезло, что она получила это место. Ведь туда много девчонок из средней школы хотели попасть, так? Она у нас теперь государственный служащий, верно? Положение твердое. А посмотри, сколько она получает? Больше, чем свинарь на ферме. И пенсия ей обеспечена. Она разумная девочка, с ней все будет в порядке. А у нас тут не очень-то много возможностей для девочек, у которых аттестаты не повышенного уровня. И ты сама была против, чтобы она работу в Лондоне искала.

Да уж, это точно. Миссис Придмор вовсе не хотела отпускать Бренду в Лондон, чтобы она там стала легкой добычей для грабителей, террористов из ИРА и тех, кого в газетах называли странным словом «наркота». Ни один из ее нечастых и небогатых событиями, но вполне благополучных визитов в столицу: в театр — с экскурсией Женского института* или за покупками — не смог пошатнуть ее уверенности, что Ливерпуль-Стрит** — темный и полный опасностей вход в городские джунгли, где хищники, вооруженные бомбами и шприцами, скрываются в закоулках на каждой станции метро, а соблазнитель расставляют ловушки для наивных провинциалок в каждой конторе. Бренда — красивая девочка, думала ее мать. И нет смысла закрывать глаза на то, что внешностью она пошла в родню с материнской стороны, хотя мозги у нее, конечно, отцовские. Так что миссис Придмор не собиралась подвергать девочку лондонским соблазнам. Бренда сейчас «ходит» с Джералдом Боулемом, младшим сыном мистера Боулема, у которого служит ее отец,

* Женский институт — женская организация, способствующая регулярным встречам женщин сельских районов для общений, занятий ремеслами, культурной и общественной деятельностью.

** Ливерпуль-Стрит — пригородный железнодорожный вокзал в Лондоне.

и если все пойдет, как идет, спору нет, это будет очень неплохой брак. Ему, конечно, не видать главной фермы, но неподалеку, в Уизбиче, у Боулемов есть очень миленькая небольшая усадьба, которую мальчик и получит. Так что миссис Придмор не видела смысла во всех этих разговорах про экзамены и карьеру. Работа в Лаборатории и так прекрасно Брендe подходит, пусть она за нее и держится, пока замуж не выйдет. Только очень жаль, что там, куда ни кинь, все кровь да кровь.

— Конечно, все это ее очень увлекает. Все ей внове. Ну только я скажу, какая разница — эта работа или другая какая? Большую часть времени тоже скука одна. Не думаю, что с нашей Брендой что-нибудь такое уж страшное может в Лаборатории Хоггата случиться.

Такую беседу о первой работе их единственной дочери они вели уже не в первый раз: повторение привычных доводов утешало и успокаивало обоих. Мысленно миссис Придмор следовала за дочерью, пока та энергично крутила педали своего велосипеда: вот ее велосипед подскакивает по проселку между равнинными полями мистера Боулема и выбирается на Тенпенни-роуд, мимо коттеджа миссис Баттон, где в детстве Брендe угощали рисовыми лепешками и домашним лимонадом; проезжает через дамбу Тенпенни-Дайк, где она до сих пор летом собирает первоцветы-баранчики, потом сворачивает направо, на шоссе Чевишем-роуд, и мчит по прямой целых три километра, мимо владений капитана Мэсси, и въезжает в Чевишем. Тут уж она наизусть каждый метр знает, все тут знакомо, никаких тебе опасностей, можете быть уверены. И даже Лабораторию Хоггата, хоть там кровь, хоть не кровь, знают в Чевишеме больше семи десятков лет, а само поместье Хоггата — Чевишем-Мэнор — простояло тут почти втрое дольше. Ничего такого уж страшного в этой Лаборатории с Брендой не может случиться. Миссис Придмор, вполне успокоившись, раздвинула занавески на окнах и с удовольствием принялась за третью чашку чаю.

ГЛАВА 6

Без десяти девять почтовый фургон подъехал к Спроггову коттеджу на окраине Чевишема, чтобы доставить письмо. Письмо было адресовано мисс Стелле Моусон, Лавандовый коттедж, Чевишем, но почтальон был человек здешний и разница в названии коттеджа его не смущала. Целых четыре поколения Спроггов жили здесь раньше, и крохотная треугольная лужайка перед домом всегда звалась Спрогговым лужком. Новый владелец, пристроив к коттеджу гараж, современную кухню и ванную, решил отметить эту метаморфозу, насадив вокруг дома зеленую изгородь из кустов лаванды и изменив название. Но местные жители сочли новое название всего лишь чудной прихотью чужака, которую вовсе ни к чему признавать, а тем более использовать. Лавандовая изгородь, как бы из сочувствия к их точке зрения, не смогла пережить первую же местную зиму, и Спроггов коттедж остался Спрогговым коттеджем.

Анджела Фоули, в свои двадцать семь лет личный секретарь директора Лаборатории Хоггата, взяла конверт. Уже по качеству бумаги, по профессионально отпечатанному адресу и лондонской марке она тотчас же догадалась, что это за письмо. Этого письма они и ждали. С конвертом в руке Анджела прошла на кухню, где завтракала вместе с подругой, и молча протянула ей письмо. Внимательно следила за выражением ее лица, пока та читала. Подождав с минуту, спросила:

— Стелла? Ну, что?

— То, чего мы боялись. Он больше не может ждать. Ему нужно побыстрее продать дом, и у него имеется приятель, которому этот коттедж может пригодиться — выходные проводить. Как постоянные съемщики, мы имеем право первого выбора, но к следующему понедельнику он должен знать, интересуется нас его предложение или нет.

Стелла перебросила листок через стол Анджеле. Анджела с горечью откликнулась:

— Интересует? Разумеется, интересуется! Он и сам это прекрасно знает. Мы ему несколько недель назад дали знать, что ищем деньги под закладную.

— Ну, это просто у юристов жаргон такой. На самом деле его поверенный просто хочет выяснить, готовы мы купить коттедж или нет. А у нас ответ может быть только один — не готовы.

Арифметика тут простая. Нечего было и обсуждать. Владелец запрашивал шестнадцать тысяч фунтов. Ни один банк, дающий ссуды под закладные, куда бы они ни обращались, не давал больше десяти. Обе вместе они сэкономили чуть больше двух тысяч фунтов. Для первого взноса не хватало четырех. А время поджимало, и эти четыре достать было так же невозможно, как если бы им недоставало сорока.

Анджела сказала:

— Меньше он, наверное, ни за что не возьмет?

— Нет. Мы ведь уже пробовали. Да и с чего бы вдруг? Полностью обновленный коттедж семнадцатого века, с тростниковой крышей. Да мы и сами его улучшали, насадили сад. Глупо было бы отдать дом дешевле, чем за шестнадцать, даже постоянно живущим съемщикам.

— Но, Стар, мы же и есть постоянно живущие! Ему придется сначала выселить нас!

— Только по этой причине он и ждет так долго. Знает, в наших силах ему все осложнить. Но я вовсе не собираюсь жить тут, зная, что нас едва терпят, что в конце концов все равно придется съехать. Я не смогу писать в таких условиях.

— Но нам ведь не собрать четыре тысячи за неделю! И кредит в банке не взять — при том, как обстоят сейчас дела, даже если бы...

— Если бы у меня книга должна была выйти в этом году. Но она не выйдет. И то, что я зарабатываю своими писанинами, едва покрывает мою часть расходов на жизнь. Ты очень тактично ни словом об этом не обмолвилась.

Но она и не собиралась этого говорить. Стелла не из тех писателей, что работают как конвейер, выпуская одну книгу за другой. И нельзя рассчитывать, что ее книги принесут много денег. Как это сказал один из недавних рецензентов? «Изошренная наблюдательность в сочетании с элегантною, глубоко эмоциональною и многосмысленною прозою». Неудивительно, что Анджела может наизусть цитировать все рецензии, хоть порой и задумывается над тем, что же в них на самом деле имеется в виду. Ведь именно она так аккуратно и тщательно наклеивает их на страницы альбома для вырезок, который Стелла так подчеркнуто презирает! Она смотрела, как подруга ходит взад-вперед по кухне: голова опущена, руки глубоко засунуты в карманы домашнего платья, шаг — напряженно крадущийся... Эту ее манеру ходить они меж собой называли «тигриной охотой». Потом Стелла сказала:

— Как жаль, что этот твой кузен такой неприятный. Можно было бы попросить у него взаймы. Он легко обошелся бы без такой суммы.

— Но я ведь уже обращалась к нему. Не из-за дома, конечно. Я уже как-то просила его одолжить мне денег.

Смешно, до чего трудно ей было признаться в этом. В конце концов, Эдвин действительно ее кузен. Она вправе была у него попросить. И кроме того, это же были деньги ее собственной бабушки! И непонятно, почему Стар сердится. Временами Анджела совсем не страдала, когда Стелла сердилась. Иногда даже нарочно провоцировала эти вспышки гнева, ожидая — возбужденно и полувиновато — взрыва горечи и отчаяния. В такие моменты она чувствовала себя не столько жертвой, сколько привилегированным зрителем, еще более наслаждаясь неминуемым раскаянием и сладостью примирения. Но сейчас, впервые за все время, она ощутила холодок настоящего страха.

— Когда?

Отступать было некуда:

— В прошлый вторник. Вечером. После того как ты решила, что нам следует отменить заказ на мартовскую поездку в Венецию — из-за разницы в курсах валют. Я хотела, чтоб это был подарок тебе ко дню рождения. Поездка в Венецию.

Анджела рисовала себе эту сцену. Как она протягивает Стар билеты и гостиничные квитанции, вложенные в огромную поздравительную открытку. Как Стар пытается скрыть удивление и восторг. Как они вместе сидят над картами и путеводителями, планируя маршруты на каждый восхитительный день. Увидеть впервые в жизни ни с чем не сравнимый собор Святого Марка с западной стороны площади. Стар читала ей Раскина — описание этого вида: «Бесчисленные колонны и белые купола, образующие удлинённую пирамиду красочного света». Вместе стоять на Пьяцетте ранним утром, глядя через сверкающие воды на Сан у Джорджо Маджоре. Мечта. Такая же хрупкая, как и сам этот разрушающийся город. Но надежда на ее исполнение стояла того, чтобы сделать усилие над собой и попросить Эдвина одолжить им деньги.

— И что же он ответил?

Не оставалось ни малейшей возможности смягчить жестокий отказ и стереть из памяти всю унижительную сцену.

— Он ответил — нет.

— Я полагаю, ты объяснила ему, зачем тебе эти деньги? Тебе ни на минуту не пришло в голову, что мы уезжаем отсюда, чтобы побыть наедине, что наш отпуск — это наше личное дело, и мне может быть унижителен тот факт, что я не могу позволить себе поехать с тобой в Венецию даже на десять дней, даже в комплексное турне, и что Эдвину об этом известно.

— Я ему не сказала! — Анджела отрицала обвинение со всей страстностью, на какую была способна: ее испугал вдруг охрипший голос подруги и к глазам подступили жгучие слезы. Как странно, думала она, что только я способна плакать. Из них двоих Стар была самой эмоциональной, самой стра-

стной. Но Стар никогда не плакала. — Я ничего ему не сказала. Только — что мне нужны деньги.

— Сколько?

Она заколебалась. Может, лучше солгать? Но она никогда не лгала Стелле.

— Пятьсот фунтов. Я подумала, уж если ехать, то чтобы все было, как надо. И сказала ему, что мне очень нужны пятьсот фунтов.

— Так что неудивительно, что на этот неопровержимый довод он ответил отказом. Что он конкретно сказал?

— Только то, что наша бабушка очень определенно выразила в завещании свои намерения и он не собирается действовать им вопреки. Тогда я сказала, что все эти деньги все равно отойдут ко мне после его смерти... То есть ведь он мне сам так сказал, когда прочли завещание... И что тогда будет слишком поздно — я буду уже старая. Или умру раньше его. И что важно то, что сейчас. Но я ему не сказала, зачем мне эти деньги. Клянусь тебе.

— Клянешься? Зачем так драматично? Мы же не в суде! А что он еще сказал?

Если бы только Стар перестала ходить взад-вперед, обернулась бы и взглянула на нее, если бы перестала допрашивать этим ледяным инквизиторским тоном! Следующую часть разговора было еще труднее передать. Она и самой себе не могла объяснить почему, но ей так хотелось выбросить это из головы, хотя бы на миг. Когда-нибудь, в подходящий момент, она об этом обязательно рассказала бы. Она никогда не предполагала, что ее принудят к откровенности так неожиданно и жестоко.

— Ну, он сказал, чтобы я не рассчитывала на его завещание. Он сказал, у него могут появиться новые обязательства. «Обязательства» — именно это слово он употребил. И если они появятся, завещание потеряет силу.

Стар резко повернулась и теперь смотрела прямо на нее.

— Новые обязательства? Женитьба! Ну, это совершенно смешотворно! Он — женится! Этот выщелоченный педант,

этот самовлюбленный ханжа! Да способен ли он добровольно коснуться живого тела — кроме своего собственного? Зло, совершаемое в одиночку, тайные мазохистские грешки — вот все, что доступно его пониманию. Нет, зло — это, пожалуй, слишком для него сильно. Он — и женитьба? А ты не думаешь... — Она вдруг смолкла.

Анджела сказала:

— Он ничего не говорил о женитьбе.

— А зачем говорить? Что иное может автоматически сделать уже написанное завещание утратившим силу? Если не написано новое? Женитьба отменяет прежние завещание. Ты разве не знала?

— Ты хочешь сказать, как только он женится, я утрачиваю право наследования?

— Да.

— Но это же несправедливо!

— С каких это пор жизнь стала отличаться справедливостью? Разве справедливо, что ваша бабушка оставила все деньги ему, так как он — мужчина, вместо того чтобы разделить их между вами поровну? Понятно, она придерживалась старого предрассудка, что женщины не должны обладать деньгами. Справедливо, что ты — всего лишь секретарь в Лаборатории Хоггата, потому что никто не позаботился дать тебе образование получше? И вовсе несправедливо, если уж мы заговорили об этом, что тебе приходится материально поддерживать меня.

— Я тебя не поддерживаю. Наоборот — во всех отношениях, кроме самого несущественного, ты поддерживаешь меня.

— До чего же унижительно — после смерти стоить больше, чем при жизни! Если бы у меня разорвалось сердце — нынче вечером — у тебя все сразу уладилось бы. Ты смогла бы получить мою страховку и купить этот дом. И остаться тут. Банк дал бы тебе кредит сразу, как стало бы известно, что ты моя наследница.

— Зачем мне тут оставаться без тебя? Не хочу.

— Ну, если бы тебе пришлось отсюда уехать, моя смерть по крайней мере дала бы тебе возможность самой устроить свою жизнь так, как ты захочешь.

Анджела выкрикнула, протестуя:

— Я никогда ни с кем не смогу жить вместе, кроме тебя! И я не хочу жить нигде в другом месте — только здесь, в этом доме. И ты прекрасно это знаешь. Потому что здесь мы — дома!

Здесь они были дома. Это был ее — единственный за всю жизнь — дом. Не нужно было приглядываться, чтобы с поразительной ясностью разглядеть каждый знакомый и любимый предмет из тех, что ее здесь окружали. Ночью, лежа в постели, Анджела могла вообразить, как она уверенно проходит по всему дому, любовно касаясь то одной, то другой вещи, радуясь самой мысли о том, какие — обоюдные — воспоминания связаны с ними, черпая в этих воспоминаниях поддержку. Вот два викторианских цветочных горшка — глазурированные, на одинаковых подставках из дерева: их они отыскивали в Рядах, в Брайтоне, в какой-то из выходных. Пейзаж маслом — Уикенские Болота, — восемнадцатый век: неразборчивая подпись художника, которую они пытались рассмотреть даже под микроскопом, позволила им провести столько счастливых мгновений в самых невероятных догадках. Французский меч в узорных ножнах, обнаруженный на деревенской распродаже, висел теперь у них над камином. Дело было не просто в том, что все это — их, их собственное: дерево, фарфор, картины, столовое и постельное белье — все это были символы их жизни вместе. Этот коттедж, эти их вещи означали, что они — вместе, украшали и придавали реальность их совместному существованию так же, как цветы и кустарник, насаженные ими в саду, ограждали подопечную им территорию — территорию взаимного доверия.

Вдруг с неизъяснимым ужасом ей вспомнился часто повторяющийся кошмарный сон. Они обе стоят лицом друг к другу, в какой-то мансарде. Голые стены в пятнах от снятых картин, доски пола неприятно шероховаты под босыми но-

гами. Обе они обнажены — двое чуждых друг другу людей, голых, в голой пустыне. Она пытается протянуть руки к Стелле, коснуться ее пальцев, но не может приподнять чудовищно распухшие, тяжелые комья плоти, в которые обратились ее предплечья и кисти. Дрожь, сотрясшая тело, вернула Анджелу в реальность, в холодное осеннее утро, ко все еще звучащему голосу подруги.

— Сколько же оставила ваша бабушка? Ты говорила, но я не помню.

— Около тридцати тысяч, кажется.

— А он, разумеется, ничего из этой суммы не потратил. Живет со стариком отцом в жалком домишке при мельнице. Даже мельницу не подновил. Им обоим его зарплаты за глаза хватит, не говоря уже о пенсии, которую старик получает. Лорриммер ведь старший научный, да? Сколько ему платят?

— Он главный научный сотрудник. Тарифная ставка — до восьми тысяч.

— О Господи! Да он больше за один год получает, чем я — за четыре романа! Ну, я думаю, если он из-за пяти сотен уперся, то уж с четырьмя тысячами вряд ли расстанется, тем более что высоких процентов мы ему никак предложить не можем. Пожалуй, я решусь сама с ним поговорить.

Разумеется, Стелла просто ее поддразнивала, но Анджела слишком поздно догадалась об этом и не смогла скрыть охватившей ее паники:

— Нет, Стар, прошу тебя! Ни за что!

— Ты и в самом деле его так ненавидишь?

— Не ненавижу, нет. Он мне безразличен. Просто я не хочу быть ему ничем обязана.

— Так и я этого не хочу. Ты и не будешь ему ничем обязана.

Анджела вышла в переднюю и вернулась, надевая пальто.

— Я опоздаю в Лабораторию, если задержусь хоть на минуту. Жаркое — в духовке. Постарайся не забыть включить

духовку в половине шестого. И не трогай регулятор. Я убавлю огонь, когда вернусь.

— Мне думается, я справлюсь.

— Я беру с собой бутерброды, так что к ленчу домой не приду. В холодильнике — ветчина и салат. Тебе этого хватит, а, Стар?

— Не беспокойся, как-нибудь выживу.

— То, что я вчера отпечатала, — в папке. Но я не перечитывала.

— Ай-яй-яй, как нехорошо!

Стелла проводила подругу до двери.

— Я не удивлюсь, если в Лаборатории все думают, что я тебя эксплуатирую.

— В Лаборатории никто о тебе ничего не знает. И мне безразлично, что они там думают.

— А Эдвин? Он тоже думает, что я тебя эксплуатирую? Или — что он вообще думает обо мне?

— Я не желаю о нем говорить.

Анджела накинула шарф на белокурые волосы. В древнем зеркале с рамой из резных ракушек она увидела себя и Стеллу, с лицами, искаженными дефектом в стекле: зеленовато-карие, огромные глаза Стеллы расплылись, словно мазки влажной краски, заполнив глубокие впадины между носом и ртом, а ее собственный широкий лоб выпукло выпятился, как у ребенка-гидроцефала.

— Интересно, что бы я почувствовала, если бы Эдвин вдруг на этой неделе умер? — сказала она. — Сердечный приступ, автомобильная катастрофа, кровоизлияние в мозг...

— Жизнь вовсе не так удобно устроена.

— Смерть тоже. Стар, ты ответишь сегодня этому поверенному?

— Он не ждет ответа раньше понедельника. Я могу просто позвонить ему в Лондонскую контору в понедельник утром. Так у нас будет еще пять дней. За пять дней всякое может случиться.

ГЛАВА 7

— Но они же точь-в-точь как мои — штанишки эти! У меня точно такая же пара! Я их у «Маркса и Спенсера» купила, в Кембридже, с первой зарплаты!

Было десять тридцать пять утра, и Бренда Придмор за регистрационным столом в дальней части главного вестибюля Лаборатории следила широко распахнутыми глазами, как инспектор Блейклок придвигает поближе полиэтиленовый мешок с наклейкой. Прибыли первые вещественные доказательства по делу об убийстве в меловом карьере. Бренда осторожно провела пальцем по прозрачному пластику, сквозь который были ясно видны скомканные трусики с пятнами в промежности. Констебль-детектив, доставивший вещдоки, сказал, что девушка эта была на танцах. Странно, думала Бренда, как это она не позаботилась надеть чистое белье? Может, она была не очень опрятна? Или слишком спешила и ей некогда было переодеться? А теперь ее самые сокровенные одежды, которые она так бездумно надела в день смерти, будут разглаживать чужие руки, их будут пристально рассматривать в ультрафиолетовых лучах, а может, даже, тщательно описанные и снабженные новыми ярлыками, они будут переданы в руки судей и присяжных Королевского суда.

Бренда сознавала, что теперь никогда уже не сможет надеть свои трусики — теперь их прелесть для нее навсегда омрачена воспоминанием о незнакомой убитой девушке. Может быть, они обе выбирали их вместе, в одном и том же магазине, в один и тот же день. Бренда хорошо помнила радость первой траты первых самостоятельно заработанных денег. Это было в субботу, во второй половине дня, и в отделе дамского белья была настоящая давка; множество рук, наталкиваясь друг на друга, перебирали трусики. Ей больше всего понравилась пара с рассыпью розовых, машинной вышивки цветочков по всему переду. И этой незнакомой девушке — тоже. Может быть, их руки даже соприкоснулись, выбирая...

— Инспектор! — воскликнула Бренда. — Смерть — это ведь ужасно, правда?

— Ужасно убийство. Смерть — нет. Во всяком случае, не больше, чем рождение. Одно ведь не может существовать без другого, иначе нам всем не хватило бы места. Я так думаю, что не слишком буду волноваться, когда мое время придет.

— Но ведь полицейский, который вещдоки доставил, сказал — ей было всего восемнадцать. Как мне!

Блейклок готовил папку с бумагами для нового дела, аккуратно перенося туда все детали из полицейского протокола. Голова его, с коротко стриженными волосами, так напоминаясь сухую стерню, низко склонилась над страницей, и Бренда не видела его лица. Тут она вспомнила — ей ведь говорили, — что он совсем недавно потерял единственную дочь. Ее сбила машина, а подлец-водитель умчался, даже не остановившись. Бренда пожалела, что начала этот разговор. Вспыхнув, она отвела глаза.

Но когда Блейклок заговорил, голос его звучал очень ровно:

— Да, бедная девочка. Наверное, водила его за нос. Ничему их не научишь. Что там у тебя?

— Пакет с мужскими вещами. Костюм, ботинки, нижнее белье. Как вы думаете, это вещи главного подозреваемого?

— Скорее всего это вещи ее мужа.

— А что по ним можно доказать? Ее ведь задушили, разве нет?

— Точно никто не скажет, пока мы не получим заключения доктора Керрисона. Но обычно исследуются вещи главного подозреваемого. Может остаться след крови, песчинка или кусочек земли, краска, крохотные волокна с одежды жертвы, даже след ее слюны. Или еще — она могла быть изнасилована. Весь этот узел отправится в Отдел биологических исследований, в поисковую лабораторию, вместе с одеждой жертвы.

— Но ведь полицейский ничего не сказал об изнасиловании! И мне кажется, вы сказали, это вещи ее мужа?

— Слушай-ка, не надо тебе об этом беспокоиться. Надо научиться быть отстраненной — так, кажется, говорят? Вроде врача или медсестры.

— А судебные медики? Они тоже так к этому относятся?

— Скорее всего. Это же их работа. Они не думают о жертвах и подозреваемых. Над этим полицейские голову ломают. А наших интересуют только научные факты.

Он, конечно, прав, думала Бренда. Она вспомнила, как всего лишь три дня назад, когда старший научный сотрудник Отдела по исследованию орудий и инструментов разрешил ей заглянуть в огромный электронный микроскоп-сканер, она увидела, как изображение крохотного кусочка замазки мгновенно разрослось в сверкающий экзотический цветок. Ученый объяснил ей:

— Это — кокколит, увеличенный в шесть тысяч раз.

— Это — что?

— Скелет микроорганизма, жившего в древних морях, на месте которых и отложился мел, использованный в этой замазке. Эти скелеты отличаются друг от друга — в зависимости от того, из какого карьера брали мел. По ним можно отличить один образец замазки от другого.

Бренда тогда воскликнула:

— Но он такой красивый!

Ученый сменил ее у окуляра и сказал:

— И правда, смотрится очень мило.

Однако Бренде уже тогда стало ясно, что сама-то она пыталась заглянуть на миллионы лет назад, в то время как ученый думал лишь о крохотном соскобе замазки с ботинка подозреваемого: этот след мог доказать, что подозреваемый и в самом деле насильник или убийца. И все же, подумала она тогда, его и это вовсе не волнует. Правильный ответ — вот все, что его заботит. И не имело смысла спрашивать его, не кажется ли ему, что все в жизни объединено единой целью, что животное — такое крохотное, не видимое невооруженному глазу — погибло миллионы лет назад в морских глубинах, а теперь усилиями ученых воскрешено, чтобы до-

казать вину или невиновность человека. Как странно, размышляла она, что ученые так редко бывают верующими: ведь сама их работа открывает им мир, такой замечательно разнообразный и в то же время такой единый и цельный. Известно было, что из сотрудников Лаборатории Хоггата только доктор Лорример регулярно посещает церковь. Интересно, можно будет у него спросить про Бога и кокколиты? Сегодня утром он был очень добр с ней, когда стало известно про это убийство. Он приехал в Лабораторию поздно, около десяти, и выглядел ужасно усталым — ведь он провел ночь на месте убийства. Он подошел к регистрационному столу взять личную почту. И сказал ей:

— Сегодня утром вам придется принимать вещдоки по первому для вас делу об убийстве. Не нужно из-за них расстраиваться, Бренда. Есть только одна смерть, которой следует бояться, — наша собственная.

Очень странно, что он так сказал. Странно, что выбрал такой способ ее успокоить. Но он, конечно, прав. И она вдруг обрадовалась, что инспектор Блейклок сам оформил всю документацию по делу об убийстве в меловом карьере. Теперь, если только правильно повести себя, владелица запачканных трусиков так и останется для Бренды неизвестной, безымянной, просто номером в серии экспонатов Биологического отдела, обозначенным на папке из желтоватого картона. Мысли ее нарушил голос инспектора Блейклока:

— Ты подготовила к отправке те заключения для суда, что мы с тобой вчера сверяли?

— Да, я их все в журнал занесла. Я хотела спросить у вас: почему все официальные показания для суда имеют шапку «Акт об уголовном судопроизводстве тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года, разделы два и девять»?

— Это установленный законом документ, подтверждающий полномочия на дачу письменных показаний при оформлении ордеров на арест или представляемых в Королевский суд. Ты можешь посмотреть разделы два и девять в нашей библиотеке. До этого акта лабораториям приходилось, прямо

сказать, ой как туго: ведь все показания судмедэксперты должны были давать устно! Но учти, те эксперты, которые обязаны появляться в суде, до сих пор тратят значительную часть времени в судебных процессах. Защита вовсе не всегда принимает научные доказательства. Это очень трудная часть работы, гораздо труднее, чем сам анализ: приходится стоять на свидетельском месте, в полном одиночестве, отстаивая результаты анализа при перекрестном допросе. Если ученый не может выстоять на свидетельском месте, вся работа, которую он так тщательно проделал за лабораторным столом, идет насмарку.

И Бренда вспомнила, что говорила ей миссис Моллет: водитель, убивший дочку Блейклока, был оправдан потому, что судмедэксперт сломался при перекрестном допросе. Что-то такое было связано с анализом кусочков краски от машины, обнаруженных на дороге. Как страшно, должно быть, потерять единственного ребенка. Вообще потерять ребенка. Наверное, это самое худшее, что может с человеком случиться. Неудивительно, что он такой молчаливый. Когда полицейские приходят и начинают свои громогласные шуточки отпускать, он только улыбнется им по-доброму, и все.

Она бросила взгляд на лабораторные часы на стене напротив. Десять сорок пять. Вот-вот появятся слушатели Курсов по расследованию на месте преступления. Сегодня у них лекция по сбору и хранению научных доказательств. Краткий период затишья скоро кончится. Интересно, что подумал бы полковник Хоггат, если бы мог сегодня посетить свою Лабораторию. И Бренда снова, далеко не в первый раз, взглянула на его портрет, висевший рядом с кабинетом директора. Даже со своего места в глубине зала она могла рассмотреть золотые буквы на раме:

**ПОЛКОВНИК УИЛЬЯМ МЕЙКПИС ХОГГАТ
КАВАЛЕР ОРДЕНА «КРЕСТ ВИКТОРИИ»**

ГЛАВНЫЙ КОНСТЕБЛЬ, 1894—1912

**ОСНОВАТЕЛЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ**

Он стоял посреди комнаты, которая и до сих пор использовалась как библиотека; его румяное лицо, с усами и бакенбардами, казалось суровым под гордым плюмажем шляпы; туго затянутый мундир, весь в шнурах и медалях, украшен рядом золоченых пуговиц. Одна властная рука легко, словно пастырское благословение, возложена на старомодный микроскоп, блистающий медью. Но грозный взгляд его глаз устремлен вовсе не на это последнее достижение науки: он устремлен прямо на Бренду. И под этим осуждающим взглядом, призывающим к исполнению долга, она принялась за работу.

ГЛАВА 8

К двенадцати часам в кабинете директора закончилось совещание старшего научного состава. Обсуждали, какая мебель и какое оборудование потребуются для нового здания Лаборатории. Хоуарт вызвал секретаршу привести в порядок стол заседаний. Он смотрел, как мисс Фоули вытряхивает и протирает пепельницу (сам он не курил, и запах сигаретного пепла был ему неприятен), собирает экземпляры поэтажных планов Лаборатории и разбросанные по столу ненужные бумаги. Со своего места за столом он мог рассмотреть сложные геометрические фигуры, которые вычерчивал во время заседания Миддлмасс, и копию повестки дня, залитую кофе и скомканную Биллом Морганом, завотделом по исследованию транспортных средств.

Он смотрел на молодую женщину, на ее ловкие и уверенные движения, и думал, что же кроется за этим необычайно широким лбом за чуть косо поставленными, загадочными глазами. Ему очень недоставало его прежней помощницы — секретаря-референта Марджори Фарэкер, недоставало гораздо больше, чем он ожидал. Это даже неплохо и несколько побавит ему спеси, решил он удрученно, что ее преданность

оказалась не настолько глубокой, чтобы заставить ее покинуть Лондон и последовать за ним на Болота. Неожиданно для него обнаружилось, что у Марджори есть собственная личная жизнь. Как все хорошие секретарши, она обладала — или хотя бы успешно делала вид, что обладает, — некоторыми идеализированными качествами жены, матери, любовницы, наперсницы, служанки и друга одновременно, не имея ни намерения, ни надежды стать тем или другим. Она льстила его самолюбию, оберегала от мелких неприятностей и забот, с материнской ворчливостью охраняла его покой и с бесконечным тактом добивалась того, чтобы он всегда знал все, что ему следовало знать о происходящем в его Лаборатории.

Хоуарт не мог пожаловаться на Анджелу Фоули. Она была более чем компетентной стенографисткой и дельным секретарем. Ничто и никогда не оставалось несделанным. Вся загвоздка была в том, что — он чувствовал это — для нее он как бы не существовал; его авторитет, его власть, которым она так мягко подчинялась, были для нее тем не менее лишь чем-то вроде фарса. То, что она двоюродная сестра Лорримера, не имело к этому никакого отношения. Хоуарт никогда не слышал, чтобы она хоть раз упомянула имя своего кузена. Порой ему хотелось бы узнать, как она живет в этом своем захолустном коттедже, с подругой-писательницей. Удовлетворяет ли ее такая жизнь и насколько. Но она ничего ему не говорила — ни о себе, ни даже о Лаборатории. Он понимал, что сердце Лаборатории, как у всех институтов подобного рода, бьется в определенном ритме, но сам не мог уловить биение этого пульса.

— Министерство иностранных дел, — сказал он, — хочет, чтобы мы приняли датского биолога на два-три дня. В следующем месяце. Он приезжает в Англию познакомиться с судебными-медицинскими учреждениями. Будьте добры, запишите его на те часы, когда я свободен и смогу уделить ему время. И проконсультируйтесь с доктором Лорримером о его расписании. Затем сообщите в министерство о том, когда мы готовы его принять.

— Хорошо, доктор Хоуарт.

Слава Богу, хоть с аутопсией покончено. Все оказалось гораздо хуже, чем он ожидал, но он все-таки выстоял до конца, не опозорившись. Он никак не предполагал, что человеческое тело — даже мертвое — так ярко красочно, так экзотически прекрасно. Сейчас он снова видел Керрисона, его руки в перчатках, обтянутые резиной пальцы — гибкие, словно угри — погружаются в отверстие тела. Доктор работает, объясняет, показывает, отбрасывает... По всей вероятности, у него выработался иммунитет и к тошнотворно-сладкому запаху морга, и к отвращению вообще. Да и для всех экспертов, профессионально исследующих насильственную смерть, каждодневно наблюдающих картины конечного разрушения личности, жалость оказывается столь же неуместна, сколь и отвращение.

Мисс Фоули закончила и собралась уходить. Подошла к его столу, чтобы забрать бумаги из корзинки с исходящими. Хоуарт спросил:

— Инспектор Блейклок уже подсчитал средние цифры оборачиваемости за прошлый месяц?

— Да, сэр. Средняя для всех вещдоков сократилась до двенадцати дней, а по содержанию алкоголя в крови — до одного и двух десятых. Но средняя по преступлениям против личности снова выросла. Я как раз печатаю сводку.

— Дайте ее мне, как только закончите, пожалуйста.

Некоторые воспоминания, предполагал он, окажутся еще более устойчивыми, чем то, как Керрисон скальпелем намечает на молочно-белой коже длинную линию первичного разреза. Например, ухмылка Дойла, так похожего на огромного черного быка, когда они, стоя бок о бок, мыли руки в умывальной. «И с чего это вдруг, — думал он, — мне понадобилось мыть руки? Я же их не пачкал».

— Ну, все сделано по высшему разряду. Аккуратность, быстрота и тщательность — в этом весь док Керрисон. Жалко, мы не сможем пригласить вас, когда будем готовы брать молодчика. Не положено. Этот номер вам придется себе просто вообразить. Ну, ведь можно потом будет в суд прийти, если повезет, конечно.

Анджела Фоули стояла перед директорским столом, глядя на Хоурта как-то странно — так ему показалось.

— Да?

— Скоби пришлось уйти домой, доктор Хоурт. Он очень неважно себя чувствует. Думает, это может быть тот самый двухдневный грипп, который сейчас всюду ходит. А еще он сказал, что инсинератор* вышел из строя.

— Надо полагать, он позвонил механику, прежде чем уйти?

— Да, сэр. Он говорит, инсинератор был в порядке вчера утром, когда инспектор Дойл приходил. Нормально работал.

Хоурт рассердился. Это была одна из тех мелких деталей административной работы, которыми мисс Фарэкер никогда и не подумала бы его беспокоить. Мисс Фоули, догадался он, вероятно, ожидала от него сочувственных слов по поводу Скоби, вопроса о том, в состоянии ли тот добраться до дому на велосипеде. Доктор Макинтайр, несомненно, взволнованно проблеял бы что-нибудь, узнав, что кто-то из его сотрудников заболел. Хоурт склонился над бумагами.

Но мисс Фоули была уже у дверей. Он заставил себя произнести:

— Будьте любезны, попросите доктора Лорримера зайти ко мне на несколько минут.

А ведь он мог вполне обычным тоном попросить его задержаться после совещания; почему же он этого не сделал? Возможно, потому, что такая просьба при всех прозвучала бы слишком начальственно? А скорее всего потому, что эту беседу он рад был отложить, хотя бы на некоторое время.

Явился Лорример и встал перед столом. Хоурт достал из правого ящика личное дело Брэдли и сказал:

— Садитесь, пожалуйста. Это ежегодная аттестация Брэдли. Вы даете ему отрицательный отзыв. Вы его предупредили?

— Аттестационные правила требуют, чтобы я его предупредил, — ответил Лорример. — Я встретился с ним в Отделе в десять тридцать, как только вернулся с аутопсии.

* Инсинератор — мусоросжигатель.

— Пожалуй, слишком сурово. Судя по его личному делу, это первый отрицательный отзыв за все время. Мы взяли его после испытательного срока полтора года назад. Почему теперь у него не получается?

— Я полагал бы, это должно быть ясно из моего весьма подробного отзыва. Его повысили в должности без учета его реальных возможностей.

— Другими словами, Совет директоров совершил ошибку?

— Не вижу в этом ничего необычного. Директора часто ошибаются. И не только в вопросах, касающихся повышения в должности.

Намек был достаточно грубым, по сути — прямой провокацией. Но Хоуарт решил пропустить это мимо ушей. Сделав над собой усилие, он произнес совершенно спокойно:

— Я не готов подтвердить этот отзыв в его теперешнем виде. Слишком мало времени прошло, чтобы вынести справедливое суждение.

— В прошлом году я и сам именно этим объяснял его неудачи. Тогда он проработал у нас всего полгода. Но если вы не согласны с моей оценкой, вы можете изложить свое мнение письменно. Там специально место оставлено.

— Я непременно им воспользуюсь. И я хотел бы посоветовать вам проверить, не смогут ли поддержка и ободрение возыметь больший эффект. Обычно неудачи в работе объясняются двумя причинами. Некоторые люди начинают работать более успешно, когда их подгоняют продуманными упреками. Другие же на это не способны. Подгонять их совершенно бессмысленно, это лишает их всяческой уверенности. Вы руководите успешно работающим Отделом. Но вполне вероятно, ваш Отдел мог бы работать более успешно и даже с большим удовольствием, если бы вы попытались лучше понять ваших людей. Руководство в значительной степени зависит от личных взаимоотношений.

Он заставил себя поднять глаза. Лорример процедил сквозь стиснутые зубы, так, что, казалось, его слова со скрипом продирались сквозь преграду:

— Что-то незаметно, чтобы ваше семейство отличалось большими успехами в личных взаимоотношениях.

— Тот факт, что вы не способны воспринимать критику и, как невротическая девица, сразу переходите на личности, стараясь уязвить побольнее, как раз и подтверждает то, о чем я говорил.

Он так и не узнал, что Лорример собирался ему ответить. Дверь кабинета отворилась, и вошла его сестра. Она была в брюках и короткой дубленке, белокурые волосы прикрывал легкий шарф. Взглянув на обоих без малейшего смущения, она легким тоном произнесла:

— Простите, я не знала, что вы заняты. Надо было просто попросить инспектора Блейклока позвонить.

Побелев и не сказав ни слова, Лорример повернулся на каблуках и поспешно вышел из комнаты.

— Прости, если я чему-то тут помешала. Я только хотела сказать, что еду на пару часов в Норидж за материалами. Тебе что-нибудь купить?

— Спасибо, нет.

— Я вернусь к обеду, но, пожалуй, не пойду на деревенский концерт. Клэр Истербрук не будет, а без ее участия они Моцарта непереносимо искалечат. Да, и еще — я предполагаю пробыть в Лондоне следующую неделю, почти всю целиком.

Брат молчал. Взглянув на него, она сказала:

— Что-нибудь не так?

— Откуда Лорримеру известно про Джину?

Ему не нужно было спрашивать, не она ли рассказала Лорримеру про Джину. Она могла доверить любовнику многое, но только не это.

Доменика отошла к камину — будто бы рассмотреть картину Стэнли Спенсера* на каминной полке, и спросила:

— Он что, неужели упоминал про ваш развод?

— Не прямо. Но намек был более чем прозрачен.

Она обернулась и взглянула ему прямо в глаза:

* Спенсер, Стэнли (1891—1959) — английский художник, символист и примитивист.

— Скорее всего он постарался разузнать о тебе все подробности, когда выяснил, что тебя прочат на это место. В конце концов, ваше ведомство не такое уж большое.

— Но я пришел сюда не из этого ведомства.

— Даже если и так, существуют какие-то связи, сплетни... Неудачный брак — один из тех малозначащих пустячков, про которые так легко пронюхать. Ну и что из того? В конце концов, в этом нет ничего необычного. Мне казалось, что судебные медики как раз больше всего и рискуют в этом плане. Все эти часы, даже ночи, на месте преступления, непредсказуемые вызовы в суд. Они-то должны бы привыкнуть к распадающимся семьям.

Хоурт сказал, понимая, что ведет себя, как капризный ребенок:

— Не желаю, чтобы он в моей Лаборатории работал.

— В твоей Лаборатории? Но дело обстоит вовсе не так просто, не правда ли? Мне думается, этот Стэнли Спенсер плохо смотрится здесь, над камином. Выглядит совершенно неуместно. Поразительно, как это отец купил его? Я бы сказала, эта картина вовсе не в его вкусе. Ты ее здесь поставил, чтобы шокировать сотрудников?

Чудесным образом его гнев и обида испарились. Но ведь ей всегда удавалось действовать на него именно так — успокоить, утешить.

— Да нет. Всего лишь чтобы привести их в замешательство. Я надеялся, она заставит их думать, что я не так однозначен, как они предполагают.

— Но ты и в самом деле неоднозначен. И мне не надо видеть «Успение в Кукэме», чтобы убедиться в этом. Почему ты не взял сюда Греза*? Он прекрасно смотрелся бы на этом резном мраморе.

— Слишком он сладкий.

Она рассмеялась и исчезла. Хоурт взял отзыв о Брэдли и в свободной графе написал:

* Грез, Жан-Батист (1725—1805) — французский художник. Наиболее известная его картина — «Отец читает Библию детям».

«Работа мистера Брэдли действительно не вполне удовлетворительна, но не все возникшие затруднения следует отнести на его счет. Ему недостает уверенности, и было бы полезнее, если бы его более активно поддерживали и поощряли. Я исправил заключительную оценку его деятельности на более справедливую и побеседовал с руководителем Отдела биологических исследований о проблемах взаимоотношений с сотрудниками».

Если в конце концов он решит, что работа в Лаборатории ему не подходит, это ехидное замечание в какой-то мере поможет — после его ухода — лишить Лорримера шансов на директорский пост.

ГЛАВА 9

Ровно в час сорок пять Пол Миддлмасс, глава Отдела по исследованию документов, раскрыл папку с делом об убийстве в меловом карьере. Комната, где размещался отдел, занимала всю фасадную часть здания под самой крышей, и пахло здесь как в писчебумажном магазине — бумагой и чернилами. К этой и так достаточно острой смеси запахов добавлялся еще и резкий запах химикалий. Для Миддлмасса атмосфера отдела была словно воздух родных полей и лесов. Высокий и поджарый, с широким ртом и крупными чертами подвижного лица, он был привлекательно некрасив. Густые пряди седых, серо-стальных волос оттеняли желтовато-пергаментную кожу лба. Добродушный и покладистый, вроде бы даже с ленцой, он на самом деле был неутомимым работником, влюбленным в свое дело. Бумага — во всех своих ипостасях — была его истинной страстью. Мало кто из судебных экспертов в их ведомстве и за его пределами знал о бумаге столько же, сколько было известно ему. Каждую бумажку он брал в руки радостно и с каким-то особым почтением, с вож-

делением на нее глядя, и чуть ли не по запаху мог определить ее происхождение. Спектрографическое и рентгено-кристаллографическое определение состава клеев и примесей обычно только подтверждало то, что — лишь рассмотрев и пощупав документ — говорил Миддлмасс. Удовлетворение, которое он чувствовал, наблюдая, как постепенно проступает в рентгеновских лучах до тех пор незаметный водяной знак, никогда не ослабевало, а полученный цельный рисунок, хоть и не был неожиданным, так же очаровывал его взгляд, как ожидаемая подпись мастера — взгляд собирателя фарфора.

Отец Пола, давно умерший, был зубным врачом, и Пол для собственных нужд использовал неисчерпаемый запас сшитых по отцовскому особому проекту врачебных халатов. Старомодного покроя, приталенные, с расклешенными полами, как камзолы щеголей эпохи Регентства, они застегивались не посередине, а ближе к боку, и металлические, с гербами, пуговицы шли до самого горла. Рукава оказались коротки, и худые руки торчали из них, как у выросшего из своей одежды школьника. Но Миддлмасс носил эти халаты даже с некоторым шиком, словно эта неортодоксальная одежда, столь отличная от обычных белых халатов остальных сотрудников Лаборатории, символизировала уникальное сочетание научной компетентности, опыта и чутья, которое только и отличает хорошего исследователя документов.

Миддлмасс только что закончил разговор по телефону с женой: с некоторым запозданием он вспомнил, что в этот вечер обещал помочь в проведении деревенского концерта. Он любил женщин, и до женитьбы у него было несколько вполне обычных романов — без особой страсти, без неудовольствия и без обязательств. Женился он поздно, на полногрудой и миловидной женщине — научной сотруднице из Кембриджа. Она была двадцатью годами моложе и каждый вечер, ведя «ягуар» мужа, возвращалась с работы довольно поздно, однако не так поздно, чтобы муж не смог отправиться с нею в местный паб. Квартира их в пригороде была современной и модной, а «ягуар» — главной роскошью, которую Пол смог

себе позволить. У него было прочное положение, высокая репутация в международных научных кругах и красивая жена — Софи, которая вполне его удовлетворяла. Так что он мог считать, что жизнь удалась, и подозревал даже, что счастлив.

Лаборатория по исследованию документов, с ее шкафами и набором монорельсовых камер, занимала, как полагали некоторые коллеги и более всех — Эдвин Лорример, гораздо больше места в помещении, чем следовало. Но вентиляция в Лаборатории, освещенной рядами ламп дневного света, была плохая, потолки — низкие, а центральное отопление, весьма ненадежное и в самые лучшие времена, в этот день сосредоточило все свои усилия на верхнем этаже здания. Обычно Миддлмасс не замечал, в каких условиях работает, но эту субтропическую жару игнорировать было трудно. Он раскрыл дверь в коридор. Напротив двери, чуть правее, находились туалеты — мужской и женский, и время от времени он слышал шаги сотрудников, то легкие, то тяжелые, торопливые или медлительные, и скрип то одной, то другой двери. Эти звуки совсем ему не мешали: он работал.

Однако экземпляр, который он теперь разглядывал, не содержал в себе ничего таинственного. Если бы это было не убийство, а какое-либо другое преступление, Миддлмасс оставил бы листок ассистенту научного сотрудника: тот еще не вернулся с запоздалого ленча. Но убийство всегда подразумевало необходимость явки в суд для дачи свидетельских показаний и перекрестный допрос: защита редко принимала на веру научные доказательства, когда подсудимому предъявлялось самое тяжкое из обвинений. Выступление в суде было строжайшим публичным испытанием для Отдела по исследованию документов, да и для всей Лаборатории Хоггата вообще. Пол считал принципиально важным брать на себя дела об убийстве. Правда, они редко бывали самыми интересными. Более всего удовольствия ему доставляли исторические изыскания, когда удавалось — как это случилось совсем недавно, в прошлом месяце, — продемонстрировать, что документ, датированный 1872 годом, был написан на бумаге, со-

державшей древесную массу, впервые использовавшуюся в 1874-м. Это открытие повлекло за собой увлекательнейшее распутывание весьма запутанной истории с подделкой документов. Теперешняя его задача была несложной и малоинтересной. И тем не менее всего несколько лет назад от него зависело, отправят человека на виселицу или нет. Он редко вспоминал о тех пяти-шести преступниках, которых повесили за двадцать лет его работы в качестве судебного эксперта, и главным образом из-за его свидетельских показаний. А когда вспоминал, то вовсе не напряженные и странно безмянные фигуры на скамье подсудимых, но бумагу и чернила, утолщение сбегающих ниже строки слов, особую форму той или иной буквы. Сейчас он разгладил на столе перед собой записку, найденную в сумочке убитой. С обеих сторон листка он положил образцы почерка ее мужа, которые удалось раздобыть полицейским: письмо подозреваемого к матери, написанное во время отпуска в Саутенде, — интересно, как это им удалось выудить у нее это письмо? — и краткая запись телефонного сообщения о футбольном матче. Записка из сумочки убитой была еще короче:

«У тебя свой парень имеется, так что руки прочь от Барри Тэйлора, не то пожалеешь. Жалко испортить такую приятную мордашку. Кислота страшная вещь. Так что смотри.

Доброжелатель».

Стиль, заключил он, из последнего телевизионного фильма ужасов, почерк явно изменен. Возможно, полицейские сумеют предоставить ему еще несколько образцов почерка подозреваемого, когда побывают у парня на работе. Но на самом деле они ему уже не понадобятся. Сходство между запиской с угрозами и имеющимися образцами не подлежит сомнению. Писавший попытался изменить наклон почерка и иначе изобразил строчное «р». Но отрыв ручки от бумаги — регулярно через каждые четыре знака (Миддлмасс никогда не встречал среди тех, кто пытался изменить свой

почерк, человека, который обратил бы внимание на то, как часто он отрывает перо от бумаги), и точки — чуть выше строки и чуть дальше, чем обычно от последней буквы, и жирные запятые — все равно что фирменный знак. Он делает анализ писчей бумаги, сфотографирует и увеличит каждую букву в отдельности, затем нанесет их на сопоставительную карту, и присяжные с серьезным видом станут передавать карту из рук в руки и удивляться, зачем было приглашать высокооплачиваемого эксперта давать пояснения, когда всем и каждому это очевидно с первого взгляда.

Зазвонил телефон. Миддлмасс потянулся за трубкой и поднес ее к левому уху. Голос Сюзан Брэдли, сначала застенчивый и извиняющийся, потом заговорщический и, наконец, чуть не плачущий, пропищал ему в ухо долгий, отчаянный, полный жалоб монолог. Пол слушал, отведя трубку на пару сантиметров от уха и время от времени бормоча что-то неразборчивое, но ободряющее. А тем временем мысленно отмечал, что писавший записку — вот паршивец! — даже не позаботился изменить написание строчного «т» с характерной верхней перекладной. Впрочем, это ему все равно не помогло бы. И он, разумеется, не подозревал, бедняга, что эта его записка станет вещественным доказательством, когда его будут судить за убийство.

— Хорошо, — сказал он. — Перестаньте волноваться. Оставьте все это дело мне.

— Но вы ему не скажете, что я звонила?

— Разумеется, нет, Сюзан. Успокойтесь. Я все улажу.

Голос в трубке продолжал пищать:

— Да скажите вы ему, ради Бога, чтобы не валял дурака.

Он что, не знает, что у нас полтора миллиона безработных? Лорример не может его уволить. Скажите Клиффорду, чтобы держался за эту работу и перестал вести себя, как последний идиот. А я разберусь с Лорримером.

Он повесил трубку. Сюзан Моффат ему нравилась, когда работала у него научным сотрудником два года назад. Она была в сто раз умнее и решительнее, чем ее муж, и Миддл-

масс — правда, без особого огорчения — удивлялся, как это ее угораздило выйти замуж за Брэдли. Из жалости скорее всего. Слишком развит материнский инстинкт. Есть женщины, которые чувствуют себя просто обязанными согреть несчастеньких у своей груди — буквально. А может, просто выбора не было. И нужен был свой очаг, семья, ребенок. Ну, теперь уже поздно отговаривать ее от этого брака, а тогда ему такое и в голову не пришло. По крайней мере теперь у нее есть и дом, и ребенок. Недели две назад она приходила к нему в Лабораторию с ребятенком. Визит этого вопящего существа со сморщенным личиком, туго завернутого в одеяло, не смог поколебать его в решении никогда не иметь детей, но сама Сюзан, несомненно, выглядела вполне счастливой. И снова почувствует себя счастливой, если удастся что-нибудь сделать с Лорримером.

Он считал, что с Лорримером и вправду пора уже что-то сделать. И в конце концов, у него самого была личная причина взяться за это. Совсем небольшой личный должок, который до сих пор не очень-то теребил его совесть, или как это там называется. Но звонок Сюзан Брэдли напомнил ему об этом. Он прислушался. Шаги в коридоре показались ему знакомыми. Ну что ж, всего лишь совпадение, но лучше не откладывать дела в долгий ящик. Подойдя к дверям, он крикнул вслед удаляющейся спине:

— Лорример! Мне надо сказать вам пару слов.

Лорример подошел и остановился в дверях — высокий, неулыбчивый, в безупречно белом халате, застегнутом на все пуговицы. Смотрел на Миддлмасса настроженным взглядом темных глаз. Миддлмасс заставил себя взглянуть в эти глаза, но не выдержал, отвел взгляд: их радужки, казалось, расширились, превратившись в черные омуты отчаяния. Пол понимал — не в его силах сладить с таким эмоциональным напряжением и несколько растерялся. Что же такое гложет беднягу? Стараясь, чтобы его голос звучал как обычно, он сказал:

— Послушайте, Лорример, оставьте-ка в покое Брэдли, ладно? Я понимаю, он вовсе не Божий дар для нашей профес-

сии, но он добросовестный трудяга, и бесконечные выволочки, которые вы ему устраиваете, не помогут этому слабаку лучше соображать и быстрее работать. Так что кончайте это дело.

— Вы что, собираетесь учить меня, как руководить моими подчиненными?

Лорример не повысил голоса, но жилка у него на виске вздулась, и видно было, как бьется пульс. Миддлмасс с трудом заставил себя не смотреть на эту жилку.

— Верно, дружище. По крайней мере этим подчиненным. Я, черт побери, прекрасно вижу, чего вы добиваетесь, и мне это не по душе. Так что завязывайте.

— Это что — угроза?

— Скорее, дружеское предостережение. Ну, я бы сказал — довольно дружеское. Не стану делать вид, что очень к вам расположен, и не стал бы работать под вашим началом, если бы тупари из Министерства внутренних дел назначили вас директором нашей Лаборатории. Но я признаю, что в принципе дела вашего Отдела меня не касаются. Только этот случай — исключение. Я знаю, что происходит, мне это не нравится, и я намереваюсь положить этому конец.

— Мне и в голову не могло прийти, что вы испытываете такую нежную привязанность к Брэдли. Впрочем, наверняка это Сюзан Брэдли вам звонила. У самого-то кишка тонка попросить за себя. Ну что же, звонила она вам, Миддлмасс?

Миддлмасс пропустил вопрос мимо ушей.

— Никакой нежной привязанности к Брэдли я не испытываю, — сказал он. — Но я испытывал некоторую привязанность к Питеру Энналзу, если вы можете его припомнить.

— Энналз утопился потому, что его невеста дала ему от ворот поворот, и у него произошел психический срыв. Он оставил записку, объяснив свое решение, и она была зачитана во время расследования. И то и другое события произошли много месяцев спустя после его ухода из Южной лаборатории; ни то ни другое не имеют ко мне ни малейшего отношения.

— Зато то, что происходило в Лаборатории, когда он там работал, имеет чертовски прямое отношение к вам. Он был

приятным, ничем не выдающимся парнишкой, имел два аттестата повышенного уровня и необъяснимое стремление специализироваться по судебной биологии. Вот тут ему не повезло — он попал под ваше начало. Между прочим, Энналз — двоюродный брат моей жены. Так случилось, что я рекомендовал ему пойти на это место. Так что у меня к этому делу особый интерес, если хотите — я считаю себя в некотором роде ответственным.

— Он никогда не упоминал, что он родственник вашей жены, — сказал Лорример. — Но я не вижу разницы. Он был совершенно непригоден к работе. Судебный биолог, не способный аккуратно работать, когда на него давят, совершенно бесполезен и для меня, и для нашего ведомства; ему лучше уйти. Иждивенцам у нас нет места. Именно это я и думаю сказать Брэдли.

— Тогда вам лучше передумать.

— Интересно, как вы сможете меня заставить?

Было совершенно непонятно, как эти плотно сжатые губы могли издавать хоть какие-то звуки, как высокий, изменившийся голос Лорримера прорывается сквозь напряженные голосовые связки, не порвав их.

— Я доведу до сведения Хоурта, что вы и я не можем более работать в одной Лаборатории. Вряд ли это ему очень понравится. Разлад между сотрудниками высшего звена ему совершенно не нужен. Особенно сейчас. Он, разумеется, предложит Организационному отделу перевести одного из нас, прежде чем ситуация осложнится переездом в новое здание. Держу пари, что Хоурт — да и Орготдел, кстати говоря, — решат, что гораздо легче найти судебного биолога, чем исследователя документов.

Миддлмасс поражался самому себе. Он вовсе не собиравался произносить весь этот вздор, тем более что до сих пор такое ему и в голову не приходило. Впрочем, все это звучало довольно резонно. В их ведомстве не было ни одного исследователя документов его калибра, и Хоурт прекрасно об этом знал. Если Пол откажется работать в той же Лаборато-

рии, что Лорример, одному из них придется уйти. Ссора никак не повысит их репутацию в Орготделе, но ведь вполне очевидно, кому из них это будет больше во вред.

— Это вы поспособствовали, чтобы я не получил место директора, — сказал Лорример. — А теперь вы хотите меня вообще выжить из Лаборатории.

— Мне лично совершенно наплевать, тут вы работаете или где-то в другом месте. Только перестаньте терроризировать Брэдли.

— Если бы я и был готов следовать чужим советам в том, как руководить моим Отделом, то уж никак не советам третьего разрядного любителя бумажонок с второразрядной ученой степенью, да к тому же не знающего разницы между научными доказательствами и жалкой интуицией.

Эта колкость была настолько абсурдной, что никак не могла уязвить Миддлмасса: его уверенность в собственной компетентности была слишком прочна. Но промолчать в ответ на это было невозможно. Пол обнаружил, что начинает выходить из себя. И вдруг его осенило.

— Послушайте, приятель, если у вас ничего не выходит в постели и дама находит, что вы — не вполне, не вымещайте свои неудачи на ваших коллегах. Вспомните, что говорил Честерфилд*: «Расходы невероятны, позы нелепы, а удовольствие недолговечно».

Результат поразил его до глубины души. Лорример, не сумев подавить вскрик, бросился на него с кулаками. Реакция Миддлмасса была совершенно инстинктивной и в то же время вполне его удовлетворившей: он выбросил вперед правую руку и нанес Лорримеру удар по носу. На мгновение воцарилась тишина. Оба удивленно созерцали друг друга. Затем из носа брызнула кровь, Лорример пошатнулся и стал падать вперед. Миддлмасс подхватил его за плечи, и Лорример тяжело уронил голову ему на грудь. Господи, подумал Миддлмасс, только бы он в обморок не упал! Им овладела

* Честерфилд, Филин Дормер Стенхон (1694—1773), граф — английский писатель и государственный деятель.

путаница чувств: он поражался самому себе, был по-мальчишески собой доволен, испытывал жалость к Лорримеру и непреодолимое желание рассмеяться.

— Ну, как вы, нормально? — спросил он.

Лорример высвободился из его рук и встал прямо. Нащупал в кармане платок и поднес к носу. Красное пятно разрасталось. Глянув вниз, Миддлмасс обнаружил, что халат его в крови. Пятно расплывалось на белой ткани, словно алый декоративный цветок.

— Раз уж мы тут устроили балаган, — сказал он, — я полагаю, ваша реплика теперь должна быть: «Ах ты, свинья такая, клянусь Богом, ты мне за это заплатишь!»

Его поразил неожиданный всплеск ненависти в черных глазах. Голос Лорримера, едва слышный сквозь платок, донесся до его слуха:

— Вы мне за это заплатите.

Лорример ушел.

Тут Миддлмасс заметил, что в дверях стоит миссис Бидуэлл, лабораторная уборщица. Глаза ее за нелепыми, раскосо удлинненными очками в украшенной блестящими камушками оправе расширились от волнения и любопытства:

— Ну уж, я просто не знаю! Чего это вы тут устроили? Начальство, а деретесь между собой! И как только не стыдно вам, а?

— Да стыдно нам, стыдно, миссис Бидуэлл. — Миддлмасс медленно выпростал длинные руки из рукавов халата и вручил его уборщице. — Бросьте это в корзину с грязной спецодеждой, будьте добры.

— Да вы же знаете очень даже хорошо, мистер Миддлмасс, я не захожу в мужской туалет — не в рабочее же время мне туда заходить! Сами в корзину положите. А ежели вам чистый халат понадобится, вы знаете, где его взять. А я до завтра чистых халатов больше не выдаю. Подрались, надо же! Мне надо было раньше догадаться, что мистер Лорример в это дело замешается. Ну только он ведь не из тех, кто на кулачки будет биться. Кишка тонка, вот что я вам скажу. Ну, правда, в

последнее-то время он очень странный ходит, тут и вопроса нет. Вы небось слышали про вчерашнюю неприятность внизу, в вистибуле? Он прям-таки вышвырнул детишек док Керрисона за дверь. А им всего и надо-то было, что отца дожидаться. И ничего в этом нет плохого. Очень у нас атмосфера в Лаборатории плохая, вот что я вам скажу. Все последнее время. И если кое-кто из сотрудников в руки себя не возьмет, какая-нибудь пакость обязательно тут приключится, попомните мои слова.

ГЛАВА 10

Было почти пять часов и уже темно, когда детектив-инспектор Дойл добрался домой. Он жил в деревне, в шести километрах к северу от Кембриджа. Он пару раз за день пытался дозвониться жене, но безрезультатно: телефон был занят. Опять это ее бесконечное и дорогостоящее секретничанье по телефону с подружками тех времен, когда она работала медсестрой, подумал он, довольный, что можно больше не звонить. Кованые железные ворота были, как всегда, распахнуты, и Дойл поставил машину перед домом. Не стоило заводить машину в гараж на пару часов, а дольше пробыть дома он не мог себе позволить.

Дом его — Скуп-хаус — не очень-то хорошо смотрелся в этот темный ноябрьский вечер. Неудивительно, что агенты по продаже недвижимости в последнее время никого не присылали посмотреть дом. Время года было неудачное. И сам дом, думал инспектор, мог бы служить памятником неудачного расчета. Он купил его меньше чем за семнадцать тысяч, но истратил еще пять на улучшения, надеясь продать по меньшей мере за сорок. Но это было еще до того, как спад поломал расчеты гораздо более опытных торговцев недвижимостью, чем он сам. Сейчас, когда дела на рынке недвижимости шли туговато, ничего не оставалось, как ждать. Он вполне мог потянуть с до-

мом, пока дела на рынке не улучшатся. Однако он вовсе не был уверен, что ему удастся еще потянуть с разводом. Не было даже уверенности, что он этого хочет. С браком тоже вышел просчет, но — если учесть тогдашние обстоятельства — вполне понятный. Доил не тратил времени на напрасные сожаления.

Два высоких прямоугольника света, льющегося из окна верхней гостиной, должны были бы сулить желанное тепло и домашний уют. Вместо этого свет таил в себе некоторую угрозу: Морин была дома. Но куда же еще, спросила бы она, могла она деваться в этот тоскливый ноябрьский вечер? Куда пойти в этой захолустной деревушке, в этой сумрачной Восточной Англии?

Морин уже покончила с чаем, но поднос все еще стоял рядом с ней: бутылка из-под молока с вмятой внутрь крышкой, кружка, ломти резаного хлеба, вылезавшие из обертки, брусок масла в грязной масленке и магазинный фруктовый пирог в нераскрытой коробке. Доил почувствовал, как его охватывает привычное раздражение, но не произнес ни слова. Как-то раз, когда он упрекнул ее в неопрятности, она лишь пожала плечами:

— Да кто это видит? Кого это заботит?

Он это видел, и его это заботило, но прошло уже много месяцев с тех пор, когда она принимала его в расчет.

— Я собираюсь пару часиков вздремнуть. Разбуди меня в семь, ладно?

— Ты что, хочешь сказать, что мы не поедem в Чевিশем на концерт?

— Господи, Морин, ты же вчера вопила, что тебе до лампочки эти концерты! Детская самодеятельность. Забыла?

— Конечно, это вовсе не сенсация года, но мы по крайней мере могли бы куда-то выйти. Выйти прочь отсюда. Прочь из этой помойки. Вдвоем — ради разнообразия! Можно было бы одеться как следует. И ты говорил, мы потом поедem в китайский ресторан в Или.

— Ну, прости. Я же не знал, что мне поручат убийство расследовать.

— И когда же ты вернешься? Или и спрашивать бессмысленно?

— А Бог его знает. Я должен заехать за сержантом Бийлом. Надо еще парочку людей повидать, которые в Маддингтоне на танцах были. Особенно того парня, Барри Тэйлора, — ему придется кое-что нам объяснить. В зависимости от того, что он скажет, мне может понадобиться снова заехать к мужу.

— Это доставит тебе такое удовольствие, верно? Если заставишь его кровавым потом облиться. Ты ведь поэтому и в полицейские пошел — тебе нравится, что люди тебя боятся, не так, что ли?

— Ну, знаешь, это так же глупо, как заявить, что ты пошла в медсестры, потому что обожаешь горшки выносить.

Он бросился в кресло и прикрыл глаза, отдаваясь во власть дремы. Снова увидел перепуганную физиономию того парня, почувствовал запах пота. Но парень прекрасно выдержал первый допрос. Адвокат, который на нем присутствовал, больше мешал, чем помогал клиенту, которого видел впервые в жизни, и недвусмысленно давал понять, что вообще предпочел бы его никогда больше не видеть. Парень твердо придерживался своей версии, что они, мол, поссорились на танцах и он рано ушел. Что она не вернулась домой к часу ночи. Что он отправился ее искать и прошел по дороге и через меловое поле. Домой вернулся примерно через полчаса. Он никого не видел и не подходил ни к меловому карьеру, ни к брошенной машине.

Версия была отличная: простая, без лишних подробностей и, возможно, правдивая во всем, кроме одной важной детали. Но, если им повезет, заключение экспертов о ее крови и о пятне на его рукаве, крохотные остатки песчаной почвы и пыли из машины на его ботинках, будет готово к пятнице. Если Лорример останется в Лаборатории допоздна — а так оно обычно и бывает, — анализ крови можно будет получить уже завтра. Вот тогда-то и возникнут подробности, несоответствия и в конце концов истина.

Морин спросила:

— Кто еще был на месте убийства?

Она даже не сочла за труд спросить о чем-то, подумал Доул. Это уже кое-что. Он ответил сонно:

— Лорример, кто же еще? Этот никогда не упустит такой возможности. Не доверяет. По-моему, просто он считает, что никто из нас не знает своего дела. Ну и, как обычно, имели полчаса простоя — ждали, пока док Керрисон подъедет. Лорример прямо с ума сходил от злости. Он сделал все, что полагается на месте убийства; ну, во всяком случае, все, что можно сделать, и должен теперь свой зад морозить вместе со всеми, поджидая, пока этот гений патанатомии прибьет с полицейским эскортом и сообщит нам новость, что-то, что мы сочли трупом, действительно — вот сюрприз, так сюрприз! — является трупом и мы можем спокойно увозить мертвое тело.

— Ну, судебный патанатом делает не только это.

— Конечно. Но на месте преступления — не так уж много. Его работа начинается потом. — И Доул добавил: — Извини, я не мог позвонить. Я пытался, но у тебя было занято.

— Думаю, я как раз с папой разговаривала. Его предложение остается в силе: ты получишь место ответственного за безопасность в его Организации. Но долго он ждать не сможет. Если ты не решишь до конца месяца, он даст объявление в газеты.

«О Господи, неужели опять? Только не это!» — подумал он.

— Хорошо бы твой папочка не говорил об Организации. А то семейная корпорация начинает выглядеть, как мафия какая-нибудь. Если б речь шла о мафии, я, может, и соблазнился бы. Но у папочки всего-то три задрипанных дешевых магазина, продающих задрипанные дешевые костюмы задрипанным идиотам, которые не могут отличить приличное сукно от паршивого, даже если им это сукно под самый нос сунут. Может, я и подумал бы о том, чтобы войти в дело, если б милый папочка уже не взял в содиректоры старшего братца, который ждет не дождется его место занять, и если бы он не дал мне ясно понять, что терпит меня исключительно потому, что я твой муж. Но пусть меня черт заберет, если я согла-

шусь бездельничать там, как какой-нибудь сраный дежурный администратор, и следить, чтобы какой-нибудь бродяга подштанники не спер, хоть мне и присвоят почетное звание ответственного за безопасность. Я остаюсь на своем месте.

— Ну да, ведь тут у тебя такие полезные связи.

Интересно, что она имеет в виду? Он был очень осторожен и никогда ничего ей не говорил. Но ведь она вовсе не дура. Могла и догадаться.

— Ведь тут у меня — моя работа, — сказал он. — Ты ведь знала, на что шла, когда согласилась за меня выйти.

Но ведь на самом деле никто этого знать не может, подумал он. Никогда.

— Не жди, что застанешь меня здесь, когда вернешься.

Это была хорошо и давно знакомая угроза. Он ответил небрежно:

— Как угодно. Но если ты надеялась на машине проехаться, оставь надежду. Я забираю «кортину» — у «рено» сцепление барахлит. Так что, если собираешься сбежать к мамочке, не дожидаясь завтрашнего утра, звони пануле — пусть отвезет, или такси возьми.

Морин снова говорила что-то, но ее голос, капризный и настойчивый, доносился откуда-то издалека, слова стали неразборчивыми, превратившись в бессмысленные наплывы звуков, словно волны, бьющие в мозг. Два часа. Если она его и не станет будить, он все равно проснется точно, минута в минуту. Веки его сомкнулись. Он спал.

КНИГА ВТОРАЯ

СМЕРТЬ В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

ГЛАВА 1

Восемь сорок пять утра в вестибюле Лаборатории Хоггата было очень спокойно и тихо. Бренда нередко думала, что именно эта часть рабочего дня нравится ей больше всего. Это было время, когда сотрудники еще не явились на свои места, занятия в Лаборатории еще по-настоящему не начались, и они с инспектором Блейклом могли работать в пустом зале, тихом и торжественном, словно храм, подготавливая папки из плотной бумаги для регистрации новых дел, поступающих в течение дня, заново упаковывая вещественные доказательства, за которыми должны приехать полицейские. Они еще раз сверяли подготовленные для суда заключения, чтобы убедиться, что исследование проведено полностью, что ни одна необходимая деталь не упущена. Как только Бренда приходила сюда, она облачалась в белый халат и тотчас же начинала чувствовать себя иначе: она больше не была молоденькой, не уверенной в себе девушкой, она становилась человеком с профессией, чуть ли не женщиной-ученым, признанным сотрудником Лаборатории. Потом она шла в глубь дома, на кухню, приготовить чай. После того как облачение в белый халат придавало ей столько достоинства, эта домашняя обязанность на некоторое время спускала ее с небес на землю, да и чаю ей, после недавнего завтрака, не хотелось. Но инс-

пектор Блейклок, ежедневно приезжавший на машине из Или, охотно выпивал чашечку, и она с удовольствием готовила чай для него.

— Самое оно для служивого, — неизменно приговаривал он, снова и снова поднося кружку к увлажнившимся губам и жадно глотая обжигающий напиток, словно горло у него выложено асбестом. — Ну и хорош у тебя чаек, Бренда, ничего не скажешь.

А Бренда неизменно объясняла:

— Мама говорит, весь секрет в том, чтоб чайник заварной как следует нагреть. А потом чай настаивать не больше пяти минут.

Этот коротенький ритуал никогда не менялся, настолько, что она могла наизусть, безмолвно шевеля губами, повторять слова инспектора, едва не фыркая от смеха. Знакомый, такой домашний аромат крепкого чая, греющее ладони тепло толстостенной кружки — от всего этого в начале рабочего дня рождались спокойствие и уверенность.

Бренде очень нравился инспектор Блейклок. Он говорил мало, но никогда не раздражался, был по-отцовски добр к ней, с ним ей было легко и просто. Даже мама — она побывала в Лаборатории перед тем, как Бренда приступила к работе, — радовалась, что дочь будет работать именно с ним. До сих пор у Бренды горели от стыда щеки, когда она вспоминала, как мать настояла на том, что ей следует побывать в Лаборатории, посмотреть, где ее дочь собирается работать. Правда, главный полицейский инспектор Мартин, старший сотрудник по связям с полицией, по-видимому, счел это совершенно оправданным. Он объяснил маме, что должность секретаря-регистратора в Лаборатории Хоггата — нововведение, раньше на этом месте работал полицейский. Если Бренда будет хорошо работать в этой должности, полицейские смогут заниматься своими прямыми обязанностями, а девочка получит хорошую профессию. Главный инспектор Мартин сказал маме: «Регистратура — самое сердце Лаборатории». Сейчас, вместе с группой офицеров полиции, он отпра-

вился в поездку по Соединенным Штатам, и инспектор Блейклок остался целиком за главного, отвечая сразу за два участка работы: он не только принимал вещдоки, регистрировал выступления в суде и подготавливал статистические данные, но обсуждал каждое дело с инспектором-детективом, возглавлявшим очередное расследование, объясняя, что Лаборатория могла сделать, а что — вряд ли, и отказывался принимать те дела, в которых ученые ничем не могли помочь; а еще он проверял полноту окончательных заключений для суда. Бренда догадывалась, какая огромная ответственность на нем лежит, и решила, что никогда его не подведет.

Пока Бренда готовила чай, прибыли первые за день вещдоки: их, конечно, доставил полицейский детектив, занятый в расследовании. Еще один полиэтиленовый пакет с одеждой по делу об убийстве в меловом карьере. Крупные руки инспектора Блейклока аккуратно поворачивали пакет, и Бренда рассмотрела сквозь прозрачный пластик темно-синие брюки с не очень-то чистым поясом, полосатый пиджак с широкими лацканами и пару остроносых черных ботинок, украшенных вычурными пряжками. Инспектор Блейклок изучал составленную полицейскими опись.

— Это вещи ее дружка, — сказал он. — Того, с которым она на танцах кокетничала. Заведешь новую папку для описи, а вещи зарегистрируй по Биологическому отделу, под титулом «Маддингтон», и номер подгруппы поставь. Наклей красный ярлык «Срочно». Убийство имеет приоритет над всем остальным.

— Но у нас могут оказаться два или три дела об убийстве одновременно. Кто тогда про приоритет решает?

— Заведующий Отделом, в который это дело поступает. Он распределяет работу между своими подчиненными. После убийства или изнасилования приоритет имеют те дела, по которым обвиняемый не отпущен на поруки.

— Надеюсь, вы не очень на меня сердитесь, что я так много вопросов задаю? — спросила Бренда. — Мне так хочется про все узнать. Доктор Лорример говорит, я должна

узнавать все про все, что только можно, а не смотреть на свою работу как на обычную рутину.

— Спрашивай, не стесняйся, девочка. Я вовсе не сержусь. Только не надо слишком прислушиваться к тому, что доктор Лорример говорит. Не он тут у нас директор, хоть он, может, и думает так про себя. Как зарегистрируешь эти тряпки, положи пакет на полку Биологического отдела.

Бренда аккуратно занесла порядковый номер пакета в журнал и продвинула упакованную в полиэтилен одежду на полку с вещдоками, ожидавшими отправки в лабораторию Биологического отдела. Очень важно было вовремя заносить все в регистрационный журнал. Она бросила взгляд на часы: почти восемь пятьдесят. Скоро доставят почту и вся конторка будет завалена пакетами с мягкой прокладкой, содержащими вчерашние анализы крови по делам о нарушениях в алкогольном опьянении и о дорожных происшествиях. Потом начнут подъезжать полицейские машины. Полицейские — в форме или в штатском — доставят большие конверты с документами для мистера Миддлмасса, исследователя документов; специально подготовленные Лабораторией контейнеры для хранения следов слюны, крови, спермы; громоздкие мешки с грязными, в пятнах простынями и одеялами; вездесущие тупые орудия; окровавленные ножи, тщательно упакованные в коробки, заклеенные липкой лентой.

И с минуты на минуту начнут появляться сотрудники Лаборатории. Уборщица, миссис Бидуэлл, должна была бы прийти уже двадцать минут назад. Может, она заразилась гриппом от Скоби? Первым из ученых скорее всего явится Клиффорд Брэдли, старший научный Биологического отдела; побежит, съездившись, через зал, будто права никакого не имеет тут находиться, взгляд испуганный, и усы эти дурацкие, вислые какие-то; так всегда занят своими мыслями, что и на «здрасьте» едва ответит. Потом — мисс Фоули, секретарша директора. Всегда спокойная, сдержанная, всегда чуть улыбается — неизвестно чему. Мисс Фоули напоминала Мону Ригби, с которой Бренда училась в школе: Мону всегда выби-

рали на роль Святой Девы в рождественских спектаклях. Бренда недолюбливала Мону Ригби: если б только учителя знали про эту Ригби то, что знала о ней Бренда, Моне в жизни не получить бы эту завидную роль. Вот и мисс Фоули — Бренда вовсе не была уверена, что мисс Фоули ей так уж нравится. Потом кто-то, кто ей очень нравится, — мистер Миддлмасс, исследователь документов: пиджак внакидку, наверх бежит — через три ступеньки перепрыгивает, а здороваются — весь вестибюль звенит. После него уже идут все не по порядку — кто когда. Народу в зале — как на вокзале, а посреди всей этой кажущейся неразберихи, в самом ее сердце — сотрудники Регистрационного отдела: контролируют, направляют, помогают, объясняют...

Как бы подавая сигнал о начале рабочего дня, зазвонил телефон. Пальцы инспектора Блейклока обхватили трубку. Он молча слушал, что ему говорят, — значительно дольше, чем представлялось нормальным, потом до слуха Бренды донеслось:

— Нет, я не думаю, что он здесь, мистер Лорример. Вы говорите, он домой не возвращался?

И снова молчание. Инспектор Блейлок полуотвернулся от Бренды и заговорщически прижал трубку плечом, будто разговор был сугубо конфиденциальным. Потом положил трубку на конторку и повернулся к Бренде:

— Это отец доктора Лорримера. Очень старый. Волнуется. Как я понял, доктор Лорример сегодня утром не принес ему в комнату чай и, похоже, вообще дома не ночевал. Постель в его комнате не разобрана.

— Ну, здесь-то его точно нет. Я хочу сказать — ведь входная дверь была заперта, когда мы с вами пришли.

Сомневаться в этом не приходилось. Когда она, поставив велосипед в бывшей конюшне, появилась из-за угла дома, инспектор Блейлок стоял у входной двери. Впечатление было такое, что он ее поджидает. Потом, когда она к нему подошла, он осветил фонарем замки и поочередно вставил в скважины все три ключа: сначала отпер английский замок,

потом — сейфовый, с цифровым набором, а потом тот, что отключает электронную систему сигнализации, соединенную с пультом полицейского участка в Гайз-Марше. Потом они вместе вошли в темный зал вестибюля. Бренда прошла в раздевалку в глубине здания — надеть белый халат, а Блейклок — в кабинет главного инспектора Мартина, к распределительному щиту — отключить систему охраны внутренних дверей основных лабораторных помещений.

Бренда, хихикнув, сказала:

— Вот — миссис Бидуэлл не явилась вовремя, чтоб уборку начать, теперь доктор Лорример пропал. Может, они вместе сбежали? Великий скандал у Хоггата!

Шутка получилась не очень смешная, и Бренда нисколько не удивилась, что инспектор Блейклок не засмеялся.

— Что дверь была заперта, еще ничего не значит, — сказал он. — У доктора Лорримера свои ключи есть. И если он свою постель убрать озаботился и сюда с утра пораньше явился, то почти наверняка запер тут все, как было, и внутреннюю сигнализацию включил.

— А как он тогда в Биологический отдел попадет?

— А он тогда должен дверь открыть и открытой ее оставить, пока сигнализацию опять не включит. Но только не похоже, чтоб он тут был. Он, когда тут один остается, только на английский замок дверь запирает.

Он снова поднес трубку к уху и сказал:

— Подождите немножко, мистер Лорример. Вряд ли он тут, но я схожу проверю.

— Я схожу, — вызвалась Бренда, радостно выказывая свою готовность быть полезной. Откидную доску конторки она поднимать не стала, просто пролезла под ней, и все. Повернувшись, она на мгновение увидела инспектора удивительно четко, словно при ярком свете фотовспышки: рот его был полуоткрыт, он протянул к ней руку напряженным и каким-то театральным жестом — желая то ли защитить ее, то ли остановить. Но Бренда, ничего в этот момент не сознавая, со смехом побежала вверх по широким ступеням.

Биологический отдел находился в глубине второго этажа и вместе с прилегающей к нему Поисковой лабораторией тянулся почти во всю длину здания. Дверь была плотно закрыта. Бренда повернула ручку и, толчком растворив дверь, стала нащупывать на стене выключатель. Наконец пальцы ее отыскали кнопку. Две длинные лампы дневного света, под самым потолком, мигнули, тускло засветились, разгораясь, потом залили комнату ровным, ярким сиянием.

Труп она увидела сразу же. Лорример лежал меж двумя центральными лабораторными столами лицом вниз, левая рука его, казалось, царапает пол, правая подогнута и смята тяжестью тела. Прямые ноги вытянуты. Из горла Бренды вырвался то ли крик, то ли стон, и она упала на колени рядом с трупом. Волосы над левым ухом Лорримера слиплись и торчали остроконечными зубцами, как шерсть у ее котенка после мытья, но крови на темных волосах было не разглядеть. И все-таки она знала — это кровь. Кровь уже запеклась черным на белом воротнике его халата, а на полу лаборатории, свернувшись, застыла лужицей. Виден был только один глаз — левый, недвижимый, погасший и закатившийся, как у мертвого теленка. Бренда осторожно коснулась щеки Лорримера. Холодная. Но она ведь сразу, как только увидела его остекленевший глаз, поняла — это смерть.

Бренда не помнила, как закрыла дверь лаборатории, как сбежала вниз по лестнице. Инспектор Блейклок по-прежнему стоял за конторкой, недвижимый, словно статуя, с зажатой в руке телефонной трубкой. Ей захотелось рассмеяться — таким забавным показалось ей его лицо. Она попыталась заговорить с ним, но слова застряли у нее в горле. Подбородок непрестанно дрожал, так, что стучали зубы. Ей удалось сделать какой-то жест. Он произнес что-то, чего она не разобрала, уронил трубку и бросился вверх по лестнице.

Бренда заплетающимися ногами добралась до тяжелого викторианского кресла у дверей кабинета главного инспектора Мартина. Это было любимое кресло полковника Хоггата. Полковник взирал на нее с портрета. Вдруг ей показа-

лось, что его левый глаз разрастается, а рот растягивается в кривой ухмылке. Она почувствовала вдруг страшный холод. Сердце увеличилось до невероятных размеров и бухало в ребра. Она втягивала в себя воздух огромными глотками, но воздуха все равно не хватало. Потом до нее вдруг дошло, что из телефонной трубки доносятся какие-то звуки. Медленно и совершенно автоматически она поднялась с кресла, проковыляла к конторке и подняла трубку. Голос старого мистера Лорримера, слабый и очень сердитый, что-то ворчал на том конце провода. Бренда попыталась произнести привычное: «Лаборатория Хоггата. Регистрационный отдел слушает». Но слова не выговаривались. Она опустила трубку на рычаг и пошла назад, к креслу.

Она не помнила, как услышала долгий звонок у входа, как прошла через вестибюль — отпереть дверь. Неожиданно дверь резко распахнулась и зал заполнился множеством людей, шумом голосов. Свет, казалось, стал ярче — это было так странно, — и Бренда увидела всех этих людей ярко освещенными, словно актеры на сцене, с лицами, которые грим сделал подчеркнуто гротескными; каждое произнесенное ими слово слышалось четко и ясно, будто она сидела в первом ряду партера. Миссис Бидуэлл, уборщица, в макинтоше с воротником из искусственного меха, говорила высоким, громким голосом, возмущенно сверкая глазами:

— Шут его знает, что тут у нас делается! Какой-то оборот возьми да позвони моему старику и говорит, мол, мне сегодня приходить не надо, что, мол, я миссис Шофилд занедалась. Кто это дурака валяет, хотела бы я знать?

По лестнице спускался инспектор Блейклок, медленно, не торопясь: так происходит выход главного героя. Все остальные стояли кружком, глядя вверх, на приближающуюся к ним фигуру, — доктор Хоуарт, Клиффорд Брэдли, мисс Фоули, миссис Бидуэлл. Директор выступил вперед. Вид у него был такой, словно он вот-вот упадет без сознания.

— Ну, Блейклок? — произнес он.

— Доктор Лорример, сэ. Умер. Убит.

Разумеется, они не могли, поворачиваясь лицами друг к другу, словно хор в греческой трагедии, все в унисон повторять и повторять это слово. Но оно эхом прозвучало в гулкой тишине вестибюля, утрачивая смысл, обращаясь в глухой стон: «Убит. Убит. Убит».

Брэнда увидела, как бросился к лестнице доктор Хоуарт. Инспектор Блейклок повернулся — пойти за ним, но директор сказал:

— Нет. Вы оставайтесь здесь. Проследите, чтобы никто не вышел за пределы этого зала. Позвоните главному констеблю и доктору Керрисону. Потом свяжете меня с Министерством внутренних дел.

Тут, впервые за все время, все заметили Бренду. Миссис Бидуэлл подошла к креслу. Спросила:

— Так это ты его нашла? Ах ты бедняжка моя!

И все: теперь это уже не было театральным представлением. Свет как бы угас. Лица утратили яркость, расплылись, стали вполне обычными. Бренда негромко охнула. Почувствовала, как руки миссис Бидуэлл обнимают ее за плечи. Запах макинтоша забивал ноздри. Мех был мягким, как лапки ее котенка. И тут Бренда смогла наконец-то заплакать.

ГЛАВА 2

Доктор Чарлз Фриборн, главный контролер учреждений судебной медицины, лежал в лондонском учебном госпитале, у самой реки, откуда в самые мазохистские свои моменты он мог смотреть на окно собственного кабинета. Он лежал на узкой больничной койке совершенно неподвижно, вытянувшись во весь свой немалый — под два метра — рост, аккуратно укрытый простыней, над которой высоко торчал его крупный нос; совершенно седые волосы почти сливались с такой же белоснежной подушкой. Кровать была ему корот-

ка, но к этому неудобству он давно приспособился, осторожно выставляя ступни над ее невысокой спинкой. Прикроватная тумбочка была набита самыми разнообразными приношениями, вещами необходимыми, не очень необходимыми и кое-какими отступлениями от правил, без которых, как было принято считать, невозможно обойтись во время краткого пребывания в госпитале. Тут же стояла и ваза с розами, которые выглядели весьма официально: они не пахли, но были невероятно яркими, и за их неестественными, какими-то похоронно-пышными головками командер* Адам Дэлглиш разглядел лицо столь неподвижное, взгляд так недвижимо устремленный в потолок, что на мгновение он испугался: ему показалось — он пришел отдать последний долг усопшему. Напомнив себе, что Фриборн выздоравливает после вполне успешной операции, да к тому же по не самому серьезному поводу — у него находили варикозное расширение вен, — Дэлглиш подошел к кровати и тихонько сказал:

— Привет!

Фриборн, неожиданно вырванный из ступора, резко подскочил на кровати, смахнув с тумбочки пакет бумажных салфеток, два экземпляра «Журнала научного общества судмедэкспертов» и початую коробку шоколадных конфет. Крепко сжав ладонь Дэлглиша худой веснушчатой рукой с госпитальным опознавательным браслетом вокруг кисти, он воскликнул:

— Адам! Что это ты крадешься как тать в ночи, черт бы тебя побрал! Господи, до чего же я рад тебя видеть! Единственная добрая весть за все утро — то, что тебе поручили возглавить это дело. Я уж думал, ты уехал. Сколько времени ты можешь со мной побыть? Как ты туда доберешься?

Дэлглиш ответил на все вопросы по порядку:

— Десять минут. Вертолетом с аэродрома Баттерси. Завернул по пути. Как ты, Чарлз? Я тебе некстати?

* Командер — здесь: комиссар полиции; также — воинское звание в категории старших офицеров ВМС Великобритании, соответствует званию подполковника в сухопутных войсках.

— Это я всем некстати. Более неудачного времени я и выбрать не мог. А главное, от чего с ума можно сойти — ведь сам во всем виноват! С операцией этой вполне можно было и обождать. Правда, надоело — болит и болит, и Мэг настаивала, чтоб я прооперировался до выхода на пенсию. Видно, считала, что лучше потратить на это государственное время, чем мое собственное.

Подумав о тяготах и успехах, выпавших на долю Фриборна за сорок с лишним лет службы на пользу судебной медицины, о трудных годах войны, об отсроченной пенсии, о последних пяти годах, когда Чарлз оставил директорский пост и занялся бюрократической тягомотиной, Дэлглиш сказал:

— Очень разумно с ее стороны. Кроме того, тебе вовсе нечего делать в Чевিশеме.

— Да знаю я. Смешно чувствовать, что ты за это отвечаешь, только потому, что беда случилась как раз, когда тебя на месте нет. Из дежурки позвонили чуть позже девяти — сообщить мне об этом. Решили, видно, что лучше я от них узнаю, чем от посетителей или из вечерних газет. Молодцы. Главный констебль, по всей видимости, вызвал ребят из Скотленд-Ярда сразу, как получил сообщение. А тебе самому что известно?

— Думается, примерно то же, что и тебе. Я говорил с главным констеблем и с Хоуартом. Узнал от них основные факты. Череп пробит, очевидно, тяжелым молотком, который Лорример как раз исследовал. Лаборатория была должным образом заперта, когда помощник сотрудника по связям с полицией и молоденькая девушка — секретарь-регистратор — прибыли туда в восемь тридцать утра. Ключи Лорримера — у него в кармане. Он часто задерживался на работе допоздна, и большинство сотрудников знали, что он в тот вечер собирался остаться подольше. Никаких признаков взлома. Четыре комплекта ключей. Один — у Лорримера, поскольку он главный научный сотрудник и заместитель начальника службы безопасности. Второй комплект — у помощника сотрудника по связям с полицией. Только Лорри-

мер или один из сотрудников по связям с полицией имел право запирать и отпирать здание. Третий комплект ключей хранится у директора в сейфе, а четвертый — в сейфе полицейского участка в Гайз-Марше — на случай, если ночью сработает сигнализация.

— Значит, либо Лорример впустил убийцу, либо убийца имел свой ключ, — сказал Фриборн.

Были и другие возможности, подумал Дэлглиш, только сейчас не время их обсуждать.

— Лорример, полагаю, впустил бы любого из сотрудников Лаборатории? — спросил он.

— Почему же нет? Он и полицейского бы впустил, из тех, кого знал лично, тем более детектива, занятого в последнем расследовании. Насчет других — не знаю. Мог впустить приятеля или родственника, хотя это совсем уж сомнительно. Он был педантичен до предела, бедняга, не представляю себе, чтобы он считал Лабораторию подходящим местом для randevu. И разумеется, он наверняка впустил бы судебного патанатома.

— Мне сказали, у них там свой, местный патанатом есть — Генри Керрисон. Главный констебль сказал, его вызывали осмотреть тело. Вряд ли они могли еще что-то сделать. А я и не знал, что вы нашли кандидата на место министерского патанатома. Что есть кем Дональда из мертвецкой заменить!

— Да мы не нашли пока. Керрисон этим занимается на условиях сдельной оплаты. О нем хорошо отзываются, и мы скорее всего именно его и назначим, если удастся уговорить Областное управление здравоохранения. Обычные сложности — он ведь работает в больнице, у него там тоже обязанности имеются. Чертовски хочется разобраться с судебной патанатомической службой до того, как я уйду. Но боюсь, эту головную боль придется оставить моему преемнику.

Дэлглиш вспоминал Дональда из мертвецкой без всякой приязни, особенно его омерзительные студенческие шуточки: «Нет-нет, только не этот нож для разрезания торта, моя милая, я им уже пользовался сегодня, вскрывая одну из жертв

Гарри Секача, и нож малость затупился!» Дэлглиш терпеть не мог его вечное стремление самоутвердиться, его громогласный смех и с благодарностью думал о том, что ему хотя бы не придется допрашивать этого невозможного старого притворщика.

— Расскажи мне о Лорримере, — попросил он. — Какой он был?

Вопрос этот всегда лежит в самом сердце расследования дел об убийстве, и тем не менее Адам сознавал всю его абсурдность еще до того, как произнес эти слова. Самая странная часть работы полицейского детектива — этакое воссоздание взаимоотношений с мертвецом, которого и увидел-то впервые лишь как лежащее в странной позе мертвое тело на месте преступления или обнаженный труп на секционном столе в морге. Погибший — главный элемент в разгадке его смерти. Он погиб из-за того, каким был. До окончания дела Дэлглишу предстоит получить десятки описаний личности Лорримера, словно фотографические отпечатки впечатлений, сохранившихся в памяти других людей. Из этих аморфных, неопределенных картин он постарается воспроизвести свое собственное представление, перекрывающее все остальные, господствующее над ними, но столь же несовершенное, столь же искаженное, как и все они, однако теперь уже — влиянием его собственных предубеждений, его собственной личности. Но тем не менее вопрос этот следовало задать. И тут по крайней мере он мог не опасаться, что Фриборн пустится в философские рассуждения о личностном базисе всякого «я». Впрочем, мысли их в этот момент, видимо, шли параллельно друг другу, потому что Фриборн сказал:

— Странно, что всегда приходится задавать этот вопрос, что должен смотреть на человека глазами других людей. Возраст — около сорока. Похож на Иоанна Крестителя, только без бороды, и столь же бескомпромиссен. Не женат. Живет со стариком отцом в коттедже на краю деревни. Он является... являлся... судебным биологом высочайшей компетенции, но сомнительно, чтобы он мог получить более высокий

пост. Одержимый, раздражительный, общаться с ним тяжело. Он претендовал на директорский пост в Лаборатории Хоггата, был конкурентом Хоурта.

— А как он да и все в Лаборатории приняли новое назначение?

— Мне представляется, Лорример воспринял это очень тяжело. Но в Лаборатории вряд ли хотели бы, чтобы это кресло занял он сам. Старший научный состав его недолюбливает. Впрочем, всегда найдется пара-другая коллег, которые предпочли бы чужаку своего, даже если они этого своего терпеть не могут. Ну и Союз наш пошумел, как водится, что назначили не судмедспециалиста.

— А почему, собственно, назначили Хоурта? Я так понял, что ты тоже в Совете директоров и участвовал в заседании?

— А как же! На мне тоже лежит часть ответственности. Я вовсе не хочу сказать этим, что мы совершили ошибку. Старый док Мак был по-настоящему крупным судмедспециалистом. Мы ведь вместе начинали. Но нельзя и отрицать, что он малость отпустил вожжи в последние несколько лет. Хоурт уже поднял уровень оборачиваемости на десять процентов. К тому же предстоит ввод нового здания Лаборатории. Мы пошли на сознательный риск, назначив ученого не судебно-медицинского направления: нам прежде всего нужен был хороший менеджер. Во всяком случае, большинство в Совете считали именно так и смогли убедить остальных. Правда, не уточняя, что имеется в виду под этим замечательным словом «менеджмент». Новая наука. Все мы склоняем пред ней головы. В прежние времена мы просто брались за дело, улещали своих сотрудников, если это требовалось, давали под зад лодырям, ободряли робких и неуверенных и уговаривали полицейские службы использовать нас. Да еще время от времени посылали отчеты в МВД, просто чтоб они там не забыли, что мы существуем. Кажется, все шло вполне удачно. Наше ведомство не сгнуло, не погибло. Ты когда-нибудь размышлял над вопросом, в чем, собственно, разница между «руководством» и «менеджментом», а, Адам?

— Запомни этот вопрос и задай его следующему кандидату на заседании Совета. Пусть помучается. Хоуарт ведь работал в Научно-исследовательском институте Браша, верно? Почему он ушел оттуда? Он ведь пошел на меньшую ставку?

— Он потерял не больше шестисот фунтов в год, а это вряд ли его так уж ущемляет. Его отец был очень богат, и все деньги достались Хоуарту и его единокровной сестрице.

— Но институт — учреждение гораздо более крупное. И у Хоггата наукой не занимаются.

— Немного, но занимаются. Хотя в основном, разумеется, это ведомственная лаборатория. Это нас беспокоило, я имею в виду членов Совета. Но вряд ли кто-то станет уговаривать самого подходящего кандидата, что это место ему не подходит, поскольку ниже его возможностей. С научной и преподавательской точки зрения — он ведь чистый физик — он шел значительно впереди своих коллег. По правде говоря, мы пытались его поспросить, даже малость надавили. Но он привел обычные доводы. Он застоялся; нужно новое поле деятельности; хочет уехать из Лондона. Правда, ходят сплетни, что его недавно бросила жена и он хочет начать новую жизнь. Может, это и есть настоящая причина. Благодарение Господу, он ни разу не произнес это проклятое выражение «проба сил». Если я услышу от кандидата еще хоть раз, что он рассматривает новую должность как пробу сил, я им весь стол заседаний заблую... Адам, я старею. — Он кивком указал на окно палаты. — У них там сейчас обстановочка — не приведи Господь.

— Я знаю. Имел там чрезвычайно краткую, но тактичную беседу. Блестяще умеют дать понять гораздо больше, чем вслух сказано. Но и так ясно, что это дело надо решить быстро. Помимо того, что речь идет о доверии к самому ведомству, необходимо, чтобы Лаборатория снова заработала.

— А сейчас там что происходит? С сотрудниками?

— Местный Угро опечатал все внутренние двери, сотрудников держат в библиотеке и в Регистрационном отделе. Ждут

моего приезда. Они заняты тем, что пишут объяснительные — где и что каждый из них делал с того момента, как Лорримера видели в живых в последний раз. Местная полиция предпринимает предварительную проверку всех алиби. Это должно сэкономить нам время. Я беру с собой одного из офицеров — Джона Мэссингема. Всю судмедэкспертизу возьмет на себя лаборатория Столичной полиции. Столпол же командирует туда кого-то из Отдела по связям с общественностью, так что эта обязанность у меня с плеч долой. Замечательно, что знаменитая поп-группа развалилась с таким шумом. Этот скандал и неприятности в правительстве займут первые страницы газет, так что пару дней мы удержимся где-нибудь на задворках.

Фриборн взирал на свои огромные ступни с легким отвращением, словно эти его заблудшие члены натворили что-то такое, что лишь теперь стало ему очевидно. Время от времени он шевелил пальцами — выполняя ли медицинское предписание, или просто для собственного удовольствия — трудно сказать. Помолчав с минуту, он сказал:

— Видишь ли, я ведь начинал в Лаборатории Хоггата. Еще до войны. Тогда все, что у нас было — реактивы да пробирки, растворы да мензурки. И девушек на работу не брали — неприлично было им заниматься делами, связанными с преступлениями на сексуальной почве. Лаборатория Хоггата была старомодной даже для тридцатых годов. Не с научной точки зрения, впрочем. У нас появился спектрограф, когда он еще воспринимался как новая чудесная игрушка, не более того. Болота порой рождали странные преступления. Помнишь дело Маллигана — старика, который изрубил на куски своего брата и привязал останки к воротам шлюза в Лимингсе? Хорошую судмедэкспертизу мы тогда провели, да и улики хватало.

— Чуть ли не полсотни кровавых пятен на стене свинарника, так, кажется? А Маллиган клялся и божился, что эта кровь свиная.

В голосе Фриборна зазвучали ностальгические нотки:

— А мне этот старый разбойник был даже чем-то симпатичен. А снимки тех пятен — я сам их фотографировал — до сих пор вытаскивают, как только лекции о кровавых пятнах надо проиллюстрировать. Странно, Лаборатория Хоггата всегда к себе как-то привлекала, да и привлекает до сих пор. Совершенно неподходящее здание — прямо храм Афины Паллады — посреди ничем не привлекательной деревушки в Восточной Англии, на краю черных болот. Пятнадцать километров до Или, да и Или не очень-то похож на место, где молодежь может хорошо повеселиться или чем-то интересным заняться. Зимы такие, что промораживают до мозга костей, а весенний ветер — там его называют «болотняк» — поднимает торфяную пыль и забивает легкие похуже смога. И при всем при том сотрудники — если не сбегают в первый же месяц — остаются там навсегда. А ты знал, что там, на их территории, есть часовенка Рена*? С точки зрения архитектуры она гораздо ценнее самого поместья, ведь Хоггат ее никогда и пальцем не тронул. Эстетическим вкусом полковник похвастаться вряд ли мог, как мне кажется. Он как-то пытался использовать часовню под склад химикалий, после того как она была секуляризована, или что там делают с церквями, которые не используются по назначению? А Хоуарт собрал струнный квартет из сотрудников Лаборатории и устроил в часовне концерт. Он вроде довольно известный скрипач-любитель. В настоящий момент он скорее всего жалеет, что не занялся музыкой всерьез. Не очень-то успешное начало для бедолаги. А ведь там всегда так хорошо работалось. Я думаю, то, что Лаборатория была совершенно изолирована от остального мира, и давало нам это ощущение товарищеской близости.

— Думаю, это ощущение и часа не продержится после моего приезда, — мрачно прокомментировал Дэлглиш.

— Точно. Вы, ребята, обычно приносите с собой столько же неприятных проблем, сколько вам удастся разрешить. И

* Рен, Кристофер (1632—1723) — английский архитектор и ученый.

с этим ничего не поделаешь. Это ведь убийство — преступление, которое так или иначе пачкает всех. Конечно, ты во всем разберешься, я уверен. Как всегда. Только вот какой ценой?

Дэлглиш не ответил. Он был слишком честен и слишком любил Чарлза, чтобы произносить успокоительные слова и давать ничего не значащие обещания. Разумеется, он будет предельно тактичен, нечего об этом и говорить. Но ведь он едет к Хоггату расследовать убийство, и все остальные соображения придется отодвинуть: слишком важна задача. Дело об убийстве всегда решается ценой каких-то потерь. Иногда — собственных, чаще — чужих. И Фриборн, разумеется, прав. Убийство — такое преступление, которое пачкает всех, виновных и невиновных, без разбора. Дэлглиш не жалел о тех десяти минутах, которые провел с Чарлзом Фриборном. Старик верил, что ведомство, которому он отдал всю свою сознательную жизнь, самое лучшее в мире. Он помогал создавать это ведомство, и вполне возможно — он прав. Дэлглиш узнал то, что хотел узнать, за чем приходил. Но, пожимая старику руку на прощание, сознавал, что никак его не успокоил.

ГЛАВА 3

Лабораторная библиотека располагалась в самой глубине первого этажа. Три высоченных окна выходили на каменную террасу, откуда вниз, на лужайку и в бывший партерный сад, вели два пролета ступеней. Теперь от лужайки и сада осталось лишь запущенное, заросшее нестриженной травой пространство в полгектара, с запада огороженное кирпичной пристройкой, где размещался Отдел транспортных средств, а с востока — старой конюшней, теперь перестроенной под гараж. Это была единственная комната в

доме, не затронутая жадной переделок, обуревавшей его хозяина. Старинные книжные шкафы резного дуба все еще выселись по стенам, хотя теперь в них хранились лишь специальные научные труды, правда, в весьма значительном количестве, а дополнительное место для подшивок английских и международных научных журналов обеспечивали два передвижных стальных стеллажа, разделявшие помещение на три отсека. У каждого из трех окон стояли большой рабочий стол и четыре стула. Один из столов был сейчас почти целиком занят макетом нового здания Лаборатории.

В этом-то не очень вместительном пространстве и были сейчас собраны сотрудники Лаборатории. Сержант-детектив из местного Угро бесстрастно сидел у самой двери, напоминая о том, почему они все оказались фактически в заточении. Им разрешалось посещать туалет первого этажа в сопровождении весьма деликатного полицейского и звонить домой по телефону, не покидая библиотеки. Остальные помещения Лаборатории были для них в данный момент недоступны.

Всем сотрудникам сразу по прибытии на работу было предложено написать краткий отчет о том, где и с кем каждый из них провел прошлый вечер и ночь. Каждый терпеливо ждал, когда наступит его очередь подойти к одному из трех столов. Показания собирал сержант и передавал их коллеге-полицейскому, сидевшему у регистрационного стола, по всей видимости, для того, чтобы предварительная проверка алиби могла начаться незамедлительно. Тем из младших сотрудников, кто представил убедительное алиби, разрешалось уйти домой, как только заканчивалась проверка их показаний. Один за другим, медленно и неохотно, они покидали библиотеку, жалея, что не увидят развития волнующих событий. Менее удачливые, вместе с теми, кто первыми явились утром в Лабораторию, и сотрудники высшего звена должны были ожидать прибытия группы из Скотленд-Ярда. Директор появился в библиотеке только один раз. Перед этим он вместе с Анджелой Фоули отправился к старому мистеру Лорримеру —

сообщить о смерти его сына. Вернувшись, он заперся в своем кабинете со старшим полицейским следователем — суперинтендентом Мерсером из местного Угро. Говорили, что с ними находится и доктор Керрисон.

Минуты тянулись бесконечно. Все прислушивались — не раздастся ли рокот приближающегося вертолета. Присутствие полицейских, а возможно, и осторожность, деликатность или просто смущение мешали собравшимся в библиотеке говорить о том, что прежде всего занимало их мысли. Они разговаривали друг с другом настороженно и вежливо, как не вызывающие друг у друга симпатии незнакомцы, застрявшие в аэропорту. Женщины оказались гораздо лучше приспособленными к надоедному ожиданию. Миссис Моллет, машинистка из Общей канцелярии, принесла на работу вязанье; подкрепленная несокрушимым алиби — она весь вечер просидела между мистером Мэйсоном из универмага и заведующей почтой на деревенском концерте — и возможностью не сидеть без дела, она позвякивала спицами с вполне понятным, хоть и вызывающим раздражение спокойствием, ожидая, пока ей разрешат удалиться. Миссис Бидуэлл, уборщица, настояла, чтобы ей было позволено — в сопровождении полицейского — посетить кладовку, где хранились ее щетки и тряпки, и, вооружившись метелкой из перьев и парой тряпок, предприняла яростную атаку на книжные шкафы. Она была необычайно молчалива, но научные сотрудники, стоявшие группкой у одного из столов, слышали, как она ворчала что-то себе под нос, подвергая экзекуции запылившиеся полки с книгами.

Бренда Придмор получила разрешение взять с конторки журнал регистрации поступлений и, бледная, но внешне совершенна спокойная, сверяла цифры за прошлый месяц. Журнал занимал на столе слишком много дефицитного места, но у нее по крайней мере было для этого вполне законное основание — работа. Клэр Истербрук, старший научный сотрудник Биологического отдела, а теперь, со смертью Лорримера, — главный биолог, достала из сумки подготовленную

ею научную статью о последних достижениях в области определения групп крови и принялась ее редактировать так внешне спокойно и сосредоточенно, как будто убийство в Лаборатории Хоггата — одно из тех мелких неудобств, к которым она всегда была предусмотрительно подготовлена.

Остальные сотрудники проводили время кто как умел. Тот, кто предпочитал прикидываться, что занят работой, уткнулся носом в книгу, время от времени делая явно рассчитанные на публику пометки. Два сотрудника Отдела транспортных средств, о которых было известно, что они ни о чем ином, кроме автомашин, говорить не умеют, уселись бок о бок на корточках и, прислонясь спинами к стальному стеллажу, принялись обсуждать единственную близкую им тему с энтузиазмом отчаяния. Миддлмасс кончил решать кроссворд из «Таймс» без четверти десять и теперь старался продлить чтение газеты насколько возможно. Но уже успела истощиться даже колонка объявлений о смерти. Он сложил газету и перебросил на ту сторону стола, где ее тотчас же подхватили жадные руки ожидавших.

Всем стало намного легче, когда, незадолго до десяти, появился Стивен Копли, главный химик, как всегда, подвижный и шумный; его румяное лицо и круглая, как тонзура, лысина в венчике курчавых черных волос сияли так, словно он только что вернулся с солнечного пляжа. Мало что в жизни могло его огорчить, и менее всего — смерть человека, которого он недолюбливал. Но алиби у него было вполне надежное, поскольку весь вчерашний день он провел на заседании Королевского суда, а вечер и ночь — у друзей в Норидже и приехал в Чевিশем только что, несколько запоздав на работу. Его коллеги, радуясь, что наконец-то есть о чем поговорить, засыпали его вопросами о процессе, в котором он участвовал. Голоса их звучали неестественно громко. Остальные прислушивались с преувеличенным интересом, казалось, что это не беседа, а диалог из театральной постановки, разыгрываемой специально, чтобы их развлечь.

— А кто был приглашен в качестве защитника? — спросил Миддлмасс.

— Чарли Поллард. Представьте себе — навис брюхом над скамьей присяжных и доверительно объяснил им, что не следует бояться показаний ученых-экспертов, поскольку никто из нас, в том числе, разумеется, и он сам, на самом деле не понимает, о чем идет речь. Присяжные почувствовали необычайный прилив бодрости, нечего и говорить.

— Присяжные терпеть не могут ученых-экспертов и их показания.

— Они всегда боятся, что ничего не смогут понять. И в результате действительно ничего не понимают. Как только ты встаешь на свидетельское место, видишь, как их умы затягивает завеса упрямого непонимания. Потому что им нужна определенность. Определенно ли эта частичка краски откололась от этого кузова машины? Отвечайте: «Да» или «Нет»? Нечего пудрить нам мозги вашими обожаемыми математическими вероятностями.

— Ну, если они терпеть не могут научных свидетельств вообще, то уж арифметику просто ненавидят. Попробуйте привести научный довод, основанный на делении множителя на две трети, что вы услышите от представителя защиты? «Боюсь, вам придется объясняться более четко, мистер Миддлмасс. Видите ли, ни я, ни господа присяжные не имеем высоких ученых степеней в области математики». Подразумевается: «Ты подлец и зазнайка, и присяжные будут правы, если не поверят ни одному твоему слову».

Это был старый спор. Бренда слышала все это и раньше, когда приходила в обеденный перерыв в так называемую столовую для младшего научного состава — комнату между кухней и гостиной — съесть свои бутерброды. Но сейчас ей показалось ужасным, что все они так просто и естественно беседуют меж собой, когда доктор Лорример лежит убитый там, наверху. Ей вдруг захотелось произнести вслух его имя. Она оторвалась от журнала и, сделав над собой усилие, сказала:

— Доктор Лорример считал, что кончится дело тем, что у ведомства будет три огромные лаборатории, работающие на всю страну, а вещдоки будут доставляться самолетами. А еще он говорил, что все научные показания должны согласовываться между обеими сторонами заранее, еще до процесса.

— Это старый спор, — отозвался Миддлмасс. — Полицейские хотят, чтоб у них под рукой была местная — маленькая, миленькая, удобненькая лаборатория. Да и кто бросит в них камень за это? Кроме того, три четверти судмедисследований не требуют всего этого сложного оборудования. Более разумно было бы создать региональные лаборатории с оборудованием на высоком современном уровне, с сетью местных подстанций. Но кто же захочет работать на маленькой подстанции, когда все самое интересное происходит где-то в другом месте?

Мисс Истербрук, по-видимому, закончила редактирование статьи.

— Лорример прекрасно понимал, — сказала она, — что идея лаборатории как научного арбитра не сработает, во всяком случае, пока работает британская обвинительная система. В любом случае научные свидетельские показания должны подвергаться проверке, как и все остальные.

— Но кто будет это делать? — спросил Миддлмасс. — Простые присяжные? Предположим, вы — эксперт по исследованию документов, не работающий в нашем ведомстве. Вас пригласили как эксперта защиты. Вы и я разошлись во мнениях. Как разберутся присяжные — кто из нас прав? Они скорее всего предпочтут поверить вам, потому что вы красивее.

— Или скорее всего вам, потому что вы — мужчина.

— Или же кто-то из них — а его голос будет решающим — отвергнет меня, потому что я похож на его дядюшку Бона, а вся семья прекрасно знает, что Бон — завязтый лгун, какого во всем свете не сыскать.

— Ну ладно, ладно. — Копли поднял пухлые руки жестом успокаивающим и благословляющим. — Все это следует

принимать так же, как демократию. Это не безошибочная система, но ничего лучшего у нас нет.

— И все-таки потрясающе, как хорошо эта система работает, — сказал Миддлмасс. — Посмотришь на присяжных — сидят, все — внимание, вежливые и тихие, как дети, решившие хорошо себя вести: они ведь гости в чужой стране, вот и не хотят свалить дурака или обидеть туземцев. И все-таки часто ли бывает, чтобы они вынесли вердикт, явно порочный по отношению к тому, о чем свидетельствуют улики?

— Другой вопрос, явно ли их вердикт порочен по отношению к истине, — сухо заметила Клэр Истербрук.

— Уголовный процесс не заседание трибунала, выявляющего истину. Мы хотя бы оперируем фактами. А как насчет эмоций? Вы любили мужа, миссис Б.? Как может несчастная женщина объяснить, что скорее всего, как и многие жены, большую часть времени она его любила: когда он не храпел у нее над ухом целую ночь, не орал на детей, не урезал деньги на бинго*.

— Конечно, не может. Если мозги у нее хоть чуть-чуть работают и если ее защитник проинструктировал ее должным образом, она вытащит платочек и прорывает: «О да, сэр! Лучшего мужа и желать было нельзя. Господь мне свидетель». Это ведь все игра, не так ли? Выигрываешь, если играешь по правилам.

— Если они тебе известны. — Клэр Истербрук пожала плечами. — Слишком часто случается, что правила игры известны только одной из сторон. И совершенно естественно, ведь именно эта сторона их и устанавливает.

Копли и Миддлмасс рассмеялись.

Клиффорд Брэдли укрылся от остальных присутствующих за столом с макетом новой Лаборатории. Он наугад взял с полки книгу, но за последние десять минут ни страницы не перевернул.

* Бинго — игра типа лото, популярная среди пожилых людей, особенно женщин.

Они смеются! На самом деле смеются! Поднявшись из-за стола, он чуть ли не ошупью прошел в самый дальний отсек и, положив книгу на полку, прижался лбом к холодной стали стеллажа. Миддлмасс, как бы бесцельно, подошел и встал рядом, спиной к остальным. Доставая с полки книгу, спросил:

— Как вы, в порядке?

— Господи, хоть бы они поскорее приехали!

— Да мы все этого ждем. Вертолет должен прибыть с минуты на минуту.

— Как они могут смеяться? Им что, все равно?

— Разумеется, не все равно. Убийство отвратительно, оно огорчает и ставит всех в неловкое положение. Но я что-то сомневаюсь, чтобы хоть кто-нибудь здесь горевал о нем по-настоящему. А трагедии других людей, опасность, грозящая другому, всегда вызывают некоторую эйфорию, поскольку сами мы живы и невредимы. — Он посмотрел на Брэдли и очень тихо добавил: — Вы же знаете — бывают непредумышленные убийства, убийства при смягчающих вину обстоятельствах. Впрочем, добиться оправдания на этих основаниях вряд ли удастся.

— Вы думаете, это я его убил, правда?

— Я ничего не думаю. Во всяком случае, у вас имеется алиби. Ведь ваша теща приезжала к вам вчера и вы вместе ужинали, разве нет?

— Она была не весь вечер. Уехала автобусом в семь сорок пять.

— Ну, если повезет, аутопсия покажет, что к этому времени он был уже мертв. — «А почему, собственно, — подумал Пол, — Брэдли предполагает, что еще не был?»

Брэдли подозрительно сощурил темные глаза:

— Откуда вы знаете, что теща вчера к нам приезжала?

— Мне Сюзан сказала. Дело в том, что она звонила мне в Лабораторию около двух. Расспрашивала о Лорримере. — Он подумал с минуту, потом продолжал совершенно спо-

койно, — она интересовалась, нет ли предположений, что он будет просить о переводе, ведь уже год прошел с назначения Хоурта. Она подумала, я мог слышать об этом. Когда вернетесь домой, скажите ей, пожалуйста, что я не предполагаю сообщать полиции об этом разговоре, если она сама им об этом не скажет. Да, и заверьте ее, будьте добры, что не я проломил Лорримеру голову. Я готов ради Сью на многое, но надо все-таки и меру знать.

В голосе Брэдли послышались неприязненные нотки:

— А вам-то что беспокоиться? У вас алиби в порядке. Разве вы на деревенском концерте не были?

— Не весь вечер. Кроме того, есть небольшое затруднение с моим алиби даже на тот момент, когда я, со всей очевидностью, на этом концерте находился.

Брэдли посмотрел ему прямо в глаза и с неожиданной страстностью произнес:

— Это не я! О Господи, я этого не вытерплю! Я не могу больше ждать!

— Придется вытерпеть. Возьмите себя в руки, Клифф. Ничего хорошего — ни для вас, ни для Сюзан, — если вы сейчас рассыплетесь на составные. Это же английская полиция. Не КГБ же мы тут с вами ждем!

Как раз в этот момент они и услышали долгожданные звуки — отдаленный скрежещущий гул, скорее напоминающий жужжание рассерженной осы. Несвязные разговоры за столами затихли, головы поднялись от книг и журналов, и все собравшиеся двинулись к окнам. Миссис Бидуэлл рванулась занять место с наилучшим обзором. Красно-белый вертолет пророкотал над верхушками деревьев и оводом завис над террасой. Никто не проронил ни слова. Тут заговорил Миддлмасс:

— Чудо-мальчик Скотленд-Ярда должным образом снисходит к нам с небес. Что ж, будем надеяться, дело у него в руках станет спориться. Очень хочется поскорее в собственную Лабораторию попасть. Кто-нибудь должен ему объяснить, что здесь не только у него убийство на руках.

ГЛАВА 4

Детектив-инспектор почтенный* Джон Мэссингем терпеть не мог вертолеты: они казались ему слишком шумными, слишком тесными и пугающе небезопасными. Поскольку его физическая храбрость не подвергалась сомнению ни им самим, ни кем-нибудь другим, Мэссингем в обычных условиях не считал нужным скрывать это свое отношение. Но он знал, что его шеф не любит праздной болтовни, и в тесноте «Энстрома-F28», пристегнутый ремнем к сиденью бок о бок с Дэлглишем, решил про себя, что расследование чевишемского дела пойдет гораздо успешнее, если придерживаться политики строгого и дисциплинированного молчания. Мэссингем с интересом отметил, что приборная панель в кабине замечательно похожа на автомобильную приборную доску и даже скорость полета обозначается милями в час, а не узлами. Жаль только, что на этом сходство и кончается. Он поудобнее приладил наушники и, чтобы успокоить нервы, принялся сосредоточенно изучать карту.

Им наконец-то удалось сбросить с себя коричнево-красные шупальца лондонских предместий, и клетчатый осенний ландшафт, словно коллаж из матерчатых, разной плотности лоскутков, в сменяющих друг друга коричневых, зеленых и золотых тонах, разворачивался теперь под ними, протянувшись до самого Кембриджа. Порой солнечные лучи, пробиваясь меж облаками, омывали ярким сиянием опрятные деревушки, разрезанные улицами на почти равные части, ухоженные парки и просторные поля. Крохотные игрушечные автомобили, блестящие в солнечных лучах, словно жуки-бронзовки, мчались по дорогам, обгоняя друг друга.

Дэлглиш взглянул на своего спутника: бледное волевое лицо, веснушки брызгами усыпали крупный нос и широкий

* Почтенный, почтенная — титул сыновей и дочерей пэров Англии, ставится перед именем.

лоб, шапка густых рыжих волос, взъерошенных ободом наушников. До чего же, подумал он, сын похож на отца, на этого грозного, трижды удостоенного высоких наград пэра Англии, чья храбрость могла сравниться лишь с его же собственным упрямством и недалекостью. Поразительно, как семейство Мэссингемов, уходящее корнями в пятивековую глубь, могло произвести на свет столько поколений симпатичных ничтожеств. Адам припомнил, что в последний раз он видел лорда Дангэннона в палате лордов во время дебатов о детской преступности. Его светлость почитал себя экспертом в этом вопросе, поскольку он когда-то, вне всякого сомнения, был мальчиком и даже помог организовать, правда, ненадолго, юношеский клуб в имении своего деда. Его идеи, когда наконец до них удалось добраться, были изложены примитивно, беспорядочно и оказались абсолютно банальными, лишенными всякой связи и логики. Однако высказывались они на удивление тихим голосом, с долгими паузами, во время которых его сиятельство устремлял задумчивый взор на пустующий королевский трон, так что казалось, он наслаждается общением с неким таинственным духом внутри себя. А тем временем благородные лорды, подобно учуявшим море леммингам, гуськом потянулись прочь из палаты, чтобы появиться там вновь, как только, словно по телепатическому сигналу, им стало ясно, что речь Дангэннона приближается к завершению. Но если семейство это и не внесло заметного вклада ни в государственную деятельность, ни в искусство, то представители его в каждом поколении весьма доблестно погибали за традиционные идеалы.

А теперь наследник Дангэннона избрал для себя деятельность, столь далекую от традиционных идеалов. Интересно будет, если — впервые за всю пятивековую историю, да еще на таком необычном поле деятельности, — семейка сумеет должным образом проявить себя. Что заставило Мэссингема избрать полицейскую службу в качестве выхода для наследственной воинственности и отжившего свое патрио-

тизма вместо обычной для семейства военной карьеры, Дэлглиш никогда не спрашивал: отчасти потому, что с уважением относился к личным интересам и побуждениям других людей, отчасти же потому, что был вовсе не уверен, что хочет услышать ответ на свой вопрос. До сих пор Мэссингем на деле проявлял себя исключительно хорошо. Коллеги-полицейские были обычно весьма терпимы и полагали, что человек себе отца не выбирает. Поэтому принято было считать, что Мэссингем получил повышение по заслугам, хотя никто из сослуживцев не был так уж наивен и не думал, что быть старшим сыном английского пэра идет человеку исключительно во вред. За глаза, а иногда и в глаза его называли «Почтяк Джон», причем совершенно беззлобно.

Хотя семья теперь обеднела, а имение было продано (лорд Дангэннон взрастил многочисленное потомство в небольшом особняке на Бэйзуотер-роуд), старший сын его все-таки смог пойти в ту же школу, где учился отец. Вне всякого сомнения, думал Дэлглиш, старый воин и не подозревал о существовании других школ; как и представители других социальных классов, аристократы, как бы бедны они ни были, всегда умели отыскать средства на то, что считали необходимым. Но Джон оказался весьма необычным продуктом достопочтенного заведения: он был совершенно лишен той слегка небрежной элегантности и ироничной отстраненности, какими славилась его выпускники. Если бы Дэлглишу не была известна его биография, он решил бы, что Мэссингем вышел из солидной семьи высшего среднего класса — докторской или адвокатской — и окончил обычную среднюю школу со старыми традициями. Сейчас они работали вместе всего во второй раз. В первый раз Мэссингем произвел на Адама впечатление человека умного и невероятно работоспособного; кроме того, он умел молчать и прекрасно понимал, когда его шефу необходимо побыть в одиночестве. К тому же Дэлглиша поразила некоторая безжалостность, присущая молодому человеку, хотя, подумал он, чему же тут

удивляться, ведь эта черта обязательно должна быть присутствующая всякому хорошему детективу.

«Энстром» рокотал уже над башнями и церковными шпилями Кембриджа; видны были изгибы сверкающей под солнцем реки, по-осеннему яркие улицы, бегущие сквозь зелень лужаек к горбатым мостикам, церковная капелла Королевского колледжа, наклоненная и медленно вращающаяся на краю огромного полосатого квадрата зелени. И почти сразу же город остался позади, а под ними открылись, будто волнуемое зыбью эбеновое море, черные почвы Болот. Прямые дороги приподнимались над полями, деревни протянулись вдоль дорог, словно приникли к ним, ища безопасности на более высоких участках земли; одинокие фермы прятались под крышами — такими низкими, что казалось, они наполовину ушли в торфяник; кое-где поднимались величественные башни церквей, стоявших поодаль от деревень, и камни надгробий, окружавших церкви, походили на расшатавшиеся зубы. Теперь уже, должно быть, совсем близко: Дэлглиш разглядел на востоке устремленную вверх западную башню собора в Или.

Мэссингэм поднял голову от карты и посмотрел вниз. Дэлглиш услышал в наушниках его хриплый голос:

— Прибываем, сэр.

Под ними раскинулся Чевишем. Он лежал на узком плато над Болотами, ряды домов вытянулись вдоль более северной из двух сходящихся друг с другом дорог. Башня внушительной церкви, построенной в форме креста, была легко узнаваема, так же как и поместье Чевишем-Мэнор. За ним, распростершись на искореженном рвами поле и соединив две дороги, виднелись блоки из кирпича и бетона: будущее здание Лаборатории. «Энстром» протарахтел вдоль главной улицы: деревня походила на все деревни Восточной Англии. Дэлглиш увидел красно-кирпичный узорный фасад местной церкви, пару-другую богатых домов с крышами в голландском стиле, небольшой квартал недавно построенных ящиков-домов на две семьи: щит с названием строительной

фирмы еще не успели убрать; и здание, похожее на деревенский универмаг, а рядом с ним — почту. Народу на улицах было мало, но вскоре шум вертолета привлек внимание, и из магазинов и домов стали появляться люди, поднимали к машине напряженные бледные лица и смотрели вверх, прикрывая ладонями глаза от солнца.

Машина повернула к Лаборатории Хоггата, низко пролетая над часовней — должно быть, той самой часовней Рена. Она стояла примерно в полукилометре от дома, окруженная тройным кольцом буков: одинокое здание, такое маленькое и такой совершенной формы, что казалось архитектурным макетом, помещенным точно посреди специально созданного ландшафта, или элегантной беседкой в форме церквушки, оправдывающей свое существование лишь классической чистотой линий и столь же далекой от религии, сколь и от жизни. Странно, что она стояла так далеко от дома. Дэлглиш подумал, что она скорее всего была построена позже, возможно, потому, что первый владелец поместья повздорил с местным священником и на зло ему решил сделать все возможное, чтобы без него отправлять духовные службы. Поместье вовсе не казалось достаточно крупным, чтобы его владельцы могли содержать собственный храм. Пока заходили на посадку, выдалось несколько секунд, когда ничто не мешало Дэлглишу рассмотреть в промежутке меж деревьями западный фасад часовни. Единственное с высокой аркой окно с двумя уравновешивающими его нишами, их разделяют четыре коринфских пилястра, а все вместе увенчано большим фронтоном в стиле поздней английской готики, с шестиугольным фонарем наверху. Низко летящий вертолет словно щеткой отряхивал кроны деревьев. Хрупкие, легкие, как обрывки горелой бумаги, осенние листья, сорванные воздушным потоком, дождем сыпались на крышу Лаборатории, на яркую зелень лужайки.

Вдруг резко, так, что тошнота подступила к горлу, вертолет взмыл вверх, часовня исчезла из вида, и машина, гро-

хоча винтами, застыла, готовая опуститься на каменную террасу позади дома. За крышей дома виднелся передний двор, разделенный на участки для парковки автомобилей: аккуратным рядом выстроились полицейские машины и еще одна — фургон, видимо, для перевозки трупов. Широкая въездная аллея, обрамленная лохматым кустарником и редкими деревьями, вела от дороги, обозначенной на карте как Стоуни-Пигготс-роуд. Ворот у въезда в аллею не было. Напротив въезда можно было видеть яркий щиток автобусной остановки и навес для пассажиров. Но вот вертолет пошел вниз, и теперь видна была лишь задняя стена дома. В окне первого этажа смутно маячили лица наблюдавших за посадкой.

На площадке ждала «приемная комиссия» — три человека. Сверху фигуры их казались странно укороченными, с вытянутыми вверх шеями. Ветер от шлепающих по воздуху винтов гротескно взлохматил им волосы, штанины их брюк бились вокруг ног, а пиджаки плоско прилипли к груди. Когда смолкли моторы, неожиданно наступившая тишина была такой абсолютной, что Дэлглишу показалось, будто три неподвижных фигуры — манекены в витрине затихшего мира. Он и Мэссингем отстегнули привязные ремни и выбрались наружу. Секунд пять обе группы стояли молча, рассматривая друг друга. Затем, одинаковым жестом, трое встречающих пригладили волосы и осторожно двинулись вперед, навстречу Дэлглишу. В ту же минуту слух его восстановился — уши больше не были заложены, — и мир снова обрел звучание. Дэлглиш обернулся — поблагодарить пилота и сказать ему несколько слов. Затем вместе с Мэссингемом пошел к встречающим.

Он уже был знаком с суперинтендентом Мерсером из местного Угро: они встречались на нескольких конференциях сотрудников полиции. Даже на расстоянии десяти — двенадцати метров бычья шея и плечи суперинтендента, его круглое лицо комедианта с широким, улыбчивым ртом и блестящими пуговицами глаз были легко узнаваемы. Дэлг-

лиш почувствовал сокрушительное рукопожатие, а затем Мерсер представил остальных. Доктор Хоуарт: высокий блондин, почти одного роста с Дэлглишем, широко расставленные глаза необычайно глубокого синего цвета, обрамленные такими длинными и пушистыми ресницами, что любое другое лицо могло бы показаться женственным, но только не это — таким надменно мужественным было оно. Хоуарт мог бы считаться необычайно красивым, подумал Дэлглиш, если бы не легкое несоответствие в чертах лица, скорее всего контраст между тонкой и нежной кожей, обтянувшей изящной лепки скулы, и слишком волевым, выдающимся вперед подбородком под бескомпромиссным ртом. Дэлглиш и так понял бы, что Хоуарт богат. Синие глаза взирали на мир с чуть цинической уверенностью человека, привыкшего получать желаемое — стоило только пожелать — самым простым из существующих способов: заплатив за него. Рядом с ним — доктор Генри Керрисон, такой же высокий, но рядом с Хоуартом казавшийся меньше ростом. Его изрезанное морщинами, взволнованное лицо было бледно от усталости, а в темных глазах с припухшими веками таилось что-то, похожее на горькое сознание фиаско. Он крепко пожал Адаму руку, но не произнес ни слова. Хоуарт сказал:

— Через черный ход сейчас мы не сможем пройти, придется обойти здание кругом. Так будет проще.

С расследовательскими чемоданчиками в руках, Дэлглиш и Мэссингем последовали за ним, обходя дом сбоку. Лица в окне первого этажа исчезли, повсюду царила необычайная тишина. Шурша листьями, усыпавшими дорожку, вдыхая терпкий осенний воздух и ощущая на лице солнечные лучи, Мэссингем почувствовал, как его охватывает почти животная радость бытия. Прекрасно, что он не в Лондоне. Дело обещало быть интереснейшим, именно такие дела он и любил. Их небольшая группа завернула за угол дома, и Дэлглиш и Мэссингем впервые по-настоящему увидели фасад Лаборатории Хоггата.

ГЛАВА 5

Здание представляло собой прекрасный образец бытовой архитектуры конца семнадцатого века: трехэтажный дом с украшениями на крыше и четырьмя мансардными окнами; центральная — выступающая — часть дома с тремя эркерами украшена фронтоном с резным карнизом и медальонами. Ко входу ведет широкая лестница из четырех закругленных каменных ступеней, а сама входная дверь — весьма внушительная, с пилястрами, — была тем не менее здесь вполне уместна, солидна и лишена нарочитости.

Дэлглиш на миг приостановился — полюбоваться фасадом. Хоуарт сказал:

— Привлекательно, не правда ли? Но подождите, вам еще предстоит увидеть, что старик натворил внутри.

Парадная дверь, помимо сдержанно-элегантной медной ручки и такого же дверного молотка, оказалась украшена тремя замками: кроме английского замка, здесь был сейфовый с часовым набором и специальный замок Чабба, подсоединенный к системе сигнализации. На первый взгляд следов взлома не было заметно. Дверь открылась чуть ли не прежде, чем Хоуарт успел позвонить. Человек, отворивший дверь, без улыбки отступил в сторону, чтобы дать им пройти. Даже в штатской одежде Дэлглиш легко распознал в нем полицейского офицера. Хоуарт коротко представил его — инспектор Блейклок, помощник сотрудника по связям с полицией, и добавил:

— Все три замка были в порядке, когда Блейклок явился сюда сегодня утром. «Чабб» соединяет электронную систему сигнализации с полицейским участком в Гайз-Марше. Внутренняя система охраны контролируется из кабинета сотрудника по связям с полицией — там находится распределительный щит.

Дэлглиш посмотрел на Блейклока:

— Там все было в порядке?

— Да, сэр.

— Другого выхода отсюда нет?

Ответил ему Хоуарт:

— Нет. Мой предшественник считал нужным, чтобы черный ход и единственная боковая дверь были забиты. Слишком сложно было обеспечить все три двери системой безопасности. Все, кто приходит или уходит отсюда, идут через парадную дверь.

За исключением кого-то, кто, возможно, проник сюда иначе сегодня ночью, подумал Дэлглиш.

Они прошли через вестибюль, тянувшийся почти во всю длину дома: шаги их неожиданно громко звучали по выложенному узорным мрамором полу. По давно сформировавшейся привычке Дэлглишу достаточно было беглого взгляда, чтобы получить ясное представление о том, что он увидел. Шагая по направлению к лестнице, они ни на минуту не остановились, но впечатление от зала было совершенно четким: высокий лепной потолок, справа и слева — две элегантных двери с фронтонами, на правой стене — портрет маслом основателя Лаборатории, в глубине — блестящая полированным деревом конторка Регистрационного отдела. Полицейский, с лежащей перед ним на конторке пачкой листов, разговаривал по телефону, по-видимому, проверяя алиби сотрудников. Он не прервал разговора и не взглянул на пришедших.

Лестница была совершенно замечательная. Балюстраду из резных дубовых панелей украшали завитки из листьев аканта, а каждая балясина перил в конце лестничного марша венчалась тяжелым резным дубовым флероном в форме ананаса. Ковровой дорожки на лестнице не было, деревянные, ничем не натертые ступени истерты и исцарапаны. Суперинтендент Мерсер и доктор Керрисон поднимались по лестнице вслед за Дэлглишем молча. Хоуарт, шедший впереди, казалось, испытывал непреодолимую потребность говорить:

— На первом этаже расположены Отдел регистрации и Хранилище вещдоков, мой кабинет, комната секретарши, канцелярия и кабинет сотрудника по связям с полицией. Это все, кроме, конечно, бытовых служб в глубине дома. Главный инспектор Мартин — это наш старший сотрудник по связям с полицией — в данный момент находится в США, и все обязанности исполняет один Блейклок. На этом этаже у нас — в глубине — Биологический отдел, в фасадной части — Отдел криминалистики и Отдел исследования орудий и инструментов — в самом конце коридора. Но я для вас приготовил план Лаборатории — он у меня в кабинете. Подумал, может быть, вы захотите взять его с собой — если вам так удобнее. Но я ничего там не трогал, не передвигал, пока вы не осмотрите кабинет. Вот лаборатория Биологического отдела.

Он взглянул на суперинтендента Мерсера: тот достал из кармана ключ и отпер дверь. Лаборатория оказалась длинным помещением, явно перестроенным из двух комнат меньшего размера, может быть, малой и большой гостиной. Лепнина с потолка была убрана: возможно, полковник Хоггат посчитал, что лепной потолок не подходит для помещения, в котором работают. Но шрамы от этой операции были все еще ясно видны. На месте старых окон были сделаны два длинных окна, занявших практически всю торцевую стену. Под окнами располагались рабочие столы и раковины; еще два рабочих стола островками стояли посередине лаборатории: один — снабженный раковинами, другой — уставленный микроскопами. Слева, за стеклянной перегородкой, находился небольшой кабинет, справа — темная комната. У самой двери — огромный холодильник.

Однако наиболее причудливыми предметами в лаборатории казались два голых манекена, мужской и женский, стоявшие между окнами. Они стояли, лишенные одежды и париков, с удлиненными лысыми головами и обнаженными сочленениями рук, приподнятых и застывших, как бы паро-

дирующих жест благословения. Глаза их были устремлены в одну точку, губы изогнуты и резко вырезаны, и все это вместе делало их похожими на культовые изображения раскрашенных языческих богов. А у ног их, облаченное в белые одежды, лежало тело принесенной им жертвы.

Хоуарт не мог оторвать взгляда от этих манекенов, будто никогда раньше их не видел, будто полагал, что их присутствие здесь требует объяснения. Впервые за все утро он утратил малую толику всегдашней уверенности в себе.

— Это Лиз и Бертон, — сказал он. — Сотрудники лаборатории надевают на них одежду подозреваемых, чтобы проверить совпадение кровавых пятен или разрезов. — Потом спросил: — Я вам здесь еще нужен?

— Да, — ответил Дэлглиш. — На некоторое время.

Дэлглиш опустился на колени у трупа. Керрисон подвинулся поближе и встал рядом. Хоуарт и Мерсер остались стоять по обе стороны двери.

Минуты через две Дэлглиш сказал:

— Причина смерти вполне очевидна. Похоже, ему нанесли только один удар и он скончался на месте, там же, где упал. Удивительно мало крови.

— Это вовсе не необычно, — пояснил Керрисон. — Как вы, должно быть, знаете, можно получить весьма серьезную внутричерепную травму в результате простой трещины, особенно если имеется внутричерепное — перидуральное или субдуральное — кровоотечение или фактический разрыв тканей мозга. Я могу согласиться, что он скорее всего был убит одним ударом и что деревянный молоток вон там, на столе, — возможное орудие убийства. Но Блэйн-Томсон сможет сказать вам гораздо больше, когда осмотрит его на секционном столе. Он проведет аутопсию сегодня, во второй половине дня.

— Окоченение почти завершилось. Сколько времени, с вашей точки зрения, могло пройти с момента смерти?

— Я осмотрел труп незадолго до девяти и пришел тогда к выводу, что с момента смерти прошло около двенадцати ча-

сов, возможно, несколько больше. Скажем, он был убит между восемью и девятью вечера. Окно закрыто, температура в помещении постоянная, примерно двадцать градусов по Цельсию. В этих условиях я обычно рассчитываю падение температуры тела на девять десятых градуса в час. Я измерил температуру, когда осматривал труп, и, поскольку к тому моменту окоченение почти полностью наступило, могу сказать, что вряд ли возможно, чтобы какое-то время после девяти вечера он был еще жив. Но вы, конечно, знаете, как ненадежны могут быть такие расчеты. Лучше скажем так — между восемью тридцатью и полночью.

Хоуарт от двери заметил:

— Отец Лорримера говорит, сын звонил ему без четверти девять. Я навестил старика сегодня утром, вместе с Анджелой Фоули, сообщил ему о том, что произошло. Анджела Фоули — мой секретарь. Лорример был ей двоюродным братом. Но вы, разумеется, увидите со стариком. Мне показалось, он вполне уверен, что точно запомнил время.

— Похоже, кровотечение было долгим и равномерным, без первоначального выплеска. Как вы думаете, на нападавшем могли остаться пятна? — спросил Дэлглиш у Керрисона.

— Не обязательно, особенно если я окажусь прав и орудием был деревянный молоток. Возможно, этот единственный удар был нанесен с размаху, когда Лорример повернулся спиной. Тот факт, что удар нанесен слева над ухом, особого значения не имеет, как мне представляется. Нападавший мог быть левшой, но особых причин так полагать нет.

— Такой удар не требует особой физической силы. Его мог нанести и ребенок.

Керрисон, смущенный, помедлил с ответом.

— Ну, не ребенок... Женщина могла бы.

Оставался вопрос, который Дэлглиш — по форме — должен был задать обязательно, хотя, по положению тела и характеру кровотечения, ответ был вполне предсказуем:

— Он умер почти мгновенно, или можно все-таки предположить, что он какое-то время был способен ходить и даже запер двери и включил сигнализацию?

— Такое, как известно, встречается, но в данном случае такое предположение вряд ли возможно, я сказал бы даже — практически невозможно. У меня, правда, был случай — всего месяц назад: человеку нанесли удар топором — вдавленное повреждение теменной кости с обильным перидуральным кровоизлиянием. Он отправился в паб, провел полчаса с приятелями и лишь потом явился в травматологический пункт. Через пятнадцать минут он был мертв. Травмы головы бывают непредсказуемы, но только не эта, не правда ли?

Дэлглиш обратился к Хоуарту:

— Кто его обнаружил?

— Наша секретарь-регистратор, Бренда Придмор. Ее рабочий день начинается в восемь тридцать, как и у Блейклока. Мистер Лорример-старший позвонил и сказал, что его сын не ночевал дома, и она пошла проверить, не здесь ли он. Я приехал почти сразу же, вместе с миссис Бидуэлл, нашей уборщицей. Какая-то женщина позвонила утром по телефону — разговаривала с ее мужем — просила ее пойти не в Лабораторию, а ко мне домой, помочь моей сестре. Это был ложный вызов. Я подумал, возможно, это просто глупый деревенский розыгрыш, но все же лучше самому поехать поскорее и посмотреть, не случилось ли чего. Так что я уложил ее велосипед в багажник машины и мы приехали вскоре после девяти. Мой секретарь — Анджела Фоули — и Клиффорд Брэдли, старший научный сотрудник Биологического отдела, прибыли примерно в то же время.

— Кто-нибудь в какое-либо время находился у трупа один?

— Бренда Придмор, разумеется, но очень недолго — так мне представляется. Затем сюда поднялся инспектор Блейлок — один. Затем я — на несколько секунд. Потом я запер лабораторию, задержал всех сотрудников в вестибюле и ждал

там до приезда доктора Керрисона. Он приехал через пять минут и осмотрел труп. Я стоял у двери. Вскоре прибыл суперинтендент Мерсер, и я передал ему ключ от Биологической лаборатории.

В разговор вступил Мерсер:

— Доктор Керрисон предложил, чтобы я вызвал доктора Грина — хирурга местного отделения полиции — подтвердить его предварительные выводы. Доктор Грин один у трупа не оставался. После того как он провел быстрое и довольно поверхностное обследование, я запер дверь. Ее не открывали до тех пор, пока не прибыли фотографы и полицейские с приборами для снятия отпечатков. Они сняли у него пальчики и обследовали молоток, но мы решили на этом и закончить, как только услышали, что в Скотленд-Ярд сообщили и вы вылетели сюда. Мальчики-с-пальчиками еще здесь, в кабинете сотрудника по связям с полицией, а фотографов я отпустил.

Надев резиновые перчатки, Дэлглиш принялся обыскивать труп. Под белым халатом на Лорримере были широкие серые брюки и пиджак из твида. Во внутреннем кармане — тонкий кожаный бумажник, в нем — шесть ассигнаций по одному фунту, водительские права, книжечка почтовых марок и две кредитные карточки. В правом наружном кармане — кожаный чехол, в нем — ключи от машины и еще три ключа: два от английского замка и один, замысловатый, поменьше, должно быть, от верхнего ящика бюро. В верхнем левом кармане халата — пара шариковых ручек, аккуратно зацепленных за кромку. В нижнем правом кармане — носовой платок, связка лабораторных ключей и, отдельно, еще один массивный ключ, кажется, совсем новый. Больше ничего.

Дэлглиш прошел к центральному столу осмотреть два вещественных доказательства, лежавших там, — деревянный молоток и мужской пиджак. Молоток был оружием совершенно необычным, явно сработанным вручную. Дубовая ручка с грубой резьбой была, по-видимому, куском от тяжелой тро-

сти. Головка — Адам прикинул, что она могла весить чуть более двух фунтов, — с одной стороны почернела от свернувшейся крови, к ней прилипли концами и топорщились, как кошачьи усы, несколько седых волосков. Невозможно было разглядеть среди темных, засохших струпьев более темные волоски с головы Лорримера, которые могли там остаться, как невозможно на глаз отличить на молотке его кровь. Этим займется лаборатория Столпола, когда молоток, тщательно упакованный и снабженный двумя опознавательными ярлыками (вместо обычного одного), доберется до их Отдела биологических исследований попозже днем.

— Отпечатков нет? — спросил он.

— Только старика Паско. Это его молоток. Отпечатки не стерты, так что, похоже, этот парень был в перчатках.

Это, подумал Дэлглиш, могло бы свидетельствовать о предумышлении или об инстинктивной осторожности профессионального эксперта. Однако, если он пришел сюда готовый к убийству, странно было надеяться, что под руку подвернется подходящее орудие; впрочем, он мог, конечно, знать, что именно этот молоток и будет под рукой.

Он наклонился пониже — осмотреть содержимое пакета. Это был пиджак от дешевого мужского костюма: пошив массовый, цвет — кричаще синий, с тонкой, более бледного оттенка полоской, с широкими лацканами. Рукав тщательно расправлен, на обшлага пятна — возможно, следы крови. Ясно было, что Лорример уже начал проводить анализ. Аппарат для электрофореза стоял на столе подсоединенный к блоку питания, а два ряда небольших парных дисков — всего шесть пар — были введены в слой агарового геля и помещены в аппарат. Рядом с аппаратом стоял штатив для пробирок с серией проб крови. Справа — две желтых лабораторных папки с регистрационным шифром Биологического отдела и тетрадь для записей — *in quarto*^{*}, с кольцевым креплением. Левая страница тетради, с вчерашней датой, ис-

* *In quarto* — формат в четверть листа (лат.).

пещрена какими-то иероглифами и формулами, записанными черной шариковой ручкой, тонким прямым почерком. Хотя большая часть этих специальных записей почти ничего ему не говорила, Дэлглиш увидел, что время, когда Лорример начинал и заканчивал очередной анализ, тщательно отмечалось. Правая страница тетради была пуста.

Дэлглиш спросил у Хоурта:

— А кто станет главным биологом теперь, после смерти Лорримера?

— Клэр Истербрук. Мисс Истербрук. Но рекомендуется не подчеркивать, что она — мисс. Лучше называть ее «миз»*.

— Она здесь?

— Вместе с другими, в библиотеке. Мне кажется, у нее есть твердое алиби на весь вчерашний вечер, но поскольку она — старший научный, ее попросили остаться. И разумеется, она жаждет приступить к работе, как только сотрудникам будет разрешено войти в лабораторию. Двое суток назад в Маддингтоне, в меловом карьере, произошло убийство: этот пиджак как раз одна из улики, и она хочет продолжить исследование и, кроме того, разделаться с обычной массой лабораторных забот.

— Я хотел бы поговорить с ней первой, если не возражаете, и именно здесь. Потом с миссис Бидуэлл. Не найдется ли простыни — накрыть его?

— По-моему, есть чехлы от пыли или что-то в этом роде в лабораторной бельевой. Это наверно.

— Я был бы вам весьма признателен, если бы вы прошли туда вместе с инспектором Мэссингемом и показали ему, где это. Потом вы могли бы подождать в библиотеке или в своем кабинете, а я спущусь и поговорю с вами, как только закончу здесь.

На мгновение показалось, что Хоурт начнет протестовать: он нахмурился, красивое лицо его омрачилось и стало

* Миз (Ms.) — ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней: вошло в употребление с 1974 г. по инициативе Движения за освобождение женщин.

обиженным, как у капризного ребенка. Но он, не проронив ни слова, вышел вместе с Мэссингемом из лаборатории. Керрисон все еще стоял над трупом, неподвижно, как в почетном карауле. Он слегка встряхнулся, словно с усилием возвращаясь к реальности, и сказал:

— Если я вам больше не нужен, мне надо ехать в больницу. Вы можете найти меня либо в больнице Святого Луки в Или, либо в Старом пасторском доме. Я представил сержанту отчет о моих вчерашних передвижениях. Весь вечер я был дома. В девять часов — по предварительной договоренности — я позвонил в больницу одному из коллег — доктору Андервуду, по вопросу, который будет обсуждаться на следующем заседании медицинской комиссии. Он, кажется, уже подтвердил, что мы действительно разговаривали. Он не получил еще информации, которой я ждал, но перезвонил мне без четверти десять.

Не было причины задерживать в лаборатории доктора Керрисона, как не было пока и причины его подозревать. Когда он ушел, Мерсер сказал:

— Я собирался оставить здесь двух сержантов, Рейнольдса и Андерхилла, и парочку констеблей — Кокса и Уоррена, если вам такой расклад подходит. Шеф сказал, вы можете затребовать все, что понадобится, и всех, кого угодно. Он сегодня утром отбыл на совещание в Лондон, но к вечеру вернется. Я могу прислать вам ребят из перевозки, если у вас все готово, чтобы его забрали.

— Да, я с ним все закончил. Поговорю с вашими людьми, как только увидаю мисс Истербрук. Только попросите одного из сержантов подняться сюда — упаковать молоток, чтобы отправить в лабораторию Скотленд-Ярда, хорошо? Пилоту уже не терпится в Лондон вернуться.

Они еще немного поговорили о том, как организовать связь с местной полицией, затем Мерсер ушел — распорядиться о переносе тела. Потом он дождется Дэлглиша, чтобы представить ему своих помощников, а после этого всякая ответственность с него снимается: дело переходит в руки Дэлглиша.

ГЛАВА 6

Минуты через две в лабораторию проводили Клэр Истербрук. Она вошла так уверенно, что следователь, менее опытный, чем Дэлглиш, мог бы принять эту уверенность за высокомерие или бесчувственность. Клэр была высокая женщина лет тридцати, с длинной талией, худым умным лицом и шапкой темных вьющихся волос, уложенных явно профессиональной и весьма дорогостоящей рукой. Волосы волнами спускались ко лбу и завитками падали на высокую изящную шею у самого затылка. Тонкий шерстяной свитер каштанового цвета заправлен под пояс длинной, закрывающей икры черной юбки, свободно колыхавшейся над элегантными, на высоком каблуке сапожками. На ее пальцах, с очень коротко подстриженными ногтями, не было колец; единственное ее украшение — ожерелье из крупных деревянных бусин, нанизанных на серебряную цепочку. Даже без белого халата она создавала впечатление — вне сомнения, вполне намеренно — чуть подавляющей профессиональной компетентности. Дэлглиш не успел и рта раскрыть, как она произнесла тоном, в котором слышалась некоторая воинственность:

— Боюсь, со мной вы только зря потратите время. Вчера я обедала со своим любовником в Кембридже, у главы его колледжа. С нами обедали еще пять человек, и мы пробыли там с восемью тридцати почти до полуночи. Я уже сообщила констеблю — тому, что в библиотеке, — их имена.

— Простите, миз Истербрук, что я попросил вас подняться сюда до того, как увезут тело доктора Лорримера. И поскольку мне не подобает в вашей собственной лаборатории предлагать вам сесть, я не стану этого делать. Но я задержу вас ненадолго, — мягко сказал Дэлглиш.

Она покраснела, как если бы он поймал ее на нарушении приличий. Взглянув с почти явным отвращением на прикрытую полотном, лишенную идентичности фигуру с торчащими из-под покрывала ступнями, она сказала:

— Не надо было его накрывать, он выглядел бы более достойно. А так это похоже на мешок с мусором. Любопытный предрассудок, не правда ли, этот всеобщий инстинкт — прикрыть недавно умершего. В конечном счете не повезло ведь нам.

Мэссингем сказал легким тоном:

— Да нет, что вы, ведь за вас может поручиться сам глава колледжа. И его жена тоже подтвердит ваше алиби, не так ли?

Их глаза встретились: его — слегка насмешливые, ее — потемневшие от неприязни.

— Доктор Хуарт говорит, — сказал Дэлглиш, — что теперь вы — главный биолог. Не могли бы вы пояснить, чем именно занимался здесь вчера доктор Лорример? Только ничего не касайтесь.

Она тотчас же прошла к столу и посмотрела на два вещдока, на папки, на атрибуты научных исследований. Сказала:

— Вы не раскроете эту папку? Будьте так добры.

Дэлглиш просунул руку в перчатке внутрь папки и откинул крышку.

— Он перепроверял результаты исследований Клиффорда Брэдли по делу Паско. Деревянный молоток принадлежит работнику по имени Паско, шестидесяти четырех лет, — он живет здесь, на Болотах, — у которого пропала жена. Он уверяет, что она от него сбежала, но имеются два-три подозрительных обстоятельства. Этот молоток нам прислали из полиции — проверить, не являются ли пятна, на нем обнаруженные, следами человеческой крови. Не являются. Паско говорит, он использовал молоток, чтобы избавить от мучений поранившуюся собаку. Брэдли убедился, что кровь с молотка реагирует на сыворотку со специфическими антителами, и доктор Лорример повторно получил его результат. Так что и в самом деле от этого удара умерла собака.

Скупердяй, со злостью подумал Мэссингем, пулю пожалел и денег на ветеринара жалко стало. И сам поразился, что

смерть какой-то неизвестной дворняги могла хоть на миг возмутить его больше, чем смерть Лорримера.

Мисс Истербрук подошла к раскрытой тетради для записей. Мужчины ждали. Нахмурившись, она произнесла:

— Странно. Эдвин всегда помечал время начала и окончания анализа и процедуру, которую при этом использовал. Он поставил свои инициалы под результатами исследований по делу Паско, которые провел Брэдли, но в тетради ничего нет. Хотя вполне очевидно, что он начал работать над делом об убийстве в меловом карьере. Последняя помета — пять сорок пять. А последняя запись не закончена. Кто-то, должно быть, вырвал правую страницу.

— А зачем это могло кому-то понадобиться, как по-вашему?

Она взглянула Дэлглишу прямо в глаза и спокойно ответила:

— Уничтожить свидетельства того, что Лорример делал, либо результаты анализа, или, возможно, указание на время, какое он на это потратил. Первые два предположения вряд ли имеют смысл. Вполне очевидно по аппарату, чем именно он был занят, а любой достаточно компетентный биолог мог бы продублировать его работу. Так что скорее всего — третье.

Ее умный вид, следовательно, не был обманчив.

— Сколько времени ему понадобилось бы, чтобы проверить результаты по делу Паско? — спросил Дэлглиш.

— Не много. Фактически ведь он начал проверку еще до шести и, как мне кажется, уже закончил, когда я уходила в шесть пятнадцать. Уходила я последней. Младшие сотрудники уже ушли. Они обычно не задерживаются на работе после шести. А я обычно задерживаюсь дольше, но мне нужно было переодеться к обеду.

— А его работа по делу о меловом карьере? Сколько времени могла она занять?

— Трудно сказать. Я думаю, он мог проработать до девяти или даже позже. Он определял группу крови по образцу

крови жертвы и той, что на высохшем пятне, по системе АБО, и использовал электрофорез, чтобы идентифицировать гаптоглобины и ФГМ — энзимную фосфоглюкомутазу. Электрофорез — методика, позволяющая идентифицировать протеиновые и энзимные составляющие крови путем помещения образцов в гель на крахмале или агаре, через который затем пропускается электроток. Как видите, он фактически уже начал процедуру.

Дэлглиш был знаком с научными основами электрофореза, но не нашел нужным упоминать об этом. Раскрыв папку с делом о меловом карьере, он сказал:

— В деле ничего не записано.

— Он занес бы результаты в дело потом. Но начать анализ, не отметив деталей в тетради для записей, он не мог.

У стены стояли два мусорных ящика, крышка у каждого открывалась ножной педалью. Мэссингем открыл оба. Один, высланный изнутри полиэтиленом, явно предназначался для лабораторного мусора и битого стекла. Другой — для использованной бумаги. Мэссингем поворошил содержимое: бумажные салфетки и носовые платки, несколько разорванных конвертов, старая газета. Ничего похожего на вырванную страницу.

— Расскажите мне о Лорримере, — сказал Дэлглиш.

— Что вас интересует?

— Все, что могло бы пролить свет на это убийство. Почему кто-то невзлюбил его настолько, что решился проломить ему череп?

— Боюсь, тут я ничем не смогу вам помочь. Понятия не имею.

— А вам он нравился?

— Не особенно. Не могу сказать, что очень задумывалась над этим вопросом. Отношения у нас были вполне нормальные. Лорример был педант, во всем стремившийся добиться совершенства. Дураков он не терпел. Но с ним можно было нормально работать, если знать свое дело. А я знаю.

— Значит, вашу работу ему не было необходимости перепроверять. А как с теми, кто не знает своего дела?

— Об этом вам лучше спросить у них, командер.

— Он пользовался популярностью у своих сотрудников?

— Популярность! Какое отношение ко всему этому она имеет? Не думаю, что я пользуюсь здесь такой уж большой популярностью, но я ведь не живу в вечном страхе за свою жизнь.

Она помолчала с минуту, потом продолжала более примирительным тоном:

— Наверное, вам кажется, что я стремлюсь чему-то воспрепятствовать. Поверьте, это вовсе не так. Просто я ничем не могу вам помочь. Не имею ни малейшего понятия, кто мог это сделать и почему. Знаю только, что это — не я.

— Вы не замечали в нем никаких изменений в последнее время?

— Изменений? Вы имеете в виду его настроение? Или поведение? Пожалуй, нет. Правда, он производил впечатление человека, испытывающего какой-то стресс; но ведь он и был таким — одиноким, фанатичным, переутомленным. Только одна необычная вещь: он заинтересовался нашей новой сотрудницей — секретарем-регистратором, Брендой Придмор. Она миленькая, но, я бы сказала, вряд ли подходит ему по интеллектуальному уровню. Не думаю, что там могло быть что-нибудь серьезное, но это вызывало смешки в Лаборатории. Думаю, он пытался что-то кому-то доказать. Может быть — себе.

— Вы, разумеется, слышали о телефонном звонке к миссис Бидуэлл?

— Как мне представляется, уже вся Лаборатория об этом знает. Но если вы думаете, что ей звонила я, то вы ошибаетесь. Во всяком случае, я сообразила бы, что это не работает.

— Как это — не работает?

— Звонивший наверняка рассчитывал, что Лорримера-старшего вчера не было дома. Ведь он же не мог полагаться

на то, что старик заметит отсутствие сына не вчера вечером, а только сегодня, когда Эдвин не принес ему утренний чай. Но так случилось, что он отправился спать вполне спокойно. Однако шутник не мог же знать, что так получится. В нормальных условиях Эдвина хватились бы значительно раньше.

— А что, были причины полагать, что вчера мистер Лорример-старший будет отсутствовать?

— Он должен был вчера днем лечь в больницу Адденбрука по поводу какого-то кожного заболевания. Кажется, весь Биологический отдел знал об этом. Старик довольно часто звонил сюда, беспокоился, как все устроится и сможет ли Эдвин освободиться и отвезти его в больницу. Вчера утром, после десяти, он позвонил и сообщил, что место для него так и не освободилось.

— Кто разговаривал с ним?

— Я. Телефон зазвонил в личном кабинете Эдвина, и я взяла трубку. Эдвин еще не вернулся с аутопсии той девушки из мелового карьера. Я сообщила ему, как только он приехал.

— Кому еще вы сообщили?

— Когда я вышла из кабинета, мне кажется, я что-то такое сказала, вроде того, что старому Лорримеру в конце концов не придется ехать в больницу. Я не помню, какие точно слова произнесла. Но по-моему, никто ничего не ответил, и вряд ли кто-нибудь обратил на это особое внимание.

Внезапно самообладание ее покинуло. Лицо залила краска, и она запнулась, словно ей впервые стало ясно, куда это все ведет. Мужчины спокойно ждали. Потом, рассердившись на себя, она воскликнула в неловкой попытке оправдаться:

— Извините, но не могу же я все помнить. Вам придется у них спросить. В тот момент казалось, что это не имеет значения, а я была очень занята. Все мы были очень заняты. Кажется, все были на своих местах, но я не могу с уверенностью утверждать.

— Благодарю вас, — невозмутимо сказал Дэлглиш. — Ваша помощь была нам чрезвычайно полезна.

ГЛАВА 7

Миссис Бидуэлл оказалась у двери, как раз когда два санитары выносили тело Лорримера из Лаборатории. Судя по ее виду, ей было жаль, что трупа нет на месте, и она взирала на очерченный мелом силуэт на полу так, словно это была совершенно неадекватная замена чему-то весьма реальному и ценному. Переведя взгляд на исчезающий в дверях закрытый металлический контейнер, она сказала:

— Бедняга! Вот уж не думала, что его вынесут из его же Лаборатории ногами вперед. Правда, его не очень-то здесь любили. Только я не думаю, что это его так уж волнует — там, где он теперь. Это что, мой чехол? Вы, что ли, его этим чехлом накрывали? — Она с подозрением рассматривала чехол, аккуратно сложенный на краю рабочего стола.

— Да, это чехол из лабораторной бельевой.

— Ну ладно. Только положите обратно, откуда взяли. Хотя погодите-ка. Лучше его сразу в ящик с грязным бельем отправить. Но смотрите, чтоб ваши его с собой не увезли. И так в прачечной много белья пропадает.

— Почему его здесь не очень-то любили, миссис Бидуэлл?

— Так он же такой придира! А только я вам так скажу, придирой и надо быть, если хотите, чтоб работа шла. Ну, правда, я слыхала, что слишком уж он суетился — себе во вред. А в последнее время все хуже становился, тут уж и вопроса нет. И странный какой-то был. Нервный. Вы небось уже слыхали про подовчерашнюю неприятность в вистибуле? Ну так еще услышите. У инспектора Блейклока спросите. Как раз перед обеденным перерывом. Доктор Лорример прям чуть не подрался с этой психованной — дочкой доктора Керрисона. Чуть ее за дверь не вытолкал. А она верещала — прям мороз по коже. Я как раз в зал вошла и увидела. Ну, думаю, папаше ее это вот как не понравится. Я

так инспектору и сказала. Папаша-то по своим ребяткам прям с ума сходит. Так и сказала, мол, помяните мои слова: ежели доктор Лорример себя в руки не возьмет, у нас в Лаборатории убийство будет, как Бог свят. И мистеру Миддлмассу то же самое сказала.

— Миссис Бидуэлл, мне нужно, чтобы вы рассказали про телефонный звонок к вам сегодня утром. В какое время это было?

— Почти что в семь часов. Мы как раз завтрак ели, и я чай заваривала, чтоб нам по второй чашке выпить. Как раз чайник с кипятком в руке держала, а он возьми да и зазвони.

— И кто к телефону подошел?

— Да Бидуэлл. Телефон в передней, он встал и пошел — трубку взять. Ругался на чем свет стоит: он только за рыбу принялся, а остывшую он — Бидуэлл-то — ох как не любит. У нас всегда по четвергам рыба, потому как в среду вечером рыбный фургон из Или к нам сюда от «Маршалла»* приезжает.

— Ваш муж всегда сам трубку берет?

— Он всегда сам к телефону подходит. А ежели его дома нету, так я и не подхожу — пускай звонит. Не терплю я этих чертовых штук новомодных. И раньше не терпела. И не позволила бы его в дом внести, если б наша Шерли за установку не уплатила. Она-то теперь взамуж вышла и живет подалее, как к Майлденхоллу ехать. И ей очень уж по душе, что мы можем ей по телефону позвонить, коль она нам понадобится. Только пользы от этого телефона, как от козла молока! Даже и не услышишь, чего там кто-то тебе в трубку говорит. А как зазвонит, так душа заживо переворачивается, спаси Господи. Телеграммы эти да телефоны — терпеть их не могу!

— А кто в Лаборатории знает, что только ваш муж подходит к телефону?

* «Маршалл» — крупная рыботорговая компания.

— Да, похоже, почти что все. Все тут знают, что я до него и дотронуться боюсь. Чего уж тут секреты делать. Мы же все такие, как Господь нас создал, а некоторые малость и похуже будут. И стыдиться тут нечего.

— Разумеется, нечего. Я полагаю, ваш муж сейчас на работе?

— Еще бы! Он в имении у капитана Мэсси работает, «Йоменз Фарм» называется. На тракторе больше всего. Почти что двадцать лет уж, как там, или около того.

Дэлглиш чуть заметно кивнул Мэссингему, и инспектор выскользнул из комнаты потихоньку перекинуться словечком с сержантом Андерхиллом. Неплохо было бы проверить все это у самого Бидуэлла, пока память о телефонном разговоре еще свежа. А Дэлглиш продолжал:

— Что же случилось потом?

— Бидуэлл вернулся. Сказал, мне не надо с утра в Лабораторию ехать, потому как я миссис Шофилд в Лимингсе очень уж зандобилась. Я, мол, туда на велосипеде подъеду, а она потом меня вместе с велосипедом на машине домой подвезет. Велосипед-то у ее красного «ягуара» прям из заду торчать будет, я так подумала. Ну а еще подумала, немного вроде нахально с ее стороны, как я все ж таки тут утром должна быть. А только я против миссис Шофилд ничего не имею, и ежели я ей зандобилась, что ж тут задаваться, можно и потрафить. А Лаборатория может и подождать. Я Бидуэллу так и сказала, мол, я ж не могу в двух местах сразу быть. Чего сегодня не сделаешь, то до завтрава подождет.

— Вы утром здесь работаете каждый день?

— Кроме как по выходным. Около восьми тридцати приезжаю, чуть позже — чуть раньше, это без разницы. И работаю примерно до десяти. А потом опять к двенадцати возвращаюсь — может, кому из джентельментов ленч надо приготовить. Женчины, они-то в основном сами управляют. Потом посуду за всеми мою. Считаю так, что в большинстве к полтретьему уже освобождаюсь. Только вы уч-

тите — эта работа легкая. Скоби — он лабораторный служитель, да я — мы за порядком в рабочих помещениях присматриваем, а всю тяжелую уборку — это которые по подряду, им полагается делать. Они приезжают только лишь по понедельникам и пятницам, с семи до девяти. Цельная машина набивается, из самого Или едут. Убирают главный вистибуль, лестницы все, натирку тяжелую — все делают. Инспектор Блейклок тогда пораньше приезжает, чтоб их впустить, а Скоби — он за ними присматривает. А только в большинстве даже и не видно, были они тут или не были. Личного-то интересу нет у них, понятно? Не то что в старое-то время, когда я да еще две женчины из деревни всю уборку тут делали.

— Так что в нормальных условиях с чего бы вы начали, как только пришли, если бы это был такой же четверг, как все? Я хочу, чтобы вы как следует подумали, миссис Бидуэлл. Это может быть очень важно.

— Тут и думать нечего. То же бы и делала, чего каждый день делаю.

— А именно?

— Перво-наперво шляпку мою снимаю и пальто — в нижней раздевалке. Халат рабочий надеваю. Ведро половое беру, порошок, дезинфект еще — это из моей кладовки. Туалеты мою — мужской и женский. Потом грязное белье проверяю и для прачечной пакую. Потом пыль в директорском кабинете вытираю и прибираю, потом — в Обчей канцелярии.

— Так, — сказал Дэлглиш. — Давайте обойдем помещения, хорошо?

Минуты через три небольшая, довольно забавная процессия шествовала вверх по лестнице. Миссис Бидуэлл, теперь облаченная в темно-синий рабочий халат, с пластмассовым ведром в одной руке и шваброй в другой, шла во главе. За ней следовали Мэссингем и Дэлглиш. Два туалета в глубине третьего этажа располагались напротив двери Отде-

ла по исследованию документов. Они явно были построены там, где когда-то была элегантная спальня. Теперь же по середине этой бывшей спальни шел узкий проход, в конце которого виднелось единственное окно, забранное решеткой. Слева довольно убогая дверь вела в женскую уборную, справа, несколькими метрами дальше по коридору, точно такая же — в мужскую. Миссис Бидуэлл провела их в левую дверь. Помещение было гораздо больше, чем Дэлглиш мог ожидать. Скучный свет падал в комнату через единственное круглое окно с матовым стеклом во вращающейся раме, расположенное метрах в полутора от пола. Окно было открыто. Кабинок здесь было три. В передней комнате находились две умывальных раковины с контейнером для бумажных полотенец между ними, а слева от двери — длинный и узкий, накрытый пластиком стол, очевидно, туалетный, с настенным зеркалом во всю его длину. Справа — укрепленный на стене инсинератор, ряд крюков для одежды, большая плетеная корзина для грязного белья и два весьма потрепанных плетеных стула.

— Здесь все выглядит, как обычно? — спросил Дэлглиш у миссис Бидуэлл.

Острые маленькие глазки миссис Бидуэлл зашарили по комнате. Двери трех кабинок были раскрыты, и она быстро проинспектировала их состояние.

— Не хуже и не лучше. Они прилично себя в туалетах-то ведут, ничего не скажешь.

— А это окно? Оно обычно открыто?

— Зимой и летом, только в сильный холод закрывают. Другой-то вентиляции тут нету, так что понятно.

— Инсинератор выключен. Это нормально?

— Нормально. Последняя, которая уходит, выключает его на ночь. А утром я его опять включаю.

Дэлглиш заглянул внутрь. Инсинератор был пуст, если не считать остатков угольного пепла. Адам прошел к окну. Ночью в окно явно заливал дождь: на кафельном полу остались от него высохшие следы. Но даже внутренняя рама,

куда дождь не мог достать, была удивительно чистой, а на подоконнике не видно было и следов пыли.

— Вы вчера протирали окно, миссис Бидуэлл? — спросил Дэлглиш.

— А как же! Я ж вам уже объясняла. Я каждое утро туалеты мою. А уж я когда мою, так мою. Может, я уже начать могу?

— Боюсь, сегодня вам мыть не придется. Давайте сделаем вид, что вы тут уже закончили. Что теперь? Как насчет белья?

В корзине был только один халат, помеченный инициалами К. М. И. Миссис Бидуэлл сказала:

— В четверг я и не жду много грязного. Они как-то ухитряются с халатами всю неделю протянуть, бросают их в корзину только по пятницам, перед тем как по домам разъезжаются. А вот понедельник — это тяжелый день. Белье из прачечной получать да свежие халаты ложить. А тут, видно, мисс Истербрук чай пролила вчера. Вот уж на нее не похоже. Ох и придира мисс Истербрук, это уж точно. Не увидишь, чтоб она в заляпанном халате ходила, хоть тебе тут четверг, хоть пятница.

Значит, хоть один сотрудник Лаборатории да знал, что миссис Бидуэлл появится в лаборатории Биологического отдела рано утром, чтобы положить чистый белый халат. Интересно будет выяснить, кто из коллег присутствовал, когда у сверхопрятной мисс Истербрук произошла неприятность с чаем.

Мужская уборная, если не считать ряда писсуаров, мало чем отличалась от женской. Такое же круглое, открытое окно, то же отсутствие каких-либо следов на рамах и на подоконнике. Дэлглиш подтащил один из стульев к окну и, старательно избегая всяческого контакта с подоконником и самим окном, выглянул наружу. От этого окна до окна ниже этажом нужно было бы пролететь метра три и столько же — до окна первого этажа. В самом низу, вплоть до стены, шла вымощенная камнем терраса. Отсутствие мягкой земли,

дождь, ночная тьма и добросовестная уборка миссис Бидуэлл — все это вместе означало, что, только если очень сильно повезет, им удастся отыскать хоть какие-то следы. Но худенькая — даже не слишком худенькая — женщина, уверенная в своих силах и с крепкими ногами, или худой и сильный мужчина, обладая крепкими нервами и хорошо перенося высоту, несомненно, могли бы вылезти через такое окно. Однако, если убийца был сотрудником Лаборатории, зачем рисковать собственной шеей, зная наверняка, что у Лорримера имеются ключи? Если же убийца пришел со стороны — как объяснить закрытую входную дверь, нетронутую сигнальную систему и тот факт, что сам Лорример скорее всего его и впустил?

Он перешел к умывальным раковинам. Ни одна из них не показалась ему особенно грязной, но у самого края той, что ближе всех к двери, он заметил пятно слизи, напоминающей овсяную кашу. Дэлглиш наклонился над раковиной пониже и принюхался. Обоняние у него было необычайно острое: он сразу почувствовал, что из отверстия слива доносится слабый, но знакомый и неприятный запах рвоты. Ошибки быть не могло — кого-то здесь вырвало.

А миссис Бидуэлл тем временем откинула крышку корзины с грязным бельем. И воскликнула:

— Ну и ну! Корзина-то пустая!

Дэлглиш и Мэссингем повернулись к ней. Дэлглиш спросил:

— Что вы рассчитывали здесь найти, миссис Бидуэлл?

— Да мистера Миддлмасса халат белый, вот что!

Она бросилась прочь из комнаты. Дэлглиш и Мэссингем — за ней. Она распахнула дверь Отдела документов и заглянула в лабораторию. Потом снова закрыла дверь и, опершись на нее спиной, воскликнула:

— Пропал! На крючке его нет! Так где он тогда? Где белый халат мистера Миддлмасса?

— Почему вы ожидали найти его в корзине, миссис Бидуэлл? — спросил Дэлглиш.

Черные глазки миссис Бидуэлл вдруг стали огромными и воровато забегали туда-сюда. Немного погодя она испуганно и одновременно с явным удовольствием произнесла:

— Почему, почему! Кровь на нем была, вот почему. Лоримера кровь!

ГЛАВА 8

Наконец они спустились по главной лестнице к кабинету директора. Из библиотеки доносился неровный гул голосов, приглушенный и прерывистый, словно на похоронах. У входной двери стоял констебль-детектив, отстраненно-бдительно наблюдавший за происходящим, как человек, которому платят за то, чтобы он с готовностью переносил скуку, но был также готов незамедлительно действовать, если — непостижимым образом — эта скука будет вдруг нарушена.

Хоуарт оставил кабинет незапертым, ключ торчал в двери. Дэлглишу показалось интересным, что директор предпочел ждать в библиотеке вместе со своими сотрудниками. Однако трудно было понять, хотел ли Хоуарт продемонстрировать коллегам свою солидарность с ними, или просто тактично признавал, что его кабинет одним из первых должен был ранним утром удостоиться внимания миссис Бидуэлл и поэтому представляет для Дэлглиша особый интерес. Но последнее соображение было бы слишком тонким. Вряд ли можно было поверить, что Хоуарт не входил в кабинет с того момента, как было обнаружено тело. Если нужно было что-то убрать из кабинета, больше всего возможностей сделать это имел именно он.

Дэлглиш был готов к тому, что кабинет может оказаться весьма впечатляющим, но не ожидал, что настоль-

ко. Лепнина сводчатого потолка была великолепна и поражала радостным буйством форм: венки, раковины, ленты, вьющиеся лозы смешивались друг с другом изощренно и в то же время в строгом порядке. Камин выложен белым и пестрым мрамором с изящным резным фризом, на котором резвились нимфы и играющие на флейтах пастушки; классической формы каминная полка завершалась открытым сандриком. Скорее всего, догадался Адам, этот совершенных пропорций салон оказался слишком мал и не только не мог быть перегороджен, но не сумел бы вместить хотя бы одну рабочую лабораторию. Это спасло его от судьбы большей части помещений в доме — несомненно, из соображений административного и научного удобства, а не из-за сентиментальной приверженности полковника Хоггата к присущему этой комнате совершенству форм. Обстановка в кабинете была новой, но стиль был избран такой, чтобы не слишком бросаться в глаза: удалось найти компромисс между бюрократической ортодоксальностью и современным функционализмом. Слева от камина стоял большой застекленный книжный шкаф, справа — шкаф для личных вещей и вешалка для верхней одежды. Меж двумя высокими окнами располагался прямоугольный стол для совещаний с четырьмя стульями того типа, что предназначается для высших государственных служащих. Рядом — стальной сейф с наборным замком. Директорский письменный стол, очень простой, того же дерева, что и стол для заседаний, стоял против двери. На нем, кроме толстого, в чернильных пятнах листа промокательной бумаги, помещалась деревянная подставка для книг с «Кратким оксфордским толковым словарем», «Сборником цитат», «Тезаурусом»* Роже и «Словарем современного английского языка» Фаулера. Несколько необычный подбор книг для ученого, занимающегося естественными науками. Рядом — три металлических подноса для бумаг:

* Тезаурус — здесь: энциклопедический словарь (лат.).

«Входящие», «Исходящие» и «На подпись». На подносе для «Исходящих» — две желтые папки, верхняя помечена «Часовня: предложения о передаче в Министерство по охране окружающей среды»; вторая — большая, старая и растрепанная, много раз подклеенная, с надписью: «Новая Лаборатория — введение в строй».

Дэлглиша поразили пустота и обезличенность этой комнаты. Совершенно очевидно, что ее заново отремонтировали и обставили к прибытию сюда Хоурта. Бледный, серо-зеленый ковер и того же тона квадратный коврик под письменным столом еще не вытерлись, а темно-зеленые занавеси на окнах хранили строгие складки. Комнату украшала только одна картина, стоявшая на каминной полке, но зато оригинал: ранний Стэнли Спенсер — «Успение Богородицы». Полные, странно укороченные, в варикозных венах ноги в широких алых панталонах уплывали вверх от кружка воздетых, изуродованных тяжким трудом рук к приемной комиссии серафимов, изумленно взирающих вниз. Эксцентричный выбор, подумал Дэлглиш, совершенно неуместный ни по времени, ни по стилю. Картина была единственным предметом в комнате, если не считать книг на столе, отражавшим личные вкусы: вряд ли можно было предположить, что картина прислана правительственным агентством. Во всем остальном кабинет казался незавершенным, скудно обставленным помещением, подготовленным к приезду неизвестного лица и все еще ожидающим, что наконец-то приобретет отпечаток личных вкусов и характера его обитателя. Трудно было поверить, что Хоурт проработал здесь почти целый год. Миссис Бидуэлл, плотно сжав маленький твердый рот и прищуриив глаза, обозревала комнату с явным неодобрением.

— Здесь все выглядит так, как обычно? — спросил Дэлглиш.

— А как же! Как каждое утро. Тут и делать-то вроде нечего, верно? А только учтите, я тут и пыль вытираю, и столы полирую, и ковер пылесосю. Ну, он-то и сам акку-

ратный, беспорядка не устраивает, это я вам прямо скажу. Не такой, как старый доктор Макинтайр. Вот уж это был человек! Ну, конечно, беспорядок устраивал — сам черт ногу сломит! Вы бы на его стол с утречка посмотрели! А дыму табачного! Иногда в комнате просто ничего за дымом не видать. У него на столе такой еще красивый череп стоял — для трубок. Его выкопали, когда трубы для новой пристройки — Отдела транспортных средств — прокладывали. Он в земле больше чем двести лет пролежал, доктор Мак рассказывал. И он мне трещину показал, ну прям как чашка треснутая, там, где ему голову проломил. Вот уж это убийство никто никогда так и не раскрыл. А я прям скучаю по тому черепу. Такой он был красивый. А еще у него тут снимки были, он сам, и друзья евонные с университета, и весла над головами скрестили, а еще — цветные, с Шотландского нагорья, такие мохнатые коровы в озере бултыхаются, а еще одна — его отец с собаками; и жены его снимок тоже был, умерла ведь, бедняжка; еще Венеция — большой такой снимок, с гондолами и иностранцами всякими, разнаряженными вовсю, и еще каликатура — док Мак в охотничьей шляпе и приятель евонный на земле лежит — убитый, а док Мак с увеличительной лупой ищет следы. Это друг его один нарисовал. Ох и смешная картина была, прям животики надорвешь! И так уж мне все эти картины тут нравились! — И она взглянула на Спенсерово «Успение» с явным отсутствием энтузиазма.

— И ничего необычного сегодня утром вы здесь, в этой комнате, не замечаете?

— Ну, я уж сказала — все, как каждый день. Да сами посмотрите — чистенько все, как с иголочки. Ну, конечно, днем-то все по-другому тут, когда он работает. Да только он все всегда вот так оставляет, вроде утром и возвращаться не собирается.

Больше узнавать у миссис Бидуэлл было нечего. Дэлглиш поблагодарил ее и сказал, что она сможет уйти домой, как только проверит в библиотеке — у сержанта Рейнольдса,

все ли сведения о том, где она провела прошлый вечер, у него имеются. Объяснял он ей это с присущим ему тактом, но старался напрасно: миссис Бидуэлл ответила весело и совершенно беззлобно:

— Смысла нет это на меня вешать или на Бидуэлла моего. Мы с ним на деревенском концерте весь вечер пробыли... Пятый ряд к задку, а сидели — с одной стороны Джо Мэйчин, он у нас сторож церковный, а с другой — Уилли Барнс, церковный староста. Так и сидели, пока показ не кончился. Никто никуда с полспектакля украдкой не уходил, как некоторые.

— А кто уходил украдкой, миссис Бидуэлл?

— А вы у него сами спросите. В конце ряда сидел, прямо перед нами, джентельмент, в котором кабинете мы, может, сейчас как раз и стоим. Может, вам с ним поговорить надо? Попросить его сюда зайти?

В ее голосе звучала надежда, и она нетерпеливо поглядывала на дверь, как охотничий пес, настороживший уши в ожидании команды «Апорт!».

— Мы обязательно займемся этим, спасибо, миссис Бидуэлл. А если нам понадобится снова поговорить с вами, мы с вами свяжемся. Вы нам очень помогли.

— Я подумала, может, я им всем кофий сварю? До того как домой пойду? Вреда ведь от этого никому не будет, верно?

Бесполезно было предупреждать ее, что не следует ничего говорить ни сотрудникам Лаборатории, ни тем более всей деревне. Дэлглиш ни минуты не сомневался, что подробности осмотра туалетов и новость о пропаже окровавленного халата станут вскоре известны всем и каждому. Но большого вреда он в этом не видел. Убийца, конечно же, должен понимать, что полиция немедленно заинтересуется тем, что, по всей видимости, мог означать ложный вызов миссис Бидуэлл по телефону этим утром. На этот раз он имел дело с людьми умными, весьма опытными — пусть и вчуже — в расследовании уголовных преступлений, хоро-

шо знакомыми с процедурой полицейского расследования и с правилами, которыми он обязан руководствоваться при каждом своем шаге. Он нисколько не сомневался, что большинство из тех, кто сейчас ждал его в библиотеке, мысленно отслеживают каждое его действие практически поминутно.

И среди них находится убийца. Либо те, кто его знает.

ГЛАВА 9

Суперинтендент Мерсер отобрал двух сержантов из своей команды по принципу контраста или, может быть, стремясь учесть любые предвзятости, какие Дэлглиш мог иметь в отношении возраста и опытности своих подчиненных. Сержант Рейнольдс был близок к окончанию срока службы, крепкий, широкоплечий, с раздумчивой манерой речи — полицейский старой школы; он родился и вырос на Болотах. Сержант Андерхилл, лишь недавно получивший повышение, выглядел так молодо, что вполне мог быть его сыном. Его открытое мальчишеское лицо было полно такого вымуштрованного идеализма, что Мэссингему показалось — он откуда-то его знает. Впрочем, он тут же заподозрил, что видел это лицо на обложке полицейской рекламной брошюры, призывающей «в ряды», но в интересах гармонического сотрудничества решил оправдать Андерхилла за недостаточностью улик.

Четверо полицейских расположились за столом заседаний в кабинете директора. Дэлглиш инструктировал свою команду перед началом предварительного опроса сотрудников. Как всегда, он остро ощущал угнетающе быстрое течение времени. Было уже больше одиннадцати, и ему не терпелось поскорее закончить в Лаборатории и увидеться с мистером Лорримером-старшим. Материальные ключи к

убийству его сына могли находиться в Лаборатории; ключ к самому человеку находился вне ее пределов. Однако ни его слова, ни его тон этого нетерпения не выдавали.

— Начнем с предположения, что телефонный звонок к миссис Бидуэлл и смерть Лорримера связаны меж собой. Это означает, что звонил либо сам убийца, либо его сообщник. Не будем пока делать выводы о том, какого пола был звонивший, — это мы выясним точно у Бидуэлла, но, по всей вероятности, это могла быть женщина. Так же возможно, что этот кто-то знал, что мистер Лорример должен был лечь вчера в больницу, но не знал, что место для него не освободилось. Если бы старик был дома, уловка вряд ли могла быть успешной. Как справедливо заметила мисс Истербрук, никто не мог рассчитывать, что старик рано отправится спать и до сегодняшнего утра — до самого открытия Лаборатории — не обнаружит, что его сын не вернулся домой.

— Если предположить, что убийца не знал, что промахнулся в своих расчетах, — сказал Мэссингем, — он первым делом постарался бы прийти сюда как можно раньше утром. И конечно, если предположить, что этот звонок не был двойным блефом. Это был бы тонкий тактический ход — заставить нас зря потратить время, запутать расследование и отвлечь подозрение от всех, кроме тех, кто явился рано.

Но для одного из подозреваемых это мог быть еще более тонкий тактический ход, думал Дэлглиш. Появление миссис Бидуэлл в доме Хоурта рано утром в результате телефонного вызова дало самому директору повод для столь раннего приезда в Лабораторию. Интересно, когда Хоурт обычно здесь появляется? Этот вопрос тоже необходимо задать.

— Мы начнем с предположения, что это не был блеф, — сказал он. — Что убийца или его сообщник позвонил по телефону, чтобы отсрочить появление миссис Бидуэлл в Лаборатории и обнаружение трупа. Что же тогда он надеял-

ся сделать? Подложить какую-то улику или, наоборот, уничтожить? Привести в порядок что-то такое, что недосмотрел? Вытереть начисто деревянный молоток? Уничтожить все свидетельства того, что он здесь делал вчера вечером? Вернуть ключи в карман убитого? Но больше всего возможностей сделать это было у Блейклока, а ему с самого начала и брать-то их было незачем. Звонок дал бы кому-то возможность вернуть на место запасные ключи — в этот сейф. Но ведь это было бы вполне возможно сделать и без того, чтобы миссис Бидуэлл опоздала на работу. И разумеется, возможно, что так оно и было сделано.

Заговорил Андерхилл:

— Но реально ли, сэр, что звонок был рассчитан на то, чтобы задержать миссис Бидуэлл и дать убийце возможность вернуть ключи на место? Предположительно миссис Бидуэлл могла явиться в Биологический отдел первой, чтобы разложить свежие халаты. Но убийца не мог рассчитывать на это с уверенностью. Инспектор Блейлок или Бренда Придмор вполне могли по какой-то причине появиться там раньше.

Дэлглиш полагал, что на этот риск убийца тем не менее вполне мог пойти, считая, что дело стоит того. По собственному опыту он знал, что утренняя рутина в учреждениях меняется крайне редко. Если только в обязанности Блейклока не входила утренняя проверка системы сигнализации в Лаборатории — а это еще один вопрос, который необходимо задать, — он и Бренда Придмор скорее всего сразу же принялись бы за свою обычную работу в Отделе регистрации. Если бы все шло, как обычно, именно миссис Бидуэлл и должна была обнаружить труп. Любой другой человек, появившийся в Лаборатории до нее, должен был бы найти для этого убедительное объяснение, если только он не сотрудник Биологического отдела.

— Странное дело с этим пропавшим халатом, сэр, — сказал Мэссингем. — Вряд ли его забрали или уничтожили для

того, чтобы помешать нам выяснить обстоятельства драки Миддлмасса с Лорримером. Этот отнюдь не поучительный, но заинтриговавший всех незначительный эпизод в считанные минуты должен был стать достоянием всех и вся в Лаборатории. Миссис Бидуэлл не упустила бы такой возможности.

И Дэлглиш, и Мэссингем размышляли над тем, насколько описание ссоры, сделанное миссис Бидуэлл крайне драматично и выразительно, соответствовало действительности. Было совершенно ясно, что она появилась в Лаборатории уже после того, как удар был нанесен, и поэтому на самом деле видела совсем немного. Дэлглиш с неприятным чувством распознал в этом знакомый феномен: желание свидетельницы, сознающей недостаточность своих показаний, приукрасить их, насколько возможно, чтобы не разочаровать полицию, вместе с тем оставаясь, опять-таки насколько возможно, в пределах истины. Очищенная от украшений, фактическая суть сообщенного миссис Бидуэлл была разочаровывающе незначительна:

«Про чего они спорили-то, я не возьму на себя сказать, а только знаю, что про женщину и что доктор Лорример огорчался, потому как она мистеру Миддлмассу звонила. Дверь-то открыта была, я и услышала, когда в женский туалет мимо них шла. Ну, я так скажу, она ему звонила свиданье назначить, а доктору Лорримеру это не по здраву пришлось. Чтоб мущина да так побелел, как он, я и не видала никогда. Прямо как смерть белый стал. И платок носовой к лицу прижал, а платок-то в крови весь, и глаза черные поверх платка сверкают. А мистер Миддлмасс весь, как индюк, красный. От стыда, думаю. Ну, скажу я вам, мы тут, у Хоггата, к такому непривычные, чтоб старший состав на кулачки бился. Когда джентельмены настоящие с кулаками друг на дружку лезут, тут уж точно женщина виноватая. И с убийством этим то же самое, это я вам говорю».

— Мы выслушаем версию Миддлмасса об этом происшествии, — сказал Дэлглиш. — А теперь я хотел бы сказать

несколько слов собравшимся в библиотеке. Затем мы с инспектором Мэссингемом начнем предварительный опрос: Хоуарт, две женщины — Анджела Фоули и Бренда Придмор, Блейклок, Миддлмасс и все другие, у кого нет твердого алиби. Я хотел бы, сержант, чтобы вы взялись за организацию обычной процедуры. Нужно, чтобы кто-то один из руководящего состава присутствовал в каждом отделе, пока будет идти обыск. Только они могут сказать, не изменилось ли что-нибудь у них в Лаборатории со вчерашнего дня. Искать нужно — по всей вероятности, без большой надежды на успех — недостающую страницу из тетради Лорримера, любое свидетельство того, чем еще он был занят здесь вчера вечером, кроме работы над делом об убийстве в меловом карьере, любое свидетельство того, что случилось с пропавшим халатом. Нужно тщательно обследовать все здание, особенно возможные пути доступа внутрь и выхода отсюда. Ночной дождь — неприятность. Скорее всего окажется, что стены вымыты дождем начисто. Но все же могут обнаружиться доказательства того, что он выбрался через окно одного из туалетов.

Вам нужно будет послать пару людей во двор и на лужайку. Земля мягкая после дождя, и если убийца приехал на машине или на мотоцикле, могут остаться отпечатки покрышек. Все, что обнаружится, мы можем сопоставить по индексу шин прямо на месте, не надо тратить время на отсылку вещдоков в лабораторию Столпола. Прямо напротив входа в Лабораторию — автобусная остановка. Выясните, в какое время здесь проходит автобус. Всегда есть шанс, что кто-то из пассажиров или экипажа мог что-нибудь заметить. Мне бы хотелось, чтобы сначала проверили здание Лаборатории, и как можно быстрее: сотрудникам надо дать возможность приступить к работе. У них на руках дело о недавнем убийстве, и мы не имеем права держать Лабораторию закрытой дольше, чем это совершенно необходимо. Мне бы хотелось, чтобы они получили доступ к рабочим местам не позже завтрашнего утра.

Далее. В первой раковине мужского туалета обнаружено пятно, похожее на остатки рвоты. Запах из слива все еще достаточно четкий. Нужно срочно отправить пробу в лабораторию Столпола. Возможно, потребуется отвинтить муфту, чтобы добраться до сифона и посмотреть, что там на дне. Нам нужно выяснить, кто последний пользовался вчера туалетом и заметил ли он пятно на раковине. Если никто не признает, что его вырвало вчера днем или не сможет представить свидетеля, что его вырвало, надо будет выяснить, что каждый из них ел вечером. Может быть, вырвало Лорримера: нужно получить информацию о содержимом его желудка. Еще мне хотелось бы, чтобы образцы его крови и волос были оставлены и здесь, в Лаборатории. Но этим займется доктор Блэйн-Томсон.

Рейнольдс спросил:

— Мы считаем критическое время от шести пятнадцати, когда его в последний раз видели живым, до полуночи?

— Пока — да. Когда я увижусь с его отцом и получу подтверждение, что он звонил домой в восемь сорок пять, мы сможем эти рамки сузить. А более точное представление о времени смерти получим, когда доктор Блэйн-Томсон проведет пост-мортем*. Однако, судя по характеру окоченения, доктор Керрисон вряд ли сильно ошибся.

Но доктор Керрисон и не должен был сильно ошибаться, если убийцей был он. Ригор мортис — трупное окоченение — вещь, как известно, весьма ненадежная, и если бы он хотел обеспечить себе алиби, достаточно было изменить время наступления смерти на целый час, не вызвав никаких подозрений. Если же расчет времени был точен, ему не понадобилось бы и часа. Он проявил разумную предусмотрительность, вызвав полицейского хирурга подтвердить правильность его расчета времени смерти. Но мог ли доктор Грин при всем своем опыте в деле освидетельствования трупов не согласиться с мнением судебного патолога-

* Пост-мортем — здесь: посмертное вскрытие (лат.).

консультанта, если это мнение не оказалось абсолютно неправильным? Если Керрисон и был виновен, он очень мало рисковал, вызвав сюда Грина.

Дэлглиш поднялся на ноги:

— Так, — сказал он. — Давайте начинать.

ГЛАВА 10

Дэлглиш не любил, чтобы на его предварительных неформальных опросах, кроме него, присутствовало несколько полицейских: достаточно было одного. Поэтому записи делал Мэссингем. Впрочем, вряд ли они были необходимы — Мэссингем знал, что память у Дэлглиша почти абсолютная. И все же он считал такую практику весьма полезной. Они сидели рядом за столом заседаний в кабинете директора, а Хоуарт — вероятно, не желая в своем собственном кабинете сидеть кроме как за собственным столом, — остался стоять, небрежно прислонясь спиной к камину. Время от времени Мэссингем незаметно приподнимал веки — взглянуть на четко вырезанный надменный профиль на фоне классического фриза. На столе лежали три связки ключей: одна — из кармана убитого, другая — врученная им Блейкломом и третья — та, которую доктор Хоуарт брал из своего сейфа, чтобы воспользоваться ключом от замка, соединенного с сигнальной системой охраны. Все связки были совершенно одинаковы: один ключ от английского замка, два сейфовых — от входной двери и один, меньшего размера, на простом железном кольце. Никаких обозначений на ключах не было, видимо, из соображений безопасности.

— Существуют только эти три связки, больше — нет? — спросил Дэлглиш.

— Есть еще одна — в полицейском участке в Гайз-Марше. Больше — нет. Я, разумеется, проверил у них сегодня

утром, на месте ли ключи. Они по-прежнему в полиции, в сейфе, под присмотром дежурного офицера; к ним никто не прикасался. Полиция должна иметь у себя ключи на случай, если сработает сигнал тревоги. Вчера такого сигнала не было.

Дэлглиш уже знал от Мерсера, что ключи, хранящиеся в полиции, проверяли. Он спросил:

— А самый маленький ключ?

— Это от Хранилища вещдоков. Система такая: все прибывающие к нам вещдоки, пройдя регистрацию, поступают в хранилище и остаются там до тех пор, пока их не передадут главе соответствующего отдела. Он, под свою ответственность, должен вручить вещдоки соответствующему сотруднику. Кроме того, у нас хранятся вещдоки, которые уже исследованы и ждут, пока их заберет полиция, а также те, что фигурировали на судебном процессе и возвращены к нам для уничтожения. Эти последние в основном наркотики. Они уничтожаются в инсинераторе, в присутствии одного свидетеля из сотрудников Лаборатории и полицейского офицера, ведущего расследование этого дела. Хранилище вещдоков тоже подключено к Общей системе А электронной сигнализации, однако, вполне очевидно, что нам нужен ключ для внутренней системы охраны, когда общая отключена.

— И все внутренние двери Лаборатории и дверь вашего кабинета вчера вечером были защищены, поскольку была включена система внутренней охраны? Это означает, что злоумышленник мог выйти отсюда незамеченным только через окно одного из туалетов верхнего этажа. Все другие окна либо зарешечены, либо подсоединены к системе охраны, не так ли?

— Верно. Он, кстати, и войти мог тем же путем, это-то нас больше всего и тревожит. Но взобраться туда было бы не так уж легко, и к тому же сигнал тревоги прошел бы тотчас же, как только он попытался бы открыть дверь любого из основных помещений Лаборатории. Вскоре после мо-

его прибытия мы обсуждали вопрос о том, чтобы обеспечить сигнальной системой и окна в туалетных помещениях, но это показалось нам не столь необходимым. За все семьдесят с лишним лет существования Лаборатории здесь еще не было случаев взлома или непрошенных вторжений.

— Когда запирается Лаборатория, каков точно установленный порядок действий?

— Право запирать Лабораторию имели только два сотрудника по связям с полицией и Лорример — как заместитель начальника службы безопасности. Он или дежурный сотрудник по связям с полицией отвечали за то, чтобы в Лаборатории и близлежащих помещениях не осталось никого из сотрудников, чтобы все внутренние двери были закрыты до того, как включают внутреннюю систему охраны, и, наконец, чтобы входная дверь была заперта на ночь. Сигнальная система связи с полицией в Гайз-Марше включается независимо от того, изнутри заперта входная дверь, или снаружи.

— А другие ключи, обнаруженные на трупе, три — в кожаном чехле и один отдельно? Вам знаком хотя бы один из них?

— Три в чехле мне незнакомы, но один из них — явно ключ от машины. Отдельный ключ очень похож на ключ от часовни Рена. Если это и так, я не знал, что у Лорримера он есть. Но большого значения это не имеет. Правда, насколько мне известно, существует лишь один ключ от часовни, и тот висит на доске для ключей в кабинете старшего сотрудника по связям с полицией. Замок в часовне простой, но нас это не особенно волнует: там ничего по-настоящему ценного не осталось. Иногда архитекторы или члены археологического общества приезжают, чтобы посмотреть часовню, и мы даем им ключ под расписку в книге Регистрационного отдела. Но мы не разрешаем им проходить в часовню по территории Лаборатории. Они должны пользоваться черным ходом, со стороны Гайз-Марш-роуд. Уборщики, которых мы вызываем по контракту, берут ключ раз в два месяца — про-

вести уборку и проверить отопление: нам приходится поддерживать там определенную температуру, потому что лепнина потолка и прекрасная резьба по дереву этого требуют, и мисс Уиллард время от времени заходит туда — вытирать пыль. Когда ее отец был пастором в Чевিশеме, он порой совершал службу в часовне; я полагаю, у нее сохранилось сентиментальное отношение к этому храму.

Мэссингем вышел и принес из кабинета главного инспектора Мартина ключ от часовни. Он был точно такой же. В небольшой записной книжке, висевшей вместе с ключом, Мэссингем обнаружил запись: в последний раз ключом пользовалась мисс Уиллард в понедельник, двадцать пятого октября.

Хоуарт сказал:

— Мы подумывали о передаче часовни в ведение Министерства по охране окружающей среды, после того как и Лаборатория переедет в новое здание. То, что приходится тратить часть наших фондов на отопление и ремонт часовни, — предмет постоянного раздражения для Министерства финансов. Я организовал при часовне струнный квартет, и двадцать шестого августа мы провели там концерт, но вообще-то она никак не используется. Я полагаю, вы захотите ее осмотреть, и сама по себе она стоит того. Прекрасный образец церковной архитектуры конца семнадцатого века, хотя на самом деле это не Рен, а Александр Форт ее построил. А Рен на него очень сильно влиял.

— Как складывались ваши отношения с Лорримером? — спросил вдруг Дэлглиш.

Хоуарт ответил ему совершенно спокойно:

— Не очень хорошо. Я уважал его как биолога, и, разумеется, у меня не было претензий ни к его работе, ни к его сотрудничеству со мной как директором Лаборатории. Узнать его поближе было нелегко, и я не считал его таким уж симпатичным человеком. Но он был, по всей вероятности, одним из самых уважаемых серологов в нашем ведомстве, и нам будет его очень недоставать. Если у него и были недо-

статки, то прежде всего — нежелание доверять кому-либо самостоятельную работу. У него в отделе было два сотрудника-серолога специально для определения групп жидкой крови и пятен, образцов слюны и спермы, но он непременно вел все исследования по убийствам сам. Помимо исследований по делам об убийстве и присутствия на судебных процессах и на местах преступлений, он довольно много преподавал: читал лекции на курсах следователей и на курсах полицейской подготовки.

Черновая тетрадь Лорримера лежала на столе. Дэлглиш подтолкнул ее к Хоурту и спросил:

— Вы это раньше видели?

— Его черновую тетрадь? Да, думаю, видел: у него в отделе или у него в руках — когда он носил ее с собой. Он был скрупулезно аккуратен и не терпел записей на отдельных листках или клочках бумаги. Все имевшее хоть какое-то значение заносилось в эту тетрадь, а потом — в дело. Клэр Истербрук сказала мне, что здесь нет последней страницы.

— Поэтому-то нам особенно интересно знать, что именно он делал здесь вчера вечером, кроме исследования по делу об убийстве в меловом карьере. Он, конечно, мог пройти в любую из лабораторий других отделов?

— Да, если он отключил внутреннюю систему сигнализации. Насколько мне известно, обычно он, оставаясь последним в помещении, запирает входную дверь на английский замок и еще на засов. Внутренние двери он проверял и включал систему сигнализации, только когда уже совсем уходил. Ведь очень важно, чтобы система не сработала случайно.

— Был ли он достаточно компетентен, чтобы проводить исследования в каком-то другом отделе?

— Зависит от того, что он хотел сделать. Разумеется, главным его занятием было опознание и определение групп биологических материалов: крови, пятен телесных выделений, исследование волокон, животных и растительных тканей. Но

он был весьма компетентным ученым в области естественных наук вообще. Его интересы были очень широки — я имею в виду научные интересы. Судебные биологи, особенно в небольших научно-исследовательских лабораториях, какой наша Лаборатория до сих пор и являлась, обычно бывают эрудированы в самых разных областях науки. Но он вряд ли решился бы воспользоваться наиболее сложными из приборов в Отделе исследования орудий и инструментов, масс-спектрометром например.

— А вы сами не имеете представления о том, что он мог делать?

— Ни малейшего. Я знаю, что он заходил сюда, в кабинет. Мне надо было отыскать фамилию хирурга-консультанта, дававшего свидетельские показания для защиты по одному из наших старых дел, и, уходя вчера вечером, я оставил медицинский справочник у себя на столе. Сегодня утром справочник стоял на месте в библиотеке. Мало что раздражало Лорримера больше, чем отсутствие библиотечных книг на месте. Но если он заходил в мой кабинет вчера вечером, то я не могу представить себе, что его целью было проверить, достаточно ли аккуратно я обращаюсь со справочниками.

Завершая беседу, Дэлглиш спросил его о том, где он был и что делал прошлым вечером.

— Играл на скрипке в деревенском концерте. Пастору необходимо было заполнить небольшую паузу — минут пять или чуть больше, и он спросил меня, не сыграет ли струнный квартет что-нибудь, как он выразился, коротенькое и веселое. Исполнителями были я, аптекарь, один из сотрудников Отдела исследования документов и машинистка из Общей канцелярии. Мисс Истербрук должна была бы исполнять партию первой виолончели, но она была приглашена на обед, и приглашение было для нее столь важным, что не пойти она не могла. Так что она не смогла принять участие в концерте. Мы исполняли «Дивертисмент» ре-бемоль Моцарта, третьим номером в программе.

— И вы оставались там до конца концерта?

— Я собирался. Но получилось так, что в зале была невероятная духота, и перед самым антрактом в восемь тридцать я потихоньку вышел на свежий воздух. И не вернулся.

Дэдлиш спросил, что же он точно делал.

— Ничего. Я посидел на плоском надгробии минут двадцать. Потом ушел.

— Вы кого-нибудь видели? Кто-нибудь видел вас?

— Я видел «лошадку»*. Насколько я знаю, это должен был быть Миддлмасс, заменивший главного инспектора Мартина. Он скакал и прыгал по кладбищу, вполне довольный собой — так мне показалось, — и даже пощелкал зубами на одного из ангелов на каком-то памятнике. Потом к нему присоединилась целая компания, отплясывавшая танец «моррис»: они прошли прямо через кладбище из паба «Простофиля». Зрелище было поразительное. Луна мчалась сквозь облака, а эти странные фигуры с позванивающими колокольчиками, в шляпах, украшенных еловыми ветками, двигались ко мне из темноты, среди ключев поднимающегося от земли тумана... Казалось, идет какой-то экстравагантный фильм или балет, недоставало лишь музыки где-нибудь на заднем плане, не очень тонкой, второсортной, лучше всего — Стравинского. Я сидел на камне совершенно неподвижно, чуть поодаль, не думаю, что они меня заметили. Во всяком случае, я ничем не дал о себе знать. «Лошадка» присоединилась к ним, и все отправились в зал. Потом я услышал деревенскую скрипку. Кажется, я посидел там еще минут десять и ушел. Остаток вечера я бродил вдоль дамбы Лимингс-Дайк и вернулся домой около десяти часов. Моя сестра по отцу — Доменика — сможет это подтвердить.

Еще некоторое время они обсуждали, какие административные меры следует принять, чтобы помочь расследо-

* «Лошадка» — танцор с макетом лошадиной головы на плечах, ведущий танец «моррис» — народный театрализованный танец, исполняемый во время майских праздников.

ванию. Доктор Хоуарт сказал, что перейдет в кабинет мисс Фоули, освободив свой собственный для работы полиции. Возможности открыть Лабораторию в течение дня, к сожалению, не представится, но Дэлглиш выразил надежду, что работа сможет возобновиться не позднее завтрашнего утра. Прежде чем Хоуарт ушел, Дэлглиш задал ему еще один вопрос:

— Все, с кем я беседовал, с уважением относились к доктору Лорримеру как специалисту. Но что он был за человек? Что, например, вы знали о нем, кроме того, что он — судебный биолог?

Доктор Хоуарт холодно ответил:

— Ничего. Я и не думал, что мне следует знать что-то кроме того, что он — судебный биолог. А теперь, если у вас нет ко мне срочных вопросов, я должен позвонить в Организационный отдел — убедиться, что из-за волнений, вызванных его столь эффективным уходом, они не забудут прислать ему замену.

ГЛАВА 11

Юность способна быстро восстанавливать силы — как физические, так и душевные. Бренда Придмор скоро оправилась от шока, потрясшего ее, когда она обнаружила труп Лорримера. Она категорически отказалась отправиться домой и, к тому времени как Дэлглиш смог побеседовать с ней, была совершенно спокойна и, более того, очень хотела рассказать, как все произошло. С облаком пышных золотисто-каштановых волос и россыпью веснушек на загорелом от солнца и ветра лице, Бренда являла собой картину истинно сельского здоровья. Но в серых глазах ее светился ум, а рот был нежным и чувственным. Через стол она смотрела на Дэлглиша внимательно и напряженно, словно

послушный ребенок, но без всякого страха. Адам понимал, что за свою коротенькую жизнь она привыкла, что мужчины относятся к ней с отеческой добротой, и теперь не сомневалась, что и эти незнакомые офицеры полиции отнесутся к ней точно так же. Отвечая на вопросы Дэлглиша, она подробно и точно описала все, что случилось с ней с момента ее приезда в Лабораторию в это утро, вплоть до обнаружения трупа.

— Вы прикасались к нему?

— О нет! Я встала на колени и, мне кажется, протянула руку — пощупать его лицо. Больше ничего. Понимаете, я знала, что он уже умер.

— А потом?

— Не помню. Знаю, что бросилась вниз по лестнице, а инспектор Блейклок стоял внизу и смотрел вверх, на меня. Я не могла говорить, но я так думаю, что он по моему лицу догадался, что что-то случилось. Потом помню — я сидела на стуле у кабинета главного инспектора Мартина и смотрела на портрет полковника Хоггата. Потом совсем ничего не помню, а потом пришли доктор Хоуарт и миссис Бидуэлл.

— Вы не думаете, что кто-то мог пройти мимо вас и выйти из здания, пока вы там сидели?

— Вы хотите сказать — убийца? Не представляю даже, как он мог бы пройти. Конечно, я была не очень внимательна, только я же не в обмороке была, никаких таких глупостей со мной не случилось. Уверена, я б заметила, если б кто-нибудь через вестибюль прошел. А даже если б он мимо прокрался незамеченным, он бы прямо на доктора Хоуарта наскочил, верно ведь?

Дэлглиш расспросил ее о ее работе в Лаборатории, о том, хорошо ли она знала доктора Лорримера. С безыскусной доверчивостью она говорила и говорила о своей жизни, о коллегах, о своей увлекательной работе, об инспекторе Блейклоке, который был так добр к ней и который недавно потерял единственную дочь. И каждой своей фразой, не созна-

вая того, она говорила гораздо больше, чем ей самой было известно. И дело вовсе не в том, что она глупышка, думал Мэссингем, просто она честна и непосредственна. И впервые они услышали, что кто-то говорит о Лорримере с искренним расположением.

— Он всегда был так ужасно добр ко мне, хоть я и не работала в Биологическом отделе! Конечно, он был очень серьезный человек. И на нем такая большая ответственность лежала. Биологический — ужасно перегруженный отдел, и он должен был работать допоздна, почти что каждый вечер. Результаты все проверял, задолженности подгонял. Я так думаю, он расстраивался, что не его выбрали сменить доктора Мака. Только он мне этого никогда не говорил, — ну, просто не стал бы, верно ведь? — я же совсем молодая и должность у меня маленькая, а он слишком делу своему предан.

— А вы не думаете, что кто-то мог неправильно понять его интерес к вам и позавидовать, а то и приревновать? — спросил Дэлглиш.

— Приревновать доктора Лорримера из-за того, что он иногда задерживался у моей конторки — поговорить про мою работу? Из-за того, что был такой добрый ко мне? Но он же старый был! Это же просто глупо!

Склонившись над своими записями и пряча улыбку, Мэссингем сделал несколько быстрых — стаккато — штрихов карандашом и подумал, что, может, и впрямь — глупо.

Дэлглиш продолжал:

— Кажется, накануне его смерти тут произошла неприятность, когда в Лабораторию заходили дети доктора Керрисона? Вы тогда были в вестибюле?

— Вы имеете в виду, когда он вытолкал мисс Керрисон из зала? Знаете, на самом деле он ее не толкал, а только говорил с ней очень резко, это правда. Она пришла с маленьким братишкой, и они хотели подождать доктора Керрисона. А доктор Лорример посмотрел на них, ну, будто он их прямо ненавидит. Совсем на него не похоже. Я думаю,

он какой-то ужасный стресс переживал. Может, у него предчувствие было, что он скоро умрет. А знаете, что он мне сказал, когда вещдоки по убийству в меловом карьере прибыли? Он сказал, только собственной смерти надо бояться. Правда ведь, необыкновенные слова, как вы думаете?

— Очень странные, — согласился Дэлглиш.

— И это мне еще одну вещь напоминает. Вы ведь сами сказали, что все может быть важно. Ну, ему очень странное письмо вчера утром пришло. Потому он и задержался у моей конторки, чтоб я могла передать ему личную почту. Но был только этот тонкий коричневый конверт с адресом печатными буквами — от руки написанными печатными буквами, заглавными! И его фамилия — больше ничего, ни «доктору», ни «главному биологу» — ничего не написали. Странно, правда?

— И часто ему личные письма сюда приходили?

— О нет, на самом деле совсем не приходили. В шапке на лабораторной бумаге для писем указано, чтобы все сообщения адресовались на имя директора. Мы здесь занимаемся только получением вещдоков, а вся корреспонденция идет в Общую канцелярию, там ее сортируют. Мы только передаем личные письма, но их совсем немного.

Во время быстрого предварительного осмотра личного кабинета Лорримера, в котором царил безукоризненный порядок, Дэлглиш не обнаружил никакой личной корреспонденции. Он спросил, не знает ли мисс Придмор — может быть, доктор Лорример уходил домой в обеденный перерыв? Она ответила, что уходил. Следовательно, вполне возможно, что он унес письмо домой. Это могло означать многое, но могло и ничего не означать. Просто еще один мелкий факт, который необходимо расследовать.

Он поблагодарил Бренду Придмор и снова напомнил ей, что она должна прийти к нему, если вспомнит что-либо важное, какой бы мелочью это ни казалось. Бренда не привыкла ничего скрывать. Было совершенно очевидно — что-то с ней произошло. Она покраснела и опустила глаза. Эта мета-

морфоза — от открытой, радостной доверчивости к виноватому виду провинившейся школьницы — была и трогательна, и комична.

— Ну, что? — спросил Дэлглиш.

Она не произнесла ни слова, но заставила себя посмотреть ему прямо в глаза и покачала головой.

— Расследование убийства не бывает приятным. Как и в большинстве жизненных неприятностей, тут может иногда показаться, что легче всего не вмешиваться, держаться подальше от всей этой грязи. Но это невозможно. При расследовании убийства скрыть правду иногда означает то же, что солгать.

— А если человек просто передает информацию? Может, что-то очень личное, чего он не имеет права знать? И это бросит подозрение на кого-то, кто вовсе не виноват?

Дэлглиш очень мягко ответил:

— Вам надо только поверить нам. Постарайтесь поверить, хорошо?

Она кивнула и прошептала «да», но больше ничего не сказала. Он рассудил, что теперь не время настаивать и, отпустив Бренду, вызвал Анджелу Фоули.

ГЛАВА 12

В противоположность безыскусной доверчивости Бренды Придмор Анджела Фоули взирала на них вежливым, но совершенно непроницаемым взглядом. Внешность этой молодой женщины была совершенно необычной: округлое, сужающееся к подбородку лицо, с необычайно широким и слишком высоким лбом, легкие и тонкие, как у ребенка, волосы цвета спелой ржи зачесаны назад и заплетены в тугую косу, короной венчающую голову. Глаза — небольшие, с косым разрезом и так глубоко сидящие, что Дэл-

глишу трудно было определить, какого же они цвета. Маленький рот над острым подбородком необщительно сжат. На Анджеке было платье из тонкой, желтовато-коричневой шерсти, а поверх — открытая по бокам, вязанная замысловатым узором безрукавка. На ногах — низкие шнурованные сапожки. Тщательно продуманный стиль создавал просто-таки экзотический контраст с ортодоксальной миловидностью Бренды и ее аккуратным, вручную вязанным ансамблем из блузки и жакета.

Если она и была расстроена насильственной смертью двоюродного брата, ей прекрасно удавалось скрывать свое горе. Она рассказала, что работает секретарем директора уже пять лет — сначала у доктора Макинтайра, теперь у доктора Хоурта. До этого она работала машинисткой-стенографисткой в Общей канцелярии, поступив в Лабораторию Хоггата прямо из школы. Ей двадцать семь лет. Раньше она снимала однокомнатную квартиру в Или, но два года назад поселилась в Спрогговом коттедже вместе с подругой. Весь вчерашний день они провели вдвоем. Эдвин Лорример и его отец были ее единственными родственниками, но они виделись друг с другом очень редко. Родственные отношения в их семье, пояснила она так, будто это было вполне естественно в этом мире, никогда не были близкими.

— Следовательно, вам мало что известно о его личных делах? О его завещании, например?

— Нет, ничего не известно. Когда наша бабушка оставила все деньги ему и нас пригласили в контору поверенного, Эдвин сказал, что сделает меня своей наследницей. Но я думаю, он тогда просто испытывал комплекс вины из-за того, что я не была упомянута в завещании. Полагаю, его слова ничего не означали. И кроме того, он мог просто передумать.

— А вы помните, сколько оставила ваша бабушка?

Она помолчала с минуту. Будто рассчитывает, подумал Дэлглиш, что прозвучит менее подозрительно — заявле-

ние, что она знает, или — что совершенно не в курсе? Потом сказала:

— Кажется, около тридцати тысяч. Не знаю, сколько там теперь.

Он кратко, но весьма тщательно опросил ее о событиях сегодняшнего утра. У нее с подругой была машина — «мини», но Анджела обычно ездила на работу на велосипеде. Так же она приехала и сегодня, в свое обычное время, без чего-то девять, и с удивлением увидела, что доктор Хоуарт и миссис Бидуэлл едут на машине прямо перед ней. Дверь открыла Бренда Придмор. Инспектор Блейклок спускался по лестнице. Именно он и сообщил об убийстве. Все оставались в зале вестибюля, пока доктор Хоуарт ходил в Биологический отдел. Инспектор Блейклок по телефону вызвал полицию и доктора Керрисона. Когда доктор Хоуарт вернулся вниз, он попросил ее пойти вместе с инспектором Блейклоком и проверить ключи. Из всего штата Лаборатории только она и директор знают комбинацию цифр сейфового замка в его кабинете. Директор остался в вестибюле, по-видимому, чтобы поговорить с Брендой Придмор. Ключи были на месте — в ящике сейфа, и они с инспектором Блейклоком там их и оставили. Она снова набрала шифр, заперла шкаф и вернулась в зал. Доктор Хоуарт прошел к себе в кабинет — звонить в Министерство внутренних дел, сказав сотрудникам, чтобы они подождали в зале вестибюля. Потом, когда прибыли полицейские, доктор Хоуарт вместе с ней поехал на своей машине к мистеру Лорримеру-старшему сообщить о случившемся. Там он оставил ее со стариком, а сам вернулся в Лабораторию. А она позвонила подруге. Вместе с мисс Моусон они пробыли там до тех пор, пока, примерно через час, не приехали жена пастора — миссис Суоффилд и полицейский констебль.

— Что же вы делали в Коттедже за мельницей?

— Приготовила чай и отнесла его дядюшке. Мисс Моусон почти все время была на кухне, мыла после него посуду. В кухне было не очень-то прибрано, полно немытой посуды со вчерашнего дня.

— И как, по-вашему, ваш дядюшка?

— Обеспокоен и немного сердит из-за того, что его бросили одного. Мне кажется, он еще не понял, что Эдвин умер.

Казалось, дальнейшие расспросы мало что могут дать. Насколько она знала, у ее кузена не было врагов. Она и представления не имела, кто мог его убить. Ее голос — высокий и довольно монотонный, похожий на голос маленькой девочки, — заставлял предположить, что все происходящее не очень-то ее волнует. Она не высказывала ни сожалений, ни предположений, отвечала на все вопросы совершенно спокойно, безразличным тоном. Дэлглиш мог бы быть просто случайным посетителем, стремящимся удовлетворить свое любопытство, разузнав подробности каждодневной лабораторной рутины. Он почувствовал к ней инстинктивную антипатию. Скрыть ее было совсем не трудно, но ему самому это показалось интересным: впервые за много лет человек, подозреваемый в убийстве, вызвал у него такую непосредственную физическую реакцию. Однако ему хотелось бы разобраться: действительно ли он рассмотрел в ее глубоко сидящих скрытых глазах пренебрежение, даже презрение, или это ему показалось из-за овладевшего им предубеждения? Он много бы дал, чтобы узнать, какие мысли роятся за этим высоким, чуть шишковатым лбом.

Когда она вышла, Мэссингем сказал:

— Странно, что доктор Хоуарт послал с Блейклом именно ее проверить ключи. Он, должно быть, сразу понял, какое значение они могут иметь. Доступ в Лабораторию — главный вопрос в этом деле. Почему же он сам не пошел проверить? Он же знал комбинацию цифр?

— Слишком горд, чтобы пригласить с собой свидетеля, и слишком умен, чтобы пойти без него. К тому же мог решить, что важнее остаться, присмотреть за всем в вестибюле. Во всяком случае, он позаботился о том, чтобы Анджелу Фоули сопровождали. Одну ее он ведь не послал. Ну, давайте посмотрим, что нам Блейклом по этому поводу скажет.

ГЛАВА 13

Как и доктор Хоуарт, инспектор Блейклок предпочел не садиться. Он стоял по стойке «смирно» по ту сторону стола, лицом к Дэлглишу, как солдат, нарушивший дисциплину. Дэлглиш прекрасно понимал, что нечего и пытаться убеждать его, чтобы он чувствовал себя свободнее. Впервые Блейклок познакомился с тем, как следует отвечать на допросе, когда был еще младшим полицейским и выступал свидетелем на судебных процессах. Он сообщал только ту информацию, которую от него требовали, не больше и не меньше; глаза его были устремлены в одну точку, сантиметрах в тридцати над правым плечом Дэлглиша. Когда не дрогнувшим, лишенным выражения голосом он назвал свои имя и фамилию, Дэлглиш прямо-таки ждал, что он вот-вот протянет правую руку, чтобы положить ее на Библию, и произнесет клятву.

В ответ на вопросы Дэлглиша он подробно описал все, что делал с момента выезда из дома в Или и после прибытия в Лабораторию. Его рассказ о том, как был обнаружен труп, совпадал с тем, что рассказала им Бренда Придмор. Как только он увидел ее лицо, когда она спускалась вниз по лестнице, он сразу понял — что-то случилось, и бросился наверх, в Биологический отдел. Не стал ждать, пока она что-нибудь скажет. Дверь была открыта, и свет включен. Он описал положение тела с такой точностью, словно застывшие контуры трупа отпечатались на сетчатке его глаз. Он тотчас же понял, что Лорример мертв. Он не прикасался к мертвому, только — совершенно инстинктивно — пощупал рукой в кармане его халата: убедился, что ключи на месте.

— Когда вы приехали сегодня утром в Лабораторию, вы, прежде чем войти, подождали, пока мисс Придмор подойдет к вам. Почему? — спросил Дэлглиш.

— Я увидел, как она вышла из-за угла нашего здания, после того как отвела на место велосипед. Подумал, что

вежливо будет подождать ее, сэр. И мне не пришлось бы потом снова отпирать дверь, чтобы ее впустить.

— А все три замка и система охраны были в полном порядке?

— Да, сэр.

— Вы делаете общий проверочный обход здания сразу по прибытии?

— Нет, сэр. Конечно, если бы я обнаружил беспорядок с каким-то из замков или на панели сигнальной системы, я сразу же пошел бы с проверкой. Но все было в порядке.

— Вы сказали, что телефонный звонок мистера Лорримера-старшего был для вас неожиданностью. Разве вы не заметили машины доктора Лорримера, когда приехали утром на работу?

— Нет, сэр. Старший научный состав пользуется гаражом в самом конце здания.

— Почему вы послали мисс Придмор выяснить, здесь ли доктор Лорример?

— Я не посылал, сэр. Она выскользнула под конторкой прежде, чем я успел ее задержать.

— Значит, вы почувствовали, что что-то произошло?

— На самом деле — нет, сэр. Я никак не ожидал, что она его там найдет. Но кажется, мне на минуту пришло в голову, что, возможно, ему стало плохо.

— Что за человек был доктор Лорример, инспектор?

— Он был главным биологом, сэр.

— Это я знаю. Я спрашиваю, что он был за человек — как человек, как сотрудник?

— По-настоящему-то я его не знал, сэр. Он не из тех был, кто у конторки поболтать останавливается. Но отношения у меня с ним были нормальные. Он был хорошим судебным экспертом.

— Мне говорили, что он проявлял интерес к Бренде Придмор. Разве это не означает, что он время от времени останавливался у конторки — поболтать?

— Не больше чем на несколько минут, сэр. Он любил время от времени поговорить с девочкой. Да ведь все любят. Приятно, что у нас в Лаборатории такое молоденькое существо появилось. Она хорошенькая, очень старается, и энтузиазма у нее — хоть отбавляй. Я думаю, доктор Лорример хотел как-то ее подбодрить.

— Не более того, инспектор?

— Нет, сэр, — невозмутимо ответил Блейклок.

Потом Дэлглиш расспросил его о том, где он был и что делал накануне вечером. Блейклок сказал, что вместе с женой они купили билеты на деревенский концерт, хоть жене и не очень хотелось туда идти — голова сильно болела. У нее бывают головные боли на почве синусита, они ее иногда просто выводят из строя. Но Блейклоки все-таки были на первой части программы и ушли в перерыве из-за этой самой головной боли. Он вел машину. Домой, в Или, они приехали примерно без четверти десять. Они с женой живут в современном бунгало на окраине города. Соседей поблизости нет, и он не думает, что кто-то мог заметить, когда они вернулись.

Дэлглиш сказал:

— Впечатление такое, что никто не хотел остаться на вторую часть концерта. Прямо какое-то всеобщее нежелание. Зачем же вам надо было ехать туда, раз ваша жена плохо себя чувствовала?

— Доктор Макинтайр — это наш бывший директор, сэр, — любил, чтобы сотрудники Лаборатории принимали участие в деревенских мероприятиях, и главный инспектор Мартин тоже так считает. Вот я и купил билеты, а жена решила, раз они куплены, надо ими воспользоваться. Надеялась, может, на концерте забудет про свою боль головную. Но первая часть была довольно шумная, так что ей только хуже стало.

— Вы заезжали за ней домой или встретились прямо здесь?

— Она приехала пораньше, автобусом, сэр, и провела день с миссис Дин, женой священника. Они — давние друзья. Я заехал за женой после работы, в шесть часов. Перед концертом поужинали там, рыбу с жареной картошкой ели.

— Вы всегда уходите в это время?

— Да, сэр.

— Кто же запирает Лабораторию, если ученые задерживаются после того, как вы ушли?

— Я всегда проверяю, кто остался, сэр. Если продолжают работать младшие научные сотрудники, тогда приходится задержаться, пока они не закончат. Но это не очень обычно, сэр. У доктора Хоурта тоже есть ключи, он, если задерживается, сам систему сигнализации проверяет и запирает Лабораторию.

— А доктор Лорример часто оставался на работе после вашего ухода?

— Три-четыре вечера в неделю, сэр. Но я никогда не беспокоился, если он должен был запираться. Он был очень добросовестный.

— Он впустил бы кого-нибудь в помещение, если оставался один?

— Нет, сэр, только если кого из сотрудников Лаборатории, тогда могло быть. Или кто из полиции. Но тогда он полицейского должен был знать в лицо. Он никого бы не впустил без дела. Доктор Лорример очень строгий был к тем, у кого в Лабораторию допуска не было.

— Поэтому он и попытался позавчера силой выставить мисс Керрисон отсюда?

Инспектор Блейклок ни на мгновение не утратил поддержки:

— Я не сказал бы, что он ее силой выставил, сэр. Он девочку и пальцем не тронул.

— Вы не могли бы точно описать мне, что на самом деле произошло, инспектор?

— Мисс Керрисон с младшим братишкой пришли встретить отца. В то утро доктор Керрисон читал лекцию на подготовительных курсах инспекторов. Я предложил мисс Керрисон посидеть на стуле, подождать, но тут как раз доктор Лорример спустился к нам — проверить, прибыл ли деревянный молоток, который надо было исследовать. Увидел детей и спросил, довольно повелительно, что они тут делают. И ска-

зал, что судебно-медицинская лаборатория — не место для детей. Мисс Керрисон ответила, что не собирается уходить, так что он подошел к ней, вроде хотел ее выставить. Он был очень бледный, прямо белый, очень странно выглядел, так мне показалось. Он ее пальцем не тронул, но она, видно, испугалась, что тронет. Я думаю, она очень нервная, сэр. Она как завизжит, как закричит: «Я вас ненавижу, ненавижу!» Доктор Лорример пошел наверх, а Бренда стала успокаивать девочку.

— И мисс Керрисон с младшим братом ушла, не дождавшись отца?

— Да, сэр. Доктор Керрисон спустился минут через пятнадцать, и я сообщил ему, что дети приходили за ним, но уже ушли.

— Вы рассказали ему об этом инциденте?

— Нет, сэр.

— Такое поведение типично для доктора Лорримера?

— Нет, сэр. Но в последние несколько недель он не очень хорошо выглядел. Думаю, он какое-то нервное напряжение переживал.

— А вы не знаете, что вызвало это напряжение?

— Нет, сэр.

— У него враги были?

— Мне это неизвестно, сэр.

— Так что вы не представляете, кто мог бы желать ему смерти?

— Нет, сэр.

— После того как обнаружили труп доктора Лорримера, доктор Хоуарт послал вас вместе с мисс Фоули проверить, на месте ли его связка ключей. Не можете ли вы точно описать, что именно вы и мисс Фоули делали у сейфа?

— Мисс Фоули открыла сейф. Только она и директор знают комбинацию цифр.

— Вы наблюдали?

— Да, сэр, но я не запомнил шифр. Я наблюдал, как она поворачивает диск и устанавливает цифры.

— А потом?

— Она вытащила металлический ящичек и открыла. Он не был заперт. Ключи были в ящичке.

— Вы внимательно следили за ней все время, инспектор? Вы абсолютно уверены, что мисс Фоули не могла незаметно для вас вернуть ключи в ящик?

— Нет, сэр. Это было бы совершенно невозможно.

— И последнее, инспектор. Когда вы пошли наверх, туда, где находился труп, мисс Придмор оставалась в вестибюле одна. Она сказала мне, что совершенно уверена, что в то время никто не мог выскользнуть из Лаборатории. Вам в голову такая возможность не приходила?

— Что он мог пробыть здесь всю ночь, сэр? Да. Но он не мог прятаться в комнате главного сотрудника по связям с полицией, иначе я увидел бы его, когда зашел туда выключить систему внутренней сигнализации. Это помещение — самое близкое к входной двери. Еще, я думаю, он мог бы скрываться в кабинете директора, но не могу представить, как он мог пройти через вестибюль и отпереть входную дверь незаметно для мисс Придмор, хоть она и была в состоянии шока. Дверь ведь не была открыта, ему надо было бы отпереть английский замок.

— А вы совершенно уверены, что ваша связка ключей постоянно была при вас вчера вечером?

— Совершенно уверен, сэр.

— Благодарю вас, инспектор. Пока это все. Попросите сюда мистера Миддлмасса, будьте добры.

ГЛАВА 14

Завотделом по исследованию документов вошел в кабинет легкой, уверенной походкой. Без всякого приглашения, он удобно устроился в директорском кресле, закинув одну длинную ногу на колено другой, и смотрел на Дэлглиша, вопросительно приподняв бровь, словно гость,

не ожидающий от хозяина ничего, кроме надоедной скуки, но из вежливости не желающий этого никак выказать. На нем были свободные брюки из коричневого вельвета, бежевый, из тонкой шерсти свитер с высоким горлом, пурпурного цвета носки и мягкие кожаные башмаки без шнуровки. От всего этого веяло этакой небрежной неофициальностью, но Дэлглиш отметил, что брюки были от хорошего портного, свитер — из дорогого кашемира, а башмаки шиты на заказ. Он бросил взгляд на объяснительную записку, где Миддлмасс изложил, что он делал и где был накануне вечером, после семи. В отличие от коллег Миддлмасс писал пером, а не шариковой ручкой, почерк — изящный, с наклоном вправо, буквы удлинненные и узкие. В результате получилось нечто весьма декоративное, но совершенно неразборчивое. Такого почерка Дэлглиш от него совершенно не ожидал.

— Прежде чем мы займемся вот этим, не могли бы вы рассказать мне о вашей ссоре с Лорримером? — сказал он.

— Вы имеете в виду мою версию происшедшего в противоположность предложенной миссис Бидуэлл?

— Я имею в виду правду, в противоположность досужим предположениям.

— Эпизод получился не особенно поучительный, и я не могу сказать, что тут есть чем похвастать. Но большого значения он не имеет. Я как раз занимался делом об убийстве в меловом карьере, когда услышал, что Лорример выходит из умывалки. У меня было к нему личное дело, и я хотел сказать ему пару слов по этому поводу. Я окликнул его и попросил зайти. Мы поговорили, повздорили, он замахнулся, а я отреагировал, дав ему по носу. Кровь из носа весьма эффектно залила мой халат. Я извинился. Он ушел.

— Из-за чего же вы повздорили? Из-за женщины?

— Ну, это-то вряд ли, командер, не с Лорримером же из-за женщины вздорить! Я думаю, Лорример знал, что существуют люди двух разных полов, но вряд ли одобрял такое разделение. Вопрос был частный, не очень значитель-

ный. О том, что случилось пару лет назад. Не имеющий отношения к нашей Лаборатории.

— Итак, создается некая картина: вы занимаетесь исследованием вещдока по делу об убийстве; вещдок явно очень важный, раз вы сами решили им заняться; однако вы не настолько поглощены исследованием, чтобы не слышать шагов за дверью. Вы даже узнали шаги Лорримера. Момент кажется вам вполне подходящим, чтобы попросить его зайти и обсудить что-то такое, что случилось пару лет назад, что-то такое, о чем вы вполне могли не вспоминать все это время, но что теперь настолько раздражает вас обоих, что вы готовы сбить друг друга с ног.

— В такой трактовке это звучит весьма эксцентрично.

— В такой трактовке это звучит абсурдно.

— Ну, я думаю, это и было в каком-то смысле абсурдно. Речь шла о кузене моей жены, о Питере Энналзе. Он окончил школу с двумя аттестатами повышенного уровня по естественным наукам и вроде бы очень хотел поступить в наше ведомство. Обратился ко мне за советом, и я подсказал ему, что надо делать. В результате он был принят младшим научным к Лорримеру, он тогда работал в Южной лаборатории. Получилось не очень удачно. Не думаю, что тут целиком вина Лорримера, но он не умеет работать с молодыми сотрудниками. В конце концов карьера Энналза рухнула, невеста от него отказалась, и с ним приключилось то, что обидно обозначается как нервный срыв. Он утопился. Слухи о том, что происходило в Южной лаборатории, дошли и до нас. Наше ведомство ведь не такое уж большое, а слухами земля полнится. Я не очень хорошо знал мальчика, но моя жена его любила. Я не виню Лорримера в смерти Питера. Самоубийца всегда сам повинен в самоуничтожении. Но моя жена считает, что Лорример мог бы больше сделать, чтобы ему помочь. Вчера я позвонил домой, чтобы предупредить ее, что вернусь поздно, и наш разговор напомнил мне, что я давно собирался побеседовать с Лорримером о Питере. Так

совпало, что я услышал его шаги. Я позвал его, и дело кончилось тем, что миссис Бидуэлл, вне всякого сомнения, весьма картинно вам изобразила. Не сомневаюсь, что миссис Билуэлл ищет женщину в основе всякого спора между мужчинами. И если она и вправду говорила о женщине и о телефонном звонке, то женщина эта была моя жена, а звонок — тот, о котором я вам уже поведал.

Это звучит вполне правдоподобно, подумал Дэлглиш. Вполне может быть даже, что это правда. Историю про Питера Энналза надо проверить. Еще одна задача, хоть в истинности этой истории и трудно усомниться, а у них и так полно нерешенных задач и время поджидает. Но Миддлмасс говорил, используя настоящее время: «Лорример не умеет работать с молодыми сотрудниками». Нет ли молодых сотрудников поближе, чем в Южной, пострадавших по вине Лорримера? Однако Дэлглиш решил пока оставить этот вопрос. Пол Миддлмасс — человек умный. Прежде чем он делает официальное заявление, у него будет время поразмышлять над тем, как скажется на его карьере подпись, поставленная под ложными показаниями.

— Судя по этой вашей записке, вы исполняли роль «лошадки» в танце «моррис» на вчерашнем деревенском концерте, — сказал Дэлглиш. — Несмотря на это, вы заявляете, что не можете назвать никого, кто бы за вас поручился. Очевидно, что и исполнители танца, и зрители видели гордо дефилирующую «лошадку», но не могли видеть внутри этого костюма вас. Но разве там, в клубе, не было никого, когда вы пришли или когда уходили?

— Из тех, кто меня видел, — никого, кто бы меня узнал. Неприятно, но тут уж ничего не попишешь. Все это получилось довольно странно. Обычно я не принимаю участия в сельских ритуалах, и деревенские концерты вовсе не мой идеал развлечений. Это амплуа нашего сотрудника по связям с полицией, главного инспектора Мартина. Но ему неожиданно представилась возможность поехать в США, и он

попросил меня его заменить. Мы примерно одного размера, и я думаю, он счел, что костюм будет мне впору. Ему нужен был кто-то широкоплечий и достаточно сильный, чтобы выдержать вес лошадиной головы. А я был ему обязан: он очень тактично замолвил за меня словечко одному из своих коллег, когда дорожный патруль поймал меня на превышении скорости примерно месяц назад. Так что я никак не мог ему отказать. На прошлой неделе я был на репетиции, и все, что от меня требовалось, — это, как вы выразились, гордо дефилировать впереди, а то и прыгать вокруг исполнителей, когда они закончат свою часть, щелкать челюстями в сторону аудитории, размахивать хвостом и, в общем, строить из себя идиота. Но это вряд ли имело значение, поскольку никто не мог меня узнать. У меня не было намерения просидеть весь вечер на этом концерте, поэтому я попросил руководителя труппы — это Боб Готобед — позвонить мне из клуба минут за пятнадцать до того, как придет наш черед выступать. Мы должны были появиться после антракта, и они рассчитали, что это будет примерно в восемь тридцать. Концерт, как вам, вероятно, уже сказали, начался в семь тридцать.

— И вы оставались в лаборатории своего отдела и работали, пока вам не позвонили?

— Совершенно верно. Мой младший научный сотрудник выходил купить мне пару сэндвичей с мясом и чатни, я съел их прямо за рабочим столом. Боб позвонил в восемь пятнадцать и сказал, что все идет чуть быстрее, чем планировали, и что мне лучше бы явиться туда сразу. Все уже надели костюмы и собирались отправиться в «Простофилю» — выпить пива. У клуба лицензии нет, так что все, что зрители могут получить в антракте, — это кофе и чай: их члены Союза матерей разносят. Я вышел из Лаборатории примерно в восемь двадцать — так мне кажется.

— У вас здесь сказано, что Лорример в это время был жив, насколько вы можете судить.

— Мы же знаем, что он был жив двадцатью пятью минутами позже, если его отец не ошибся насчет того телефонного звонка. Но на самом деле у меня такое впечатление, что я его видел. Я вышел через парадное — это ведь единственный выход, но мне пришлось пройти за дом, к гаражам, чтобы вывести машину. В Биологическом отделе горел свет, и я увидел, как кто-то в белом халате быстро прошел мимо окна. Я не мог бы поклясться, что это был Лорример. Я могу только сказать, что в тот момент мне и в голову не пришло, что это может быть не он. И я, разумеется, знал, что он должен был находиться в Лаборатории. На нем лежала обязанность запирать здание, и он был невероятно педантичен в отношении систем безопасности. Он ни за что бы не ушел, не проверив отделы, все до одного, в том числе и Отдел исследования документов.

— А как была заперта входная дверь?

— На английский замок и один засов. Как я и ожидал. Я вышел и захлопнул ее за собой.

— Что произошло, когда вы приехали в клуб?

— Чтобы это объяснить, мне придется описать его архитектурные особенности. Клуб был построен пять лет назад, за очень небольшую цену деревенским подрядчиком, и комитет решил сэкономить деньги, отказавшись нанять архитектора. Они просто объяснили этому парню, что им нужно прямоугольное здание со сценой, двумя артистическими уборными и туалетами в одном конце, а фойе, раздевалка и помещение для буфета пусть будут в другом. Клуб построил Гарри Готобед вместе с сыновьями. Гарри — столп местной церкви и образцовый нонконформист*, отличающийся незыблемыми моральными устоями. Он не принимает театра — ни профессионального, ни самодеятельного, и я думаю, им не так-то легко было уговорить его построить сцену. Но он решительно не желал, чтобы мужская и

* Нонконформист — член одной из сект, отделившихся от англиканской церкви.

женская артистические уборные сообщались между собой, и не сделал между ними ни коридора, ни двери. В результате мы теперь имеем сцену с двумя комнатами позади нее, каждая комната снабжена отдельным туалетом. Из каждой комнаты — выход на кладбище, и в каждой — отдельная дверь на сцену. Но за сценой нет практически никакого общего пространства. В результате мужчины одеваются в правой уборной и входят на сцену справа, а женщины — в левой и входят с левой стороны. Все, кому нужно войти с противоположной стороны, должны прямо в костюмах мчаться через кладбище, иногда и под дождем, и, если удастся не поскользнуться, не сломать ногу и не свалиться в открытую могилу, в конце концов совершить триумфальный, хотя и несколько подмоченный, выход на сцену с нужной стороны.

Он вдруг откинулся назад и неудержимо расхохотался. Потом взял себя в руки и сказал:

— Прошу прощения — дурной вкус! Просто я вспомнил прошлогоднее представление драмкружка. Они выбрали одну из этих устаревших семейных комедий, в которых герои проводят большую часть времени в вечерних туалетах, занимаясь модной болтовней. Молоденькая Брайди Корриган, продавщица из универмага, играла горничную. Она как раз мчалась через кладбище, и ей примерещилось, что она видит призрак старой Мэгги Готобед. Она влетела на сцену с воплем, в сбившемся набок чепце, но роль свою помнила настолько, что смогла выдохнуть: «Ох, Пресвятая Богородица, кушать подано!» Послушные зову, остальные действующие лица повалили со сцены: мужчины — в одну сторону, женщины — в другую. Должен сказать, наш клуб весьма успешно добавляет интереса любой постановке!

— Следовательно, вы пошли в правую уборную?

— Совершенно верно. Беспорядок там ужасный. Исполнителям приходится вешать там свою верхнюю одежду, не только хранить костюмы. Там имеется целый ряд крючков для одежды, посередине комнаты — длинный стол; на стене

не очень большое зеркало, гримироваться одновременно могут лишь два человека. Единственная раковина с раковиной находится в туалете. Ну, впрочем, вы же, несомненно, осмотрите это все сами. Вчера вечером там царил невообразимый хаос: пальто, театральные костюмы, коробки и всяческий реквизит горой навалены на столе, сползают на пол. Костюм «лошадки» висел на одном из крючков, так что я сразу его надел.

— И там никого не было, когда вы пришли?

— В самой комнате — никого, но я слышал, что кто-то есть в туалете. Я знал, что большая часть труппы отправилась в «Простофилю». Когда я влез в костюм, дверь туалета отворилась и оттуда вышел Гарри Спрогг, он тоже член труппы. Он уже надел свой костюм.

Мэссингем записал имя и фамилию: Гарри Спрогг. Дэлглиш спросил:

— Вы разговаривали?

— Я — нет. Он сказал, что очень рад, что я успел вовремя и что все ребята — в «Простофиле». И что он как раз идет, чтоб их оттуда выковырять. Он — единственный трезвенник во всей этой компании, думаю, поэтому он с ними и не пошел. Он ушел, а я вышел за ним следом на кладбище.

— Так ничего ему и не сказав?

— Не помню, чтобы я что-то сказал. Мы пробыли вместе каких-нибудь пару секунд. Я вышел за ним, потому что в уборной было душно, там просто воняло. Да и костюм был очень тяжелый и жаркий. Я подумал, лучше подождать на воздухе, я прямо там и присоединюсь к ребятам из труппы, когда они пойдут через кладбище из бара. Так я и сделал.

— Больше вы никого не видели?

— Нет, но это не значит, что там никого не было. Поле зрения несколько ограничено, когда у тебя на плечах лошадиная голова. Если бы кто-нибудь стоял там, на кладбище, неподвижно, я вполне мог его не заметить. Я и не ожидал никого там увидеть.

— Сколько же времени вы там пробыли?

— Не больше пяти минут. Я подефилировал там немного и попробовал пощелкать челюстями и помахать хвостом. Выглядел, наверное, совершенным идиотом, если кто-нибудь за мной наблюдал. Там есть один особенно отвратительный памятник — мраморный ангел: на лице его написано тошнотворнейшее благочестие, а рука указывает вверх. Я попрыгал пару раз вокруг него и пощелкал челюстями в его ослиное лицо. Бог знает, с чего вдруг! Возможно, лунный свет и само это место так на меня подействовали. Тут я увидел, что ребята из труппы вышли из «Простофили» и идут через кладбище, и присоединился к ним.

— А тогда вы что-нибудь сказали?

— Может, и сказал «добрый вечер» или «привет!». Впрочем, не думаю. Все равно они мой голос не узнали бы из-под этой головы. Я поднял правое копыто, шутливо выразив свое почтение, и потащился за ними следом. Мы вошли в артистическую все вместе. Слышно было, как в зале рассказываются по местам зрители. Потом помощник режиссера просунул в дверь голову и сказал: «Давайте, мальчики!» Шестеро танцоров отправились на сцену, и я услышал, как заиграла скрипка, затопали ноги, зазвенели колокольчики. Потом мелодия изменилась, и это было сигналом мне — присоединиться к ним и исполнить свой номер. В частности, мне надо было спуститься по ступенькам со сцены в зал и порезвиться среди публики. Кажется, получилось неплохо, если судить по тому, как визжали девицы. Но если вы намереваетесь спросить у меня, узнал ли меня кто-нибудь, я на вашем месте не стал бы утруждаться. Не представляю себе, как меня могли бы узнать.

— Ну, а после представления?

— А после представления меня никто не видел. Мы повалили со сцены вниз, в артистическую, но аплодисменты не стихали. Тут я с некоторым ужасом осознал, что какие-то остолопы в публике кричат «бис!». Ребятам в зеленом не требовалось повторять приглашение: они бросились вверх

по ступенькам с такой поспешностью, словно они — страдающие от жажды землекопы, которым только что сообщили, что бар открыт. Я же счел, что мой договор с Биллом Мартином ограничивался одним выступлением и не включал исполнения на «бис» и что я достаточно повалял дурака в этот вечер. Так что, когда заиграла скрипка и ноги снова затопали, я выкарабкался из костюма, повесил его на крючок и убрался прочь. Насколько я могу судить, никто не видел, как я уходил, и на стоянке не было никого, кто видел, как я отпирал свою машину. Когда я вернулся домой, не было еще и десяти; моя жена может это подтвердить, если вас это интересует. Но я думаю, это вам не интересно.

— Было бы лучше, если бы вы могли отыскать кого-то, кто подтвердил бы, где вы находились с восьми сорока пяти до полуночи.

— Понимаю. Досадно, не правда ли? Но если бы я знал, что кто-то предполагает убить Лорримера как раз в этот вечер, я очень постарался бы не надеть лошадиную маску до самого выхода на сцену. Жаль, что эта голова такая огромная. Она держится, как вы вскоре сможете убедиться, на плечах исполнителя и фактически не касается ни его головы, ни лица. Если бы касалась, можно было бы отыскать волосок или какое-то иное биологическое доказательство, что маска действительно была на мне. И отпечатки пальцев тоже не помогут: я брал ее в руки на репетиции и, кроме меня, ее трогали и многие другие. Весь этот инцидент только лишний раз доказывает, как глупо поддаваться добрым порывам. Если бы только я тогда же сказал Биллу, куда он может отправляться с этой своей трижды клятой «лошадкой», я был бы дома, и еще до восьми, буквально изнывая от жажды, отправился в «Герб Пэнтон», где и провел бы весь вечер, устроив себе замечательно уютное алиби.

Дэлглиш закончил беседу, спросив Мэссингема о пропавшем белом халате.

— Он сильно отличается по фасону. У меня дома таких халатов примерно полдюжины — они достались мне от отца.

Другие пять — здесь, в бельевой, если хотите, можете на них взглянуть. Они приталены, шиты из очень плотного полотна, застегиваются до самого горла, пуговицы — металлические, с гербом Стоматологического корпуса Королевских вооруженных сил. Да, еще — на них нет карманов. Мой старик полагал, что карманы негигиеничны.

Мэссингем подумал, что убийца мог счесть халат с пятнами крови Лорримера весьма полезной защитной одеждой. Миддлмасс, словно откликаясь на его мысль, сказал:

— Если халат отыщется, не думаю, что я мог бы с уверенностью сказать, какие пятна остались от нашей стычки. Помню, там было одно — сантиметров так девять на пять, на правом плече, но могли быть и другие. Впрочем, серологи, по всей вероятности, смогут дать вам представление о сравнительном возрасте этих пятен.

Если халат когда-нибудь отыщется, думал Дэлгиш. Со всем его уничтожить было бы нелегко. Но убийца, если это он его забрал, имел в своем распоряжении всю ночь, чтобы избавиться от этой улики.

— А вы бросили этот халат в корзину для белья, ту, что в мужском туалете, сразу же после ссоры?

— Я имел в виду это сделать, но потом передумал. Пятно было не очень большое, а рукава вообще совершенно чистые. Я снова его надел и бросил в корзину, уже когда умывался перед уходом из Лаборатории.

— Вы помните, каким из умывальников пользовались?

— Первым, ближайшим к двери.

— Раковина была чистой?

Если Миддлмасс и был удивлен вопросом, ему удалось это скрыть.

— Насколько это возможно после целого дня использования. Я умываюсь очень интенсивно, так что, когда я закончил, раковина была вымыта дочиста. И я тоже.

В воображении Мэссингема с потрясающей яркостью возникла картина: Миддлмасс, в забрызганном кровью халате, низко склоняется над раковиной; оба крана включены

на полную мощность, вода, закручиваясь воронкой, с громким бульканьем устремляется в слив. Она окрашена в розовый цвет кровью Лорримера. Но как же быть с расчетом времени? Если Лорример-старший действительно разговаривал с сыном в восемь сорок пять, Миддлмасс должен быть вне подозрений, хотя бы на первую часть вечера. Тут он представил себе другую сцену: распростертое тело Лорримера; пронзительный звонок телефона. Рука Миддлмасса в резиновой перчатке медленно поднимает трубку. Но мог ли старик Лорример и вправду принять чужой голос за голос собственного сына?

Когда заведомо по исследованию документов ушел, Мэссингем сказал:

— Есть по крайней мере один человек, способный подтвердить его рассказ. Доктор Хоуарт видел «лошадку», скакавшую на кладбище вокруг памятника с ангелом. Вряд ли сегодня утром у них была возможность вместе сочинить эту историю. Не представляю, как иначе Хоуарт мог бы об этом узнать.

— Если только они не сочинили ее вчера на кладбище. Или если это Хоуарт, а не Миддлмасс был в костюме «лошадки».

ГЛАВА 15

— Я его не любил и боялся, но я его не убивал. Я знаю — все будут думать, что это я, но это неправда. Я не мог бы никого убить — ни животное, ни тем более человека.

Клиффорд Брэдли довольно стойко выдержал долгое ожидание допроса. Он отвечал вполне связно. Пытался держаться с достоинством. Но вместе с ним в кабинет вошел всепоглощающий едкий страх, а это чувство гораздо труднее

скрыть, чем какое бы то ни было другое. Все его тело трепетало и подергивалось, беспокойные руки сжимались и разжимались на коленях, губы дрожали, перепуганные глаза моргали почти непрерывно. Он и вообще-то выглядел не очень внушительно, а страх сделал его просто жалким. Настоящего убийцы из него никак не могло получиться, думал Мэссингем. Приглядываясь к нему, он ощутил вдруг инстинктивное чувство стыда, какое испытывает здоровый человек в присутствии больного. Совсем нетрудно было представить себе, как Брэдли склоняется над умывальной раковиной в туалете, исторгая из себя вместе со рвотой весь свой ужас и вину. Гораздо труднее было представить, как он вырывает страницу из черновой тетради Лорримера, уничтожает белый, залитый кровью халат, организует утренний звонок по телефону к миссис Бидуэлл.

— Никто вас не обвиняет, — мягко сказал Дэлглиш. — Вы достаточно осведомлены о правилах ведения опроса, чтобы понимать, что мы не стали бы вот так беседовать с вами, если бы я собирался сделать вам предупреждение о том, что ваши слова могут быть использованы против вас*. Вы утверждаете, что не вы его убили. Есть ли у вас какие-то соображения, кто мог это сделать?

— Нет. Откуда мне знать? Я ничего о нем не знаю. Знаю только, что вчера вечером был дома, с женой. К нам теща приезжала, мы вместе ужинали. Потом я проводил ее на автобус, который в Или идет в семь сорок пять. Потом пошел прямо домой и был дома весь вечер. Теща позвонила примерно в девять часов, чтобы сказать, что добралась до дома нормально. Она не со мной говорила — я был в ванной. Жена ей об этом сказала. Но Сью может это все подтвердить: весь вечер я был дома, только вот ее мать на автобус провожал.

Брэдли признал, что ему не было известно о том, что поступление мистера Лорримера-старшего в госпиталь было

* Такое предупреждение делается при допросе арестованного.

отложено. Кажется, он был в умывалке, когда тот звонил. Но он ничего не знал и о раннем звонке по телефону миссис Бидуэлл, о пропавшей странице из тетради Лорримера, так же как и об исчезнувшем халате Пола Миддлмасса. Когда его спросили, что он ел на ужин, он ответил: консервированное мясо с рисом и зеленым горошком, приправленное карри. Потом — торт.

— Домашний, — пояснил он, как бы оправдываясь, — из черствого хлеба, с кремом.

Мэссингема чуть не передернуло, когда он записывал эти подробности. Он был рад, когда Дэлглиш сказал, что Брэдли может идти. Впечатление было такое, что в теперешнем его состоянии больше ничего важного от него узнать нельзя. Впрочем, больше ничего важного нельзя было узнать и от кого бы то ни было еще в Лаборатории. Мэссингему не терпелось увидеть дом Лорримера, встретиться с его ближайшим родственником.

Но прежде чем они ушли, явился сержант Рейнольдс с докладом. Он с трудом сдерживал волнение, прорывавшееся в его голосе:

— Мы обнаружили следы шин, сэр. Примерно на полпути по въездной аллее, в кустах. Мне представляется, они довольно свежие. Мы их огородили до приезда фотографа, потом сделаем гипсовый слепок. Трудно с уверенностью сказать, пока мы с индексом шин не сверились, но похоже, это две задние покрышки, одна — «данлоп», другая — «семперит». Довольно необычная комбинация. Должна помочь нам машину найти.

Как жаль, думал Дэлглиш, что суперинтендент Мерсер отпустил фотографов. Впрочем, чего же удивляться? При теперешнем количестве работы у полиции вряд ли было бы оправданным задерживать сотрудников на неопределенное время. Хорошо хоть специалисты по отпечаткам пальцев все еще тут. Он спросил:

— А вы смогли связаться с мистером Бидуэллом?

— Капитан Мэсси говорит, Бидуэлл на пятиполье, сахарную свеклу копает. Он ему скажет, что вы его повидать хотите, как только он на снелки придет.

— На что?

— На снелки, сэр. Это перерыв, чтоб перекусить, в пол-одиннадцатого или в одиннадцать, его так в наших местах называют.

— Приятно сознавать, что капитан Мэсси понимает, что убийство имеет приоритет даже над полевыми работами.

— Они здорово подзадержались с пятипольем, сэр, но капитан Мэсси позаботится, чтоб он сегодня днем явился в полицейский участок в Гайз-Марше, как только работу закончат.

— Ну, если не явится, придется вам его оттуда силком вытаскивать, даже если для этого потребуется трактор у капитана Мэсси одолжить. Теперь я поговорю с ведущими научными сотрудниками прямо в библиотеке, объясню им, что мне нужно, чтобы они присутствовали в своих отделах, когда вы будете проводить обыск помещений. Остальные могут идти домой. Я им скажу, что мы надеемся закончить обыск к концу дня и Лаборатория откроется уже завтра утром. Мы с инспектором Мэссингемом повидаем отца доктора Лорримера в Коттедже за мельницей. Если что-то прояснится, вы сможете связаться с нами там или по радиотелефону из Гайз-Марша.

Не прошло и десяти минут, как Мэссингем за рулем полицейского «ровера» мчал их к Коттеджу за мельницей.

КНИГА ТРЕТЬЯ
ЧЕЛОВЕК ИЩУЩИЙ

ГЛАВА 1

К

оттедж располагался в трех километрах к западу от деревни, там, где дорога Пигготс-роуд пересекала Тенпенни-лейн и шла вверх так плавно и незаметно, что Дэлглишу трудно было поверить, что они поднялись довольно высоко, пока, выйдя из машины на травянистой обочине и оглянувшись назад, он не увидел деревню, растянувшуюся вдоль дороги, внизу под ними. Непокойное, словно написанное кистью художника небо; сменяющие друг друга массивы кучевых облаков, то белых, то серых, а то и пурпурных на фоне бледной лазури далеко в вышине; лучи солнца, пробивающиеся меж облаками, высвечивая то одно поле, то другое, сверкающие на крышах и стеклах окон, — все это делало деревню похожей на пограничный аванпост, изолированный от всего мира, но приветливый, процветающий и вполне благополучный. Насильственная смерть могла укрываться где-то к востоку, в черных почвах Болот, но уж никак не под этими опрятными, уютно-домашними крышами. Лаборатория Хоггата пряталась за зеленым поясом древесных крон, но ее новое здание было легко распознаваемо: его бетонные балки, канавы и недостроенные стены выглядели, как аккуратный раскоп давно ушедшего в землю древнего города.

Коттедж за мельницей — приземистый кирпичный дом с белым, облицованным деревом фасадом и закругленной крышей с видневшимися позади нее белыми мельничными крыльями — отделялся от дороги широким рвом. Дощатый мостик и беленая калитка вели к дорожке и по ней — к передней двери, запертой на щеколду. Первое впечатление — пустоты и унылой заброшенности — создавалось, по всей видимости, тем, что дом стоял в значительном отдалении от другого жилья, что стены его и окна были голы, ничем не украшены. Однако при более внимательном взгляде впечатление это оказалось иллюзорным. Сад перед домом зарос, выглядел по-осеннему неприбранным, но розы на двух круглых клумбах по сторонам дорожки были тщательно ухожены. Дорожка усыпана гравием, сорняки на ней тщательно выполоты, двери и окна блистают свежей краской. Метрах в десяти от калитки через ров проложены две широкие, прочные доски — въезд в выложенный каменными плитами двор и к кирпичному гаражу.

Там, рядом с полицейской машиной, уже стоял старый, замызганный «мини». Судя по тому, что на заднем сиденье Дэлглиш заметил пачку приходских журналов, еще одну пачку, поменьше, похоже — программок концерта, и растрепанный букет из хризантем и осенних листьев, он заключил, что пастор или скорее всего его жена находится уже в доме. Может быть, заехала по пути в церковь, собираясь помочь прихожанкам украсить храм, хотя четверг — вряд ли обычный день для подобных занятий. Едва он отвлекся от разглядывания пасторского автомобиля, дверь коттеджа отворилась и какая-то женщина заторопилась к ним по дорожке. Ни один человек, родившийся и выросший в пасторской семье, не усомнился бы ни на минуту, что перед ним — миссис Суоффилд. Она и вправду являла собой прототип жены деревенского пастора: полногрудая, улыбчивая и энергичная, пышущая слегка пугающей уверенностью человека, способного с первого взгляда распознать в собеседнике авторитет и компетентность и немедленно их использовать.

На ней была юбка из твида, а поверх юбки — хлопчатобумажный, в цветочек, передник; ручной вязки ансамбль из блузки и жакета, уличные туфли на толстой подошве и ажурные, вязанные из шерсти чулки. Фетровая шляпа с мягкими полями и круглой плоской тульей, пронзенной стальной шляпной булавкой, была бескомпромиссно надвинута на широкий лоб.

— Доброе утро. Доброе утро. Вы — командер Дэлглиш, а вы — инспектор Мэссингем. Я — Уинифред Суоффилд. Входите, пожалуйста. Старый джентльмен — наверху, переодевается. Он настоял, что ему следует надеть костюм, когда узнал, что вы к нему едете, хоть я и уверяла его, что в этом вовсе нет необходимости. Через минуту он уже спустится сюда. В фасадной гостиной будет лучше всего, я так думаю, а вы? А это — констебль Дэвис, впрочем, вы все про него знаете сами, правда? Он говорит, его сюда послали присмотреть, чтоб никто в комнату доктора Лорримера не заходил и чтоб посетители старого джентльмена не беспокоили. Ну, пока что у нас тут никого не было, кроме одного газетчика, ну да я быстро от него отделалась, так что все в порядке. Но констебль, представляете, очень помог мне на кухне. Я должна приготовить поесть мистеру Лорримеру. Только суп и омлет — боюсь, не очень-то густо для ленча, но в кладовой больше ничего нет, одни консервы, а они ему еще как потом пригодятся. Не люблю выезжать из пасторского дома, нагруженная продуктами, будто какая-нибудь благотворительница времен королевы Виктории. Саймон и я — мы хотели, чтоб он сразу к нам переехал, но он, кажется, не очень хочет уезжать отсюда, да и, по правде, нельзя же принуждать людей, особенно таких старых! А может, так даже лучше. Саймон ведь в постели лежит, с гриппом, поэтому-то его здесь и нет, не хватает еще, чтобы старый джентльмен этот грипп подхватил. Но мы же не можем допустить, чтоб он здесь один на ночь остался. Я думала, он захочет, чтоб его племянница, Анджела Фоули, здесь побыла, но он говорит — нет. Так что я надеюсь, что Милли Готобед из «Простофи-

ли» сможет здесь сегодня поночевать, а про потом нам придется завтра подумать. Но я не должна отнимать у вас время, толкуя о собственных заботах.

К концу этого потока речи Дэлглиш и Мэссингем оказались в фасадной гостиной. Услышав их шаги в узкой передней, констебль Дэвис появился из двери, ведущей, по всей вероятности, в кухню, встал по стойке «смирно» и четко отдал честь. Залившись краской, он взглянул на Дэлглиша глазами, полными мольбы, смешанной с некоторой дозой отчаяния, и снова исчез. Сквозь дверь сочился аппетитный запах домашнего супа.

В душной гостиной сильно пахло табаком, и, хотя мебели в комнате было вполне достаточно, она казалась безрадостной и неуютной, напоминая хранилище старых вещей — свидетелей старения и нехитрых старческих утех. Камин был забран щитом; старомодный газовый обогреватель, шипя, испускал жаркие волны в сторону обтянутого рытым плюшем дивана, на спинке которого ясно просматривались два сальных пятна от бесчисленных голов, когда-то здесь покоившихся. Был здесь и квадратный дубовый стол с круглыми точеными ножками и под стать ему четыре стула с дерматиновыми сиденьями; а у стены, напротив окон, стоял массивный сервант с растрескавшимися остатками давно разбитых чайных сервизов. На подсервантнике — две бутылки пива «Гиннес» и невымытый стакан. Справа от камина помещалось глубокое, с высокой спинкой кресло, а рядом с ним — плетеный столик с дряхлой лампой, под ней кисет с табаком и пепельница с изображением Брайтонского пирса. Здесь же разложена шашечная доска с выставленными шашками, захватанная, со следами пролитой пищи. В нише, слева от камина, расположился большой телевизор. Над ним — пара книжных полок, заполненных популярными романами в одинаковых обложках и одного размера — издания Клуба любителей книги, к которому когда-то, видимо, не очень долго, принадлежал мистер Лорример-стар-

ший. Выглядели они так, будто кто-то склеил их все вместе, не прочитав и даже не раскрыв.

Дэлглиш и Мэссингем сели на диван. Миссис Суоффилд присела на краешек кресла, выпрямив спину, и ободряюще им улыбалась, привнося в безрадостный неуют этой комнаты успокаивающую атмосферу домашнего очага, только что сваренного варенья, хорошо организованной воскресной школы и многочисленных женских хоровых капелл, исполняющих «Иерусалим» Блейка. В ее присутствии оба они сразу же почувствовали себя как дома. Каждый из них в своей жизни, хоть эти жизни так разительно отличались одна от другой, уже встречал женщин, подобных ей. И дело вовсе не в том, думал Дэлглиш, что ей незаметны измятые и оборванные края человеческого существования. Просто она готова недрогнувшей рукой их отгладить и там, где требуется, подшить и подлатать.

— Ну, как он, миссис Суоффилд? — спросил Дэлглиш.

— На удивление хорошо. Он не перестает говорить о сыне в настоящем времени, что, конечно, тяжело слышать. Но мне кажется, он вполне четко понимает, что Эдвин умер. Я вовсе не имею в виду, что старый мистер Лорример страдает старческим слабоумием. Ни в коей мере. Но иногда очень трудно понять, что такие старые люди на самом деле чувствуют. Естественно, он, должно быть, пережил ужасный шок. Кошмар, не правда ли? Я думаю, какой-нибудь преступник из этих лондонских банд вломился в Лабораторию, чтобы завладеть каким-нибудь из вещественных доказательств. В деревне говорят, что нет следов взлома. Но ведь настоящий взломщик, если уж решит, может влезть куда угодно, так все говорят. Я знаю, сколько отец Грегори пережил из-за взломов в храме Святой Марии в Гайз-Марше. Ящик с пожертвованиями взламывали целых два раза, и две подушечки для преклонения колен стащили — те самые, что члены Союза матерей специально вышивали к пятидесятилетию Союза. Ума не приложу, зачем они кому-то понадобились. К сча-

стью, здесь у нас ничего такого не случилось. Саймон ни за что не захотел бы запирать церковь. Наша деревня всегда была такой законопослушной. Тем страшнее для нас всех это убийство.

Дэлглиш несколько не удивился, что в деревне уже знают, что взлома в Лаборатории не было. Скорее всего кто-то из сотрудников, получив разрешение позвонить домой, предупредить, что не придет к ленчу, горел желанием сообщить волнующую новость и был не очень-то сдержан. Но пытаться отыскать виновного не имело смысла. Он по опыту знал, что в деревне новости распространяются как бы осмотическим путем*, слова будто просачиваются из одной среды в другую, и надо обладать недюжинной решительностью, чтобы дерзнуть остановить процесс или выяснить, где берет начало эта загадочная диффузия. Миссис Суоффилд, как всякая пасторская жена, несомненно, узнала об этом одной из первых.

— Жаль, что мисс Фоули и ее дядюшка, кажется, не очень ладят, — сказал Дэлглиш. — Если бы он мог некоторое время пожить у нее, это помогло бы разрешить вашу теперешнюю проблему. Я так понял, что она была здесь вместе с подругой, когда вы приехали сюда сегодня утром?

— Да, они были вместе. Доктор Хоуарт сам приехал вместе с Анджелой — сообщить о том, что произошло. Я считаю, это очень чутко с его стороны. Потом оставил ее здесь, а сам вернулся в Лабораторию. Он не хотел надолго отлучаться, что совершенно естественно. Думаю, Анджела позвонила подруге, и та тотчас же приехала. Потом прибыл констебль, а вскоре за ним и я. Анджеле и мисс Моусон не имело смысла дольше здесь оставаться, да и доктор Хоуарт беспокоился, чтобы большинство сотрудников были в Лаборатории к вашему приезду.

— А других родственников или близких друзей у него нет, вы не знаете?

* Осмотическим путем — путем медленного проникновения.

— Думаю, нет. Они почти ни с кем не общались. Старый мистер Лорример не ходит в церковь и участия в деревенских делах не принимает, так что мы с Саймоном не очень хорошо с ним знакомы. Я знаю, многие думают, что священник должен стучаться во все двери и людей в церковь вытаскивать, но Саймон вовсе не считает, что это какую-то пользу может принести, и я должна сказать, что, на мой взгляд, он совершенно прав. Конечно, сам доктор Лорример посещал храм Святой Марии в Гайз-Марше. Отец Грегори мог бы вам больше о нем рассказать, хоть я и не думаю, что сын больше принимал участия в жизни храма, чем отец. Он обычно мисс Уиллард в церковь подвозил, заезжал за ней в Старый пасторский дом. Может, с ней тоже стоит поговорить, хоть и не похоже, что они так уж дружны были. Я думаю, он подвозил ее в церковь, потому что отец Грегори его просил, не по собственному желанию. Она странная женщина, вряд ли подходит, чтобы за детьми смотреть, я бы так сказала. Но вот идет тот, с кем вы на самом деле должны поговорить.

Смерть, подумал Дэлглиш, стирает семейное сходство так же, как уничтожает личность: между мертвыми и живыми нет ни сходства, ни связи. Человек, вошедший в комнату чуть шаркающей походкой, держался совершенно прямо. Когда-то он, должно быть, был того же роста, что и его сын. В поредевших седых волосах, зачесанных назад с высокого лба, все еще виднелись черные, как у сына, пряди; слезящиеся глаза в морщинистых веках были такими же темными. Но в нем не было никакого сходства с застывшим на полу Лаборатории телом. Смерть, навсегда разлучившая их, лишила их этого сходства.

Миссис Суоффилд представила всех друг другу, и ее ободряющий голос звучал так громко и решительно, словно она разговаривала с глухими. Затем она весьма тактично испарилась, пробормотав что-то про суп и кухню.

Мэссингем вскочил было — помочь старику сесть в кресло, но тот отстранил его резким движением плохо гнущейся

руки. Помедлив, поколебавшись, как будто гостиная была местом, ему совершенно незнакомым, он осторожно опустился в потертое кресло с высокой спинкой, справа от камина, что скорее всего и было его обычным местом. Оттуда он теперь смотрел на Дэлглиша, не отводя глаз. Сидя вот так, совершенно прямо, в темно-синем старомодном костюме, дурно сшитом, пропахшем нафталином и к тому же свободно висевшем на его усохшем теле, старик казался чуть ли не гротескно трогательным, но все же не лишенным достоинства.

Интересно, почему он побеспокоился переодеться, думал Дэлглиш. Было ли это данью уважения погибшему сыну, необходимостью придать некую форму своему горю, или вызвано лишь волнением, желанием чем-то занять себя? А может быть, просто атавистической убежденностью, что раз к тебе едут представители власти, следует выказать им должное уважение и тем снискать их благосклонность?

Дэлглишу припомнились похороны молодого полицейского детектива, погибшего при исполнении служебных обязанностей. Тогда его до глубины души тронули не красота и звучность зауспокойной службы, даже не малолетние дети, шедшие, держась за руки, за гробом отца. Почти невыносимо трогательными показались ему поминки в маленьком ведомственном доме: тщательно продуманное угощение — домашние блюда, приготовленные вдовой для коллег и друзей умершего мужа, выпивка, на которую были потрачены с трудом собранные деньги. Может быть, это принесло ей утешение тогда, а потом умеряло боль воспоминаний. Может быть, и старому мистеру Лорримеру стало немного легче оттого, что он побеспокоился переодеться.

Устроившись чуть поодаль от Дэлглиша на комковатом диване, Мэссингем раскрыл свой блокнот. Слава Богу, старик довольно спокоен. Никогда ведь не знаешь, как родственники отреагируют. Насколько он знал, у Дэлглиша была репутация человека, который прекрасно умеет

обращаться с убитыми горем. Соболезнования, которые он приносил, были не слишком пространными, может быть, чуть официальными, но они по крайней мере всегда звучали вполне искренне. Он считал само собой разумеющимся, что семья убитого будет охотно сотрудничать с полицией, но из чувства справедливости, а не ради возмездия. Он не поощрял использования той необычайной психологической взаимозависимости, которая придавала сил как детективу, так и родственникам жертвы и которую так легко — и так опасно — было эксплуатировать. Он не давал никаких особенных обещаний, никогда не пытался запугать слабых и не потворствовал сентиментальным. И все-таки, кажется, не бывает случая, чтобы он им пришелся не по душе, думал Мэссингем. Бог их знает почему. Временами он бывает так невозмутим, что начинаешь сомневаться — не чуждо ли ему все человеческое. Мэссингем видел, что, хоть Дэлглиш и встал, когда старый Лорример вошел в гостиную, он не сделал ни малейшего движения, чтобы помочь старику усесться в кресло. Бросив беглый взгляд на лицо шефа, он заметил лишь обычное выражение отстраненного, созерцательного интереса. Может ли хоть что-то вызвать у него мгновенное чувство жалости, думал Мэссингем, и если может, то что? Ему вспомнилось другое дело, которое они расследовали вместе год назад, когда сам он был всего лишь сержантом, — убийство ребенка. Дэлглиш смотрел на родителей точно так же — спокойно и оценивающе. Но целый месяц, пока дело не было раскрыто, он работал по восемнадцать часов в сутки. А в новой книге его стихов появилось поразительное стихотворение об убитом ребенке, о котором ни один из сотрудников Скотленд-Ярда не отважился его автору и слова сказать. Даже те, кто заявлял, что в стихотворении им все понятно.

— Как миссис Суоффилд объяснила вам, — начал Дэлглиш, — моя фамилия — Дэлглиш, а это инспектор Мэссингем. Надеюсь, доктор Хоуарт предупредил вас, что мы при-

едем? Я очень сожалею о вашем сыне. Как вы себя чувствуете? Сможете ли ответить на несколько вопросов?

Мистер Лорример мотнул головой в сторону кухни:

— А что она там делает?

Голос его, хотя и высокого тембра и с признаками старческой сварливости, был на удивление сильным для такого старого человека.

— Миссис Суоффилд? Кажется, готовит суп.

— Видимо, она взяла лук и морковь из ящика для овощей. Мне кажется, запахло морковью. А Эдвин знает — я не люблю морковь в супе.

— Он сам для вас всегда готовил?

— Он сам всегда готовит, если не выезжает на место преступления. Я не очень много ем в середине дня, но он всегда оставляет какую-нибудь еду, чтобы я мог себе разогреть: вчерашнее жаркое или, может, рыбу в соусе. А сегодня утром он ничего не оставил, потому что не пришел домой вчера вечером. Пришлось самому готовить завтрак. Мне хотелось бекон поджарить, но я подумал, может, он ему вечером понадобится, лучше я его на вечер оставляю. Он вечером яичницу с беконом жарит, если поздно задерживается.

— Мистер Лорример, как вы думаете, почему кому-то надо было убить вашего сына? У него были враги? — спросил Дэлглиш.

— Откуда у него враги? Он ни с кем не был знаком, только с коллегами из Лаборатории. А в Лаборатории его все очень уважают. Он мне сам это говорил. Зачем кто-то захотел бы причинить ему вред? Эдвин жил своей работой.

Старик произнес последнюю фразу так, будто сам это выражение придумал и очень им гордился.

— Вы ведь вчера вечером звонили ему на работу? В какое время это было?

— Это было без четверти девять. У меня телик погас. Он не мигал, и зигзаги на экране не появлялись, как это иногда бывает. Эдвин показал мне, какую ручку сзади крутить, если

так. А он просто погас. Сначала оставался маленький кружок света посередине, а потом и он погас. Я не мог посмотреть вечерние новости, поэтому позвонил Эдвину, попросил его вызвать мастера. Мы в рассрочку телик берем, так что они в любое время должны мастера присылать. Только у них вечно отговорки находятся. Прошлый месяц я им звонил, так они два дня никого не присылали.

— Вы можете вспомнить, что вам сказал ваш сын?

— Он сказал, что бесполезно звонить им поздно вечером. Он это сделает утром — первым делом, до того как на работу уедет. Но конечно, так и не сделал. Домой не пришел. И он до сих пор не в порядке. А я не люблю сам звонить. Это Эдвин всегда такими вещами занимается. Как вы думаете, миссис Суоффилд могла бы позвонить им?

— Я в этом совершенно уверен. Когда вы ему позвонили, он не сказал, что ждет посетителя?

— Нет. Он разговаривал так, будто очень торопится и ему неприятно, что я позвонил. Но он всегда говорит, чтоб я звонил в Лабораторию, если что не в порядке.

— И он больше ничего вам не сказал, кроме того, что позвонит телемеханику сегодня утром?

— А что еще он мог сказать? Он не такой, чтоб по телефону болтать.

— А вы вчера звонили ему на работу по поводу больницы?

— Да, звонил. Я должен был вчера днем лечь в больницу Адденбрука. Эдвин собирался меня отвезти. С ногой у меня... Псориаз, понимаете? А там собирались новое лечение применить.

Он сделал движение, будто хочет завернуть штанину, но Дэлглиш поспешно сказал:

— Не надо, не надо, мистер Лорример. Когда вы узнали, что место для вас так и не освободилось?

— Около десяти они мне позвонили. Он только-только из дому ушел. Так что я позвонил в Лабораторию. Я, понятно же, знаю номер Биологического отдела. Это там он рабо-

тает — в Биологическом отделе. Мисс Истербрук взяла трубку и сказала, что Эдвин в больнице, на вскрытии, но она ему передаст, как только он придет. Которые из больницы Адденбрука звонили, сказали, что, может, пришлют за мной во вторник. А кто меня теперь отвезет?

— Я надеюсь, миссис Суоффилд сумеет что-нибудь организовать. Или ваша племянница сможет как-то помочь. Вы не хотите, чтобы она побыла тут с вами?

— Нет. Что она может сделать? Она была тут сегодня утром, с этой своей подругой. С этой женщиной, которая романы пишет. Эдвин их не любит — ни ту, ни другую. Подруга эта — мисс Моусон, да? — шарила чего-то наверху. Слух у меня очень хороший. Я прекрасно ее слышал. Вышел из двери, а она как раз спускается по лестнице. Сказала — она в ванной была. А зачем на ней кухонные перчатки были, если она в ванную ходила?

«И правда — зачем?» — подумал Дэлглиш. Виски сжало от раздражения: констебль Дэвис мог ведь и пораньше сюда приехать! Было вполне естественно, что Хоуарт приехал вместе с Анджелой Фоули сообщить о смерти Лорримера-младшего и оставить ее с дядюшкой. Кто-то ведь должен был побыть со стариком, а кто же более подходит для этого, чем единственная близкая родственница? Вероятно, естественно и то, что Анджела Фоули вызвала подругу помочь. Возможно, обе они интересовались завещанием Лорримера. Что ж, и это было бы вполне естественно. Мэссингем подвинулся на диване. Дэлглиш чувствовал, как тому не терпится отправиться наверх, в комнату Лорримера. Ему и самому не терпелось. Но книги и бумаги — печальные обломки ушедшей в небытие жизни — могли и подождать. Живой свидетель мог впоследствии оказаться менее общительным. Он спросил:

— А чем занимался ваш сын, мистер Лорример?

— Вы имеете в виду — после работы? Он по большей части у себя в комнате сидит. Думаю, читает. У него там наверху целая библиотека книг. Мой Эдвин — он же уче-

ный. Телевизор он не очень-то любит, так что я сижу тут, внизу. Иногда слышу — он пластинки заводит. Потом еще садом занимается, почти все выходные. Машину моет, готовит, за покупками ездит. Полной жизнью живет. И времени у него не так уж много. Он в Лаборатории каждый день до семи вечера остается, иногда и позже.

— А друзья?

— Нет. Друзьями он не занимается. Мы с ним сами по себе.

— И на выходные не уезжал?

— Куда бы он мог уезжать? И что тогда со мной делать? А потом, надо же за покупками ездить. Если его не вызывают на место преступления, он в субботу утром ведет меня в Или, и мы с ним идем в супермаркет. А потом мы устраиваем ленч в городе. Это мне такое удовольствие доставляет.

— Кто ему звонил?

— Из Лаборатории? Только сотрудник по связям с полицией звонит, чтобы сообщить, что его вызывают на место убийства. Иногда посреди ночи. Только он никогда меня не будит. У него параллельный телефон в комнате. Тогда он просто мне записку оставляет. Но обычно успевает вернуться вовремя, чтобы в семь часов мне чашку чаю принести. Ну, сегодня он, конечно, этого не сделал. Поэтому я и позвонил в Лабораторию. Сначала я его номер набрал, но ответа не было. Тогда я в регистратуру позвонил. Он мне оба номера дал, чтоб я туда звонил, если его не застану, в случае чего.

— И никто больше ему в последнее время не звонил? Никто не приходил с ним увидеться?

— Да кому надо с ним видаться? И никто ему не звонил, только эта женщина.

Дэлглиш спросил очень тихо:

— Какая женщина, мистер Лорример?

— Не знаю какая. Знаю только, что звонила. Эдвин как раз ванну принимал, а телефон звонил и звонил. Так что я решил, лучше мне трубку взять.

— Можете ли вы точно вспомнить, мистер Лорример, как это случилось и что она говорила с того момента, как вы взяли трубку? Не спешите, никакой спешки нет. Это может быть очень важно.

— Там ничего особо запоминать и не надо было. Я собирался назвать наш номер и попросить ее подождать, только она мне и слова сказать не дала. Начала говорить, как только я трубку поднял. Сказала: «Мы были правы, там что-то происходит». Потом сказала что-то вроде того, что свет отгорел и она записала цифры.

— Что свет отгорел и она записала цифры?

— Точно так. Это звучит сейчас бессмысленно, но она тогда сказала что-то вроде этого. Потом назвала мне цифры.

— Вы можете их припомнить, мистер Лорример?

— Только последнюю — тысяча восемьсот сорок. Или, может, это были цифры восемнадцать и сорок. Я их запомнил, потому что первый дом, в котором мы жили после моей женитьбы, был номер восемнадцать, а второй — номер сорок. Правда ведь, какое совпадение? Ну, во всяком случае, эти цифры у меня в памяти застряли. А вот другие вспомнить не смогу.

— А сколько всего цифр?

— Три или четыре всего. Сначала — две, а потом — восемнадцать и сорок.

— А на что были похожи эти цифры, мистер Лорример? Как их произнесли? Вы не подумали, что она дает вам номер телефона или регистрационный номер машины? Вы можете припомнить, какое впечатление они на вас тогда произвели?

— Впечатление? Никакого. Зачем? Больше похоже на телефонный номер, я думаю. Не думаю, что номер машины. Там никаких букв ведь не было, понимаете? Скорее, на год они похожи: тысяча восемьсот сорок. Или на время: восемнадцать сорок.

— А как вы думаете, кто это мог звонить?

— Не знаю. Не думаю, что из Лаборатории кто-нибудь. Голос не такой, как у их сотрудников.

— Что вы имеете в виду, мистер Лорример? Каким вам показался этот голос?

Старик сидел в своем кресле, пристально глядя прямо перед собой. Его руки, с такими же длинными, как у сына, пальцами, но обтянутые иссохшей, словно сухой осенний лист, кожей, испещренной старческой гречкой, тяжело свисали между коленями, гротескно крупные по сравнению с хрупкими запястьями. Помолчав с минуту, он сказал:

— Показался взволнованным.

Он снова помолчал. Оба полицейских смотрели на него. Мэссингем подумал, вот еще один пример того, как шеф умеет вести дело. Он сам бросился бы наверх, разыскивать завещание и бумаги убитого. Но вот это показание, так искусно вызнанное, было жизненно важным. Примерно через минуту старик заговорил снова:

— Как заговорщица. Вот как она говорила. Как заговорщица, — произнес он.

Они сидели молча, выжидая, но он больше ничего не сказал. И тут они увидели, что он плачет. Лицо его не изменило выражения, но слеза — единственная, — жемчужно отсвечивая, упала на иссохшие руки. Он смотрел на нее, словно не понимая, что это такое. Потом сказал:

— Он был мне хорошим сыном. Было время, когда он уехал в колледж, в Лондон, мы утратили связь. Он писал нам письма — матери и мне, но домой не вернулся. Но все эти последние годы, теперь, когда я один, он обо мне очень заботится. Я не жалуюсь. Я думаю, он оставил мне сколько-то денег, и пенсию я получаю. Но очень тяжело, когда молодые уходят первыми. И кто теперь будет за мной приглядывать?

Дэлглиш тихо сказал:

— Нам надо осмотреть его комнату, проверить документы. Комната заперта?

— Заперта? Зачем ее запирают? Никто туда не заходил, только Эдвин.

Дэлглиш кивнул Мэссингему, и тот вышел — позвать миссис Суоффилд. Потом они отправились наверх.

ГЛАВА 2

Комната была длинная, с низким потолком и белеными стенами; окно в створной раме выходило на прямоугольную, заросшую нестриженной травой лужайку, а за ней виднелась пара старых суковатых яблонь, ветви которых гнулись под тяжестью плодов, сверкающих золотом и яркой зеленью в лучах осеннего солнца; разросшаяся живая изгородь была усыпана ягодами, а дальше за всем этим высилась ветряная мельница. Даже в приветливом свете послеполуденного солнца мельница представляла меланхолическим реликтом былой красоты и силы. Краска хлопьями осыпалась со стен, а огромные крылья с разошедшимися, словно гнилые зубы, а кое-где и выпавшими планками тяжело и неподвижно зависли в беспокойном осеннем воздухе. За мельницей тянулись поля — бесчисленные акры черной почвы Болот, разделенные дамбами вывернутые осенней вспашкой жирные комья земли поблескивали в солнечных лучах.

Отвернувшись от этой меланхолически мирной картины, Дэлглиш осмотрел комнату. Мэссингем уже принялся за секретер. Обнаружив, что крышка не заперта, он закатил ее наверх, не очень высоко, затем отпустил так, что она снова закрылась. Потом занялся ящиками. Заперт был только верхний левый. Если ему и не терпелось, чтобы Дэлглиш достал из кармана ключи Лорримера и отпер ящик, он никак не дал этого понять. Все знали, что Дэлглиш, хоть и старше их всех, умеет работать быстрее любого из своих коллег, но любит порой повременить. Именно это он сейчас и делал, рассматривая комнату мрачноватым взглядом темных глаз; стоял молча и совершенно неподвижно, словно вбирая в себя неведомые и невидимые волны.

Комната дышала удивительным покоем. Ее пропорции были поразительно удачны, и все предметы в ней столь же удачно вписывались в выбранные для них места. Здесь, в

этом ничем не загроможденном святилище, хватало пространства для полета мысли. Узкая односпальная кровать, аккуратно застеленная красно-коричневым одеялом, стояла напротив окна. Длинная стенная полка над кроватью, на ней — привинчивающаяся лампа на штативе, радиоприемник, проигрыватель, часы, графин с водой и «Молитвенник для всех». Перед окном — дубовый письменный стол и вращающееся кресло. На столе — лист плотной промокающей бумаги и коричневая с синим керамическая кружка, полная карандашей и шариковых ручек. Кроме стола и кровати, в комнате было только потертое мягкое кресло с высокой спинкой, низенький столик рядом с ним и, по левую руку от двери, двойной дубовый гардероб, а по правую — старинный секретер с закатывающейся наверх крышкой. Телефонный аппарат висел на стене. Не было ни картин, ни зеркала, никаких принадлежностей мужского туалета, никаких пустячных мелочей на верхней доске секретера или на полочке, шедшей по краю стола. Все здесь имело функциональное назначение, постоянно использовалось и ничем не приукрашивалось. В этой комнате человек мог чувствовать себя дома.

Дэлглиш прошел к книжным полкам. На первый взгляд здесь было около четырехсот книг, сплошь покрывавших стену. Литературных произведений мало, хотя английские и русские писатели девятнадцатого века представлены довольно полно. Большею частью здесь были книги по истории, биографические сочинения, но была также и целая полка философских трудов: «Наука и Христос» Тейяра де Шардена, «Бытие и небытие» Жана Поля Сартра, «Первое и последнее» Симоны Вайль, Платонова «Республика» и кембриджская «История позднеклассической и раннесредневековой философии». Похоже было, что Лорриммер пытался самоучкой овладеть греческим. На этой же полке стояли учебник греческого языка для начинающих и словарь.

Мэссингем снял с полки труд по сравнительному религиоведению.

— Похоже, он был одним из тех, кто изводит себя, пытаюсь отыскать смысл жизни, — сказал он.

Дэлглиш просматривал книгу Сартра. Теперь он поставил ее на место и спросил:

— А вы находите это предосудительным?

— Я нахожу это бесполезным. Метафизические спекуляции так же бессмысленны, как дискуссии на тему о предназначении легких. Легкие — для того, чтобы дышать.

— А жизнь — для того, чтобы жить. И это жизненное кредо вам вполне подходит?

— Чтобы усилить наслаждение жизнью и умалить боль — да, сэр, подходит. И еще, я думаю, чтобы стойчески переносить те беды, которых невозможно избежать. Быть человеком означает переживать и наслаждение, и боль, и беды, не выдумывая ничего лишнего. Во всяком случае, я убежден, что нельзя понять то, чего нельзя увидеть, пощупать или измерить.

— Так вы логический позитивист? Ну что ж, компания у вас вполне уважаемая. Но Лорример проводил всю свою жизнь, исследуя то, что он мог увидеть, пощупать или измерить. Это его явно не очень-то удовлетворяло. Ладно, давайте посмотрим, что нам скажут его личные бумаги.

Он внимательно осмотрел секретер, оставив запертый ящик напоследок. Открыв крышку, он увидел два небольших выдвижных ящичка и несколько отделений для бумаг. Здесь, тщательно разложенные по отделениям и ящичкам, хранились документальные свидетельства одинокой жизни одинокого человека. В одном ящичке — три счета, ожидающих оплаты, и один — на получение денег. Надписанный конверт, содержащий свидетельство о браке родителей Лорримера и свидетельства о его собственном рождении и крещении. Его паспорт: безликое лицо, но глаза на этом лице уставились в одну точку, как на сеансе гипноза, шейные мускулы напряжены. Будто он уперся взглядом не в линзу фотокамеры, а в ружейное дуло. Страховой полис. Опла-

ченные счета за топливо, электроэнергию и газ. Контракт на ремонт центрального отопления. Документ о рассрочке на телевизор. Бумажник с декларацией о доходах. Портфель ценных бумаг — вклады солидные, скучные, ортодоксальные.

И совсем ничего о его работе. Очевидно, жизнь его была точно так же разложена по отдельным полочкам, как и его документы. Все, что относилось к его профессии — журналы, черновики научных работ, — хранилось в его кабинете в Лаборатории. Может быть, он их там и писал. Может быть, этим отчасти и объяснялось то, что он так часто задерживался допоздна. По содержанию его секретера было бы совершенно невозможно догадаться, каковы его профессиональные занятия.

Его завещание лежало в особом надписанном конверте, вместе с письмом из адвокатской конторы «Парджетер, Коулби и Хант» в Или. Завещание было коротким и составлено пять лет назад. Лорример завещал Коттедж за мельницей и десять тысяч фунтов своему отцу, а остальное состояние, целиком и полностью, своей кузине — Анджеле Мод Фоули. Судя по портфелю ценных бумаг, мисс Фоули должна унаследовать немалый основной капитал.

Наконец Дэлглиш извлек из кармана ключи Лорримера и отпер верхний левый ящик. Замок открылся легко. Ящик был буквально набит бумагами, исписанными рукой Лорримера. Дэлглиш перенес их на стол у окна и кивнул Мэссингему, чтобы тот подтянул к столу кресло. Уселись за стол рядом. Всего они насчитали двадцать восемь писем. Читали, не произнося ни слова. Мэссингем отмечал про себя, как длинные пальцы Дэлглиша выбирают страницу, опускают на стол и подвигают по столу к нему, а затем берут новую страницу. Тиканье часов на полке стало неестественно звонким, а собственное дыхание вызывало замешательство — таким бесцеремонно громким оно казалось. Это были не письма — литургия уходящей любви. Здесь было все: неспособность принять то, что страсть не получает более ответа;

требование объяснений, которые, если бы и была сделана такая попытка, могли лишь усилить боль; душераздирающая жалость к себе; приступы вдруг возродившейся иррациональной надежды; приступы раздражения из-за тупости возлюбленной, не понимающей, где кроется ее счастье; безграничное самоуничтожение.

«Я понимаю — ты не захочешь жить здесь, на Болотах. Но не нужно видеть в этом проблему, родная моя. Я мог бы получить перевод в лабораторию Столичной полиции, если ты предпочитаешь Лондон. Или мы могли бы купить дом в Кембридже или в Норидже — выбирай, оба они — города вполне цивилизованные. Ты ведь говорила, что любишь жить среди шпилей. А еще, если ты захочешь, мы могли бы найти тебе квартиру в Лондоне, а я приезжал бы, как только смогу. Это может быть практически каждое воскресенье. Неделя без тебя покажется мне вечностью, но можно все перенести, только бы знать, что ты все еще моя. Ведь ты — моя! Все эти книги, все эти искания, все мое чтение — к чему все это было? Куда вело? Только ты научила меня, только с тобой я понял, как прост ответ».

Некоторые письма были крайне эротичны. Такие письма о любви, вероятно, писать всего труднее, ведь бесполезно надеяться на успех, думал Мэссингем. Неужели бедняга не понимал, что, раз страсть угасла, такие письма могут вызвать лишь отвращение? Наверное, любовники, которые обозначают самые интимные моменты тем языком, каким когда-то говорили у себя в детской, и есть самые мудрые. Тогда их эротизм хотя бы обретает сугубо личный характер. Здесь же сексуальные описания либо напоминали лоуренсовские своей вызывающей смущение страстностью, либо были бесстрастно холодны, как записи клинициста. С удивлением Мэссингем отметил, что его охватывает чувство, которое никак иначе, чем чувством стыда, не назовешь. И дело вовсе не в том, что некоторые излияния были до жестокости откровенными. Он ведь привык внимательно вглядываться в скрытую порнографию той жизни, которой жертвы убий-

ства жили до своей гибели; но эти письма, где грубая похоть существовала рядом, а то и вместе с высокими чувствами, не походили на то, с чем он был раньше знаком. Обнаженная боль, страдание, звучащие в каждом письме, представлялись ему невротическими, иррациональными. Секс уже не мог шокировать Мэссингема. Любовь же, видимо, может, решил он.

Его потряс контраст между покоем, царившим в комнате этого человека, и бурями, таившимися в его душе. Он подумал: хорошо, что работа в полиции учит не хранить у себя ничего личного. Профессия полицейского так же убедительно, как религия, учит человека проживать каждый свой день, как если бы он был последним. И ведь не только насильственная смерть взламывает святая святых человека. Всякая внезапная смерть может привести к тому же. Если бы их вертолет потерпел аварию при посадке, что за картину представляли бы, на взгляд всего света, оставшиеся после него, Мэссингема, вещи? Как судили бы о нем по этим вещам? Конформист, мещанин с консервативными убеждениями, с навязчивой идеей поддержания физической формы? *Нотте мойен sensuel** и, кстати говоря, *мойен*** во всем остальном? Он подумал об Эмме, в чьей постели проводил ночь, когда только мог, и которая, как он подозревал, когда-нибудь станет леди Дангэннон, если только не сумеет найти себе — а на это было все больше похоже — другого старшего сына, с лучшими перспективами и большим количеством свободного времени. Интересно, как Эмма, жизнерадостная гедонистка, откровенно наслаждавшаяся в постели, отнеслась бы к этим мастурбационным фантазиям смакующего собственные страдания человека, к этой унижительной хронике потерпевшей поражение любви?

Отдельный листок — всего полстранички — был испи-сан одним лишь именем: Доменика, Доменика, Доменика.

* *Нотте мойен sensuel* — человек средней чувственности (фр.).

** *Мойен* — средний (фр.).

Потом — Доменика Лорример — неловкое, мелодически неудачное сочетание. Возможно, и его поразила такая неблагозвучность, потому что он написал это только один раз. Буквы казались нарочито аккуратными, выписанными осторожной рукой, словно молоденькая девушка, втайне от всех, упражнялась в написании своего имени с новой фамилией, не зная еще, выйдет ли она замуж за ее носителя. Ни на одном из писем не было даты, не было ни обращения, ни подписи. Некоторые были явно черновиками, свидетельствовали о мучительных поисках ускользающего слова: рукописные страницы, искореженные бесчисленными вычеркиваниями.

Но вот Дэлглиш пододвинул к нему последнее письмо. Здесь не было никаких изменений, ничего неопределенного, и если и существовал черновик, Лорример его уничтожил. Это письмо было ясным и четким, словно официальное заявление. Каждое слово, каллиграфически выведенное черной пастой, прямым, без наклона, почерком, ровно выстраивалось по линейке рядом с другими, словно в упражнении по чистописанию. Может быть, это письмо он все-таки собирался наконец отправить.

«Я долго искал слова, чтобы объяснить тебе, что со мной произошло. Произошло из-за тебя. Ты знаешь, какого труда мне это стоит. Столько лет я занимался писанием официальных отчетов: одни и те же выражения, одни и те же сухие выводы. Мой мозг был компьютером, запрограммированным на смерть. Я существовал, словно человек, рожденный во тьме и живущий во мгле глубокой пещеры, который находит утешение и покой, скорчившись у жалкого костерка, и смотрит на черные тени, что мечутся по стенам, испещренным наскальными рисунками. Он все пытается отыскать в этих грубых очертаниях какое-то значение, смысл существования, помогающий вынести эту тьму. А потом явилась ты, взяла меня за руку и вывела на солнечный свет. И мне явился реальный мир, ослепляющий взгляд многоцветьем и красотой. И нужна была лишь твоя рука да чуть-чуть отваги,

чтобы сделать несколько шагов прочь от теней и выдумок, к свету. *Ex umbris et imaginibus in veritatem**».

Отложив письмо, Дэлглиш сказал:

— «О Господи, дай мне знать мой конец и число дней моих: дабы понял я, сколько мне дано длить жизнь мою». Если бы ему дано было выбирать, Лорример скорее предпочел бы, чтобы его убийство не было отмщено, только бы ничьи другие глаза, кроме его собственных, не видели этих писем. А что думаете о них вы?

Мэссингем не был вполне уверен, чего от него ждут: должен ли он высказываться о содержании писем или о том, как они написаны? Он осторожно заметил:

— Орывок о пещере — это очень сильно. Похоже, он долго над этим работал.

— Но не очень оригинально. Отдает Платоновой «Республикой». И как у Платона, яркий свет слепит глаза пещерного человека — до боли. Джордж Оруэлл где-то писал, что убийство, преступление уникальное, должно быть результатом сильных чувств. Вот вам, пожалуйста, сильные чувства. Только вот труп у нас, кажется, не тот.

— Вы полагаете, доктор Хоуарт знал, сэр?

— Почти наверняка. Поразительно, что никто другой в Лаборатории, очевидно, не знал. Такую информацию обычно не держат про себя, во всяком случае, миссис Бидуэлл это было бы не под силу. Думаю, сначала мы поговорим с поверенными — убедимся, что завещание не утратило силу, а потом повидаем эту даму.

Однако намеченный план пришлось изменить. Телефон на стене вдруг зазвонил, сразу взорвав покой комнаты. Мэссингем взял трубку. Звонил сержант Андерхилл, не очень успешно пытавшийся сдержать волнение, звеневшее в его голосе:

— Тут майор Хант — поверенный из конторы «Парджер, Коулби и Хант», из Или звонит. Ему надо повидать

* *Ex umbris et imaginibus in veritatem* — От теней и выдумок — к истине (лат.).

мистера Дэлглиша. Он предпочел бы не обсуждать это по телефону. Он говорит, не могли бы вы перезвонить ему и сказать, когда мистеру Дэлглишу будет удобно к ним заехать. А еще, сэр, у нас свидетель обнаружился! Он сейчас в участке Гайз-Марш ждет. Альфред Годдард его звать. Он ехал вчера вечером в автобусе мимо Лаборатории. В девятичасовом автобусе, сэр.

ГЛАВА 3

— Ну, он по аллее чесал, как черт от ладана.

— А описать его вы можете?

— Да нет. Ну только он не старый был.

— Очень молодой?

— Да я ж не говорил, что молодой. Я его и не разглядел толком-то, как я могу сказать? А только мчался он не как старикашка какой.

— Может быть, он на автобус успеть хотел?

— Если и хотел, так не успел.

— Водителю он не махал?

— Да нет, чего ему махать? Тот чертов водитель его и увидеть-то не мог. Да и толк-то какой в махании автобусу в зад?

Полицейский участок в Гайз-Марше размещался в красно-кирпичном, с белым деревянным фронтоном здании времен королевы Виктории, очень похожем на первые железнодорожные вокзалы, и Дэлглиш заподозрил, что полицейские власти девятнадцатого века сэкономили на строительстве, использовав того же архитектора и тот же проект.

Мистер Альфред Годдард, ожидавший их в кабинете следователя, чувствовал себя совершенно как дома, тем более что перед ним стояла кружка горячего крепкого чая. Он вовсе не был ни польщен, ни потрясен тем, что оказался клю-

чевым свидетелем в расследовании убийства. Это был невысокий человек, типичный сельский житель, с морщинистым, темным, точно ореховая скорлупа лицом, и пахло от него крепким табаком, джином и коровьим пометом. Дэлглиш припомнил, что первых жителей Болот их соседи с возвышенности звали «желтопузиками» оттого, что им приходилось по-змеиному, ползком, или по-лягушачьи, на четвереньках пробираться по заболоченным полям, а еще — «гусьями лапчатыми», шлепающими по жидкой грязи, как на перепончатых лапах. Мистеру Годдарду подошло бы и то и другое прозвище. Дэлглиш с интересом отметил, что у свидетеля вокруг левой кисти — кожаный плетеный ремешок, и сообразил, что это высушенная кожа угря, старинный талисман, предохраняющий от ревматизма. Искривленные негнущиеся пальцы с трудом удерживали кружку с чаем, заставляя подозревать, что талисман не был таким уж могущественным.

Дэлглиш усомнился, явился ли бы Годдард в полицию, если бы кондуктор автобуса Билл Карни не знал, что он регулярно ездит в среду рейсом из Или в Стоуни-Пиггот через Чевисшем, и не отвел бы полицейских расследователей к его одиноко стоявшему жилищу. Когда же Годдарда, без долгих рассуждений, вытащили из его берлоги, он не проявил особой неприязни ни к Биллу Карни, ни к полицейским и заявил, что готов отвечать на вопросы, если их будут задавать ему, как он выразился, «со всем уважением». Самое главное, что его не устраивало в жизни, — это автобус в Стоуни-Пиггот: ходит поздно, редко, цены на билеты растут не по дням, а по часам, а особенно плохо, что в Стоуни-Пиггот теперь ходят двухэтажные автобусы и ему приходится каждую среду ездить в верхнем салоне — из-за трубки.

— Но ведь как удачно для нас, что вы там ехали, — сказал ему Мэссингем.

Мистер Годдард только фыркнул в кружку с чаем.

Дэлглиш продолжал опрос:

— Нет ли чего-нибудь такого, что вам в нем запомнилось, мистер Годдард? Рост, цвет волос, как был одет?

— Да нет. Не очень вроде высокий — средний, и пальтецо на ём коротковатое, или, может, плащ. Вроде расстегнутый был, потому как ветром его отдувало.

— А какого цвета, не заметили?

— Вроде темноватый какой-то. Да я его и видел-то, может, секунду какую, понятно, нет? А потом деревья помешали. Автобус-то уже трогался, когда он мне впервой на глаза попался.

— Но ведь водитель его не заметил, и кондуктор ничего не видел, — вмешался Мэссингем.

— А как же, это уж как водится. Они-то где — в нижнем. Откуда бы им-то его заметить? И водитель ведь этот чертов автобус вел.

— Мистер Годдард, — сказал Дэлглиш, — это очень важно. Скажите, вы не помните — в окнах Лаборатории горел свет?

— Чего? В каких окнах?

— В окнах дома, от которого бежал этот человек.

— Свет в окнах дома? Так бы и говорили — в окнах дома, если про дом спрашиваете.

На физиономии мистера Годдарда изобразилась тяжелая работа мысли: полуприкрыв веки, он сморщился и поджал губы. Они ждали. После приличествующей случаю паузы он объявил:

— Слабый свет вроде был. Не так, чтобы яркий, вы это учтите, а слабый свет в окнах вроде был. В нижних.

— А вы абсолютно уверены, что это был мужчина? — спросил Мэссингем.

Мистер Годдард устремил на него взгляд, полный упрека и печали, словно кандидат, избираемый путем устного опроса, которому задали вопрос, по его мнению, совершенно неподобающий.

— Так на ём же штаны были, вот ведь как. Если б это не мушина был, так надо бы, чтоб мушина.

— Но вы не можете быть абсолютно уверены?

— Да я ни в чем не могу уверен быть, в наши-то дни! Было время, народ приличную одёжу носил. Бога боялись. Мушина он либо женчина, да только он был человек и мчался, как паровоз. Вот и все, чего я видел.

— Так что это и женщина в брюках могла быть?

— Ну так он же не как женчина бежал. Бабы — какие из их бегуны? Коленки вместе — пятки врозь, и пошла чесать, в стороны ногами махать, как утка какая. Лучше бы они, когда не бегают, коленки вместе держали, вот что я вам скажу.

Наблюдение довольно верное, подумал Дэлглиш. Ни одна женщина не бегают так, как мужчина. Первое впечатление Годдарда сводилось к тому, что он видел нестарого бегущего мужчину, и скорее всего именно это он и видел на самом деле. Если задавать ему еще вопросы, можно просто сбить его с толку.

Водитель и кондуктор, вызванные из автопарка и не успевшие снять форму, не могли подтвердить показания Годдарда, но то, что они добавили, оказалось полезным. Неудивительно, что ни тот ни другой не видели бежавшего, ведь двухметровая стена и кроны деревьев над нею скрывали Лабораторию от тех, кто находился в нижнем салоне автобуса: они могли увидеть здание, лишь когда автобус проходил мимо открытого въезда, а затем замедлил ход у остановки. А если мистер Годдард был прав и человек появился, когда автобус уже отъезжал, они никоим образом не могли бы его увидеть.

Было важно, что оба они смогли подтвердить, что в этот вечер автобус шел точно по расписанию. В расписании было указано девять часов двенадцать минут. Билл Карни как раз взглянул на часы, когда они отъезжали от остановки. Было девять двенадцать. У остановки автобус простоял всего пару секунд. Ни один из трех пассажиров не сделал движения, показывающего, что он намеревается сойти, но под навесом остановки оба — и кондуктор, и водитель — заметили жен-

щину и решили, что она ждет автобуса. Однако она в автобус не села, а когда он подошел, отвернулась и отошла подалее в тень навеса. Кондуктору показалось странным, что она осталась ждать там, ведь в этот вечер автобусов больше не было. Но шел небольшой дождь, и он решил, не очень задумываясь об этом, что она просто укрылась там от дождя. Не его дело, резонно заметил он, затаскивать пассажиров в автобус, если они не собираются ехать.

Дэлглиш с пристрастием расспрашивал обоих о женщине, но твердой информации они могли сообщить очень мало. Оба были согласны в том, что на голове у нее был платок, а воротник пальто она подняла до самых ушей. Водителю показалось, что она была в брюках и коротком плаще с поясом. Билл Карни соглашался насчет брюк, но полагал, что на ней было полупальто мужского покроя с капюшоном. Они решили, что это была женщина только по одной причине — из-за платка на голове. Ни тот ни другой описать этот платок не смогли. Оба полагали, что их пассажиры вряд ли смогут помочь. Двое из троих, ехавших в нижнем салоне, люди пожилые, регулярно ездившие этим рейсом, явно спали. Третий водителю и кондуктору был незнаком.

Дэлглиш понимал, что всех троих придется разыскать. Это было одно из тех пожирающих время дел, без которых не обойтись, но которые очень редко дают сколько-нибудь ценную информацию. И все-таки поразительно, как много замечают самые неожиданные люди. Спавших мог разбудить толчок при остановке автобуса, они могли более ясно, чем кондуктор или водитель, рассмотреть ту женщину. Мистер Годдард ее и вовсе не заметил, что неудивительно. Он ехидно спросил, как это кто-то мог бы чего разглядеть сквозь крышу этой чертовой остановки? Во всяком разе, он-то глядел совсем в другую сторону, верно? И им повезло, что он как раз куда надо глядел. Дэлглиш поспешил его успокоить и, когда запись его показаний была наконец, к полному удовольствию старика, завершена, проследил, чтобы его отвезли домой на машине. Годдард с некоторым шиком помес-

тился на заднем сиденье полицейского автомобиля и сидел прямо и неподвижно, словно маленький манекен.

Однако в Или Дэлглиш и Мэссингем смогли выехать только минут через десять. В участке появился Элберт Бидуэлл — с опозданием, но весьма кстати — и принес с собой хороший шмат грязи с пятипольной деляны и дух раздраженного недовольства. Интересно, думал Мэссингем, как Бидуэлл впервые встретился со своей женой и что объединило этих, таких не похожих друг на друга людей. Она, Мэссингем был почти уверен, прирожденная кокни*. Он — сельский житель с Болот. Он замкнут и молчалив, она — обожает сплетни и всяческий шум.

Бидуэлл признал, что именно он подошел к телефону. Звонила женщина. Передала, что миссис Бидуэлл должна поехать не в Лабораторию, а в Лимингс, помочь миссис Шофилд. Он не запомнил, назвалась ли звонившая, но думает, что нет. Миссис Шофилд звонила им раньше, раз или два, он сам брал трубку. Просила, чтоб его жена помогла ей со званым обедом, или что-то вроде того. Бабские дела. Он не может сказать, тот же голос или не тот. Когда его спросили, не заключил ли он, что звонила миссис Шофилд, он ответил, что ничего не заключил.

— А вы не помните, звонившая сказала, что ваша жена должна приехать в Лимингс или поехать в Лимингс? — спросил Дэлглиш.

Значение этого вопроса явно ускользнуло от мистера Бидуэлла, но он выслушал его с мрачной подозрительностью и после долгой паузы ответил, что не помнит. Когда Мэссингем спросил, не могло ли случиться, что звонила вовсе не женщина, а мужчина, изменивший голос, Бидуэлл взглянул на него с таким неприкрытым отвращением, будто не желал иметь дело с человеком, ум которого мог вообразить столь изощренную низость. Но вопрос этот вызвал самый

* Кокни — коренной лондонец, уроженец Ист-Энда (рабочих районов), говорящий на кокни — лондонском просторечии.

длинный ответ. Он сказал, что не знает, женщина это была, или мужчина притворился женщиной, или, может, девушка молодая звонила. Все, что ему известно, — это что его попросили передать жене поручение, и он его передал. И если б он только знал, какая добука из всего этого выйдет, он бы к телефону и не подошел.

Этим им и пришлось удовлетвориться.

ГЛАВА 4

По опыту Дэлглиш знал, что конторы поверенных, практикующих в городе с кафедральным собором, обычно размещаются в удобных и красивых зданиях. Контора «Парджетер, Коулби и Хант» не была исключением. Она находилась в прекрасно сохранившемся и свежотремонтированном доме эпохи Регентства, с видом на лужайку перед кафедральным собором; массивная входная дверь цвета черного дерева блестела, будто краска на ней еще не просохла, а дверной молоток в форме львиной головы был начищен чуть ли не добела. Дверь им открыл очень худой пожилой клерк в старомодном черном сюртуке и крахмальном воротничке, словно вышедший из романов Диккенса. При виде их выражение мрачной покорности судьбе на его лице чуть просветлело, как если бы предвкушение неприятностей обещало клерку некоторое развлечение. Когда Дэлглиш представился, он слегка поклонился и произнес:

— Майор Хант, разумеется, ожидает вас, сэр. Он как раз заканчивает беседу с клиентом. Если вы соблаговолите пройти вот сюда, он не заставит вас долго ждать. Всего пару минут, сэр.

Приемная, куда их провели, комфортом и некоторым продуманным беспорядком напоминала гостиную какого-нибудь мужского клуба. Кожаные кресла были столь широки и глу-

боки, что трудно было представить себе, как мог бы человек за шестьдесят выбраться оттуда без труда. Два старомодных радиатора источали жар, и все же в камине горел огонь — топили углем. На огромном круглом столе красного дерева были разложены журналы, посвященные интересам землевладельцев, по большей части — очень старые. У стены стоял книжный шкаф, сквозь стекло дверец виднелись переплетенные в кожу тома истории графства и альбомы произведений живописи и архитектуры. Картина маслом над каминной полкой изображала фазтон с лошадьми и грумами. Очень похоже на Стаббса*, подумал Дэлглиш, скорее всего это и есть Стаббс.

Он едва успел бегло оглядеть комнату и подойти к окну — посмотреть на придел Богоматери кафедрального собора, когда дверь открылась и снова появился клерк, чтобы провести их в кабинет майора Ханта. Человек, поднявшийся из-за стола, чтобы их приветствовать, внешне был полной противоположностью своему служащему. Далеко не молодой, высокий и массивный, державшийся очень прямо, он был одет в поношенный, но прекрасно сшитый костюм из твида; лицо — румяное, на лбу залысины, глаза остро смотрят из-под кустистых подвижных бровей. Пожимая Дэлглишу руку, он взглянул на него откровенно оценивающим взглядом, будто решал, какое место в своей личной шкале ценностей следует ему предназначить, потом удовлетворенно кивнул. Он и теперь еще больше походил на военного, чем на юриста, и Дэлглишу было ясно, что громогласность и властная отрывистость, с какими он приветствовал входящих, выработаны вовсе не в конторе, а на военном плацу и в офицерских столовых времен Второй мировой войны.

— Здравствуйте, здравствуйте! Пожалуйста, садитесь, командер. Вы прибыли в связи с трагическими обстоятельствами. Не думаю, чтобы нам когда-либо прежде приходилось терять клиентов в результате убийства.

* Стаббс, Джордж (1724—1806) — английский художник-анималист и график.

Клерк негромко кашлянул. Кашлянул именно так, как Дэлглиш мог ожидать: необходимо, но осторожно-угрожающе, так что игнорировать это было бы невозможно.

— Был у нас сэр Джеймс Камминз, сэр, в одна тысяча двадцать третьем году. Его застрелил сосед, капитан Картрайт, в связи с тем, что сэр Джеймс соблазнил его жену. Эта неприятность усугублялась также некоторыми осложнениями из-за прав на рыбную ловлю.

— Совершенно верно, Митчинг. Но это случилось еще при моем отце. Бедного Картрайта повесили. К сожалению — так полагал мой отец. У него был прекрасный послужной список: он пережил сражения при Сомме и Аррасе, но кончил жизнь на виселице. Весь в боевых шрамах был, бедняга. Присяжные скорее всего вынесли бы рекомендацию о помиловании, если бы он не разрезал труп на куски. Он ведь его разрезал, верно, Митчинг?

— Совершенно верно, сэр. Голову нашли захороненной в саду.

— Да, именно это и решило судьбу Картрайта. Английские присяжные терпеть не могут, когда трупы режут на куски. Криппен был бы сегодня жив, если бы захоронил Белл Элмор целиком.

— Вряд ли, сэр. Криппен родился в одна тысяча восемьсот шестидесятом.

— Ну, умер бы не так давно. Я бы нисколько не удивился, если бы он дожил до ста. Всего на три года старше вашего отца, Митчинг, и почти такого же сложения: небольшого роста, глаза выпуклые, сам очень жилистый. Они долго живут, люди этого типа. Ну, хорошо, теперь к нашим баранам. Надеюсь, вы оба не откажетесь от кофе? Могу заверить, наш кофе пить можно. Митчинг установил тут это новое устройство, со стеклянной ретортой, и мы сами мелем себе свежий кофе. Ну так всем кофе, Митчинг, будьте любезны.

— Мисс Мэйкпис уже готовит кофе, сэр.

Майор Хант излучал послеобеденное благодушие, и Мэссингем с чувством некоторой зависти подумал, что сделка с

предыдущим клиентом была заключена во время обильного ленча. Они же с Дэлглишем успели перехватить лишь по сэндвичу и кружке пива в пабе, по дороге из Чевишема в Гайз-Марш. Дэлглиш, о котором было известно, что он умеет ценить хорошую еду и изысканные вина; имел весьма неудобную привычку пренебрегать обеденным перерывом во время расследования. Мэссингема в данном случае огорчило не качество еды, главной неприятностью для него тут было ее количество. Но во всяком случае, они смогут хотя бы выпить кофе.

Митчинг занял прочную позицию у двери и не выказывал никакого намерения уйти. Это, по всей видимости, было вполне приемлемо. Дэлглиш подумал, что эти двое были точно пара комиков в процессе оттачивания их двухголосой репризы, не желающих терять ни малейшей возможности для ее усовершенствования.

— Вы, разумеется, хотите узнать насчет завещания Лоримера, — сказал майор Хант.

— И вообще все, что вы можете о нем сообщить.

— Боюсь, я могу не так уж много. Я видел его всего два раза с тех пор, как занимался имуществом его бабушки. Но разумеется, сделаю все, что могу. Когда в окно врывается убийство, все права на личную тайну удаляются через дверь. Так, Митчинг?

— Не остается секретов, сэр, в жестоких лучах света, озаряющих эшафот!

— Я не вполне уверен, что вы правильно выбрали сравнение, Митчинг. Кроме того, у нас теперь нет эшафотов. Вы сами против смертной казни, командер?

— Приходится — до тех пор, пока не настанет день, когда мы сможем быть абсолютно уверены, что ни при каких обстоятельствах не совершим ошибки, — ответил Дэлглиш.

— Ответ вполне ортодоксальный, но он влечет за собой целый ряд вопросов, не так ли? Впрочем, вы ведь здесь не для того, чтобы дискутировать по поводу смертной казни.

Не следует зря тратить время. Итак, завещание. Куда я поставил ящик с делами мистера Лорримера, Митчинг?

— Он здесь, сэр.

— Так несите его сюда. Несите его сюда.

Клерк взял черный жестяной ящик с пристенного стола и поставил перед Хантом. Майор с некоторой торжественностью открыл крышку и извлек завещание.

Дэлглиш сказал:

— Мы нашли одно завещание в его секретере. Оно датировано третьим мая тысяча девятьсот семьдесят первого года. По-видимому, это оригинал.

— Так он его не уничтожил? Очень интересно! Это заставляет предположить, что окончательного решения он еще не принял.

— Значит, существует более позднее завещание?

— О, конечно. Конечно, существует, командер. Именно об этом я и хотел побеседовать с вами. Он подписал его только в прошлую пятницу и оставил и оригинал, и единственную копию у меня. Они здесь, в этом ящике. Вероятно, вы хотите прочесть его сами?

Майор протянул Дэлглишу завещание. Оно оказалось очень коротким. Лорример в принятой форме отменял прежнее завещание и, заявив, что находится в здравом уме и твердой памяти, менее чем в десяти строках распорядился всем своим имуществом. Коттедж за мельницей оставался его отцу вместе с суммой в десять тысяч фунтов. Тысячу фунтов он завещал Бренде Придмор, «чтобы дать ей возможность купить книги, необходимые для продолжения ее научного образования». Все остальное состояние он оставлял Академии судебной медицины для установления ежегодной денежной премии в тех размерах, какие Академия сочтет необходимым, за оригинальную статью по проблемам любого из аспектов судебно-медицинских исследований. О качестве статьи должны судить три эксперта, ежегодно заново назначаемые Академией. Имя Анджелы Фоули в завещании не было упомянуто.

— А он объяснил вам, почему исключил свою кузину, Анджелу Фоули, из завещания? — спросил Дэлглиш.

— Представьте себе — объяснил. Я счел необходимым указать, что в случае его смерти его кузина, как единственная из оставшихся в живых родственников, за исключением его отца, может пожелать опротестовать завещание. Если она этого пожелает, юридические баталии потребуют денег и могут значительно уменьшить имеющееся состояние. Я не считал себя обязанным настаивать, чтобы он изменил завещание. Я лишь счел правильным предупредить его о возможных последствиях. Вы ведь слышали, что он ответил, да, Митчинг?

— Разумеется, сэр. Покойный мистер Лорример высказал неодобрение тем, какой образ жизни избрала для себя его кузина, особенно его возмущали те отношения, которые, как он дал понять, установились между его кузиной и дамой, с которой, как я мог понять, она создает семью. И он заявил, что не желает, чтобы эта дама воспользовалась его деньгами. Если же кузина пожелает опротестовать завещание, он готов оставить это на волю суда. Его это уже ни в коей мере не будет касаться. Он вполне ясно выразил свою волю. Он также указал, если я правильно запомнил, сэр, что завещание носит переходный характер. Он намеревается вступить в брак, и если это случится, завещание, несомненно, утратит силу. А пока суд да дело, он желает исключить, пусть и весьма проблематичную, возможность, что его кузина получит все его состояние в случае, если он внезапно скончается до того, как решатся его личные дела.

— Правильно, Митчинг. Это именно то, что он тогда сказал. Должен признать, что это до некоторой степени примирило меня с его новым завещанием. Если он намеревался вступить в брак, вполне очевидно, что завещание должно было утратить силу, и он мог обдумать все снова. Не то чтобы я полагал, что это завещание неправомерно или несправедливо сверх необходимости. Человек имеет право распорядиться своим состоянием, как считает нужным, если го-

сударство оставляет ему что-то, чем он может распорядиться. Мне показалось несколько странным, что, если он был помолвлен, он даже не упомянул имя невесты в этом промежуточном завещании. Но, полагаю, принцип он избрал вполне здравый. Ведь, если бы он завещал ей сумму незначительную, она вряд ли была бы ему благодарна, а если бы оставил все, она вполне могла бы сразу выйти за другого и передать все состояние ему.

— Он ничего не рассказал вам о предполагаемом браке? — спросил Дэлглиш.

— Нет. Даже имени дамы не назвал. Я, естественно, и спрашивать не стал. Я даже не вполне уверен, что он имел кого-то определенного в виду. Это могло быть просто намерение вообще или, что тоже возможно, предлог для изменения завещания. Я просто его поздравил и сказал, что завещание утратит силу, как только состоится бракосочетание. Он ответил, что понимает это и придет, чтобы составить новое, как только потребуется. А пока это было именно то, чего он хотел, и так я это и составил. Завещание подписали Митчинг и мой секретарь, в качестве второго свидетеля. А вот и она — и кофе! Вы помните, что подписывали завещание мистера Лорримера, а?

Худенькая, нервного вида девушка, принесшая им кофе, испуганно кивнула головой в ответ на рык майора и поспешила прочь. Майор с удовлетворением заметил:

— Она помнит. Она так перепугалась, что едва свою подпись вывести могла. Но все-таки подписала. Вот, все тут. Все правильно и в полном порядке. Полагаю, мы можем составить юридически правильное завещание, а, Митчинг? А все-таки интересно будет, если малышка кузина поднимет из-за него шум.

Дэлглиш поинтересовался, из-за какой суммы станет Анджела Фоули поднимать шум.

— Да думаю, весьма близко к пятидесяти тысячам фунтов. Конечно, не так уж много по нынешним дням, но очень-очень полезная сумма. Первоначальный капитал был цели-

ком оставлен ему по завещанию Энни Лорример, его бабушки по отцовской линии. Потрясающая старуха. Родилась и выросла на Болотах. Вместе с мужем держала магазин в деревне Лоу-Уиллоу. Том Лорример допился до смерти, лег в могилу сравнительно рано. Не мог выдержать болотных зим. Она продолжала дело одна. Разумеется, не все деньги получены от магазина, хоть она успела продать его в удачное время. Не-ет. У нее еще чутье было на лошадей. Потрясающе! Бог его знает, откуда это у нее взялось. В жизни на лошади не сидела, насколько мне известно. Закрывала магазин и трижды в год отправлялась в Нью-Маркет, на скачки. Ни пенни, говорят, не проиграла, а каждый фунт, что выигрывала, клала в банк.

— А семья большая была? Отец Лорримера был ее единственным сыном?

— Да. Сын у нее был один, но была еще дочь — мать Анджелы Фоули. Старуха их просто видеть не могла, как я мог понять. Дочка сумела понести от деревенского пономаря, и старуха поспешила выдать ее замуж и отлучила от дома в принятом при королеве Виктории стиле. Замужество оказалось неудачным, и я не думаю, что Мод Фоули хоть раз виделась с матерью после свадьбы. Она умерла от рака лет пять спустя после рождения девочки. Старуха не пожелала взять внучку к себе, так что девочка оказалась на попечении местных властей. Большую часть жизни прожила как приемыш, так мне кажется.

— А сын?

— Ну, сын-то женился на местной учительнице, и этот брак оказался довольно удачным, насколько я могу судить. Но близких отношений с родственниками они не поддерживали. Старуха не хотела оставить деньги сыну потому, что это означало бы двойной налог на наследство, — так она сказала. Ей было хорошо за сорок, когда он родился. Но я думаю, она просто его не очень жаловала. Не думаю также, что она часто виделась с внуком Эдвином. Но деньги надо было кому-то оставить, а люди ее поколения верили, что

кровь-то погуще будет, чем похлебка для бедных, а кровь у мужчины погуще, чем у женщин. Даже если не учитывать того, что она отлучила дочь от дома и не проявляла никакого интереса к собственной внучке, люди ее поколения не считали правильным оставлять деньги в распоряжении женщины. Ведь это значит — поощрять соблазнительей и охотников до чужих денег. Так что она оставила абсолютно все своему внуку, Эдвину Лорримеру. Когда она умерла, мне кажется, он испытывал угрызения совести в отношении своей кузины. Как вы уже знаете, первое завещание было сделано в ее пользу.

— Вы не знаете, Лорример сообщил ей, что собирается изменить завещание? — спросил Дэлглиш.

Поверенный бросил на него острый взгляд:

— Он мне не говорил. В данных обстоятельствах ей было бы удобно, если бы она могла доказать, что сообщил.

Настолько удобно, подумал Дэлглиш, что она поторопилась бы упомянуть об этом во время первого же опроса. Но даже если она и считала себя наследницей своего двоюродного брата, это вовсе не обязательно должно было сделать ее убийцей. Если она и хотела получить часть бабушкиных денег, зачем было ждать до сих пор и убить именно сейчас?

Зазвонил телефон. Майор Хант, пробормотав извинение, взял трубку. Прикрыв микрофон ладонью, он сказал Дэлглишу:

— Это мисс Фоули. Звонит из Коттеджа за мельницей. Мистер Лорример-старший хочет поговорить со мной по поводу завещания. Она говорит, он очень волнуется, принадлежит ли коттедж теперь ему. Сказать ему?

— Это вам решать. Но он ближайший родственник, так что все равно, сейчас он узнает условия завещания или позже. Кстати, и она тоже.

Майор Хант колебался. Наконец он сказал в трубку:

— Хорошо, Бетти. Я поговорю с мисс Фоули.

Он снова поднял глаза на Дэлглиша:

— Сообщить сейчас эту новость — все равно что запустить лису в чевишемский курятник.

Дэлглишу вдруг представилось взволнованное полудетское лицо Бренды Придмор, глядящей на него через директорский стол.

— Да, — сказал он мрачно. — Да. Боюсь, что так.

ГЛАВА 5

Дом Хоурта, Лимингс, стоял в трех милях от деревни Чевишем по Кембриджскому шоссе. Это было современное здание из бетона, дерева и стекла, поднятое на консолях над плоской равниной Болот, с двумя отходящими от него белыми, словно свернутые паруса или распростертые на земле крылья, флигелями. Даже в угасающем свете дня дом выглядел впечатляюще. Он стоял в строгом и прекрасном уединении, и производимый им эффект зависел исключительно от совершенства линий и искусной простоты. Кругом не видно было никаких строений, кроме одинокого, почерневшего от времени деревянного домишки на сваях, угрюмого, словно прибежище палача, да на востоке, над линией горизонта вставал поражающий воображение мираж — великолепная одинарная башня и восьмиугольник кафедрального собора в Или. Из задних окон дома открывалось огромное небо и бесконечные, ничем не огороженные поля, рассеченные дамбой Лимингс-Дайк, изменяющиеся с временами года от голой, черной, изрезанной плугом земли к весенним всходам и осеннему урожаю; и ни звука не достигало этих окон, кроме шума ветра и — в летнее время — беспрестанного шелеста хлебов.

Места для строительства было мало, и архитектору пришлось применить всю свою изобретательность. При доме не было сада, лишь короткая въездная аллея вела в мощеный

дворик и к гаражу. У гаража рядом с «триумфом» Хоурта стоял красный «Ягуар-XJS». Бросив завистливый взгляд на «ягуар», Мэссингем подивился, как это миссис Шофилд добилась, что ей так быстро доставили последнюю модель. Въехав во двор, они поставили свою машину рядом с «ягуаром». Прежде чем Дэлглиш успел выключить мотор, из дома вышел Хоурт и молча ждал их у входа. На нем был рабочий комбинезон в синюю и белую полосу, в котором он явно чувствовал себя вполне удобно, не испытывая нужды ни объяснять свой костюм, ни переодеваться. Поднимаясь по широким ступеням резного деревянного крыльца, Дэлглиш выразил свое восхищение домом. Хоурт ответил:

— Это проект шведского архитектора, который застраивал новые участки в Кембридже. На самом деле дом принадлежит моему университетскому приятелю. Он вместе с женой получил приглашение на пару лет в Гарвард. Если они решат там остаться, он, может быть, захочет продать дом. Во всяком случае, на ближайшие полтора года мы устроены, а потом можем поискать в округе что-нибудь другое, если понадобится.

Теперь они шли по просторной винтовой, тоже деревянной, лестнице, поднимавшейся из самого холла. Наверху кто-то слушал финал Третьего Бранденбургского концерта Баха. Великолепные контрапунктные созвучия словно бились о стены, переполняя дом. Мэссингем почти зримо представил себе, как дом поднимается на своих белых крыльях и радостно парит над Болотами. Дэлглиш спросил, перекрывая громкие звуки музыки:

— Миссис Шофилд здесь нравится?

Голос Хоурта, шедшего впереди, продуманно безразличный, ответил им сверху:

— О, к тому времени она, возможно, куда-нибудь переедет. Доменика предпочитает разнообразие. Моя единокровная сестрица страдает бодлеровым *horreur de domicile** — ей

* *Horreur de domicile* — боязнь домоседства (фр.).

всегда хочется быть где-нибудь в другом месте! Ее естественное обиталище — Лондон, но сейчас она живет у меня, потому что иллюстрирует элитное издание Крабба* для «Парадайн Пресс».

Пленка подошла к концу. Хоуарт приостановился и сказал резковато, как бы жалея, что решился заговорить об этом:

— Думаю, следует предупредить вас, что сестра овдовела всего полтора года назад. Ее муж погиб в автокатастрофе. Вела машину она, но ей повезло. Ну, во всяком случае, я считаю, что повезло. Отделалась легкими царапинами. Чарлз Шофилд умер через три дня.

— Весьма сожалею, — сказав Дэлглиш. Циник, скрывавшийся где-то внутри его, подумал: с какой целью он сообщил мне об этом? Хоуарт произвел на него впечатление человека очень замкнутого, не из тех, кто легко поверяет другим детали личной или семейной трагедии. Было ли это обращением к его рыцарственным чувствам, скрытой просьбой отнестись к сестре с особой чуткостью? Или Хоуарт стремился предупредить его, что она все еще не оправилась от горя, непредсказуема, даже неуравновешенна? Вряд ли он подразумевал, что после этой трагедии она испытывает непреодолимую потребность убивать своих любовников.

Они поднялись на самый верх и остановились на широком деревянном балконе, который, казалось, свободно парил в пространстве. Хоуарт толчком растворил дверь и сказал:

— Я вас оставлю. Я собираюсь пораньше приняться за готовку обеда. Она здесь. — И он крикнул в глубину комнаты: — Это командер Дэлглиш и детектив-инспектор Мэссингем, из Столичной полиции. По поводу убийства. Моя сестра — Доменика Шофилд.

Комната была необъятна, с треугольным окном от крыши до пола, выступающим над полями, словно нос корабля,

* Крабб, Джордж (1754—1832) — английский поэт, представитель просветительского классицизма, последователь А. Поуна.

и с высоким изогнутым потолком из светлой сосны. Мебель в стиле модерн, но ее совсем мало. На самом деле комната больше напоминала музыкальную студию, чем гостиную. У стены в беспорядке стояли музыкальные пюпитры и футляры для скрипок, а надо всем этим — смонтированный на стене музыкальный центр с самой современной и явно очень дорогой стереоаппаратурой. В комнате была только одна картина — маслом: Сидни Нолан*, портрет Неда Келли**. Безликая металлическая маска с бесцветными глазами, проглядывающими сквозь узкую прорезь, прекрасно вписывалась в строгую аскетичность комнаты, гармонировала с чернотой голых, уходящих в сумеречный свет полей за окном. Легко было представить себе Неда Келли, мрачного Хэриурда*** не столь давних дней, решительно пересекающего перепаханное поле.

Доменика Шофилд стояла у чертежной доски посреди комнаты. Она повернулась и без улыбки посмотрела на них глазами брата: Дэлглиш снова смотрел в поразительно синие озера глаз под изогнутыми густыми бровями. Как всегда в такие — все более и более редкие — моменты, когда он встречался лицом к лицу с красивой женщиной, у него дрогнуло сердце. Красота волновала не столько его чувственность, сколько чувства, и он радовался, что все еще может вот так реагировать на нее, даже во время расследования дел об убийстве. И все же ему хотелось бы знать, насколько заученными были и плавный, медленный поворот, и первый, отстраненный, но тем не менее вдумчивый взгляд этих замечательных глаз. В предвечернем свете их радужки казались почти пурпурными, а белки отсвечивали голубым. У нее была матовая, цвета светлого меда кожа, льняные волосы она оттянула со лба назад и заколола тугим узлом на затылке, у самой шеи. Синие джин-

* Нолан, Сидни (род. 1917) — австралийский художник.

** Келли, Нед (1855—1880) — австралийский разбойник, смелость которого вошла в поговорку.

*** Хэриурд (Гервард) — полупоупендарный предводитель сопротивления англосаксов Вильгельму Завоевателю.

сы туго обтягивали сильные бедра, а поверх джинсов она надела рубашку в синюю и зеленую клетку, с открытым воротом. Дэлглиш рассудил, что ей лет на десять меньше, чем брату. Когда она заговорила, голос у нее оказался удивительно низким для женщины, даже чуть грубоватым.

— Садитесь. — Она неопределенно махнула правой рукой в сторону одного из хромированных, с кожаными сиденьями кресел. — Вы не станете возражать, если я буду работать?

— Нисколько, если вы не против того, чтобы с вами разговаривали во время работы. И если вас не смущает, что я сижу, а вы стоите.

Он подтянул кресло поближе к мольберту, так, чтобы видеть и ее лицо, и ее работу, и уселся поудобнее. Кресло оказалось замечательно комфортным. Дэлглиш почувствовал, что она уже жалеет о том, что была недостаточно любезна. Во всяком противостоянии психологическое преимущество оказывается на стороне того, кто стоит, но не тогда, когда оппонент сидит весьма удобно и именно в том месте, которое сам для себя выбрал. Мэссингем с чуть ли не демонстративной осторожностью поднял другое кресло и бесшумно поставил его у стены, слева от двери. Она, без сомнения, чувствовала его присутствие у себя за спиной, но не подала и виду. Возражать против создавшейся по собственной оплошности ситуации она вряд ли могла, но, как бы почувствовав, что беседа началась не очень-то благоприятно, пояснила:

— Мне очень жаль, что я могу показаться вам одержимой работой, но я должна успеть к сроку. Мой брат, должно быть, сказал вам, что я иллюстрирую новый сборник стихов Крабба для издательства «Парадайн Пресс». Этот рисунок — к «Промедлению»: Дайна посреди своих редкостных вещичек.

Дэлглиш понимал, что она, должно быть, вполне компетентный художник, раз получила такой заказ. И все же он был поражен выразительностью уверенных линий карандашного рисунка, представшего его глазам. Рисунок изобиловал деталями и все же не был перегружен: в нем совершенно

отсутствовала суетливость. Он был прекрасно скомпонован и поразительно декоративен, изящная девичья фигурка на нем гармонично вплеталась в тщательно описанные Краббом вождеденные предметы. Здесь были все они, так же тщательно вырисованные: и фигурные обои, и розовый ковер, и рогатая голова оленя на стене, и усыпанные драгоценными камнями, инкрустированные эмалью часы. Несомненно, это была очень английская иллюстрация к творению самого английского из поэтов, решил Дэлглиш. Художница не пожалела сил на изучение предметов того времени. На правой стене висел пробковый щит с приколотыми к нему рисунками, явно предварительными этюдами: дерево, незаконченные интерьеры, предметы обстановки, беглые наброски пейзажей.

— Хорошо, что нет необходимости любить произведения поэта, чтобы достаточно компетентно его иллюстрировать, — сказала она. — Кто это сказал, что Крабб — Александр Поуп* в шерстяных носках? После первых двадцати строк мой мозг начинает вибрировать в ритме рифмованных двустиший. Но может быть, вы — приверженец неоклассицизма? Вы ведь пишете стихи?

Она произнесла это так, будто он в качестве хобби занимался коллекционированием сигаретных оберток.

Дэлглиш ответил:

— Я с уважением отношусь к Краббу с тех самых пор, как еще мальчишкой прочел, как Джейн Остен** говорила, что могла бы захотеть стать миссис Крабб. Когда он в первый раз отправился в Лондон, он был так беден, что ему пришлось заложить все свое платье. А на полученные деньги он купил томик стихов Драйдена***.

* Поуп, Александр (1688—1744) — английский поэт, представитель просветительского классицизма.

** Остен, Джейн (1775—1817) — английская писательница эпохи Просвещения.

*** Драйден, Джон (1631—1700) — английский поэт, драматург и критик.

— Вы это одобряете?

— Меня это трогает. — И он процитировал:

В несчастьях мир погряз, и в горестях и боли.
Но милый дом ее не знал такой недоли;
О слезах матерей и вдов ей горько знать,
И все ж она могла, прочтя молитву, спать:
Ведь счастлива она, а сердце — велико,
И радость, и печаль оно вместит легко.

Она быстро и коротко глянула на него, полоснув синими глазами:

— В данном случае, к счастью, не осталось ни матери, ни вдовы, проливающих слезы. И я перестала читать молитвы, когда мне исполнилось девять лет. Или вы просто хотели доказать, что можете цитировать Крабба?

— Да, конечно, — ответил Дэлглиш. — На самом деле я приехал, чтобы потолковать с вами вот об этом. — Он достал из кармана плаща пачку писем. Раскрыв одно из них, он протянул ей листок и спросил: — Это почерк Лорримера?

Она нехотя взглянула на листок:

— Разумеется. Жаль, что он так и не отослал их. Я прочла бы их с удовольствием, но, по всей вероятности, не сейчас.

— Не думаю, что они так уж отличаются от тех, которые он отослал.

На миг ему показалось — она собирается отрицать, что получала письма. Потом он подумал — она вспомнила, что мы легко можем проверить у почтальона. Отметил, каким настроенным стал ее взгляд.

— Вот так и кончается любовь, — сказала она. — Не громовыми раскатами — жалобным писком.

— Не столько писком, сколько криком боли.

Она уже не работала. Стояла неподвижно, пристально разглядывая рисунок.

— Просто невероятно, как непривлекательно страдание. Он мог бы добиться большего, если бы просто честно сказал: «Для меня это значит так много. Для тебя — почти ничего.

Так будь великодушна, что тебе стоит? Уделяй мне полчаса-ка время от времени». Я бы его больше уважала.

— Но он ведь не о коммерческой сделке просил! — сказал Дэлглиш. — Он просил о любви.

— Как раз этого-то я и не могла ему дать, и он не имел права ожидать этого от меня.

Никто из нас не имеет права ожидать этого, подумал Дэлглиш, но мы все равно ожидаем. Непонятно, почему вдруг ему вспомнилась сентенция Плутарха: «Мальчишки швыряют камнями в лягушек ради игры. Но лягушки гибнут не ради игры, они умирают по-настоящему».

— Когда вы порвали с ним? — спросил он.

Какое-то мгновение она удивленно молчала.

— Я хотела спросить вас, откуда вы узнали, что это я порвала с ним. Но ведь вы, разумеется, прочли письма. Я думаю, они — сплошное нытье. Я сказала ему, что не хочу больше его видеть, месяца два назад. С тех пор я не сказала с ним ни слова.

— Вы объяснили ему причину?

— Нет. Я вовсе не уверена, что была какая-то причина. Разве нужна причина? Если вы предполагаете, что появился другой мужчина, то нет, не появился. Какой у вас, должно быть, замечательно простой взгляд на жизнь. Я полагаю, работа в полиции порождает особый вид ментальности — картотечный. «Жертва — Эдвин Лорример. Преступление — убийство. Обвиняемая — Доменика Шофилд. Мотив — секс. Вердикт — виновна». Как жаль, что теперь нельзя завершить все это аккуратненьким «Приговор — смертная казнь». Ну, скажем, он мне просто надоел.

— Когда вы исчерпали его сексуальные и эмоциональные возможности?

— Скорее, скажем, интеллектуальные, если вы простите мне некоторое высокомерие. Я считаю, что физические возможности человека исчерпываются довольно скоро, а вы? Но если человек умен, остроумен, если он с энтузиазмом относится к чему-то, свойственному ему одному, тогда от-

ношения имеют какой-то смысл, не правда ли? Я когда-то дружила с человеком, который был знатоком церковной архитектуры семнадцатого века. Мы проезжали бесчисленные километры, осматривая церкви. Это было так увлекательно, пока не кончилось, и теперь я очень много знаю об архитектуре конца семнадцатого века. Хоть что-то положительное да осталось.

— А у Лорримера интеллектуальные увлечения сводились всего лишь к популярной философии и судебной медицине.

— Судебной биологии. Он странным образом не желал о ней говорить. Я бы сказала, что «Акт о сохранении служебной тайны» был крупными буквами выгравирован на том месте, которое он назвал бы своей душой. Кроме того, он был невероятно скучен, даже когда говорил о своей работе. Ученые, как правило, скучны, я знаю это по опыту. Мой брат — единственный ученый из всех, кого я знаю, кто не наскучивает мне после первых же десяти минут общения.

— И где же вы занимались любовью?

— Вопрос бестактный и грубый. Разве это имеет отношение к делу?

— Может иметь. Для тех, кто знал, что вы любовники.

— Никто не знал. Я не испытываю удовольствия, когда мои личные дела обсуждают, хихикая, в дамской уборной у Хоггата.

— Значит, никто не знал, кроме вас и вашего брата?

Брат и сестра, должно быть, заранее договорились: не имеет смысла отрицать, что Хоуарт знал. Она ответила:

— Надеюсь, вы не собираетесь спрашивать, одобрял ли он это?

— Нет. Я счел само собой разумеющимся, что не одобрял.

— Какого черта? С чего это вы так решили?

Она хотела, чтобы это прозвучало легко, даже шутливо, но Дэлглиш расслышал в ее тоне острые нотки настороженности и гнева. Он ответил мягко:

— Просто я попытался поставить себя на его место. Если бы я только что приступил к новой для меня работе, и рабо-

те довольно трудной, а моя сестра завела интрижку с моим сотрудником, да еще с тем, кто, по всей вероятности, полагает, что его обошли из-за меня, я счел бы, что без этого осложнения я вполне мог бы обойтись.

— Вероятно, вам недостает уверенности моего брата. Ему вовсе не нужна была поддержка Эдвина Лорримера, чтобы успешно руководить Лабораторией.

— Вы приезжали с ним сюда?

— Соблазнять сотрудника моего брата здесь, в его собственном доме? Если бы я недолюбливала брата, это могло бы придать роману некоторую дополнительную пикантность. На заключительном этапе, признаюсь, это даже могло бы помочь. Но поскольку я своего брата люблю, это было бы просто проявлением дурного вкуса. У нас обоих — машины, а его — особенно просторна.

— Я полагал, что такова практика сексуально озабоченных подростков. В машине должно быть весьма неудобно и холодно.

— Очень холодно. Что явилось еще одной причиной разрыва.

Она вдруг повернулась к нему и сказала с неожиданной страстностью:

— Послушайте, я вовсе не пытаюсь вас шокировать, я просто стараюсь говорить правду. Я ненавижу смерть, и утраты, и насилие. Да кто же их любит? Но я не горюю о нем, так что не нужно выражать мне соболезнование. Есть только один человек, смерть которого принесла мне много горя, и человек этот не Эдвин Лорример. И я не чувствую себя виноватой. Зачем? Я не виновата. Даже если бы он убил себя, я не чувствовала бы за собой вины. А так, как есть, я не думаю, что его смерть имеет ко мне хоть какое-то отношение. Думаю, он как раз мог бы хотеть убить меня. У меня же не было ни малейшего повода для этого.

— А вы не представляете, кто мог бы это сделать?

— Кто-то чужой скорее всего. Кто-нибудь, кто пробрался в Лабораторию, чтобы подложить или уничтожить какое-

то вещественное доказательство. Может быть, пьяный водитель хотел завладеть образцами своей крови. Эдвин застал его, и взломщик его убил.

— Анализы на содержание алкоголя в крови не делаются в Отделе биологических исследований.

— Тогда это мог быть какой-нибудь враг. Кто-то, затаивший на него зло. Против кого он когда-то давал показания. В конце концов, он должен быть хорошо известен своими выступлениями в суде. Это смерть эксперта-свидетеля.

— Тут есть одна трудность, — сказал Дэлглиш. — Как убийца смог пробраться внутрь и выбраться из Лаборатории?

— Он мог войти в течение дня и прятаться, пока не закрыли Лабораторию на ночь. А это уж ваше дело — выяснить, как он оттуда выбрался. Возможно, выскользнул незамеченным благодаря всей этой невероятной шумихе, возникшей, когда эта девочка — Бренда Придмор, кажется? — обнаружила труп. Не думаю, что хоть кто-нибудь следил тогда за входной дверью.

— А ложный звонок по телефону к миссис Бидуэлл?

— Ну, я бы сочла, что он вряд ли связан с этим. Просто кто-то попытался подшутить над нами. А теперь звонившая слишком напугана, чтобы признаться. На вашем месте я опросила бы лабораторных сотрудниц, тех, что помоложе. Такие шутки могут прийтись по вкусу не очень умным девицам.

Дэлглиш расспросил ее о том, где она была и что делала накануне вечером. Она сказала, что не пошла вместе с братом на деревенский концерт, так как не любит сельских увеселений и не имела никакого желания слушать Моцарта в посредственном исполнении; кроме того, ей нужно было закончить пару рисунков. Они рано поужинали, примерно в шесть сорок пять, а в семь двадцать Хоуарт выехал из дома. Она продолжала работать. Ее никто не прерывал, ни звонки по телефону, ни посетители, до тех пор пока вскоре после десяти не вернулся ее брат. Тогда они выпили по бокалу подогретого виски на ночь, и брат рассказал ей, как провел вечер. Затем оба довольно рано отправились спать.

Она сама, не ожидая, когда ее спросят, отметила, что брат, вернувшись, выглядел вполне нормально, хотя они оба сильно устали. Накануне ночью он выезжал на место убийства и очень мало спал. Она действительно время от времени пользовалась услугами миссис Бидуэлл, например, до и после званаго обеда, который она и Хоуарт устроили вскоре после приезда, но она никогда не обратилась бы к миссис Бидуэлл за помощью в такой день, когда та занята в Лаборатории.

— Ваш брат говорил вам, что после перерыва уходил из зала на некоторое время? — спросил Дэлглиш.

— Он сказал мне, что с полчаса просидел на могильном камне, размышляя о том, что все мы смертны. Могу себе представить, что на той стадии концерта ему вполне могло показаться, что мертвые способны более успешно вызвать у человека интерес, чем живые.

Дэлглиш поднял глаза к высокому изогнутому потолку и спросил:

— Обогреть этот дом зимой, вероятно, требует огромных затрат. Как он отапливается?

И снова последовал быстрый и короткий взгляд — синий сполох.

— У нас центральное отопление. Газ. Открытого огня в доме нет. Камин, пожалуй, единственное, чего нам здесь недостает. Так что мы не могли бы сжечь у себя в доме белый халат Мэссингема. Впрочем, надо быть идиотами, чтобы пытаться это сделать. Самым разумным было бы набить карманы камнями и зашвырнуть его в шлюз в Лимингсе. В конце концов вы бы его оттуда выгребли, но я не вижу, как вы могли бы выяснить, кто его туда забросил. Я бы сделала именно так.

— Нет, вы бы так не сделали, — мягко сказал Дэлглиш. — Там не было карманов.

Она не предложила проводить их, но Хоуарт ждал их внизу, у лестницы.

— Вы не говорили мне, что ваша сестра была любовницей Лорримера, — сказал Дэлглиш. — Неужели вам и

вправду удалось убедить себя, что это не имеет отношения к делу?

— К его смерти? Какое это может иметь к ней отношение? Это могло иметь отношение к его жизни. Сомневаюсь, что это имело отношение к жизни моей сестры. И разве я сторож сестре моей?* Она вполне способна сама отвечать за себя, как вы, вероятно, заметили.

Он проводил их до машины, как церемонный хозяин, любезно выпроваживающий незваных гостей. Открывая дверцу машины, Дэлглиш спросил:

— Цифры восемнадцать и сорок о чем-нибудь вам говорят?

— В каком контексте?

— В каком угодно.

— В 1840-м Уэвелл опубликовал «Философию индуктивных наук»; родился Чайковский; Берлиоз написал «Symphonic Funèbre et Triomphale»**. По-моему, это все, что мне известно об этом ничем не примечательном годе. Или, если вы предпочитаете иной контекст, восемнадцать к сорока — отношение массы протона к массе электрона.

Мэссингем с другой стороны «ровера» откликнулся:

— А я полагал, это восемнадцать к тридцати шести, если только кто не любит округлять цифры. Спокойной ночи, сэр.

Когда они сворачивали с въездной аллеи на дорогу, Дэлглиш поинтересовался:

— Как это вы помните такие совершенно нам с вами не нужные сведения?

— Со школы еще помню. У нас там не очень-то хорошо было с социальным составом, зато преподавали прекрасно. А это число из тех, что застревают в памяти.

— Только не в моей. Как вам показалась миссис Шофилд?

* Перефразировка ответа Каина Богу: «Разве я сторож брату моему?»

** «Symphonic Funèbre et Triomphale» — «Траурно-триумфальная симфония» (фр.).

— Не ожидал, что она такая.

— Такая привлекательная, такая талантливая или — такая высокомерная?

— И то, и другое, и третье. А лицом она кого-то напоминает. Актрису. Французскую, по-моему.

— Симону Синьоре в молодости. Удивительно: разве вы были уже в таком возрасте, что можете ее помнить?

— В прошлом году смотрел повтор «Casque d'Or»*.

— Она произнесла по меньшей мере одну довольно мелкую ложь.

Если не считать крупной лжи, подумал Мэссингем, которую она, может быть, произнесла, а может, и нет. Он имел уже достаточный опыт, чтобы знать, что самое трудное в расследовании — это распознать главную ложь: объявление себя невиновным; мелкие же, спонтанные измышления, часто вовсе ненужные, в конце концов заставляют путаться и выдают лгуна.

— Да, сэр?

— О том, где они с Лорримером занимались любовью. На заднем сиденье машины. Не могу в это поверить. А вы?

Дэлглиш очень редко обращался с вопросом к подчиненному так прямо. Обескураженный Мэссингем почувствовал себя как на экзамене. Прежде чем заговорить, он тщательно взвесил ответ.

— Психологически это может быть и неверно. Она — женщина утонченная, любящая комфорт и весьма высокого мнения о собственном достоинстве. И ведь она, должно быть, видела, как извлекали из разбитой машины тело ее мужа, после той катастрофы, что случилась, когда она сама была за рулем. Как-то мне не кажется, что ей могли быть по душе занятия сексом на заднем сиденье машины. Если только она таким образом не пыталась изгнать самую память о катастрофе. Такое могло быть.

Дэлглиш улыбнулся:

* «Casque d'Or» (*фр.*) — «Золотая каска» (1952) — фильм французского режиссера Жака Беккера с Симоной Синьоре в главной роли.

— Ну, я-то объяснял это себе не в таких эзотерических терминах. Красный «ягуар», да еще самой последней модели, вряд ли такое уж незаметное транспортное средство, чтобы разъезжать по окрестностям с любовником. К тому же мистер Лорример-старший говорил, что его сын редко выезжал из дома по вечерам, тем более по ночам. А если выезжал, то только на место убийства. Эти вещи непредсказуемы. С другой стороны, он часто задерживался в Лаборатории. Не всякая задержка могла объясняться работой. Мне думается, его randevu с миссис Шофилд происходили где-то совсем неподалеку от Лаборатории.

— Вам это представляется важным, сэр?

— Достаточно важным, чтобы заставить ее солгать. Какая ей разница, узнаем мы, где они забавлялись друг с другом, или нет? Я мог бы понять, если бы она ответила, что это не наше дело. Но зачем ей было лгать? И еще был один момент, когда она на миг утратила самообладание. Это случилось, когда она говорила о церковной архитектуре семнадцатого века. У меня создалось впечатление, что она вдруг, почти неуловимо и буквально на один миг, смутилась, когда поняла, что почти проговорила, или, во всяком случае, сказала что-то, о чем лучше было бы промолчать. Когда завтра мы разделаемся с опросами, давайте-ка заглянем в часовню Хоггата.

— Но ведь сержант Рейнольдс уже заглядывал туда, сэр, после того как осмотрел территорию вокруг дома. Это всего лишь запертая, пустая часовня. Он ничего там не обнаружил.

— Может быть, там и нечего обнаруживать. Просто интуиция работает. Ну, теперь давайте-ка отправимся назад, в Гайз-Марш, там ведь пресс-конференция назначена, а потом мне надо будет поговорить с главным констеблем, если он успел вернуться. После этого я бы хотел снова повидать Бренду Придмор, а попозже заехать в Старый пасторский дом — потолковать с доктором Керрисоном. Но только после того, как мы выясним, что там миссис Готобед может предложить нам на обед в этом своем «Простофиле».

ГЛАВА 6

Минут двадцать спустя в кухне своего дома, являвшей глазам невероятный компромисс между научной лабораторией и сельской домашностью, Хоуарт готовил *sauce vinaigrette**. Густой, резкий запах оливкового масла, льющегося тонкой золотистой струей из бутылки, снова, как это всегда бывало, вызвал воспоминания об Италии и об отце. Этот дилетант, собиратель пусячков, бóльшую часть года всегда проводил в Тоскане или Венеции и вел одинокую жизнь ипохондрика, которая закончилась, как он, по-видимому, и хотел, поскольку утверждал, что испытывает ужас перед старостью, как раз в день его пятидесятилетия. Детям своим — а они оба выросли без матери — он казался не столько незнакомым, сколько загадочным. Он редко показывался им на глаза собственной персоной, зато постоянно таинственным образом предстал пред их мысленным взором.

Память Максима послушно воспроизвела фигуру отца в бежевом с золотыми узорами халате так, как он стоял у изножья детской кровати в ту необычайную ночь, полную приглушенных голосов, звука торопливых шагов, мгновений необъяснимой тишины, — ночь, когда умерла его мачеха. Восьмилетний мальчишка, он приехал из приготовительной школы домой на каникулы и, перепуганный и одинокий, был совершенно забыт в тревогах и суете, вызванных ее болезнью. Он ясно помнил голос отца, высокий и очень усталый, уже обретающий томно-горестные тона: «Максим, твоя мачеха скончалась десять минут назад. Очевидно, судьбою мне не предназначено быть мужем. Я не рискну еще раз пережить такое горе. А тебе, мой мальчик, придется позаботиться о сестре — ведь она тебе сестра по крови. Я на тебя полагаюсь».

* *Sauce vinaigrette* (фр.) — острый соус из уксуса, масла и соли.

Прохладная ладонь на мгновение легла на его плечо, как бы перекладывая ношу. И он принял эту ношу — в свои восемь лет, — принял в полном смысле слова и никогда с тех пор так и не снимал ее со своих плеч. Поначалу неизмеримость отцовского доверия ужаснула его. Он вспомнил, как лежал в кровати, объятый ужасом, уставившись во тьму. Позаботиться о сестре. Доменике — три месяца от роду. Как он может позаботиться о ней? Чем надо ее кормить? Как одевать? Что будет с приготовительной школой? Ему же не разрешат остаться дома, чтобы заботиться о сестре. С грустной усмешкой он вспомнил, какое почувствовал облегчение, когда выяснил, что ее няня все-таки остается в доме. Вспомнил свои первые попытки взять ответственность на себя, решительно схватившись за ручки детской коляски и изо всех сил толкая ее вверх по Брод-Уоку* или пробуя поднять Доменику, чтобы усадить ее в высокий стульчик.

«Пустите, пустите же, мастер Максим. Вы не помогаете мне, а только путаетесь под ногами».

Но через некоторое время няня убедилась, что он все больше помогает ей, а не просто путается под ногами, что ребенка можно спокойно оставить с ним, пока няня и еще одна служанка — других слуг в доме не было — занимаются своими, никому не поднадзорными делами. Почти все свои школьные каникулы он проводил, помогая присматривать за Доменикой. Из Рима, Вероны, Флоренции или Венеций отец слал указания о деньгах на расходы и о том, в каких школах должны учиться дети. Но именно Максим помогал выбирать для сестры одежду, это он отвозил ее в школу, утешал, давал советы. Он делал все возможное, чтобы помочь ей пережить трудный период от одиннадцати до шестнадцати, умерить ее горести и сомнения, не успев еще толком выбраться из своих собственных. В ее противостоянии миру он был ее защитой и опорой. Он улыбнулся, припом-

* Брод-Уок — улица в одном из наиболее богатых и фешенебельных районов в северной части Лондона.

нив, как она позвонила ему в Кембридж из школы-пансиона, попросив его заехать за ней сегодня же вечером и подождать ее «у крытой хоккейной площадки — отвратительной камеры пыток — ровно в полночь. Я спущусь по пожарной лестнице. Обещай мне!» И потом — их тайный девиз противостояния и преданности: «*Contra mundum!*»*

— *Contra mundum!* — ответил он.

И вот — приезд из Италии отца, очень мало обеспокоенного настоятельным вызовом почтенной матери-настоятельницы, так что было вполне очевидно — он и сам собирался приехать.

— Отъезд твоей сестры был сверх необходимости эксцентричным, в этом сомневаться не приходится. Полуночное свидание. Пол-Англии понадобилось проехать в машине — драматично! Мать-настоятельница особенно огорчена, что Доменика оставила в школе свой чемодан, хотя я вполне могу представить, что он сильно мешал бы ей на пожарной лестнице. Да и ты, по-видимому, всю ночь должен был провести вне стен колледжа. Твоему руководителю это могло не понравиться.

— Но я уже окончил колледж, папа, и теперь — в аспирантуре. Я получил диплом полтора года назад.

— Ах да. Время в мои годы летит так быстро. Ведь ты физик, не правда ли? Какой странный выбор. Разве ты не мог заехать за ней обычным образом, после уроков?

— Нам нужно было уехать как можно дальше, прежде чем заметят ее исчезновение и начнут искать.

— Вполне разумная тактика, если все проходит удачно.

— Видишь ли, папа, Дом терпеть не может школу. Там она чувствует себя совершенно несчастной.

— Ну и я в школе чувствовал себя точно так же, только мне и в голову не приходило ожидать чего-то другого. Мать-настоятельница — милейшая женщина. Правда, когда нервничает, у нее попахивает изо рта, но я не думаю, что это

* *Contra mundum!* — Против всего мира! (лат.).

могло беспокоить твою сестру. Вряд ли им приходилось так уж близко контактировать. Между прочим, она вовсе не выразила желания принять Доменику обратно.

— Да надо ли Доменике опять уезжать куда-то? Ей почти пятнадцать. В школе учиться уже не обязательно. К тому же она хочет стать художницей.

— Я думаю, она может пожить дома, пока ей исполнится сколько там надо, чтобы поступить в художественное училище, если ты так советуешь поступить. Но вряд ли имеет смысл открывать наш лондонский дом для нее одной. Я возвращаюсь в Венецию на следующей неделе. Я приехал только для того, чтобы проконсультироваться у доктора Мэйверс-Брауна.

— Может быть, ей поехать с тобой в Италию, хотя бы на месяц? Ей так хочется увидеть Академию*. И хорошо бы ей побывать во Флоренции.

— Нет, нет, мой мальчик. Не думаю, что из этого что-нибудь выйдет. Это совершенно исключается. Пусть лучше снимет комнату в Кембридже, будет постоянно у тебя на глазах. А в Музее Фицуильяма** есть несколько вполне сносных картин. Ах, Боже мой, какая огромная ответственность — дети! Это совершенно ни на что не похоже: при моем состоянии здоровья меня нельзя так беспокоить! Мэйверс-Браун настоятельно советовал мне избегать волнений.

А теперь он лежит в гробу, в абсолютной и необратимой самодостаточности, на красивейшем в мире кладбище — Британском кладбище Рима. Ему бы понравилось там, подумал Максим, если бы мысль о собственной смерти не была для него столь непереносима. Непереносимыми для него были и сверхагрессивные римские шоферы, чье скопление на перекрестке Виа Витториа и Корсо и неумение правильно оценить обстановку так неожиданно отправили его туда.

* Академия — имеется в виду Национальная академия деи Линчеи в Италии.

** Музей Фицуильяма — в Кембридже музей изящных искусств с библиотекой.

Хоуарт услышал, что по лестнице спускается сестра.

— Итак, они отбыли.

— Двадцать минут назад. После некоторой прощальной перепалки. Что, Дэлглиш вел себя по отношению к тебе оскорбительно?

— Не более, чем я по отношению к нему. Я бы сказала, он даже проявил некоторое почтение. По-моему, я ему не очень понравилась.

— Ему не очень-то многие нравятся, по-моему. Но его считают человеком весьма интеллектуальным. Ты нашла его привлекательным?

Доменика прямо ответила на незаданный вопрос:

— Все равно что отправиться в постель с палачом. — Она опустила палец в соус: — Слишком много уксуса. А чем ты занимался?

— Помимо готовки? Думал об отце. Знаешь, Дом, к одиннадцати годам я был абсолютно убежден, что отец убил обеих наших матерей сам.

— Обеих? То есть и твою, и мою? Невероятная идея. Как это ему удалось бы? Твоя мама умерла от рака, моя — от воспаления легких. Он же не мог все это сам устроить!

— Я понимаю. Просто роль вдовца была для него так естественна. Я тогда думал, он сделал это, чтобы не дать им больше рожать детей.

— Да, это уж, несомненно, беспроегрышный способ. Ты что, размышлял, не передается ли по наследству тяга к убийству?

— Да нет. Но так много всего передается. Отцовская абсолютная неспособность строить взаимоотношения с людьми, например. Невероятная поглощенность собой. Знаешь, он ведь фактически записал меня в Стоунигерст*. Только потом вспомнил, что это твоя мать была католичкой, а не моя.

* Стоунигерст — мужская привилегированная частная средняя школа для католиков.

— Жаль, что вспомнил. Хотела бы я посмотреть, что из тебя сделали бы иезуиты. Главная беда религиозного воспитания — если речь идет о таком же язычнике, как я, — в том, что у тебя на всю жизнь остается чувство, что ты что-то утратил. Скорее всего так оно и есть. — Она прошла к столу и пальцем поворошила в миске грибы. — А взаимоотношения с людьми я строить умею. Беда в том, что мне очень скоро становится скучно, и эти отношения быстро кончаются. И я знаю только один способ, как проявить свою доброту. Но ведь прекрасно, что мы с тобой не кончаемся, верно? Ты для меня не кончишься до самого дня моей смерти. Мне пойти переодеться к обеду, или ты хочешь, чтобы я позаботилась о вине?

«Ты для меня не кончишься до самого дня моей смерти». *Contra mundum!* Теперь уже поздно обрывать связующую их пуповину, даже если бы он этого хотел. Он вспомнил забинтованную, так похожую на кокон голову Чарлза Шофилда, его глаза в щели между бинтами, умирающие, но все еще полные злобы, едва шевелящиеся распухшие губы:

«Поздравляю, Джованни. Вспоминай меня в своем саду, в Парме»*.

Поразительна была не эта ложь, даже не то, что Шофилд в нее поверил или делал вид, что верит. Поразительнее всего было, что он настолько ненавидел своего шурина, что умер с этим злым упреком на устах. Или он счел само собой разумеющимся, что этот физик, этот жалкий технарь, не знает английских драматургов эпохи Якова I? Даже его собственная жена, столь умудренная и столь неутомимая в вопросах секса, была не настолько глупа.

«Думаю, вы спали бы друг с другом, случись Доменике этого пожелать. Малая толика кровосмешения вряд ли ее

* «Поздравляю, Джованни» — Шофилд имел в виду героя пьесы английского драматурга Джона Форда (1586 — после 1639) «Как жаль ее развратницей назвать» (1633). Полюбив свою сестру Анабеллу плотской любовью, Джованни убивает ее, не желая, чтобы она принадлежала другому.

обеспокоила бы. Но вы в этом не нуждаетесь, не правда ли? Вам вовсе не нужна сексуальная близость, чтобы значить друг для друга еще больше. Ни ей, ни тебе больше никто не нужен. Вот почему я от тебя ухожу. Выбираюсь отсюда, пока во мне еще осталось хоть что-то от меня самой, пока есть чему отсюда выбираться».

— Макс, что с тобой?

Голос Доменики, резкий от волнения, вернул его в настоящее. Мысли его повернули назад, сквозь калейдоскоп вихрем летящих лет, сквозь смерч навсегда запечатлевшихся образов детства и юности, к последнему незабываемому образу, все еще четко сфокусированному, навеки запечатленному в его памяти: безжизненные, впившиеся в пол лаборатории пальцы Лорримера, помутневший полуоткрытый глаз Лорримера, кровь Лорримера.

— Иди переодевайся. Я позабочусь о вине, — сказал он.

ГЛАВА 7

— Что люди скажут?

— Ты всегда только об этом и думаешь, мам, что люди скажут! Какая разница, что они скажут? Я не сделала ничего такого, чего надо было бы стыдиться.

— Еще бы ты сделала! Если кто такое скажет, твой отец им мозги-то сразу вправит. Но ты же знаешь нашу деревню, а на чужой роток не накинешь платок. Тыща фунтов! Я своим ушам поверить не могла, когда этот поверенный позвонил. Очень даже подходящая сумма. А к тому времени, как Лилли Пирс доберется до «Звезд и плуга», чтоб там эту новость сообщить, эта сумма до десяти тысяч успеет вырасти, можешь мне поверить.

— Кому какое дело до Лилли Пирс? Она просто глупая старая королева!

— Бренда! Не смей такие слова говорить! Кроме того, нам в этой деревне жить приходится!

— Ну, вам, может, и приходится, а мне вовсе не обязательно. И если тут у них мозги так настроены, то чем скорее я отсюда уеду, тем лучше. Ох, мам, да не смотри ты на меня так! Он просто хотел мне помочь, хотел доброе дело сделать. А может быть, это у него просто порыв был такой и он подумать не успел.

— Знаешь, не очень-то чутко с его стороны. Мог бы сначала обговорить это дело с твоим отцом или со мной.

— Но он же не знал, что скоро умрет!

Бренда и ее мать сейчас были в доме одни: Артур Придмор отправился на заседание приходского церковного совета. Посуда была вымыта, кухня прибрана, им предстоял долгий свободный вечер. Слишком обеспокоенные, чтобы усесться перед телевизором, и слишком занятые необычными событиями дня, чтобы взяться за книгу, они устроились у камина, встревоженные, радостно возбужденные и в то же время испуганные. Им сейчас так не доставало крупной и уверенной фигуры Артура Придмора на его всегдашнем месте — в кресле с высокой спинкой. Наконец, миссис Придмор, встряхнувшись, пришла в себя и взяла корзинку с рукодельем.

— Ну, что ж. По крайней мере это поможет свадьбу как следует справить. Если тебе придется взять эти деньги, лучше всего положить их на сберегательный счет на почте. Ты возьмешь их оттуда, когда они тебе нужны будут, да еще проценты получишь.

— Они нужны мне сейчас. Купить книги и микроскоп, как доктор Лорример хотел. Он мне их для этого оставил, и я так и собираюсь с ними поступить. И кроме того, если кто-то оставляет деньги специально для какой-то цели, их нельзя тратить ни на что другое. Да я и не хочу. Попрошу папу сделать в моей комнате полку и рабочий стол. Сразу же и начну готовиться к экзамену на аттестат повышенного уровня по естественным наукам.

— Он не о тебе должен был думать. А как же Анджела Фоули? У нее, бедняжки, такая тяжелая жизнь была. Ни пенни по завещанию своей бабки не получила, а теперь еще и это!

— Это нас совсем не касается, мам. Это его дело. Может, он ей и оставил бы эти деньги, если б они не поскандалили.

— Как это — поскандалили? Когда?

— Как-то на прошлой неделе. Кажется, во вторник. Как раз перед тем, как я домой пошла, и почти все сотрудники уже из Лаборатории ушли. Инспектор Блейклок послал меня наверх, в Биологический, с запросом по одному из заключений для суда. Они были вдвоем в кабинете доктора Лорримера, и я слышала, как они ссорились. Она у него денег просила, а он сказал, что не даст, а потом еще сказал что-то про то, что изменит завещание.

— Ты что же, хочешь мне сказать, что стояла там и слушала?

— А что же мне было делать? Они так громко разговаривали! Он ужасные вещи говорил про Стеллу Моусон, ты знаешь, это писательница, с которой Анджела Фоули вместе живет. Я же не подслушивала нарочно! Я и не хотела ничего слышать!

— Ты могла уйти.

— И опять наверх подниматься от самого вестибюля, да? Я же должна была спросить у него про заключение по делу Маннингса. Я не могла пойти обратно и сказать инспектору Блейклоку, что не получила ответа, потому что доктор Лорример ругается со своей кузиной! А потом, мы в школе всегда чужие секреты слушали.

— Ты уже не в школе. И правда, Бренда, ты иногда так меня беспокоишь! То ты ведешь себя как разумный взрослый человек, а то можно подумать, что ты — девчонка-четвероклассница! Тебе ведь восемнадцать, ты уже взрослая. При чем тут твоя школа?

— Не знаю, чего ты так кипятышься? Я же никому ничего не сказала.

— Ну, тебе придется все рассказать этому детективу из Скотленд-Ярда.

— Мам, что ты! Я не могу! Это не имеет никакого отношения к убийству!

— Кто может сказать? Считается, что полицейским надо говорить все, что имеет хоть какое-то значение. Разве он тебе этого не сказал?

Именно это он ей и сказал. Бренда помнила, как он посмотрел на нее и как виновато она покраснела. Он понял, что она что-то утаила. Упрямо отстаивая свое, она сказала:

— Но я же не могу обвинить Анджелу Фоули в убийстве! Или почти что обвинить! Кроме того, — заявила она торжественно, вспомнив кое-что из того, что говорил ей инспектор Блейклок, — это будет показание с чужих слов, а не настоящее свидетельство. Он на это и внимания не обратил бы. И, мам, вот еще что. Может, она вовсе и не ожидала, что он завещание так быстро изменит? Этот поверенный тебе сказал, что он завещание изменил в прошлую пятницу, правда? Может быть, это потому, что ему надо было утром в пятницу присутствовать на месте преступления в Или. Вызов из полиции поступил только в десять часов. Он, видно, тогда и заехал к ним в контору.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего. Только, если кто думает, что у меня был мотив убийства, так и у нее был.

— Вот еще! Никакого мотива у тебя не было и не могло быть! Это просто смеху подобно! Это жестоко! Ох, Бренда, ну почему ты не пошла на концерт вместе со мной и папой!

— Нет уж, спасибо большое! Мисс Спенсер со своим романсом «Бледные пальцы, что я так любил!» и мальчишки из воскресной школы, исполняющие этот занудный танец «моррис», который у майского шеста плясать надо! Да еще дамы из Женского института с колокольчиками в руках, и мистер Мэттьюс с акустическими ложками. Видела все это сто раз.

— Но тогда у тебя было бы алиби!

— Так оно у меня все равно было бы, если бы вы с папой остались дома, со мной.

— Было бы вовсе не важно, где ты была, если бы не эта тыща фунтов. Ну, будем надеяться, Джералд Боулем все правильно поймет.

— А не поймет, пусть поступает как знает! Не вижу, какое это отношение имеет к Джералду. Я ему пока еще не жена. И между прочим, мы еще даже не помолвлены. И пусть лучше не вмешивается.

Она взглянула на мать и вдруг страшно испугалась: только раз в жизни она видела, чтобы мать выглядела так, как сейчас, — в ту ночь, когда у нее был второй выкидыш и старый доктор Грин сказал ей, что она не сможет больше иметь детей. Бренде тогда было всего двенадцать. Но ей вдруг вспомнилось лицо матери в тот миг, и выглядело оно точно так же, как сейчас: будто кто-то провел по нему все разрушающей рукой, стерев живость, смазав контуры щек и лба, замутив взгляд, превратив это лицо в аморфную маску отчаяния.

И Бренда вспомнила и осознала теперь то, что до сих пор лишь ощущала, не понимая: гнев и возмущение, что ее мама, такая несокрушимая и надежная, точно высокая скала посреди безрадостной равнины, сама подвержена страданиям и боли. Она же должна была умерять горести Бренды, а не страдать сама! Утешать, а не искать утешения! Но сейчас Бренда стала взрослее и сумела понять. Сейчас она смотрела на мать новыми глазами, как бы со стороны, увидела ее словно впервые. Дешевое платье из кримплена, безусловно чистое, как всегда, к лацкану приколоты брошь, которую Бренда подарила ей недавно, в день рождения. Полные щиколотки над практичными дешевыми туфлями на низком каблуке, пухлые руки в коричневой старческой гречке, золотое обручальное кольцо потускнело и вросло в палец, вьющиеся волосы, когда-то золотисто-рыжие, как у дочери, по-прежнему просто зачесаны набок и схвачены черепаховым обручем, лицо свежее, почти без морщин. Бренда обняла мать за плечи:

— Мам, ну мама же! Не надо так волноваться! Все будет в порядке. Коммандер Дэлглиш узнает, кто это сделал, и тогда все опять войдет в норму. Слушай, давай я сварю какао? Не будем ждать, пока папа вернется с заседания церковного совета. Выпьем по чашке прямо сейчас. Мам, все в порядке. Правда. Все хорошо.

Обе одновременно услышали рокот приближающегося автомобиля. Безмолвно смотрели друг на друга, испытывая чувство вины, словно заговорщицы. Их древний «моррис» звучал совсем не так. Да и не мог это быть их «моррис». Заседания церковного совета никогда не кончались раньше восьми тридцати.

Бренда подошла к окну и вгляделась во тьму. Машина остановилась. Девушка повернула к матери побелевшее лицо:

— Это полиция! Коммандер Дэлглиш!

Ни слова не говоря, миссис Придмор решительно поднялась на ноги. На миг положила руку на плечо дочери, вышла в коридор и отворила дверь прежде, чем Мэссингем успел протянуть руку к дверному молотку. Застывшими губами произнесла:

— Входите, пожалуйста. Я рада, что вы приехали к нам. У Бренды есть что вам рассказать. Мне кажется, вам следует это знать.

ГЛАВА 8

День почти отошел. Расположившись за маленьким столиком у окна своего номера в «Простофиле», Дэлглиш — в халате и домашних туфлях — слушал, как часы на церковной башне бьют половину двенадцатого. Ему нравилась эта комната. Из тех двух, которые смогла предложить им миссис Готобед, эта была побольше. Единственное окно ее выходило на кладбище при церкви, за ним — на деревен-

ский клуб, а чуть дальше виднелись верхний ряд окон и квадратная, сложенная из песчаника башня церкви Святого Николая. В «Простофиле» было всего три комнаты для постояльцев. Самая маленькая и шумная, поскольку помещалась прямо над баром, досталась Мэссингему. Самый лучший из номеров для гостей был уже занят американцами — мужем и женой, путешествующими по Восточной Англии, может быть, в поисках семейных корней. Во время обеда они сидели за столом, счастливо погруженные в карты и путеводители, и если им и сообщили, что их новоприбывшие соседи — полицейские, расследующие убийство, они были слишком хорошо воспитаны, чтобы проявить хоть какой-то интерес. Улыбнувшись и пожелав пришедшим доброго вечера приглушенными голосами с заокеанским акцентом, они снова отдали все свое внимание прекрасно приготовленному миссис Готобед жаркому из зайца, вымоченного в сидре и запеченного в горшочке.

Было очень тихо. Голоса, глухо доносившиеся из бара, давно смолкли. Прошло не меньше часа с тех пор, как под окном раздались последние прощальные возгласы. Он знал, что Мэссингем провел вечер в переполненном баре, рассчитывая, как предположил Дэлглиш, услышать хотя бы обрывки какой-нибудь полезной информации. Дэлглиш же надеялся, что пиво в баре хорошее. Он родился неподалеку от Болот и знал, что если это не так, вечер не мог принести Мэссингему ничего, кроме разочарования.

Он поднялся размять ноги и плечи и с одобрением оглядел комнату. Доски пола — из старого дуба, темные и прочные, словно корабельный тес. В викторианском камине с чугунной решеткой горели поленья и торфяные брикеты, остро пахнущий дымок, почтительно приседая, исчезал под каминным колпаком, украшенным перевитыми лентой колосьями и букетами цветов. Огромная двуспальная кровать с медными спинками была высокой и вычурной, с четырьмя большими шишками по углам, похожими на отполированные пушечные ядра. Миссис Готобед некоторое время назад

аккуратно отвернула вязанное крючком шерстяное одеяло, отчего стала видна перовая перина, взбитая до соблазнительной пышности. В каком-нибудь четырехзвездном отеле ему была бы предоставлена гораздо большая роскошь, но вряд ли больший комфорт.

Он вернулся к работе. День был заполнен до предела, допросы следовали один за другим и сменялись новыми вопросами, нужно было звонить в Лондон, поспешно организованная пресс-конференция прошла неудачно, он дважды консультировался с главным констеблем, собирал разрозненные и нестыкующиеся между собой сведения и соображения, которые в конце концов должны были совпасть, образовав целостную картину. Может, это и тривиальная аналогия — сравнение расследования с составлением головоломной картинки-загадки. Но она представляется замечательно точной, тем более что так часто и мучительно приходится искать недостающий, жизненно важный сегмент — лицо человека, которое одно лишь и может сделать картину полной.

Он перевернул страницу: последняя беседа этого дня с Генри Керрисоном в Старом пасторском доме. Запах этого дома, так о многом напоминающий, все еще щекотал ноздри: застарелый запах еды и мебелиной полировки, вызывающий в памяти его приезды к родителям на каникулы в слишком большие и плохо отапливаемые деревенские пасторские дома. Экономка Керрисона и его дети давно отправились спать, и в доме воцарилась меланхолическая, задумчивая тишина, словно все трагедии, все разочарования бесчисленных поколений его обитателей по-прежнему пропитывали здесь воздух.

Керрисон сам отворил им дверь и провел их с Мэссингемом в свой кабинет, где перед их приходом отбирал цветные слайды повреждений, обнаруженных при посмертном вскрытии, — иллюстрировать лекцию, которую собирался читать на следующей неделе на курсах следователей. На письменном столе — фотография в рамке: Керрисон, со-

всем еще мальчик, с взрослым мужчиной, очевидно, с отцом. Они стоят на уступе скалы, у каждого через плечо — моток альпинистской веревки. Внимание Дэлглиша привлекла не только сама фотография, но и то, что Керрисон не позаботился ее убрать.

Поздний визит полицейских, казалось, не вызвал у хозяйина раздражения. Можно было даже подумать, что он рад их приезду. Он работал при свете настольной лампы, поочередно вставляя слайды в видеоскоп, а затем откладывая каждый в соответствующую стопку, увлеченно, словно школьник, занятый своим хобби. Отвечал он на их вопросы спокойно и точно, но так, будто мысли его были где-то очень далеко. Дэлглиш спросил, рассказала ли ему дочь об инциденте с Лорримером.

— Да, рассказала. Когда я вернулся домой после лекции, я обнаружил, что она плачет у себя в комнате. Мне кажется, Лорример был ненужно резок. А Нелл очень ранима, поэтому не всегда возможно точно узнать, как оно было на самом деле.

— Вы с ним не поговорили по этому поводу?

— Я ни с кем не говорил. Я подумал, может быть, мне следует это сделать, но тогда надо было бы расспрашивать инспектора Блейклока и мисс Придмор, а мне не хотелось вмешивать их в это дело. Им же работать с Лорримером. Впрочем, и мне тоже. Эффективность таких изолированных учреждений, как Лаборатория Хоггата, в значительной степени основывается на добрых отношениях между сотрудниками. Я счел за лучшее оставить все это в покое. Может быть, из благоразумия, а может, из трусости. Не знаю.

Он грустно улыбнулся и добавил:

— Знаю лишь, что это не было мотивом убийства.

Мотив убийства. В этот заполненный до предела, но не очень успешно проведенный день Дэлглиш обнаружил вполне достаточно мотивов. Но мотив далеко не главный фактор в расследовании убийства. Он с радостью обменял бы все психологические тонкости мотива на всего лишь одну,

прочную, неопровержимую физическую улику, связывающую подозреваемого с совершенным преступлением. А таковой покамест не было и в помине. Он все еще не получил заключения из Лаборатории Столпола о молотке и следах рвоты. Загадочная фигура убегающего из Лаборатории человека, замеченная стариком Годдардом, оставалась по-прежнему загадочной: не было обнаружено никого и никто не явился по собственной воле подтвердить, что человек этот не есть всего лишь создание стариковского воображения. Следы шин, к этому времени уже точно идентифицированные по справочнику в Лаборатории, пока еще не были отнесены к определенному автомобилю. Неудивительно и то, что бесследно исчез белый халат Мэссингема, и нельзя было обнаружить, как от него избавились, и избавились ли вообще. Осмотр деревенского клуба и костюмов танцоров и «лошадки» не дал ничего, что могло бы опровергнуть показания Миддлмасса о том, как он провел вечер, и было совершенно ясно, что «лошадка» — тяжеленная штукавина, сооруженная из холста и саржи и закрывающая человека с головы до пят, обеспечивала его неузнаваемость вплоть до — в случае с Миддлмассом — элегантных, шитых на заказ ботинок.

Главные загадки этого дела так и оставались загадками. Кто звонил Лорримеру и передал, что свет отгорел, и назвал цифру 1840? Та же самая женщина, что звонила миссис Бидуэлл? Что было записано на пропавшей странице черновой тетради Лорримера? Что заставило Лорримера написать такое необычайное завещание?

Подняв голову от бумаг, он прислушался. Какой-то шум, чуть различимый, словно шуршат мириады ползущих насекомых. Он помнил этот шум с детских лет, когда ночами лежал без сна в своей комнатке, в Норфолке, в доме отца. Звук этот было невозможно слышать в шуме городов — первый, тихий шорох, нежный шелест ночного дождя. Очень скоро он сменился постукиванием капель в оконное стекло и нарастающими стонами ветра в трубе. Огонь в камине затрещал, рассыпал искры, а затем вдруг вспыхнул ярким пламе-

нем. Дождь заторопился, неистово застучал по стеклу, но вдруг, так же быстро, как и начался, ливень прекратился. Дэлглиш открыл окно, наслаждаясь влажным воздухом ночи, и взгляделся во мглу, туда, где черная почва Болот сливалась с более светлым небом.

Глаза постепенно привыкали к ночной тьме, и он смог различить низкий прямоугольник деревенского клуба, а за ним — массивную средневековую башню храма. Вскоре из-за туч выплыла луна, и стало видно кладбище, его обелиски и надгробные плиты бледно светились, словно излучая свой собственный таинственный свет. Внизу, прямо под окном, чуть поблескивала усыпанная гравием дорожка, по которой прошлой ночью шли в поднимающемся тумане исполнители танца «моррис», позванивая колокольчиками. Пристально вглядываясь в лежащее перед ним кладбище, Дэлглиш представил себе «лошадку» посреди могильных плит: вот она бьет копытом землю в знак приветствия танцорам, вскидывает гротескную голову и хватает воздух огромной пастью. И снова он задумался над тем, кто же был внутри этой лошадиной шкуры?

Дверь под его окном открылась, вышла миссис Готобед и заворковала, подзывая кота:

— Снежок! Снежок! Ах ты мой хороший!

Мелькнуло что-то белое, и дверь закрылась. Дэлглиш затворил окно, опустил задвижку и решил, что и он может закончить свой день.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СМЕРТЬ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ

ГЛАВА 1

Спроггов коттедж — приземистый, с несоизмеримо тяжелой, низко нависшей соломенной крышей, оплетенной проволочной сеткой, чтобы зимой противостоять ураганным ветрам, налетающим с Болот, — с дороги был почти не виден. Он располагался примерно в километре к северо-востоку от деревни, за Спрогговым лужком — треугольной, заросшей травой площадкой, обсаженной ивами. Толкнув плетеную белую калитку, на которой кто-то оптимистично, но безуспешно заменил «Спроггов» на «Лавандовый», Дэлглиш и Мэссингем вошли в садик перед домом, яркий и упорядоченный и абсолютно стандартный, словно палисадник пригородной виллы. Акация посреди зеленого газона блистала осенним багрянцем и золотом, вьющиеся желтые розы, аркой оплетающие вход, все еще сияли свежестью, создавая иллюзию неушедшего лета, а пышная клумба гераней, фуксий и далий, опирающихся на подпорки и тщательно ухоженных, пылала разноцветьем на бронзовом фоне живой изгороди из подстриженного бука. Рядом с дверью висела корзина с розовой геранью, уже пережившей пик своей славы, но все еще яркой, сохранившей несколько растрепанных соцветий. Медный дверной молоток в виде рыбы был начищен до такого блеска, что светилась каждая чешуйка.

Дверь открыла тоненькая, хрупкая женщина, босая, в широкой и длинной блузе из хлопчатой ткани с узором в различных тонах зеленого и коричневого, надетой поверх свободных вельветовых брюк. Ее темные волосы, жесткие и с сильной проседью, были коротко подстрижены и тяжелой челкой падали почти на самые брови. Самой замечательной чертой ее были глаза — огромные, с карими, в зеленых искорках радужками, до прозрачности ясные под высоко изогнутыми бровями. Лицо — бледное, напряженное, с туго натянутой на скулах кожей, с изрезанным глубокими морщинами лбом и двумя резкими линиями, сбегаящими от нервных ноздрей к углам рта. Лицо мученика-мазохиста со средневекового триптиха, подумал Дэлглиш, все мышцы выступают узлами, будто во время пытки. Но никто из встретивших взгляд этих замечательных глаз не мог бы назвать ее лицо некрасивым или ordinарным.

— Мисс Моусон? — произнес Дэлглиш. — Я — Адам Дэлглиш. Со мной инспектор Мэссингем.

Она устремила на него прямой, ничего не выражающий взгляд и сказала без улыбки:

— Проходите прямо в кабинет, пожалуйста. В гостиной мы не растапливаем камина до наступления вечера. Если вам нужно поговорить с Анджелой, ее, к сожалению, нет дома. Она сейчас в Коттедже за мельницей вместе с миссис Суоффилд. Беседует с представителями Службы социального обеспечения. Они пытаются уговорить старика Лорримера переехать в дом для престарелых. А он — совершенно явно — изо всех сил пытается противостоять уговорам этих бюрократов. Пожелаем ему успеха.

Входная дверь открывалась прямо в гостиную, где вдоль низкого потолка шли массивные дубовые балки. Комната поразила Дэлглиша. Входя в нее, вы попадали словно в лавку древностей, владелец которой, однако, расположил свои на удивление разносортные товары так, чтобы создать определенный общий эффект. Полка над камином и каждый его выступ были как-то украшены, в трех настенных шкафчи-

ках размещались разнообразнейшие кружки, чайники, раскрашенные кувшины и стаффордширские статуэтки, а сами стены пестрели гравюрами, старинными географическими картами в рамках под стеклом, небольшими картинами маслом и силуэтами времен королевы Виктории в овальных рамках. Над камином красовался самый выдающийся экспонат — изогнутый меч в изящно выделанных ножнах. Интересно, думал Дэлглиш, о чем свидетельствует эта комната, только ли о неразборчивом приобретательстве, или же все эти тщательно расставленные предметы воспринимаются как утешительные талисманы, оберегающие от неприрученных, враждебных духов Болот? В открытом камине уже были приготовлены поленья, но он не был растоплен. Под окном стоял полированный раскладной столик, накрытый на двоих.

Мисс Моусон провела их через гостиную в свой кабинет. Это была комната в глубине дома, поменьше и не столь загроможденная. Окно в решетчатой раме выходило на мощенную плитами террасу и на зеленую лужайку с солнечными часами посередине, а за нею открывалось просторное поле еще не собранной сахарной свеклы. Дэлглиш с интересом отметил, что мисс Моусон пишет от руки. Пишущая машинка в комнате была, но стояла на отдельном столике, как бы сама по себе. На рабочем столе под окном лежал лишь блокнот нелинованной бумаги, исписанный изящным почерком без наклона, черными чернилами. Строки на листе шли ровно, и даже исправления на полях выстраивались в идеальную шеренгу.

— Простите, если мы помешали вам работать, — сказал Дэлглиш.

— Не помешали. Садитесь, пожалуйста, и вы тоже. Не очень хорошо идет сегодня. Если бы шло получше, я повесила бы на дверях «Прошу не беспокоить», и вы не смогли бы войти. И все же я почти закончила. Осталось дописать одну главу. Я полагаю, вам нужно, чтобы я подтвердила алиби Анджелы. Поспособствовала полиции, так, кажется, это на-
9*

зывается? Что мы делали вечером в среду, и когда, и зачем, и где, и с кем?

— Мы, разумеется, хотели бы задать вам несколько вопросов.

— Но этот — прежде всего, не так ли? Это не трудно. Мы провели весь вечер и ночь вместе, с шести пятнадцати: именно в это время она вернулась домой.

— И что же вы делали, мисс Моусон?

— То, что обычно делаем. Отделили вечер от дня. Я — с помощью виски, Анджела — с помощью хереса. Я спросила ее, как она провела день, она — спросила меня. Потом она разожгла огонь в камине и приготовила еду. Авокадо под острым соусом — *sausage vinaigrette*, жаркое из цыпленка, запеченное в горшочке, сыр и печенье. Мы вместе перемыли посуду, а потом Анджела перепечатывала мою рукопись. До девяти. В девять мы включили телевизор, слушали новости и смотрели пьесу. Дотянули до десяти сорока пяти. Потом — какао для Анджелы, мне — виски, и спать.

— Ни вы, ни она не уходили из дома?

— Нет.

Дэлглиш спросил, как долго она прожила в этой деревне.

— Я? Восемь лет. Я родилась на Болотах — правда, не здесь, в Соуме, и большую часть детства провела тут. Но когда мне исполнилось восемнадцать, уехала учиться в Лондонский университет, получила диплом — не первоклассный, потом работала, тоже не очень успешно, в разных издательствах и журналистикой занималась. Приехала сюда восемь лет назад, когда услышала, что этот коттедж сдается. Тогда-то я и решила оставить работу и целиком посвятить себя писательству.

— А мисс Фоули?

— Она поселилась здесь два года назад. Я дала объявление в местных газетах, что мне нужна машинистка на несколько часов в неделю, она откликнулась. Она снимала комнату в Или, и ей там было не очень-то приятно, так что я предложила ей переехать ко мне. Ей приходилось зависеть от

автобуса, чтобы добраться до работы. Вполне очевидно — то, что она живет здесь, для Лаборатории гораздо удобнее.

— Значит, вы прожили здесь, в деревне, достаточно долго, чтобы хорошо узнать ее жителей?

— Насколько это вообще возможно на Болотах. Но недостаточно хорошо, чтобы указать вам убийцу.

— Вы хорошо знали доктора Лорримера?

— Только по виду. Я не знала, что Анджела — его двоюродная сестра, пока она ко мне не переехала. Они не очень близки, и он никогда сюда не приходил. Разумеется, я встречала большинство сотрудников Лаборатории. Доктор Хоуарт собрал здесь струнный квартет вскоре после того, как приехал, и в августе прошлого года они давали концерт в часовне Рена. Потом в ризнице подавали вино и сыр. Тогда я познакомилась с некоторыми из сотрудников. На самом деле я уже знала многих по виду и по имени, как это обычно бывает в деревне. Все ведь ходят на одну и ту же почту, в один и тот же паб. Но если вы рассчитываете услышать деревенские или лабораторные сплетни, ко мне бесполезно обращаться.

— А концерт в часовне прошел успешно? — спросил Дэлглиш.

— Не особенно. Хоуарт — очень хороший скрипач-любитель, а Клэр Истербрук вполне компетентная виолончелистка, но остальные двое не тянут. Он не решился повторить эксперимент. Мне представляется, что после концерта послышались недобрые голоса, в том смысле, что новоприбывший считает своим долгом несколько цивилизовать бедных туземцев; вполне возможно, они донеслись и до его слуха. Действительно, создается впечатление, что он считает себя человеком, в полном одиночестве пытающимся возвести мосты над культурной пропастью, что пролегла между учеными и художниками. Но может статься, его не удовлетворила акустика. На мой взгляд, просто другие трое не хотят больше с ним играть. Возможно, в роли руководителя квартета он повел себя так же высокомерно, как и в роли директора

Лаборатории. Лаборатория, впрочем, явно дает больший эффект — производительность возросла на двадцать процентов. Довольны ли сотрудники — это совсем другой вопрос.

Выходит, что ее иммунитет к лабораторным и деревенским сплетням не так уж силен, заключил Дэлглиш. Интересно, почему она так откровенна. Решив быть столь же откровенным, он спросил без околичностей:

— Вчера, когда вы были в Коттедже за мельницей, вы поднимались наверх?

— Подумать только, старик вам и об этом сообщил! Интересно, чем я, по его мнению, там занималась? Я зашла в ванную посмотреть, нет ли там банки с пистолем — раковину почистить. Банки не было.

— Вы, конечно, слышали о завещании Лорримера?

— Думаю, вся деревня об этом слышала. На самом деле я, видимо, была первой, кто об этом узнал. Старик очень волновался, хотел поскорее выяснить, достанутся ли ему какие-нибудь деньги, и Анджела позвонила поверенному. Она познакомилась с ним, когда оглашали завещание ее бабушки. Поверенный сообщил, что коттедж отходит старику вместе с десятью тысячами фунтов, так что он может не волноваться.

— А сама мисс Фоули ничего не получает?

— Вот именно. А новый секретарь-регистратор — молоденькая девушка, к которой Эдвин, очевидно, чувствовал расположение, получает тысячу фунтов.

— Не очень-то справедливое завещание.

— А вы когда-нибудь встречали людей, ожидающих наследства, которые считали бы завещание справедливым? Завещание его бабушки было еще хуже. Анджела тогда потеряла деньги, которые могли бы в корне изменить ее жизнь. А сейчас они ей не нужны. Мы и так прекрасно обходимся.

— По-видимому, это не было для нее большим потрясением. Он говорил ей о своих намерениях?

— Если вы таким образом пытаетесь деликатно выяснить, имелся ли у нее мотив убийства, можете спросить у нее самой. Вот она идет.

Анджела Фоули шла через гостиную, стягивая с головы платок. При виде гостей лицо ее потемнело, и, сразу насторожившись, она раздраженно произнесла:

— Мисс Моусон любит по утрам работать. Вы не предупредили, что приедете к нам.

Ее подруга рассмеялась:

— Они несколько меня не побеспокоили. Я приобрела очень полезный опыт — познакомилась с методами полицейского расследования изнутри. Они весьма эффективны и вовсе не так грубы. Ты сегодня рано.

— Из отдела социальной помощи позвонили, что не смогут приехать раньше чем во второй половине дня. Дядя не желает их видеть, но меня он желает видеть еще меньше. Миссис Суоффилд везет его на ленч в дом пастора. Так что я решила, что вполне могу вернуться домой.

Стелла Моусон закурила сигарету.

— Ты вернулась очень кстати. Мистер Дэлглиш спрашивал меня, весьма деликатно, имелся ли у тебя мотив для убийства кузена; другими словами, говорил ли тебе Эдвин, что собирается изменить завещание?

Анджела Фоули взглянула на Дэлглиша и спокойно ответила:

— Нет. Он никогда не обсуждал со мной свои дела, а я никогда не обсуждала с ним мои. Не думаю, чтобы мне приходилось беседовать с ним о чем-либо, кроме лабораторных дел в последние два года.

— Но это странно, не правда ли, что он захотел изменить давнее завещание, не поговорив об этом с вами?

Она пожала плечами. Потом пояснила:

— Какое это могло иметь ко мне отношение? Он же мне не родной брат, а двоюродный. Он перевелся к Хоггату пять лет назад, чтобы жить вместе с отцом, а вовсе не потому, что здесь живу я. На самом деле он мало меня знал. А если бы знал, сомневаюсь, что я могла бы ему понравиться. Он ничем мне не обязан, и я не могу требовать от него справедливости.

— А он вам нравился?

Она не сразу ответила: задумалась, будто на этот вопрос хотела бы ответить и самой себе. Стелла Моусон, сузив глаза, внимательно смотрела на нее сквозь дым сигареты. Немного погодя мисс Фоули произнесла:

— Нет, он мне не нравился. Думается, я его даже побаивалась. Он был похож на человека, психологически чем-то обремененного, не уверенного в том, должное ли место в жизни он занимает. В последнее время его напряженность, ощущение собственной несчастьливости стали почти явно видны. Меня это приводило в замешательство, казалось даже, что в этом таится какая-то угроза. Люди, уверенные в себе этого не замечают или просто не обращают внимания. Но те, кто склонен к сомнениям, тоже чувствовали какую-то угрозу. Я думаю, поэтому-то Клиффорд Брэдли так его и боялся.

— Возможно, Брэдли постоянно напоминал Эдвину, каким он сам был в молодости, — сказала Стелла Моусон. — Он был болезненно не уверен в себе, и даже в своей профессии, когда только начал работать. Помнишь, как он когда-то заучивал свои показания по вечерам, накануне выступления в суде? Записывал все возможные вопросы, какие ему мог задать адвокат противной стороны, старался добиться абсолютной точности, словесного совершенства текста. Заучивал наизусть научные формулы, чтобы произвести впечатление на присяжных. Он так запутался во время одного из своих первых процессов, что никогда не мог себе этого простить.

Последовало короткое, странное молчание. Анджела Фоули хотела было заговорить, но передумала. Ее загадочный взгляд был устремлен на лицо подруги. Стелла Моусон отвела глаза. Она прошла к столу и затушила в пепельнице сигарету.

— Тетушка же тебе рассказывала, — сказала она. — Она обычно читала ему вопросы, повторяя их снова и снова: это были вечера необычайного напряжения и невыносимой скуки. Разве ты не помнишь?

— Да, — ответила Анджела своим высоким, бесстрастным голосом. — Конечно, я помню.

Она взглянула на Дэлглиша:

— Если вам больше не нужно ни о чем меня спрашивать, я должна заняться кое-какими делами. Сегодня доктор Хоуарт ждет меня в Лаборатории не раньше второй половины дня. А Стелле нужно работать.

Женщины вместе проводили их до крыльца и встали в дверях, как бы поторапливая уходящих гостей. Дэлглиш прямо-таки ждал, что на прощание они помашут им вслед. Он не стал расспрашивать мисс Фоули о ее ссоре с Лорримером. Еще будет для этого время, сейчас пока рано. Интересно, но неудивительно, что она солгала. Гораздо интереснее показался ему рассказ Стеллы Моусон о том, как Лорример заучивал свои показания перед процессом. Кто бы ни рассказал ей об этом, Дэлглиш был совершенно уверен, что это не Анджела Фоули. Когда они отъезжали, Мэссингем сказал:

— Пятьдесят тысяч фунтов могли изменить всю ее жизнь, дать независимость, вытащить ее отсюда. Что это за жизнь для молодой женщины: всегда только вдвоем, никуда из этого, от всего мира отрезанного Болота? А она, кажется мне, ничего другого, кроме работы, и не видит.

В порядке исключения машину вел Дэлглиш. Мэссингем взглянул на хмурые глаза в зеркале заднего вида, на длинные пальцы, легко лежащие на рулевом колесе. Дэлглиш откликнулся:

— Я сейчас вспоминаю, что мне говорил старик Джордж Гринэлл, сержант-детектив, у которого я впервые начал работать. Он двадцать пять лет протрубил в Департаменте уголовного розыска. Ничто в людях не могло его шокировать, ничто не удивляло. Он любил повторять: «Тебе станут говорить, что самая разрушительная сила на свете — ненависть. Не верь, мальчик. Эта сила — любовь. И если ты хочешь стать настоящим детективом, научись распознавать ее, когда встретишь».

ГЛАВА 2

В четверг утром Бренда опоздала на работу больше чем на час. После волнений вчерашнего дня она проспала, а мать сознательно не стала ее будить. Она решила было отправиться в Лабораторию без завтрака, но миссис Придмор решительно поставила перед ней тарелку с яичницей и беконом, заявив твердо, что дочь не выйдет из дому, пока не съест все до конца. Бренда, которая ни минуты не сомневалась: родители были бы просто счастливы, если бы она больше никогда не ступала за порог Лаборатории Хоггата, понимала, что лучше не спорить.

Она примчалась, запыхавшаяся и виноватая, и обнаружила, что инспектор Блейклок в одиночку пытается справиться с двухдневным наплывом вещдоков, непрекращающимся потоком посетителей и непрерывно звонящим телефоном. Ее беспокоило, как он ее теперь встретит, слышал ли уже о тысяче фунтов и, если слышал, изменит ли к ней отношение. Но он казался по-прежнему невозмутимым и надежным, как всегда. Он сказал:

— Как только переоденешься, тебе надо будет пойти к директору. Он в кабинете мисс Фоули. Его кабинет заняли полицейские. Чай готовить не надо. Мисс Фоули явится только во второй половине дня. Ей нужно встретиться с кем-то из представителей местных властей насчет ее дядюшки.

Бренда обрадовалась, что ей пока не нужно встречаться лицом к лицу с мисс Фоули. То, что она вчера сообщила командеру Дэлглишу, очень сильно смахивало на предательство, и она чувствовала себя неловко.

— А все остальные уже пришли? — спросила она.

— Клиффорд Брэдли не смог явиться. Его жена позвонила, что он плохо себя чувствует. Полицейские тут с полдевятого. Проверяют все вещдоки, особенно наркотики, и еще раз обыскали все помещения. Явно подозревают, что тут у нас что-то странное происходит.

Инспектор Блейклок был непривычно разговорчив. Бренда спросила:

— Как это — что-то странное происходит?

— Они не говорят. Но им теперь понадобилось просмотреть все наши папки с делами, у которых регистрационный номер — восемнадцать сорок или тысяча восемьсот сорок.

У Бренды широко раскрылись глаза:

— Вы хотите сказать, только за этот год, или надо вернуться к тем, что уже микрофильмированы?

— Для начала я достал те, что за этот год, и те, что за прошлый, и сержант Андерхилл с констеблем сейчас ими занимаются. Не знаю, что они надеются там обнаружить, и — судя по их виду — они и сами не очень-то знают. Ну, давай-ка, не тяни. Доктор Хоуарт сказал, чтобы ты пришла к нему, как только появишься.

— Но я же не умею ни стенографировать, ни на машинке печатать! Как вы думаете, зачем я ему понадобилась?

— Он не сказал. Думаю, в основном папки доставать. И еще на звонки отвечать, да на побегушках быть — приносить да относить.

— А где командер Дэлглиш? Разве его тут нет?

— Он уехал минут десять назад, вместе с инспектором Мэссингемом. Наверное, опросить кого-то. Да что тебе за дело до них? Наше дело — тут помогать, чтоб Лаборатория работала без сучка без задоринки.

Это прозвучало почти как упрек: инспектор Блейклок никогда не выговаривал ей более сурово. Бренда поспешила в кабинет мисс Фоули. Все в Лаборатории знали, что директор не любит, когда сотрудники стучат ему в дверь, так что она вошла, призвав на помощь всю уверенность в себе, на какую была способна. «Единственное, что я могу, — это постараться работать получше. Хочет не хочет, придется ему принимать меня такой, как есть», — уговаривала она себя.

Директор сидел за столом, по-видимому, изучая одно из дел. Подняв голову и не улыбувшись в ответ на ее приветствие, он сказал:

— Инспектор Блейклок объяснил вам, что мне сегодня утром понадобится ваша помощь, пока не придет мисс Фоули? Вы сможете работать в Общей канцелярии с миссис Моллет.

— Да, сэр.

— Полиции понадобятся еще и другие папки с делами. Их интересуют только определенные номера. Но я полагаю, инспектор Блейклок объяснил вам это.

— Да, сэр.

— Они сейчас занимаются делами, зарегистрированными в тысяча девятьсот семьдесят шестом и семьдесят пятом годах, так что вам нужно начать разбирать серии семьдесят четвертого года и более ранние — если понадобится. — Он оторвал взгляд от бумаг и впервые взглянул прямо на нее. — Доктор Лорриммер завещал вам какие-то деньги, не так ли?

— Да, сэр. Тысячу фунтов — купить книги и аппаратуру.

— Не нужно говорить «сэр», обращаясь ко мне. Можно просто называть меня доктор Хоуарт. Он вам нравился?

— Да. Да. Очень нравился.

Доктор Хоуарт опустил глаза и снова принялся перелистывать дело.

— Странно. Никогда не подумал бы, что он мог казаться привлекательным женщинам или женщины — ему.

Бренда решительно возразила:

— Это же было совсем не то.

— Что было совсем не то? Вы хотите сказать, что он не воспринимал вас как женщину?

— Я не знаю. Я только хочу сказать, я никогда не думала, что он пытается... — Голос ее дрогнул.

Доктор Хоуарт перевернул страницу и сказал:

— Пытается соблазнить вас?

Подстегнутая гневом, Бренда собрала в кулак все свое мужество и ответила:

— Ну, он же никак не мог этого сделать! Не в Лаборатории же! А я его нигде в других местах и не видела вовсе! И если бы вы его хоть немного знали, вы бы так не говорили!

Бренда сама ужаснулась, что у нее хватило духу на это.

Но директор сказал только, как ей показалось, очень печально:

— Думаю, вы правы. Я совсем его не знал.

Она попыталась объяснить:

— Он объяснял мне, что такое наука.

— И что же такое — наука?

— Он объяснил, что ученые формулируют теории о том, как функционирует физический мир, а потом проверяют их при помощи экспериментов. Если эксперименты проходят удачно, теории работают. Если эксперименты не удаются, ученым приходится искать другую теорию, чтобы объяснить существующие факты. Он говорит, что для науки характерен такой потрясающий парадокс, что разочарование не обязательно означает поражение. Оно может оказаться шагом вперед.

— Разве вас не обучали естественным наукам в школе? Мне казалось, вы сдавали выпускные экзамены по физике и химии на обычном уровне.

— Но никто никогда мне про науку так не объяснял.

— Да. Полагаю, вам надоедали опытами со свойствами магнита и углекислого газа. Кстати, мисс Фоули отпечатала сводку о соотношении числа сотрудников и рабочих нагрузок. Мне нужно, чтобы вы проверили цифры — миссис Моллет поможет вам сделать это, а затем нужно разослать сводку всем директорам — заблаговременно, к заседанию Совета на следующей неделе. Миссис Моллет даст вам список адресов.

— Хорошо, сэр. Хорошо, доктор Хоуарт.

— И я хотел бы, чтобы вы отнесли эту папку мисс Истербрук, в лабораторию Биологического отдела.

Он взглянул на нее, и впервые она подумала, что смотрит он по-доброму. Он сказал, очень мягко:

— Я понимаю, что вы чувствуете. Я чувствовал то же самое. Но там на полу остался только силуэт мелом, просто несколько белых линий. И все.

И он протянул ей папку. Это означало, что она может идти. У двери Бренда приостановилась. Директор спросил:

— Да?

— Я сейчас подумала, что расследование — это как наука. Детектив формулирует теорию, потом проверяет ее опытным путем. Если факты, которые он обнаруживает, подтверждают его теорию, значит, она верная. Если не подтверждают, ему надо найти другую теорию, другого подозреваемого.

Доктор Хоуарт ответил довольно сухо:

— Аналогия достаточно разумная. Но соблазн отобрать нужные факты может быть гораздо сильнее. Кроме того, детектив экспериментирует с живыми людьми. Их свойства весьма сложны и не поддаются точному анализу.

Час спустя Бренда отнесла третью пачку папок в кабинет директора — сержанту Андерхиллу. Младший полицейский — очень симпатичный — подскочил, чтобы освободить ее от тяжелой ноши. Телефон на столе доктора Хоуарта зазвонил, и сержант Андерхилл прошел через кабинет — взять трубку. Положив ее на рычаг, он сказал:

— Это из лаборатории Столпола звонили. Сообщили результаты анализа крови. Молоток точно был орудием убийства. На нем — кровь Лорримера. И анализ рвоты они сделали.

Он взглянул на Бренду, вдруг вспомнив, что она еще здесь, и подождал, пока она выйдет из кабинета и закроет за собой дверь. Констебль-детектив спросил:

— Ну?

— То, что мы и думали. Сам соображай. Судмедэксперт знал бы, что лаборатория не может определить группу крови через анализ рвоты. Желудочные кислоты разрушают антигена. Можно только надеяться определить, что было в пище. Значит, если это тебя вырвало и тебя подозревают, тебе всего только и надо наврать про то, что ты ел на ужин. Кто может это опровергнуть?

Его товарищ возразил:

— Если только...

Сержант Андерхилл протянул руку к телефону:

— Точно. Я же сказал — сам соображай.

ГЛАВА 3

После нескольких дождливых дней, когда солнце появлялось из-за туч по-осеннему ненадолго, сегодняшнее утро было неожиданно холодным и ясным, а солнечные лучи пригревали шею. Но даже в нежном солнечном свете Старый пасторский дом с темными, цвета сырой печенки кирпичными стенами под густо заплетшим их плющом, с тяжелым крыльцом и низко нависшим резным карнизом, выглядел угнетающе. Раскрытые чугунные ворота перед въездной аллеей были сорваны с половины петель и вросли в давно не стриженную живую изгородь, окаймляющую сад. Усыпанную гравием дорожку давно надо было бы прополоть. Трава на лужайке была кое-где повыдергана, а кое-где примята: кто-то неумело пытался ее подстричь, к тому же явно тупой газонокосилкой; а цветочные бордюры с двух сторон являли взору путаницу из переросших хризантем и чахлах далий, полузадушенных сорняками. У края лужайки на боку лежала детская деревянная лошадка на колесиках — единственный признак того, что в доме живут люди.

Однако, когда они приближались к дому, с крыльца сошли девочка и маленький мальчик и остановились, не сводя с них глаз. Должно быть, это дети Керрисона, и по мере того, как Дэлглиш с Мэссингемом подходили ближе, сходство проступало все заметнее. Девочка скорее всего уже вышла из школьного возраста, заключил Дэлглиш, но выглядит едва шестнадцатилетней, только вот глаза по-взрослому недоверчивы. Темные прямые волосы ее зачесаны назад с высокого веснушчатого лба и заплетены в две разлохмаченные косички, перетянутые резинками. На ней выцветшие синие джинсы — постоянная униформа ее поколения, а поверх них светло-коричневый свитер, такой свободный, что мог бы принадлежать ее отцу. На шее у нее Дэлглиш рассмотрел что-то вроде плетеного кожаного ре-

мешка. Грязные ноги босы, на них видны бледные полосы от летних босоножек.

Мальчик, при виде незнакомцев придвинувшийся поближе к сестре, был не старше трех-четырёх лет от роду, плотный, круглолицый, с широким носом и добрым нежным ртом. Его лицо было миниатюрной, более мягкой копией отцовского, с прямыми темными бровями над тяжелыми веками глаз. Он был в тугих синих шортах и неумело связанном свитере, к которому сейчас прижимал большой мяч. Крепкие ножонки торчали из низеньких красных резиновых сапог. Он покрепче прижал к груди мяч и устремил на Дэлглиша пристальный и огорчительно осуждающий взгляд немигающих глаз.

Дэлглиш неожиданно осознал, что практически ничего не знает о детях. Большинство его друзей были бездетны. Те же, у кого дети были, со временем стали приглашать его к себе тогда, когда их требовательное, возмущающее спокойствие, эгоистичное потомство находилось далеко от дома — в школе. Его единственный сын умер одновременно с матерью, прожив всего лишь двадцать четыре часа с момента рождения. Хотя сейчас он с трудом мог вспомнить лицо жены — оно вставало перед ним лишь во сне, — кукольные, словно восковые черты его сына над крохотным, туго спеленатым тельцем, плотно сжатые веки, таинственное выражение существа, погруженного в абсолютный покой, были так ясны в памяти, так сегодняшни, что иногда он задумывался, был ли это действительно образ его ребенка, на которого он смотрел так недолго, но так напряженно-внимательно, или же он, Дэлглиш, вобрал в себя обобщенный образ, прототип погибшего детства? Сын его сейчас был бы старше этого малыша, вступал бы уже в травматическую пору взросления. Адам давно убедил себя, что он рад тому, что ему не придется это видеть.

Но сейчас он вдруг понял, что существует огромная сфера человеческого опыта, к которой, будучи раз отвергнут, он повернулся спиной, и что его нежелание признать существо-

вание этой сферы умаляет его как человека. Мимолетная боль утраты поразила его своей интенсивностью. И он заставил себя осмыслить это чувство, столь незнакомое до сих пор и столь нежеланное.

Неожиданно мальчик улыбнулся и протянул ему мяч. Дэлглиш даже растерялся — таким польщенным он себя почувствовал. Так бывает, когда бродячая кошка вдруг подходит, подняв хвост трубой, и снисходительно разрешает себя погладить. Некоторое время они оба смотрели друг на друга. Дэлглиш улыбнулся малышу. В этот момент Мэссингем подскочил и выбил мяч из пухлых ручонков.

— Ну, давай! — крикнул он. — Футбол!

Он повел желто-синий мяч через лужайку. В тот же момент крепкие ножонки помчались вслед за ним. Скоро оба исчезли за углом дома, и Дэлглиш слышал тоненький, прерывающийся смех мальчика. Девочка смотрела им вслед, лицо ее неожиданно заострилось от любви и волнения. Она повернулась к Дэлглишу:

— Надеюсь, он не загонит мяч в костер? Огонь почти потух, но угли еще очень горячие. Я жгла мусор.

— Не волнуйся. Он — человек очень осторожный. И у него есть младшие братья.

Девочка впервые посмотрела на него очень внимательно.

— Вы — командер Дэлглиш, правда? А мы — Нелл и Уильям Керрисоны. К сожалению, папы нет дома.

— Я знаю. Мы приехали повидать вашу экономку, мисс Уиллард, кажется? Она дома?

— На вашем месте я бы не обращала внимания на то, что она говорит. Она ужасная лгунья. И крадет у папы спиртное. А разве вы не хотите допросить Уильяма и меня?

— Женщина-полицейский приедет с нами, чтобы поговорить с вами обоими, как-нибудь, когда ваш папа будет дома.

— Я не хочу ее видеть. Я не против поговорить с вами, но я не хочу видаться с женщиной-полицейским. Терпеть не могу созработников.

— Женщина-полицейский не соцработник.

— Это одно и то же. Она людей осуждает, правда ведь? К нам сюда приходила одна — соцработник, когда мама уехала, перед тем как процесс был о том, кому детей оставить. Так она на меня и Уильяма смотрела, как будто мы нарушители общественного порядка, которых кто-то у нее на крыльце оставил. Ходила по всему дому, везде совала свой нос, делала вид, что восхищается, что просто пришла нас навестить.

— Женщины-полицейские и полицейские вообще никогда не делают вид, что просто пришли навестить кого-то. Никто ведь нам бы и не поверил, правда?

Они вместе повернули и пошли к дому. Девочка сказала:

— А вы выясните, кто убил доктора Лорримера?

— Надеюсь. Думаю, да.

— И тогда что с ним будет? С убийцей то есть?

— Он предстанет перед судом магистратов*. Если там решат, что доказательств достаточно, его передадут в Королевский суд, там его будут судить.

— А потом?

— Если его признают виновным в убийстве, судья вынесет приговор о предусмотренном законом наказании — пожизненном заключении. Это означает, что он будет долго сидеть в тюрьме, лет десять или больше.

— Но это же глупо! Это же ничего не исправит. Не вернет доктора Лорримера.

— Это ничего не исправит, но это не глупо. Жизнь — наивысшая ценность для большинства из нас. Даже те, у кого, кроме жизни, почти ничего нет, и то хотят прожить ее до естественного конца. И никто не имеет права отнять ее у них.

— Вы так говорите, будто жизнь — что-то вроде мячика моего брата. Если у Уильяма мячик отнять, он будет знать,

* Суд магистратов — суд первой инстанции, рассматривающий дела о мелких преступлениях и проводящий предварительные слушания по более крупным делам.

чего он лишился. А доктор Лорример даже не знает, что он что-то потерял.

— Он потерял все те годы, которые мог бы прожить.

— Это все равно что отнять мячик, который Уильям мог бы иметь. Это ровно ничего не значит. Просто слова. Предположим, он должен был так и так умереть на будущей неделе. Тогда он потерял бы всего семь дней. Нельзя сажать человека в тюрьму на десять лет за какие-то семь потерянных дней. Они могли бы оказаться вовсе не счастливыми днями.

— Даже если бы он был совсем старым человеком и ему оставался бы только один день жизни, закон утверждает, что он имеет право прожить этот день. Предумышленное убийство — это убийство.

Девочка сказала задумчиво:

— Я думаю, это все было иначе, когда люди верили в Бога. Тогда убитый мог умереть, совершая смертный грех, и отправился бы в ад. Тогда семь дней могли бы все изменить. Он мог успеть раскаяться и получить отпущение грехов.

— Все эти проблемы легче решаются людьми, которые верят в Бога. Те из нас, кто не хочет или не может верить, должны делать все, что в наших силах, самым лучшим образом. Исполнение закона и есть то лучшее, что мы в силах сделать. Человеческая справедливость несовершенна, но иной юстиции у нас нет.

— А вы уверены, что не хотите меня допросить? Я знаю — папа его не убивал. Он не убийца. Он был дома, со мной и Уильямом, когда доктор Лорример умер. Мы вместе уложили Уильяма спать в полвосьмого и еще побыли с ним минут двадцать. Папа ему «Медвежонка Пэдди» читал. Потом я пошла спать, потому что у меня голова болела, и я себя нехорошо чувствовала, и папа принес мне чашку какао — он сам его сварил, специально для меня. Он посидел со мной, читал стихи из моей школьной антологии, пока не подумал, что я заснула. Только я не заснула. Я притворилась. Он тихонечко вышел, почти в девять часов, но я и тогда еще не спала. Сказать, откуда я знаю?

— Если хочешь.

— Потому что я слышала, как часы на церкви пробили девять. И папа как раз тогда ушел, и я лежала в темноте, думала. Он опять зашел, примерно через полчаса — посмотреть, как я, но я опять притворилась, что сплю. Так что это снимает с папочки подозрение, правда?

— Мы не знаем точно, когда умер доктор Лорример, но... да, я думаю, скорее всего снимает.

— Если только я вам не солгала.

— Полиции и правда очень часто лгут. А ты?

— Я — нет. Но, думаю, солгала бы, если бы считала, что это спасет папу. Понимаете, мне наплевать на доктора Лорримера. Я рада, что он умер. Он был нехороший человек. За день до его смерти мы с Уильямом пошли в Лабораторию повидать папу. У него утром лекции там были — на курсах следователей, и мы решили зайти за ним перед ленчем. Инспектор Блейклок разрешил нам посидеть в вестибюле, а эта девушка, которая ему за конторкой помогает, хорошенькая такая, так она Уильяму улыбнулась и яблоко ему дала, из своей коробки для завтрака достала. А тут доктор Лорример спустился по лестнице и нас увидел. Я знаю, что это он был, потому что инспектор Блейклок к нему по фамилии обратился. А он говорит: «Что это тут делают эти дети? Лаборатория не место для детей». А я говорю: «Я не ребенок. Я — мисс Элеанор Керрисон, а это мой брат Уильям, мы ждем отца». Он на нас уставился, глаза такие, будто он нас ненавидит. Лицо белое и дергается. Говорит: «Ну, здесь ждать вам нельзя». И с инспектором Блейклоком очень плохо стал разговаривать, не по-доброму. Когда доктор Лорример ушел, инспектор сказал, что нам лучше выйти оттуда, но Уильяму сказал, чтоб он не обижался, и вынул у него из левого уха конфетку. А вы знали, что инспектор — фокусник?

— Нет, этого я не знал.

— А хотите, я вам дом покажу? До того как отведу вас к мисс Уиллард? Вы любите дома смотреть?

— Очень люблю. Но пожалуй, не сейчас.

— Ну хотя бы гостиную посмотрите. Это у нас самая лучшая комната. Ну вот. Правда же, красивая?

Гостиную ни в каком смысле нельзя было считать красивой. Это была мрачная комната, обшитая дубовыми панелями и перегруженная мебелью. Выглядела она так, будто ничто тут не менялось с тех самых пор, когда набожные, одетые в бомбазин дочери и жена викторианского пастора сидели здесь, занятые шитьем для бедных своего прихода. Окна в перекрестье тяжелых рам и заросшие пылью занавеси темно-красного бархата так успешно затмевали дневной свет, что Дэлглиша сразу же охватила сумеречная промозглая сырость, с которой тщетно боролся едва теплившийся в камине огонь. Огромный стол красного дерева с букетом хризантем в банке из-под варенья стоял у дальней стены, а камин — вычурное сооружение из мрамора — был практически спрятан за двумя невероятных размеров просевшими креслами и потертым диваном. Элеанор сказала с неожиданно официальной любезностью, словно обстановка комнаты напомнила ей об обязанностях хозяйки:

— Я стараюсь, чтобы хоть одна комната в доме выглядела прилично, на случай приема гостей. Цветы очень хороши, не правда ли? Это Уильям составил букет. Садитесь, прошу вас. Приготовить вам кофе?

— Это было бы очень мило, но боюсь, мы не можем ждать. Мы ведь здесь, чтобы повидать мисс Уиллард.

В дверях появились Мэссингем и Уильям, раскрасневшиеся от игры на свежем воздухе. Уильям левой рукой прижимал к себе мяч. Элеанор провела их через обтянутую зеленым сукном, усаженную медными шляпками дверь в коридор и по коридору в глубь дома. Уильям, покинув Мэссингема, трусил вслед за сестрой с мячом под мышкой. Пухлая ручонка тщетно цеплялась за ее туго натянутые джинсы. Остановившись у одной из неполированных дубовых дверей, девочка сказала:

— Она тут. Она не любит, чтобы мы с Уильямом к ней заходили. Да все равно от нее воняет, так что мы и сами не заходим.

И, взяв Уильяма за руку, она оставила их одних.

* * *

Дэлглиш постучал в дверь. В комнате послышались быстрые, какие-то скребущиеся звуки, словно в норе потревожили зверька; потом дверь слегка приотворилась и темный глаз с подозрением глянул на них сквозь узкую щель. Дэлглиш произнес:

— Мисс Уиллард? Командер Дэлглиш и инспектор Мэссингем из Столичной полиции. Мы расследуем убийство доктора Лорримера. Можно войти?

Выражение глаза смягчилось. Она коротко, смущенно ахнула, и дверь широко распахнулась.

— Конечно. Конечно же! Что вы можете обо мне подумать? К сожалению, я все еще в том состоянии, которое моя любимая старушка няня называла моим недомоганием. Но ведь я вас не ждала, а в эти утренние часы я обычно позволяю себе провести тихую минутку в одиночестве.

Элеанор была права — в комнате действительно дурно пахло. Запах, как диагностировал Мэссингем, любознательно втянув ноздрями воздух, был сложный: пахло сладким шерри, несвежим нательным бельем и дешевыми духами. Невысокое голубоватое пламя лизало раскаленные докрасна угольные брикеты, сложенные высокой горкой в викторианском открытом камине. Окно, выходящее на гараж и заросший, запущенный сад за ним, было приоткрыто на самом верху, всего на пару сантиметров, несмотря на теплую погоду, и атмосфера этой комнаты тяжело обволакивала их обоих, словно засаленное меховое одеяло. Сама комната обладала какой-то пугающей, извращенной женственностью. Все казалось влажно-мягким — крытые кретоном сиденья двух кресел, ряд пухлых подушек у спинки викторианского шезлонга, коврик из искусственного меха перед камином. Каминная полка была в изобилии уставлена фотографиями в серебряных рамках, в большинстве своем изображавших священника в облачении и его жену, очевидно, решил Дэлглиш, родителей мисс Уиллард, стоявших бок о бок, однако странным образом не вместе, на

фоне самых разных, но одинаково неинтересных храмов. Главное место занимал кабинетный портрет самой мисс Уиллард, молоденькой, открывшей все свои зубы в жеманной улыбке, с густыми волосами, уложенными строго параллельными волнами.

На стенной полке справа от двери стояла маленькая, вырезанная из дерева фигурка — лишенная рук Богоматерь со смеющимся Младенцем на плече. У ее ног горела свеча в стеклянном блюдечке, отбрасывая мягкий свет на нежное, склоненное лицо, на незрячие глаза. Дэлглиш подумал, что это, должно быть, копия, притом очень удачная, средневекового музейного экспоната. Ее нежная красота подчеркивала безвкусицу комнаты и в то же время придавала ей некое достоинство, будто говоря, что существуют разные формы человеческого одиночества, человеческого страдания, но одно и то же милосердие одинаково осеняет их все.

Мисс Уиллард жестом указала им на шезлонг.

— Мое маленькое убежище, логово, можно сказать, — весело проговорила она. — Очень люблю пребывать в одиночестве, видите ли. Я объяснила доктору Керрисону, что соглашусь переехать в его дом, только если смогу пребывать в одиночестве. Это такая редкостная и прекрасная вещь, вы не находите? Дух человеческий без нее угасает.

Взглянув на ее руки, Дэлглиш подумал, что ей, вероятно, не больше сорока пяти, хотя лицом она казалась много старше. Темные волосы, жесткие и сухие, были завиты тугими кольцами и контрастировали с поблекшей кожей ее лица. Два тугих, колбаской, локона надо лбом заставляли предположить, что она едва успела выдернуть бигуди из волос, когда услышала стук в дверь. Но лицо ее было уже подкрашено: под глазами на скулах лежали два кружка румян, губная помада всосалась в складочки вокруг поджатых накрашенных губ. Маленький и костистый квадратный подбородок двигался, как на шарнирах — словно у марионетки. Она не успела еще полностью одеться: стеганный халат из цветастого нейлона, с пятнами от чая и еще чего-то, похожего на яич-

ный желток, был перетянут пояском, из-под него выглядывала ярко-голубая нейлоновая ночная сорочка с грязноватой оборкой у горла. Мэссингем не мог оторвать взгляда от мятых, округлой формы вздутий на хлопчатобумажных чулках у нее над туфлями, пока не догадался, что она просто натянула чулки задом наперед.

— Я полагаю, вы хотите расспросить меня насчет алиби доктора Керрисона, — сказала она. — Это же совершенно смешотворно, что ему нужно алиби: ведь он такой мягкий человек, абсолютно неспособный на какое бы то ни было насилие. Но так случилось, что я как раз могу вам помочь. Он, вне всякого сомнения, был дома до начала десятого, а потом я видела его опять — и часа не прошло. Но все это лишь пустая трата времени. У вас совершенно замечательная репутация, командер Дэлглиш, но я должна сказать вам, что это преступление никакая наука не поможет раскрыть. Не зря эти Болота называют черными. В течение многих столетий эта промозглая земля порождает зло. Мы можем бороться со злом, командер, но только не вашим оружием.

— Ну, может, мы все-таки дадим и нашему оружию шанс? — возразил Мэссингем.

Она взглянула на него с жалостью и улыбнулась.

— Но все двери были заперты. Все эти ваши заумные научные средства не тронуты. Никто не вламывался туда, и никто не мог оттуда выйти. И все-таки он был сражен. Это сделано не рукой человека, инспектор.

— Почти наверняка это сделано тупым орудием, мисс Уиллард, но держала его рука человека. У меня нет сомнений на этот счет, — сказал Дэлглиш. — Наша задача — выяснить, чья именно, и я очень надеюсь, что вы поможете нам сделать это. Вы ведете хозяйство у доктора Керрисона и его дочери, как я понимаю?

Мисс Уиллард устремила на него взгляд, в котором сожаление о его глубоком невежестве было смешано с мягким упреком:

— Я вовсе не экономка, командер. Ни в коем случае не экономка. Давайте скажем, что я гошу в этом доме и одновременно здесь работаю. Работающая гостья хозяев дома. Доктору Керрисону нужно было, чтобы кто-то жил в доме и оставался с детьми, когда его вызывают на место убийства. К сожалению, это дети неблагополучной семьи. Старая, грустная история. Вы не женаты, командер?

— Нет.

— Очень мудро с вашей стороны. — Она вздохнула, выражая звучным вдохом и выдохом бесконечную тоску, бесконечное сожаление.

Дэлглиш настойчиво продолжал:

— Так что вы живете совершенно отдельно?

— В моей маленькой отдельной квартирке. Эта гостиная, и — рядом с ней — спальня. И собственная кухонька — за этой вот дверью. Я не покажу ее вам, потому что в данный момент она не вполне в том виде, как мне хотелось бы.

— Каковы же точно ваши обязанности в этом доме?

— Завтрак они готовят сами. Доктор, разумеется, не приезжает домой к ленчу, он ест в больнице. Нелл и Уильям съедают что-нибудь легкое, если она даст себе труд что-то приготовить, а я сама о себе позабочусь. Потом я что-нибудь готовлю к вечеру, что-нибудь очень простое, никто из нас не отличается чревоугодием. Обедаем очень рано — из-за Уильяма. Это скорее не обед, а ранний ужин с чаем. В выходные дни всей готовкой занимаются Нелл и ее отец. Так что все складывается очень удачно.

Очень удачно для вас, подумал Мэссингем. Правда, Уильям выглядел довольно крепким и упитанным, но девочке лучше бы учиться, а не пытаться справиться практически в одиночку с этим безрадостным чудовищем — домом. Интересно, как она уживается с мисс Уиллард. И тут мисс Уиллард сказала, словно прочитав его мысли:

— Уильям очень милый малыш. С ним совершенно не тяжело. На самом деле я его почти и не вижу. Но Нелл очень трудная девочка. Очень трудная. С девочками ее воз-

раста это часто бывает. Ей нужна материнская рука. Вам, конечно, известно, что миссис Керрисон сбежала от мужа год назад? С одним его коллегой по больнице. Это его просто доконало. А теперь она пытается апеллировать в суд высшей инстанции, чтобы изменили решение, кому детей оставить. Чтобы ей детей отдали, когда будет слушаться дело о разводе. Это через месяц. Я уверена, только лучше будет, если ей детей отдадут. Дети должны жить с матерью. Ну, Нелл, конечно, уже не ребенок. Так что весь бой из-за Уильяма идет. Не из-за Нелл. А если вы меня спросите, то Нелл никто из них и не любит вовсе. Она своему отцу только одно беспокойство доставляет. Досаждает ужасно. Ночные кошмары, истерики, астма. Он на будущей неделе в Лондон собирается, на конференцию по судебной патанатомии. В понедельник уезжает. Всего на три дня. Боюсь, она его дорого заплатит за эту увеселительную поездку. Невротичка, знаете ли. Казнит его за то, что он ее братишку любит больше, чем ее. Хоть он сам-то, конечно, этого понять не может.

Интересно, какой ход мысли привел ее к этому психологически гладенькому выводу, подумал Дэлглиш. Кстати, вовсе не обязательно неправильному. И он почувствовал острую жалость к Керрисону.

Неожиданно Мэссингему стало нехорошо. Душное тепло и нечистый запах этой комнаты одолели его совершенно. Капля холодного пота упала к нему на блокнот. Пробормотав извинение, он шагнул к окну и потянул раму вниз. Она с минуту сопротивлялась, потом со стуком опустилась. В комнату ворвался прохладный живительный воздух. Слабый огонек перед резной фигуркой Богородицы затрепетал и угас.

Когда он снова взялся за блокнот, Дэлглиш уже расспрашивал мисс Уиллард о прошлом вечере. Она рассказывала, что приготовила на ужин рубленое мясо, картофель и зеленый горошек, а на десерт — бланманже. Потом она сама вымыла всю посуду и, прежде чем уйти к себе, пошла поже-

дать всему семейству спокойной ночи. Они все были тогда в гостиной, но доктор Керрисон и Нелл уже собирались идти наверх укладывать Уильяма. Больше она их не видела и не слышала до начала десятого, когда пошла проверить, заложена ли щеколда на входной двери. Доктор Керрисон иногда забывает запира́ть на ночь и не всегда понимает, как она нервничает: ведь она спит совершенно одна на первом этаже. Теперь про такие ужасы пишут. Она прошла мимо кабинета — дверь была приоткрыта, и она слышала, как доктор Керрисон разговаривает по телефону. Потом она прошла к себе в гостиную и включила телевизор.

Доктор Керрисон заглянул к ней незадолго до десяти поговорить о небольшой прибавке к ее зарплате, но разговор был прерван звонком телефона. Он вернулся минут через десять, и они провели вместе примерно полчаса. Приятно было, что представилась возможность поболтать вдвоем, без вмешательства детей. Потом он пожелал ей спокойной ночи и ушел. Она опять включила телевизор и смотрела передачи почти до полуночи. Потом отправилась спать. Если бы доктор Керрисон вывел машину, она совершенно уверена, что услышала бы, так как окно ее гостиной выходит на гараж, построенный у дома. Впрочем, они могут увидеть это собственными глазами.

На следующее утро она проспала и позавтракала только в десятом часу. Ее разбудил телефонный звонок, но о смерти доктора Лорримера она узнала, только когда доктор Керрисон вернулся из Лаборатории. Доктор Керрисон заехал домой ненадолго в начале десятого рассказать ей и Нелл о том, что произошло, и позвонить в больницу, чтобы все звонки ему переадресовывались в регистратуру Лаборатории.

— Я знаю, что доктор Лорример обычно подвозил вас в Гайз-Марш, к одиннадцатичасовой службе в храме Святой Марии. Он, кажется, был одиноким и не очень счастливым человеком. Такое впечатление, что никто его толком и не знал. И я подумал, может быть, в общении с вами он нашел

то товарищество, ту дружбу, которых ему, видимо, не доставало в общении с коллегами по работе.

Мэссингем поднял на нее глаза, любопытно, как она отреагирует на это прямое приглашение к саморазоблачению. Она по-птичьему прикрыла веки, по шее вверх, словно сыпь, поползли красные пятна. Пытаясь казаться кокетливой, она ответила:

— Боюсь, вы поддразниваете меня, командер! Вы ведь командер, верно? Странное какое слово, будто бы военноморской чин. Мой покойный деверь служил в военном флоте, так что я немного разбираюсь в этих делах. Но вы заговорили о дружбе. Это подразумевает доверительность. Мне очень хотелось бы помочь ему, но сблизиться с ним было нелегко. И конечно, сказывалась разница в летах. Я не очень намного старше, меньше чем на пять лет. Но эта разница очень много значит для сравнительно молодого мужчины. Нет, боюсь, мы с ним были всего лишь двумя отверженными прихожанами Высокой англиканской церкви* на этих евангелистских Болотах. А в храме мы даже не рядом сидели. Я обычно сижу на третьей скамье от кафедры, а он любил сидеть где-нибудь сзади.

Но Дэлглиш стоял на своем:

— И все же ему, должно быть, доставляло удовольствие общаться с вами. Он ведь заезжал за вами каждое воскресенье?

— Только потому, что отец Грегори просил его об этом. В Гайз-Марш ходит автобус, но мне пришлось бы ждать целых полчаса, а так как доктор Лорример все равно проезжал мимо Старого пасторского дома, отец Грегори предположил, что разумно было бы договориться и ездить вместе. Он никогда сюда не заходил. Я всегда была вовремя готова и ждала у ворот. Если у него отец болел или надо было выехать на место преступления, он предупреждал по телефону. Иногда

* Высокая англиканская церковь — направление в англиканской церкви, тяготеющее к католицизму; придает большое значение авторитету духовенства, таинствам, обрядности.

ему не удавалось меня предупредить, и это было очень неудобно. Но я знала, что, если он не подъехал без двадцати одиннадцать, значит, не приедет и мне надо идти на автобус. Но конечно, он обычно заезжал, кроме тех шести месяцев в начале года, когда он перестал слушать мессу. Однако в начале сентября он позвонил и сказал, что опять станет заезжать за мной, как раньше. Естественно, я не задавала ему вопросов по поводу этого перерыва. У каждого из нас бывают такие затмения души.

Значит, он перестал ходить к мессе, когда начался роман с Доменикой Шофилд, и возобновил посещение церкви, когда произошел разрыв.

— А причастие он принимал?

Вопрос ее нисколько не удивил.

— После того как снова начал слушать мессу, с середины сентября, — нет, не принимал. Должна признаться, это меня немного беспокоило. Я обдумывала, не посоветовать ли ему поговорить с отцом Грегори, если что-то его беспокоит. Но это такой деликатный вопрос. И в самом деле, это ведь меня никак не касалось.

И она, разумеется, боялась его обидеть, подумал Мэссингем. Ведь было так удобно, что ее подвозили в церковь.

— Значит, он вам иногда звонил, — сказал Дэлглиш. — А вы ему когда-нибудь звонили?

Она отвернулась и принялась тщательно взбивать подушку.

— О Господи, конечно, нет! Зачем мне? Я даже не знаю его номера телефона.

— Странно, что он ездил не в деревенскую церковь, а в Гайз-Марш, — заметил Мэссингем.

Мисс Уиллард взглянула на него весьма сурово:

— Вовсе не странно. Мистер Суоффилд очень достойный человек, но он же привержен Низкой церкви. Очень привержен. Болота всегда были глубоко привержены евангелической церкви. Когда мой дорогой батюшка был здесь пастором, ему постоянно приходилось сражаться с при-

ходским церковным советом из-за того, можно ли оставлять часть святых даров после причастия или нет. А еще я думаю, что доктор Лорример не хотел втягиваться во все эти деревенские и церковные дела. Очень трудно не втянуться, если ты становишься постоянным членом церковной общины. А отец Грегори этого от него не ждал. Он понимал, что у доктора Лорримера отец очень старый и требует заботы и очень ответственная работа. Между прочим, я очень огорчилась, что полиция не вызвала отца Грегори. Кто-то должен был вызвать священника к телу погибшего.

Дэлглиш мягко возразил:

— Он ведь уже несколько часов как умер, когда его обнаружили, мисс Уиллард.

— Даже если и так, все равно ему нужен был священник.

Она встала, словно давая понять, что беседа закончена. Дэлглиш рад был уйти. Он вполне официально выразил ей благодарность и попросил мисс Уиллард немедленно связаться с ним, если ей придет в голову что-нибудь, представляющее интерес. Он и Мэссингем были уже в дверях, когда она вдруг властно окликнула:

— Молодой человек!

Оба детектива обернулись к ней. Адресуясь прямо к Мэссингему, она произнесла тоном старорежимной нянюшки, распекающей воспитанника:

— Будьте любезны, закройте окно, которое вы без разрешения открыли, и зажгите погасшую свечу.

Безропотно, словно подчиняясь давно забытым законам детской, Мэссингем выполнил ее требование. Им пришлось самим отыскивать путь из дома, и никто не встретился им на этом пути. Когда в машине они пристегивали ремни безопасности, Мэссингем не выдержал:

— Господи Боже мой, неужели Керрисон не мог найти никого более подходящего, чем эта старая ведьма, чтобы заботиться о детях? Она же грязнуля, пьяница, да к тому же еще и наполовину сумасшедшая!

— Керрисону это не так-то просто сделать. Глухая деревня, огромный, холодный дом и дочка, с которой не так уж легко справиться. Если приходится выбирать между такой вот работой и пособием по безработице, большинство женщин в наши дни скорее всего предпочтут пособие. А вы на кострище посмотрели?

— Там ничего нет. Похоже, они время от времени сжигают кучу старой мебели, которая сложена у них в одном из каретных сараев, и садовый мусор. Уильям сказал, что Нелл разожгла костер сегодня рано утром.

— Так Уильям и говорить умеет? — спросил Дэлглиш.

— Ещё как умеет! Но я не уверен, что вы смогли бы понять его, сэр. А вы поверили мисс Уиллард, когда она подтвердила алиби Керрисона?

— Я готов поверить ей ровно настолько же, насколько миссис Брэдли или миссис Блейклок, когда они подтверждают алиби Брэдли или Блейклока. Что тут можно сказать? Мы знаем, что Керрисон действительно звонил доктору Коллингвуду в девять и был дома, когда тот позвонил ему около десяти. Если мисс Уиллард будет держаться своих слов, он остается вне подозрений на этот час, а мне представляется, что это и есть критическое время. Но откуда ему-то знать об этом? А если бы он и знал, с чего бы он вдруг предположил, что мы сможем определить время смерти от точки до точки? Сидел с дочерью до девяти, а потом, без чего-то десять, заглянул к мисс Уиллард... Это очень похоже на попытку доказать, что он пробыл дома весь этот час.

— Но он, судя по всему, и был дома, раз ответил на тот звонок. И я не могу себе представить, как ему удалось бы попасть в Лабораторию, убить Лорримера и вернуться домой меньше чем за шестьдесят минут, если он пешком туда шел. А мисс Уиллард, кажется, вполне уверена, что машину он из гаража не выводил. Я думаю, он мог бы успеть, если бы пошел коротким путем — через стройку, но и тут ему едва хватило бы часа.

В этот момент в машине запищал радиотелефон. Дэлглиш ответил на вызов. С контрольного пункта в Гайз-Марше сообщили, что сержант Рейнольдс из Лаборатории ищет с ними связи. Получено заключение лаборатории Столпола.

ГЛАВА 4

Дверь они открыли вместе. Миссис Брэдли — со спящим ребенком на руках. Брэдли сказал:

— Входите. Вы по поводу следов рвоты, ведь так? Я вас ждал.

Они прошли в гостиную. Брэдли указал Дэлглишу и Мэссингему на стулья, а сам сел на диван напротив них. Его жена придвинулась к нему поближе, переложив девочку так, чтобы поддерживать ее плечом.

Дэлглиш спросил:

— Вы хотите, чтобы присутствовал адвокат?

— Нет. Во всяком случае, пока — нет. Я готов сказать вам всю правду, и вреда это мне не принесет. Думаю, самое страшное, что мне может грозить, — это потеря работы. Ничего больше. Да мне вроде бы уже все равно.

Мэссингем раскрыл блокнот. Дэлглиш обратился к Сюзан Брэдли:

— Не хотите ли уложить девочку в коляску, миссис Брэдли?

Она пристально смотрела на него горящими глазами. Потом яростно затрясла головой и прижала девочку покрепче, будто боялась, что они вот-вот вырвут ребенка у нее из рук. Хорошо хоть, что девочка спит, думал Мэссингем. Неприятно, что она тут и что ее мать уходить не собирается. Он смотрел на девочку, прижатую, словно кулек, к плечу матери, на ее розовый спальный комбинезон, на

длинные волосики, бахромой прикрывшие углубление на нежной шейке пониже затылка, на круглую лысинку на самом затылке, видел плотно сомкнутые веки и смешной курносый носик. А ее тоненькая мать с этим издающим запахом молока кульком на руках угнетала его гораздо сильнее, чем целая орда норовистых, враждебных полиции законников.

Очень много можно было бы сказать за то, чтобы погрузить подозреваемого на заднее сиденье полицейской машины и отвезти в полицию, где он дал бы официальные показания в функциональной анонимности помещения для допросов. А вот гостиная семейства Брэдли уже вызвала у него смешанное чувство раздражения и жалости. Камина в комнате не было, главное место — над стенным электрообогревателем — занимал телевизор, а над ним — всем известная гравюра: волны, бьющие в скалистый берег. Противоположная стена оклеена обоями под стать занавесям в цветочек, но остальные три голы, штукатурка на них уже начала трескаться. Тут было и металлическое детское креслице с подстеленным под него куском полиэтилена — чтобы оберечь ковер. Все здесь казалось новым, как если бы ни один из них не принес в семью ничего из накопившихся за предыдущие годы личных вещей, и оба они вступили духовно обнаженными во владение этой тесной, безликой комнатой.

Разговор начал Дэлглиш:

— Будем считать, что в прошлый раз вы изложили последовательность ваших действий в среду вечером неверно или неполно. Так что же произошло на самом деле?

Мэссингем на минуту задумался, почему же Дэлглиш не предупреждает Брэдли о том, что его слова могут быть использованы против него; потом решил, что знает причину. Может, Брэдли и хватило решимости убить, если его довели до предела, но ему никогда не хватило бы смелости вылезти в окно и спуститься с третьего этажа по стене. А если он

этого не мог сделать, как же он вышел из Лаборатории? Убийца Лорримера либо имел ключи, либо вылез через это окно. Все их расследование, все тщательные, много раз повторенные осмотры здания Лаборатории подтверждали эту гипотезу. Иного пути не было.

Брэдли взглянул на жену. Она улыбнулась в ответ преобразившей ее улыбкой и протянула ему свободную руку. Схватив ее ладонь, он придвинулся поближе, облизал губы и заговорил так, будто давно отрепетировал свою речь:

— Во вторник доктор Лорример закончил писать мою ежегодную аттестацию. Он сказал, что поговорит со мной на следующий день, перед тем как передаст ее доктору Хоурарту, и вызвал меня к себе в кабинет почти сразу, как пришел на работу. Он дал мне отрицательную характеристику и, как положено по правилам, должен был объяснить мне почему. Я хотел оправдаться, но не смог. И потом, мы ведь были не одни. Я чувствовал, что все в Лаборатории знают, что происходит, прислушиваются и ждут. И я его так боялся... Сам не знаю почему. Не могу этого объяснить. Он на меня так действовал, что достаточно было, чтоб он рядом со мной в Лаборатории работал, как меня начинало трясти. А когда он выезжал на место преступления — вот тогда я себя чувствовал на седьмом небе. И мог хорошо работать. Эта ежегодная аттестация не была несправедливой. Я знаю, что стал работать из рук вон плохо. Но ведь он тоже был отчасти в этом виноват. Казалось, он воспринимал мои ошибки как нападки на него самого, как личное оскорбление. Плохая работа была ему непереносима. Самая мысль об ошибках была для него мучением. А я испытывал такой страх, что ошибался все чаще и чаще.

Он на мгновение замолчал. Никто не произнес ни слова. Тогда он снова заговорил:

— Мы не собирались идти на деревенский концерт, потому что некого было оставить с ребенком. К тому же мать Сюзан должна была приехать поужинать с нами. Я вернулся домой незадолго до шести. После ужина — мясо с рисом

карри и зеленым горошком — я проводил тещу к автобусу в семь сорок пять. И сразу вернулся домой. Но я не мог перестать думать об этой отрицательной характеристике, о том, что скажет доктор Хоуарт, что делать, если он предложит мне перейти на другую работу, сможем ли мы продать этот дом. Нам пришлось купить его, когда цены были максимально высокими, а сейчас практически невозможно найти покупателя, если только не уступить его значительно дешевле. Ну и конечно, я думал, что никакая другая лаборатория меня теперь не возьмет. Через некоторое время я решил пойти обратно в Лабораторию и прямо поговорить с ним. Кажется, мне пришло в голову, что мы в конце концов сможем найти общий язык, что могу же я поговорить с ним по-человечески, заставить его понять, что я чувствую. К тому же я знал, что сойду с ума, если буду сидеть в четырех стенах. Я просто должен был куда-то пойти, вот и пошел в сторону Лаборатории. Сюю я не сказал, что собираюсь сделать, но она попыталась меня отговорить от прогулки. Но я ее не послушал.

Он поднял глаза на Дэлглиша и спросил:

— Можно мне воды выпить?

Мэссингем, ни слова не говоря, встал и пошел искать кухню. Стаканов он там не обнаружил, но на сушилке стояли две чистые чашки. Он наполнил одну из них холодной водой и отнес Брэдли. Тот осушил чашку одним глотком. Утерев влажные губы ладонью, он продолжал:

— По дороге в Лабораторию мне никто навстречу не попался. В нашей деревне жители не очень-то любят выходить на улицу, когда стемнеет, да и большинство из них, я думаю, было на концерте. В вестибюле Лаборатории горел свет. Я позвонил в дверь, и Лорример открыл мне. Казалось, его удивил мой приход, но я сказал, что мне надо с ним поговорить. Он взглянул на часы и сказал, что может уделить мне всего пять минут. Я пошел за ним в Биологический отдел.

Брэдли взглянул прямо в глаза Дэлглишу и сказал:

— Это была очень странная беседа. Я чувствовал, что ему не терпится отделаться от меня. Какое-то время мне даже казалось, что он вовсе и не слышит, что я ему говорю, а порой и не сознает, что перед ним — я. У меня не очень хорошо получалось. Я попытался объяснить ему, что я вовсе не нарочно небрежен, что я люблю эту работу и хочу, чтобы она шла успешно, и что я очень хочу работать так, чтобы наш Отдел мог мной гордиться. Я попытался объяснить ему, как он на меня действует. Не знаю, слушал ли он меня. Он стоял передо мной, уставившись взглядом в пол.

А потом поднял глаза и заговорил. На меня он не смотрел, он смотрел вроде бы сквозь меня, будто меня там вовсе и не было. И он говорил такое, такие ужасные вещи, будто произносил монолог из пьесы, не имеющий ко мне никакого отношения. Я слышал все одни и те же слова, снова и снова. Неудачник. Бесплезный. Безнадежный. Ник чему не пригодный. Он даже сказал что-то о браке, вроде я и в сексе тоже неудачник. Я думаю, он был не в себе. Не могу объяснить, как это все выглядело, как он изливал всю свою ненависть — ненависть, беду и отчаяние. Я стоял перед ним, содрогаясь под этим потоком слов, льющихся на меня как... как поток зловонной грязи. А потом его взгляд сфокусировался на мне, и я понял, что он увидел меня, меня — Клиффорда Брэдли. И голос его теперь звучал совсем иначе. Он сказал: «Вы — третьеразрядный биолог, а судмедэксперт и того хуже. Таким вы были, когда пришли в наш отдел, таким и останетесь. У меня только две возможности: либо проверять каждый полученный вами результат, либо пойти на риск, что наша Лаборатория и все ведомство окажутся дискредитированными в суде. Ни на то, ни на другое согласиться невозможно. Поэтому я предлагаю вам искать другую работу. А теперь у меня есть другие дела, и я прошу вас уйти».

Он повернулся ко мне спиной, и я вышел. Я знал — все было напрасно. Лучше было мне вообще не приходиться. Он

раньше никогда не говорил мне, что он обо мне на самом деле думает, во всяком случае, не такими словами. Мне было плохо, я чувствовал себя совершенно несчастным, и я понял, что плачу. Из-за этого я презирал себя еще больше. Я побрел наверх, в мужскую умывалку, и еле успел добраться до первой раковины, как меня вывернуло наизнанку. Не помню, как долго я простоял там, согнувшись над раковиной, откашливался и плакал. Думаю, минуты три-четыре. Немного спустя я открыл холодный кран и ополоснул лицо. Потом попытался взять себя в руки. Но меня все еще трясло и тошнило. Я зашел в кабинку, сел на стульчак и опустил голову на руки.

Не знаю, сколько я там просидел. Может, минут десять. Но может быть, и дольше. Я понял, что никогда не смогу заставить его изменить мнение обо мне, что никогда он меня не поймет. Он был вроде бы и не человек вовсе. Я понял, что он меня ненавидит. Но теперь и я стал ненавидеть его. Но по-другому. Мне придется уйти; я понимал, он об этом позаботится. Но я по крайней мере могу сказать ему все, что я о нем думаю. Могу поступить как мужчина. И я спустился по лестнице и вошел в Биологический отдел.

Он снова замолчал. Девочка на руках у матери пошевелилась и тихонько вскрикнула во сне. Сюзан Брэдли, совершенно машинально, принялась, воркуя, укачивать ее, но не сводила с мужа глаз.

Брэдли продолжал:

— Он лежал меж двух исследовательских столов, тех, что посреди лаборатории, лицом вниз. Я не стал задерживаться, чтобы посмотреть, умер ли он. Понимаю, что должен бы чувствовать себя ужасно из-за этого, из-за того, что бросил его, не позвав на помощь. Только я так себя не чувствую. Не могу заставить себя жалеть о нем. Но в тот момент я не был рад, что он умер. У меня не было никакого иного чувства, кроме ужаса. Я бросился вниз по лестнице и прочь из Лабо-

ратории, словно его убийца гнался теперь за мной. Дверь была по-прежнему заперта на английский замок, и я понимаю, что должен был отодвинуть нижний засов, но я этого не помню. Помчался со всех ног по въездной аллее. Думается, по дороге тогда шел автобус, но он тронулся еще до того, как я успел добежать до ворот. Когда я вышел на дорогу, он уже почти скрылся из глаз. Потом я увидел машину. Она приближалась, и я инстинктивно отошел в тень забора. Машина замедлила ход и свернула к въезду в Лабораторию. Тогда я заставил себя идти медленнее, как обычно. Затем помню только, что оказался дома.

Тут впервые заговорила Сюзан Брэдли:

— Клиффорд рассказал мне об этом. Но конечно, он и не мог иначе. Он выглядел так ужасно, что я поняла — должно быть, случилось что-то страшное. Мы вместе решили, как нам лучше поступить. Мы же знали, что он не имеет отношения к тому, что произошло с доктором Лорримером. Но кто поверил бы Клиффу? Все в Отделе знают, как доктор Лорример к нему относился. Все равно ему не избежать подозрений, а если еще вы обнаружите, что он был там, в Лаборатории, в тот самый момент, когда это случилось, как удалось бы ему убедить вас, что он не виновен? Так что мы решили сказать, что весь вечер провели вместе. Мама позвонила около девяти, чтобы сообщить, что благополучно добралась домой, и я сказала ей, что Клифф принимает ванну. Она ведь никогда не одобряла нашего брака, и мне не хотелось говорить ей, что он ушел. Она стала бы критиковать его за то, что он оставил нас с дочкой одних. Так что мы знали, что она может подтвердить то, что я сказала, и это могло как-то помочь, хоть она и не разговаривала с ним в тот вечер. И тут Клифф вспомнил, что его врывало.

Ее муж продолжил ее рассказ, теперь уже охотно, чуть ли не страстно, как бы стремясь подвигнуть их на то, чтобы они поняли и поверили ему:

— Я помнил, что ополоснул лицо холодной водой, но не мог быть уверен, что раковина осталась чистой. Чем больше я об этом думал, тем сильнее был уверен, что в ней остались следы рвоты. И я знал, что вы можете по ним определить. Я — «выделитель», но не это меня волновало. Я знал, что желудочные кислоты разрушают антитела и Лаборатория не может определить мою группу крови. Но в желудке был порошок карри и пигмент горошка. По ним вполне можно определить, что было съедено во время последнего приема пищи, и так идентифицировать меня. А солгать о том, что я ел, было невозможно, ведь с нами ужинала мать Сью.

И вот нам пришлось в голову попробовать помешать миссис Бидуэлл рано явиться в Лабораторию. Я всегда прихожу на работу до девяти, так что я совершенно естественно первым окажусь на месте преступления. Если я сразу пройду в умывалку, как я и сделал бы в нормальных условиях, и про мою раковину, тогда единственная улика, доказывающая, что я был в Лаборатории накануне вечером, исчезнет без следа. Никто ничего не узнает.

Сюзан Брэдли сказала:

— Это была моя идея — позвонить миссис Бидуэлл, и это я говорила по телефону с ее мужем. Мы знали, что она к телефону не подойдет. Она никогда не подходит. Но Клифф не знал, что мистер Лорример-старший не лег накануне в больницу. Его послали куда-то из Отдела, когда звонил мистер Лорример. Так что из нашего плана ничего не вышло. Мистер Лорример позвонил инспектору Блейклоку, и все явились в Лабораторию почти тогда же, когда и Клифф. После этого нам ничего не оставалось, как ждать.

Дэлглиш мог представить, каким страшным было это время ожидания. Неудивительно, что Брэдли не мог отважиться пойти в Лабораторию.

— Когда вы позвонили в дверь Лаборатории, сколько прошло времени, прежде чем доктор Лорример открыл вам? — спросил он.

— Почти сразу же. Он не мог успеть спуститься сверху, из Биологического отдела. Наверное, он был где-то на первом этаже.

— Он не сказал вам что-нибудь вроде того, что ждет посетителя?

Соблазн был велик и вполне очевиден. Но Брэдли ответил:

— Нет. Он говорил о том, что у него есть дела, но я так понял, что он имеет в виду анализ, который тогда проводил.

— А когда вы увидели труп, вы не слышали и не видели ничего, что могло бы указать на убийцу?

— Нет. Но я, конечно, и не задержался ни на минуту, чтобы посмотреть. Но он был там, и очень близко, в этом я уверен. Не знаю почему.

— А вы заметили, как лежал молоток и что из черновой тетради Лорримера была вырвана страница?

— Нет. Ничего не заметил. Все, что я запомнил, — это Лорример — труп и тоненькая струйка крови.

— Когда вы были в умывальной, вы не слышали звонка в дверь?

— Нет. Но не думаю, что его можно наверху слышать, я же был не на первом этаже. И даже если можно, все равно бы не услышал — ведь меня выворачивало наизнанку.

— Когда доктор Лорример открыл вам дверь, ничего в нем не показалось вам необычным? Кроме того, что он так быстро отворил вам?

— Ничего необычного. Только у него в руках была тетрадь.

— Вы уверены?

— Да, вполне уверен. Она была раскрыта — обложкой внутрь.

Значит, появление Брэдли помешало Лорримеру что-то делать, что бы это ни было. И находился он на первом этаже, там, где расположены кабинет директора, Отдел судебных материалов, Хранилище вещдоков.

— Ну а машина, которая свернула к Лаборатории, когда вы вышли на дорогу, какого типа?

— Я не видел. Все, что я помню, — это горящие фары. У нас нет машины, и я не очень хорошо различаю их марки, если не могу как следует рассмотреть.

— Вы не помните, как вел ее водитель? Он повернул к въезду уверенно, как будто знал, куда именно едет? Или колебавшись, как если бы искал место, где остановиться, и увидел открытый въезд?

— Он только чуть замедлил ход и свернул к въезду. Я думаю, он знал это место. Но я не стал ждать, чтобы посмотреть, подъехал ли он к Лаборатории. Ну, конечно, на следующий день я понял, что это была не полиция из Гайз-Марша и не кто-нибудь из сотрудников, кто имел ключи, иначе труп обнаружили бы раньше.

Он поднял на Дэлглиша измученный взгляд.

— Что теперь со мной будет? Я не могу смотреть в глаза своим сотрудникам.

— Инспектор Мэссингем отвезет вас в Гайз-Марш, в полицию, вы сделаете официальное заявление и поставите свою подпись. Я объясню доктору Хоурту, что произошло. Вернетесь вы в свою Лабораторию или нет — это решать ему и вашему Организационному отделу. Мне представляется, вам дадут отпуск в связи с особыми обстоятельствами, пока это дело уладится.

Если ему суждено когда-нибудь уладиться. Если Брэдли говорил правду, то выясняется, что Лорример был убит в период от восьми сорока пяти, когда звонил его отец, до девяти часов одиннадцати минут или около того, когда автобус на Гайз-Марш тронулся с остановки «Чевишем». Таким образом, следы рвоты помогли определить время смерти и разрешить тайну звонка к миссис Бидуэлл. Но убийцу им эта улика указать не смогла. Если же Брэдли действительно невиновен, как он будет жить дальше, оставшись в этом ведомстве или даже уйдя из него, если дело не будет раскрыто?

Он проводил Мэссингема с Брэдли до машины и подождал, пока они не отправились в путь. Потом пошел пеш-

ком к Лаборатории Хоггата, куда и идти-то было чуть меньше километра. Ему не доставляло удовольствия предвкушение беседы с Хоуартом. Обернувшись, он увидел, что Сюзан Брэдли все еще стоит на крыльце с ребенком на руках, глядя ему вслед.

ГЛАВА 5

— Я не собираюсь произносить навязшие в зубах общие места, вина во всем самого себя, — сказал Хоуарт. — Не считаю нужным с ложным смирением принимать на себя чужую ответственность. И тем не менее я должен был знать, что Брэдли на грани срыва. Подозреваю, что старый доктор Макинтайр не допустил бы такого происшествия в Лаборатории. А сейчас мне, пожалуй, лучше позвонить в Организационный отдел. Думаю, они сочтут, что ему надо пока побыть дома. В Биологическом отделе каждая пара рук на счету. Клэр Истербрук делает сколько может, выполняя то, что должен был выполнить Лорример, но есть какие-то пределы возможного. Сейчас она проводит анализы по делу о меловом карьере. Настаивает на том, чтобы снова сделать электрофорез. Я ее не виню: ведь это ей придется давать показания. Она может с уверенностью говорить только о самостоятельно полученных результатах.

Дэлглиш спросил, что же скорее всего произойдет с Клиффордом Брэдли.

— Ну, разумеется, поступит какая-то инструкция по поводу создавшейся ситуации. Как всегда в таких случаях. С ним обойдутся, найдя по возможности компромисс между необходимостью и человечностью. Если, конечно, вы не предполагаете арестовать его по обвинению в убийстве. Тогда, с точки зрения администрации, проблема решится сама собой. Кстати говоря, звонили из Отдела по связям с обще-

ственностью. У вас, очевидно, не нашлось времени просмотреть сегодняшние газеты. Некоторые из них очень шумят по поводу охраны лабораторий. «В безопасности ли образцы нашей крови?» А одна из воскресных газет поручила кому-то статью «Наука на службе у преступности». Между прочим, в Отделе хотели бы переговорить с вами. Они надеются организовать еще одну пресс-конференцию сегодня днем.

Когда Хоуарт ушел, Дэлглиш присоединился к сержанту Андерхиллу и занялся четырьмя огромными связками папок, которые принесла Бренда Придмор. Поразительно, какое количество из шести тысяч дел и сколько экспонатов из почти двадцати пяти тысяч вещдоков, которые Лаборатория обрабатывала каждый год, имели в регистрационном номере цифры 18, 40 или 1840. Дела приходили из всех отделов: Биологического, Токсикологического, Криминалистики, Исследования крови на содержание алкоголя, Транспортных средств. Практически все сотрудники Лаборатории выше старшего научного имели к ним отношение. Все дела, по всей видимости, были в абсолютном порядке. Дэлглиш по-прежнему был уверен, что таинственное телефонное сообщение — ключ к смерти Лорримера. Но казалось все более невероятным, что эти цифры, если старый мистер Лорример их правильно запомнил, хоть как-то связаны с регистрационными номерами дел.

К трем часам он решил отложить эти дела в сторону и посмотреть, не смогут ли физические усилия стимулировать деятельность его мозга. Давно пора пройти по территории имени и взглянуть на часовню Рена. Он уже было взял плащ с вешалки, как зазвонил телефон. Звонил Мэссингем из Гайз-Марша. Удалось выяснить, что за машина стояла на въездной аллее вечером в саду. Это была серая «картина», принадлежавшая некоей миссис Морин Дойл. Миссис Дойл в настоящее время гостит у своих родителей в Илфорде, в графстве Эссекс, но она подтвердила, что это ее машина и что в вечер убийства машиной пользовался ее муж, детектив-инспектор Дойл.

ГЛАВА 6

Помещение для допросов в полицейском участке Гайз-Марша было маленьким, душным и тесным. Суперинтендент Мерсер, высокий и массивный, занимал гораздо больше места, чем полагалось, и Мэссингему казалось, что он к тому же и вдыхает гораздо больше воздуха, чем следовало бы. Из пяти присутствующих, включая стенографистку, по-видимому, один только Дойл чувствовал себя в своей тарелке и совершенно не был встревожен. Допрашивал его Дэлглиш. Мэссингем стоял спиной к окнам.

— Вчера вы были у Лаборатории Хоггата. Под деревьями справа от входа на земле обнаружены свежие следы ваших покрышек. Если вам угодно зря тратить свое и наше время, можете взглянуть на слепки.

— Я признаю, что это следы моих покрышек. Вечером в понедельник я на некоторое время припарковался под деревьями.

— Зачем?

Вопрос прозвучал так спокойно, был таким естественным, будто Дэлглиш просто по-человечески, искренне интересовался — зачем.

— Я был не один. — Он помолчал, потом добавил: — Сэр.

— Я очень надеюсь, ради вас самого, что вчера вечером с вами кто-то был. Даже алиби нескромного характера лучше, чем отсутствие алиби. Вы поспорили с Лорримером. Вы — один из немногих, кого он впустил бы в Лабораторию. И вы поставили свою машину под деревьями. Если вы не убивали Лорримера, зачем вы стараетесь убедить нас, что сделали это?

— Вы же и сами не верите, что это я его убил. Вы, вполне возможно, подозреваете или уже знаете, кто это сделал. И вы меня не запугаете, потому что я знаю — никаких улик у вас нет. Я взял «кортину» потому, что у моего

«рено» полетело сцепление, а не потому, что я не хотел быть узанным. До восьми вечера я был с сержантом Бийлом. Мы с ним опрашивали одного человека в Маддингтоне, его зовут Барри Тэйлор, а потом мы поехали еще к одному-двум ребятам, которые были на танцах в прошлый вторник. С восьми я ездил на машине один, и куда именно — это мое личное дело.

— Нет, если речь идет об убийстве. Разве вы сами не это объясняете подозреваемым, когда они пытаются дать вам в качестве успокоительного эту старую байку про неприкосновенность их личной жизни? Вам-то надо бы действовать поумнее, Дойл.

— Я не был в Лаборатории в среду вечером. Следы покрышек остались с того времени, когда я поставил там машину в понедельник.

— Покрышка «данлоп» на левом заднем колесе совсем новая. Ее поставили днем в понедельник в гараже Горринджа, а ваша жена забрала «кортину» только в среду, в десять утра. Если вы не заезжали в Лабораторию, чтобы поговорить с Лорримером, то что вы тогда там делали? И если то, что вы делали, не было противозаконным, почему вы поставили машину у самого въезда, да еще под деревьями?

— Если бы я заехал туда, чтобы убить Лорримера, я поставил бы ее в одном из гаражей позади здания. Это было бы гораздо безопаснее, чем оставлять «кортину» на въездной аллее. И приехал я туда уже после девяти. Я знал, что Лорример задержится, чтобы поработать над делом о меловом карьере, но не думал, что так поздно. Лаборатория была вся темная — ни огонька. А дело в том, раз вам так надо знать, что я подобрал женщину на перекрестке, чуть проехав Мэйни. Домой я не очень-то торопился, и мне нужно было отыскать местечко, где бы остановиться — чтобы укрыто было и спокойно. Территория Хоггата показалась мне вполне подходящим местом. Мы пробыли там с девяти пятнадцати до девяти пятидесяти. Никто из Лаборатории за это время не выходил.

Довольно много времени потратил, подумал Мэссингем. А собирался скорее всего все делать по-быстрому — одноразовый перепах, и все.

— Вы хоть побеспокоились выяснить, кто она такая? — спросил Дэлглиш. — Назвали себя друг другу?

— Я сказал ей, что меня зовут Ронни Макдоуэлл. Имя не хуже других. Она сказала, что она — Дора Микин. Не думаю, что лгали мы оба.

— И это все? Ни где она работает, ни где живет?

— Она сказала, что работает на сахарозаводе, а живет в доме, что рядом с заброшенной паровой мельницей, в Охотничьем болоте. Если она мне не наплела, найти ее будет нетрудно.

Главный суперинтендент Мерсер мрачно произнес:

— Очень на это надеюсь, ради вас же самого. Но вы, конечно, понимаете, чем это вам грозит?

Доыл рассмеялся. Всем на удивление, смеялся он с облегчением.

— Еще бы, конечно, понимаю. Но пусть это вас не волнует: я подаю заявление об отставке — с сегодняшнего дня.

— А вы уверены, что в Лаборатории не было света? — спросил Дэлглиш. — Что все здание было темным?

— Я бы там не припарковался, если бы свет горел. Ни огонька видно не было. И хотя, должен признать, пару-тройку минут я был некоторым образом занят, я мог бы поклясться, что никто не прошел по аллее, пока мы там находились.

— И из парадного никто не выходил?

— Думаю, это могло случиться. Но ведь въездная аллея не длинная — я бы сказал, всего метров сорок. Думаю, я заметил бы, если только он не выскользнул из двери по-быстрому. Сомневаюсь, что кто-то рискнул бы выйти, во всяком случае, если бы он видел свет фар и знал, что там стоит машина.

Взглянув на Мерсера, Дэлглиш сказал:

— Нам нужно вернуться в Чевিশем. В Охотничье болото заедем по дороге.

ГЛАВА 7

Перегнувшись через спинку викторианского шезлонга, Анджела Фоули массировала шею подруги. Жесткие волосы щекотали тыльную сторону ее ладоней, когда она сильно и нежно разминала напряженные мышцы, добираясь до каждого позвонка под горячей, туго натянутой кожей. Стелла сидела согнувшись, опустив голову на руки. Обе молчали. Снаружи несильный ветер, сметающий прочь мусор, пролетал над болотами, то затихая, то задувая вновь, шевелил опавшие листья во двореке и играл прозрачными белыми клубами дыма над каминной трубой. Но в гостиной все было тихо, если не считать потрескивания огня в камине, тиканья старинных напольных часов да мерного дыхания подруг. Коттедж был пропитан густым, смолистым ароматом горящих яблоневых поленьев и сочным запахом подогревающегося в кухне вчерашнего жаркого.

Несколько минут спустя Анджела Фоули спросила:

— Ну как? Полегче? Хочешь холодный компресс на лоб?

— Нет. Это замечательно. Почти прошло. Странно, ведь эти головные боли у меня бывают, только когда книга идет особенно удачно.

— Еще две минуты, а потом мне лучше заняться обедом.

Анджела размяла пальцы и снова склонилась над шезлонгом. Голос Стеллы, приглушенный складками свитера, вдруг произнес:

— Как это было, когда ребенком ты оказалась на попечении местных властей?

— Не знаю как. То есть я ведь не жила в приюте или где-нибудь вроде этого. Большую часть времени я жила у разных приемных родителей.

— Ну и как это было? Ты же мне на самом деле никогда об этом не рассказывала.

— Нормально. Да нет, это неправда. Это было так, вроде ты живешь во второсортном пансионе, где тебе не рады,

и знаешь, что никогда не сможешь заплатить по счету. Пока я не встретила с тобой и не переехала сюда, я всегда чувствовала себя именно так. Будто я не дома в этом мире. Я думаю, мои приемные родители были ко мне добры. Хотели быть добрыми. Но я не была миловидной и не выказывала благодарности. Вряд ли очень приятно воспитывать чужих детей, и, я думаю, люди ждут благодарности. Оглядываясь назад, я понимаю, что им от меня было мало радости, ведь я такая дурнушка, и к тому же с дурным характером. Я как-то услышала разговор соседки с моей приемной матерью. Она говорила, что я похожа на зародыш: лоб огромный, выпуклый, а черты лица мелкие. Я терпеть не могла других детей, потому что у них были матери, а у меня нет. Это чувство мне так и не удалось до конца изжить. Я сама себя презираю за это, но я недолюбливаю Бренду Придмор — это наша новая девушка в регистратуре — потому что она явно любимый ребенок в семье и у нее есть по-настоящему родной дом.

— Да ведь и у тебя теперь он есть. Но я понимаю, что ты хочешь сказать. К пяти годам либо узнаешь, что мир добр и что все и вся в нем тянутся к тебе с любовью, либо понимаешь, что тебя отвергли. Никто и никогда не может забыть этот первый урок.

— Но я же смогла — благодаря тебе. Стар, ты не думаешь, что нам следует поискать другой дом, может быть, поближе к Кембриджу? Там наверняка найдется работа для высококвалифицированного секретаря.

— Нам не будет нужен другой дом. Я сегодня звонила в издательство, и думаю, все будет в порядке.

— В издательство? «Герн и Коллингвуд»? Но как может быть все в порядке? Мне кажется, ты говорила...

— Все будет в порядке.

Неожиданно Стелла высвободилась из-под заботливых рук подружки и поднялась на ноги. Вышла в коридор и вернулась с полупальто на плече и сапожками в руках. Села в

кресло у камина и принялась натягивать сапожки. Анджела Фоули смотрела на нее, ни слова не говоря. Стелла достала из кармана жакета вскрытый коричневый конверт и бросила подруге. Он упал на бархатное сиденье шезлонга.

— Ох, — произнесла она, — я ведь собиралась показать тебе вот это.

Озадаченная, Анджела вынула из конверта сложенный пополам листок и спросила:

— Где ты это нашла?

— Я взяла это с секретера Эдвина, когда копалась там, отыскивая завещание. В тот момент я подумала, что это может когда-нибудь понадобиться. А теперь решила, что нет.

— Но, Стар! Ты должна была оставить это на месте, чтобы полиция могла его обнаружить! Ведь это — улика. Им надо об этом знать! Может, этим-то Эдвин и занимался в тот вечер. Проверял. Это важно. Мы не можем оставить это у себя.

— Тогда тебе надо пойти в Коттедж за мельницей и сделать вид, что ты его нашла, не то будет не очень приятно объяснять, как это к нам попало.

— Но полицейские ни за что нам не поверят: они никак не могли бы это пропустить. Интересно, когда оно пришло в Лабораторию. Странно, что он забрал его домой и даже не убрал под замок.

— Зачем? У него в секретере только один ящик запирается. И я не думаю, чтобы кто-нибудь заходил к нему в комнату, даже его отец.

— Но, Стар, это могло бы объяснить, почему его убили. Это, может быть, и является мотивом убийства!

— Ну, я так не думаю. Это может быть просто неспровоцированное оскорбление, анонимное, ничего не доказывающее. Гибель Эдвина и проще и сложнее. Как всякое убийство. Но полиция может увидеть в этом мотив, и для нас с тобой это было бы очень удобно. Я начинаю жалеть, что не оставила его на месте.

Стелла уже натянула сапожки и собралась уходить.

— Ты знаешь, кто его убил, правда? — спросила Анджела Фоули.

— Тебя шокирует, что я не поспешила сломя голову довериться этому красавцу командеру?

Анджела прошептала:

— Что ты собираешься делать?

— Ничего. У меня нет доказательств. Пусть полицейские сами делают работу, за которую они деньги получают. Мое гражданское сознание, возможно, было бы гораздо сильнее, когда б у нас существовала смертная казнь. Я не боюсь призраков повешенных преступников. Пусть себе стоят по углам моей кровати и воют хоть всю ночь, если им того хочется. Но я не могла бы жить... не могла бы работать, что для меня то же самое, зная, что посадила другого человека в тюрьму и к тому же пожизненно.

— Ну, на самом деле не пожизненно. Лет на десять.

— Я не вынесла бы и десяти дней. А сейчас я выйду пройтись. Ненадолго.

— Но, Стар, уже почти семь! Мы же собирались обедать.

— Жаркое не испортится.

Анджела Фоули молча смотрела, как подруга направляется к выходу. Потом спросила:

— Стар, а откуда ты узнала, что Эдвин заучивал свои показания накануне процесса?

— Если ты мне об этом не говорила, — а ты утверждаешь, что не говорила, — значит, я это сама придумала. Я не могла узнать об этом ни от кого другого. Так что давай лучше спишем это на творческое воображение. — Стелла уже взялась за ручку двери.

— Стар, не уходи сегодня! — крикнула Анджела. — Побудь со мной. Я боюсь.

— За себя или за меня?

— За нас обеих. Пожалуйста, не уходи. Только не сегодня.

Стелла обернулась к ней. Улыбнулась и раскинула руки жестом, который можно было бы понять и как согласие, и как прощание. Послышалось завывание ветра, холодный воздух ворвался в распахнутую дверь. Потом Анджела услышала, как дверь захлопнулась: Стелла ушла.

ГЛАВА 8

— Господи, ну и мрачное же местечко!

Мэссингем захлопнул дверцу машины и не веря своим глазам огляделся вокруг. Ложбина, по которой они ехали в угасающем свете дня, подпрыгивая на неровной дороге, наконец закончилась у железного мостика над шлюзом, где грязно-серая, затхлая вода медленно, словно масло, сочилась меж высоких дамб. На другом берегу стояла развалившаяся паровая мельница викторианских времен, беспорядочные кучи кирпича высились у самой воды, сквозь полуразрушенную стену виднелось огромное чугунное колесо. Рядом с мельницей, ниже уровня воды, притулились два домика. За ними хмурые, израненные плугом, неогороженные поля уходили прямо в залитое багрянцем и пурпуром небо. Окаменелый скелет многие годы пролежавшего в болоте дуба, попавший под лемех плуга и выволоченный из торфяных глубин, подсыхал у дороги. Казалось, это искалеченное доисторическое животное вздымает обрубки конечностей к равнодушным небесам. Несмотря на то что последние два дня было сухо и даже проглядывало солнце, все вокруг выглядело промокшим после многодневных дождей, палисадники раскисли и пропитались влагой, даже стволы редких чахлых деревьев, казалось, размокли в волокнистую массу. Похоже было, что на эту землю никогда не падали солнечные лучи. Когда шаги их зазвенели по железному мостику, откуда-то с тревожным

кряканьем поднялась одинокая утка, нарушив гнетущую тишину.

Только в одном из домов за закрытыми занавесями виден был свет, и они прошли мимо растрепанных ветром клумб с увядшими осенними ромашками к входной двери. Краска на двери облупилась, чугунный дверной молоток заклинило, так что Дэлглиш с трудом смог его приподнять. Несколько минут после глухого, но требовательного стука в доме стояла тишина. Потом дверь отворилась.

Перед ними стояла безвкусно одетая женщина лет сорока, с мелкими чертами лица и бесцветными встревоженными глазами; ее неопрятные, соломенного цвета волосы были оттянуты назад со лба двумя гребенками. На ней было платье из кримплена в коричневую клетку, а поверх него — шерстяная кофта ярко-синего цвета. Увидев ее, Мэссингем инстинктивно сделал шаг назад, бормоча извинения, но Дэлглиш сказал:

— Миссис Микин? Мы из полиции. Можно войти?

Она не дала себе труда даже взглянуть на предъявленное ей удостоверение. Она вроде бы даже не удивилась. Не произнеся ни слова, она прижалась к стене, и они вошли в гостиную раньше хозяйки. Гостиная была маленькая, очень скромно обставленная, незахламленная и угнетающе опрятная. Воздух в ней пропитался промозглой сыростью. Электрический рефлектор-обогреватель с одним элементом был включен, а одинокая лампа без абажура, свисающая с потолка, давала резкий, но недостаточный для этой комнаты свет. Посреди гостиной стоял простой деревянный стол, вокруг него — четыре стула. Женщина явно собиралась приняться за ужин. На подносе остывала тарелка рыбных палочек с горкой картофельного пюре и зеленым горошком. Рядом с подносом — неоткрытая картонка с яблочным тортом.

— Простите, что мы помешали вам поесть. Может быть, вы хотите отнести все это на кухню, чтобы не остыло?

Она покачала головой и жестом предложила им сесть. Они уселись вокруг стола, словно трое картежников. Под-

нос с ужином остался стоять между ними. Горошек исходил зеленоватой жидкостью, в которой медленно застывали рыбные палочки. Невозможно было поверить, что такое незначительное количество еды могло издавать столь мощный запах. Через несколько секунд, словно вдруг осознав это, женщина толчком отодвинула поднос в сторону. Дэлглиш достал фотографию Дойла и через стол протянул ей, сказав:

— Мне представляется, что вчера вечером вы провели какое-то время с этим мужчиной.

— Мистер Макдоуэлл. С ним ничего плохого не стряслось, а? Вы не частные сыщики? Он был добрый со мной, вел себя по-джентльменски. Жалко, если он из-за меня в беду попадет.

У нее был низкий, довольно тусклый голос. Дэлглиш подумал, что родом она из деревни.

— Нет, мы не частные сыщики, — ответил он. — У него и правда неприятности, но не из-за вас. Мы из полиции. Вы лучше всего сможете ему помочь, если расскажете правду. Нас прежде всего интересует, в какое время вы с ним впервые встретились и сколько пробыли вместе.

— Вы хотите, чтобы я ему что-то вроде алиби дала?

— Совершенно верно. Что-то вроде алиби.

— Он подобрал меня там, где я обычно стою, на перекрестке, чуть меньше километра от Мэйни. Должно быть, около семи. Потом поехали в паб. Они почти всегда начинают с того, что ставят мне выпивку. Вот эта часть мне больше всего по душе, — чтобы было с кем в пабе посидеть, на людей посмотреть, голоса да шум вокруг послушать. Я обычно портвейн беру или, может, херес. Если они мне предлагают, я вторую рюмку беру. Больше двух никогда не пью. А иногда они торопятся уйти поскорее, так что только одну предлагают.

— Куда же он отвез вас? — тихо спросил Дэлглиш.

— Не знаю куда, а только мы минут тридцать ехали. Я заметила. — он задумался, куда бы ему поехать, перед тем

как мы от места отъехали. Потому я и догадалась, что он где-то здесь живет. Они всегда стараются подальше отъехать от того района, где их знают. Это я заметила, а еще что они всегда быстро так по сторонам оглядываются перед тем, как в паб войти. Паб назывался «Плуг». Это я снаружи увидела, на вывеске, она лампочками освещена. На самом-то деле мы в бар пошли, и очень там даже неплохо было, должна сказать. У них там в камине торфяные брикеты горели, и каминная полка такая высокая, и всякие разные цветные тарелки вокруг висят, и две вазы с искусственными розами за стойкой, а перед камином — черная кошка. Бармена звать Джо. Он рыжий.

— И сколько вы там пробыли?

— Недолго. Я выпила две рюмки портвейна, а он — два двойных виски. Потом он сказал, что надо ехать.

— И куда же он повез вас потом, миссис Микин?

— Я думаю, в Чевишем. Я разглядела указатель на перекрестке, как раз перед тем как мы туда приехали. Мы свернули на въездную аллею, к такому большому дому, и припарковались под деревьями. Я спросила, кто там живет, а он сказал — никто, просто государственное учреждение. Потом выключил фары.

— И вы занялись любовью, прямо в машине. — Дэлглиш говорил очень мягко. — Вы перешли на заднее сиденье, миссис Микин?

Вопрос ее нисколько не удивил; ни огорчения, ни смущения она тоже не проявила.

— Нет, мы остались впереди.

— Миссис Микин, это очень важно. Вы можете припомнить, сколько времени вы там пробыли?

— О, конечно же. Мне же видны были часы на щитке. Почти четверть десятого было, когда мы приехали, и мы там пробыли почти что до десяти. Я точно знаю, потому что немного беспокоилась, довезет он меня до конца ложбины или нет. Мне ведь только этого и надо было. Я и не хотела, чтоб он меня до двери провожал. А то не очень ловко быва-

ет, если тебя просто бросают за несколько километров от дома. Иногда до дому добраться ох как нелегко.

Она говорит так, будто на местное автобусное сообщение жалуется, думал Мэссингем. А Дэлглиш продолжал спрашивать:

— Кто-нибудь вышел из дома и прошел по аллее, пока вы были в машине? Вы заметили бы, если бы так случилось?

— О, конечно, заметила бы. Увидела бы, если б кто-то выходил через въезд, где когда-то ворота были. Там ведь фонарь напротив, и прямо туда светит.

Мэссингем спросил без обиняков:

— Как вы могли бы заметить? Вы же были вроде очень заняты?

Она вдруг рассмеялась хриплым отрывистым смехом, испугав обоих мужчин:

— Вы что, думаете, это доставляло мне удовольствие? Думаете, мне это нравится?

Потом ее голос снова зазвучал тускло, в нем появились чуть ли не подобоострастные нотки. Она повторила настойчиво:

— Я бы заметила.

— А о чем вы разговаривали, миссис Микин? — спросил Дэлглиш.

Этот вопрос ее оживил. Она ответила Дэлглишу с готовностью, чуть ли не просветлев лицом:

— Ну, ему своих неприятностей хватает. Как и всем, правда ведь? Иногда помогает, если с кем незнакомым поговоришь. Кого никогда и не увидишь больше. Со мной-то никто больше видеться не предлагает. И он не предложил. Но он добрый со мной был. Не торопился поскорее уехать. Иногда они меня прямо выталкивают из машины. Вот это уж не по-джентльменски, обидно очень. Но он вроде рад был поговорить. Больше всего про свою жену говорил. Она здесь, в сельской местности, жить не желает. Сама из Лондона и пилит его, чтоб обратно туда уехать. Хочет, чтоб он со своей работы ушел и у ее отца работал.

Сейчас она дома у родителей, и он даже не знает, вернется она или нет.

— Он не сказал вам, что в полиции работает?

— Ой, что вы! Он сказал, что антикварные вещи продает. Похоже, он про это дело много всего знает. Но я не очень-то внимание обращаю, когда они мне про свою работу рассказывают. Большинство притворяются.

— Миссис Микин, то, чем вы занимаетесь, ужасно рискованно, — мягко проговорил Дэлглиш. — Вы и сами это знаете, не так ли? Когда-нибудь кто-то остановит перед вами машину и потребует от вас гораздо больше, чем час вашего времени. Это очень опасно.

— Я знаю. Иногда, как машина замедлит ход, а я стою на обочине и жду, и подумаю, какой он там, так и слышу — у меня прям сердце колотится. И понимаю тогда, что боюсь до смерти. Но тогда я по крайней мере хоть чувствую что-то. Лучше бояться, чем быть всегда в одиночестве.

Мэссингем возразил:

— Лучше одиночество, чем смерть.

— Вы так считаете, сэр? Тогда, значит, вы просто ничего об этом не знаете, верно?

Через пять минут они простились с миссис Микин, предупредив ее, что завтра за ней заедет полицейский и отвезет ее в Гайз-Марш, где ей нужно будет дать письменные показания в полиции. Казалось, она была даже рада этому, только спросила, нужно ли сообщать на завод. Дэлглиш уверил ее, что никто ничего знать не будет.

Перейдя через мостик, Мэссингем обернулся и посмотрел на ее дом. Она все еще стояла в дверях, тонким темным силуэтом на освещенном фоне. Он произнес сердито:

— Господи, какая безнадежность! Почему она не уедет отсюда, куда-нибудь в город, в Или, а то и в Кембридж, хоть жизнь какую-то увидит.

— Вы говорите, как те профессионалы, которые советуют всем одиноким людям всегда одно и то же: «Надо выхо-

дить на люди, знакомиться, вступить в какой-нибудь клуб...»
Если подумать, именно это она и делает.

— Ей бы надо уехать отсюда, найти другую работу.

— Какую другую работу? Она скорее всего считает, что ей крупно повезло, что она вообще работает. И тут у нее по крайней мере хоть какой-то, да дом есть. Чтобы изменить свою жизнь, человеку требуются молодость, энергия и деньги. А у нее ничего этого нет. Все, что ей остается, — это пытаться не сойти с ума, что она и делает единственным доступным ей способом.

— Но ради чего? Чтобы кончить жизнь еще одним трупом в меловом карьере?

— Вполне возможно. Может быть, к этому она подосзательно и стремится. Есть множество способов искать смерти. Она-то скажет, что таким способом хотя бы получает утешение, сидя в теплом, ярко освещенном баре, и надеется, что, может быть, в следующий раз все будет иначе. И она не собирается прекратить это свое занятие из-за того, что два вмешавшихся в ее дела полицейских объяснили ей, что это опасно. Она и сама это прекрасно знает. Ради Бога, давайте уедем отсюда поскорее!

Когда они пристегивали ремни, Мэссингем сказал:

— Кто бы мог подумать, что Дойл на это способен. Я могу представить себе, что он ее подобрал. Как говорил лорд Честерфилд, ночью все кошки серы. Но провести с ней почти весь вечер, рассказывая о своих проблемах!

— Им обоим что-то нужно было друг от друга. Будем надеяться, они это получили.

— Дойл кое-что получил: прочное алиби. Да и мы неплохие результаты получили от их встречи: мы теперь знаем, кто убил Лорримера и как.

— Мы думаем, что знаем, кто и как. Мы можем даже думать, что знаем почему. Но у нас нет ни крупицы доказательств, а без улик мы не можем ни на шаг продвинуться вперед. В данный момент у нас даже нет фактов, которые позволили бы получить ордер на обыск.

— Ну а теперь что, сэр?

— Назад, в Гайз-Марш. Как только разберемся с делом этого Дойла, я хочу послушать доклад Андерхилла и поговорить с главным констеблем. А после — опять к Хоггату. Поставим машину там, где ее ставил Дойл. Хочу проверить, мог ли кто-то проскользнуть по въездной аллее незамеченным.

ГЛАВА 9

К семи часам удалось наконец подобрать все хвосты: последнее заключение для суда проверено, последний исследованный вещдок упакован и ждет, когда его заберут полицейские, количество прибывших дел и вещдоков подсчитано и сверено. Бренда подумала, что инспектор Блейклок выглядит очень усталым. За последний час он не произнес ни одного слова не по делу. И не потому, что был ею недоволен, это она бы сразу почувствовала, просто он ее почти не замечал. Она и сама говорила очень мало, да и то шепотом, боясь нарушить царившую в пустом вестибюле тишину, жуткую и какую-то плотную. Справа от Бренды широкая лестница уходила наверх, во тьму. Весь день эта лестница эхом отзывалась на шаги ученых, полицейских, слушателей курса о методах работы на месте преступления, явившихся на занятия. А теперь она стала вдруг величественной и грозной, будто лестница в доме с привидениями. Бренда старалась не смотреть туда, но лестница непреодолимо притягивала ее взгляд. Стоило ей на мгновение поднять туда глаза, как ей представлялось, что она чуть ли не видит воочию, как бледное лицо Лорримера выплывает из бесформенных теней и застывает в неподвижном воздухе, а черные глаза Лорримера смотрят на нее сверху с мольбой или отчаянием,

В семь часов инспектор Блейклок сказал:

— Ну вот почти что и все. Твоей маме не очень-то по душе придется, что тебя сегодня так поздно задержали.

Бренда ответила увереннее, чем сочла бы оправданным:

— О нет, моя мама ничего не скажет. Она же знает, я сегодня утром поздно вышла. Я уже позвонила ей и предупредила, чтоб она меня раньше полвосьмого не ждала.

Они пошли — каждый в свою сторону — забрать пальто из раздевалки. Потом Бренда подождала у двери, пока инспектор Блейклок включит и проверит систему внутренней охраны. Двери во все отделы были закрыты и проверены еще раньше. Наконец они вышли из парадной двери и инспектор повернул в замках два последних ключа. Велосипед Бренда ставила в сарай для велосипедов, рядом со старой конюшней, теперь используемой под гараж. Так что они повернули за угол дома все еще вместе. Инспектор Блейклок подождал, пока она оседлает велосипед, и только тогда тронулся и медленно поехал за ней по въездной аллее. У выезда он приветственно посигналил ей и свернул налево. Бренда помахала ему рукой и энергично закрутила педали, свернув в противоположную сторону. Она подумала, что понимает, почему инспектор так заботливо ждал, пока она благополучно не выедет с территории, и была очень ему благодарна. «Может, я ему погибшую дочь напоминаю, — думала она, — потому-то он так добр ко мне».

И тут, почти сразу же, это и произошло. Неожиданный толчок, скрежет металла по асфальту — ошибки быть не могло. Велосипед рвануло — она чуть не слетела с седла в канаву. Изо всех сил нажав на оба тормоза, она слезла и проверила шины, светя себе большим и тяжелым фонарем, который всегда возила с собой в сумке. Обе шины спустились. Первой ее реакцией было необычайное раздражение. Надо же, чтобы это случилось поздно вечером! Она посветила фонарем на дорогу позади велосипеда, пытаясь найти причину неудачи. Где-то здесь, на дороге, наверное, валяется кусок стекла или еще что-нибудь острое. Но она ниче-

го не увидела и рассудила, что, если бы и увидела, помощи от этого все равно никакой. Надежды как-то заделать проколы не было. Следующий автобус в сторону дома пройдет мимо Лаборатории чуть позже девяти, а в Лаборатории никого не осталось, чтобы подбросить ее домой. Она не очень долго раздумывала. Лучше всего будет вернуть велосипед на место, в сарай, и пойти домой пешком, через стройплощадку нового здания. Это сократит путь километра на три, и — если идти быстро — она будет дома чуть позже полвосьмого.

Гнев и бесцельное возмущение невезением — мощное противоядие страху. Так же, как и голод, и здоровая усталость, влекущая человека к домашнему очагу. Бренда рывком поставила велосипед, ставший теперь старым хламом и лишней обузой, на его место у стойки и быстро зашагала по территории Хоггата. Отодвинула засов деревянной калитки, ведущей на стройплощадку, и тут вдруг почувствовала страх. В темноте и одиночестве тот полусуеверный ужас, который можно было так безопасно подстегивать в Лаборатории, с инспектором Блейкломом, спокойным и уверенным, прямо тут, у нее под боком, теперь заставлял трепетать каждый ее нерв. Перед ней во тьме встал черный массив полудостроенной Лаборатории, словно памятник доисторических времен; его огромные плиты-стелы, запятнанные кровью древних жертвоприношений, устремлены вверх, к неумолимым богам. Вечерняя тьма то становилась гуще, то чуть светлела, тучи нависли низким пологом, скрывая немогущий свет звезд.

Бренда приостановилась, но тут облака разошлись, словно сильные руки сорвали чадру с лица полной луны, хрупкой и прозрачной, словно облатка святого причастия. Глядя на нее, Бренда вспомнила вкус этого тоненького кусочка теста, тающего меж языком и нёбом у нее во рту. Но тучи снова сомкнулись, и ее окутала тьма. Поднимался ветер.

Она крепче сжала в руке фонарь. Тяжелый и прочный, он придавал ей уверенности. Пошла, решительно вы-

бирая путь между затянутыми брезентом штабелями кирпичей, огромными балками, уложенными рядами на земле, меж двумя аккуратными домиками на сваях, служившими конторой подрядчика, к проему в кирпичной кладке, обозначавшему вход на главную площадку. И опять приостановилась. Казалось, проем сужается прямо у нее на глазах, становится прямо-таки символически грозным и пугающим, точно вход во тьму и неизвестность. Страхи не столь далекого детства снова брали свое. Ей захотелось повернуть назад.

Тогда Бренда строго велела себе не быть душой. Нет ничего странного или зловещего в недостроенном здании, созданном руками человека из кирпича, стали и бетона: здесь нет воспоминаний о прошлом, нет древних стен — укрытия тайных трагедий и бед. И кроме всего прочего, она хорошо знает эту стройплощадку. Сотрудникам Лаборатории не полагалось ходить через стройку, сокращая путь: доктор Хоуарт повесил сообщение об этом на доске объявлений, описав грозящие им опасности, но все знали, что все ходят. Раньше, до начала строительства, здесь были поля Хоггата и шла дорожка. И вполне естественно, что все вели себя так, будто эта дорожка все еще существует. А она устала и проголодалась. Смешно теперь колебаться.

Потом она подумала о родителях. Никто дома не мог знать про то, что у нее спустили шины, и мама скоро начнет волноваться. Они с отцом начнут звонить в Лабораторию, им никто не ответит, и они поймут, что все уже ушли. Они представят себе, что она убита или ранена где-то на дороге, что ее, потерявшую сознание, забирает «скорая помощь». Или, еще хуже, представят, что она лежит скорчившись на полу в Лаборатории — вторая жертва неизвестного убийцы. И так стоило большого труда убедить родителей, что ей надо остаться на этой работе. А вот теперь это новое беспокойство, возрастающее с каждой новой минутой ее задержки, которое достигнет высшей точки и разрядится облегчением и всплеском гнева, когда она наконец запоздало явится домой, может легко повернуть их к необоснован-

ному, но безапелляционному требованию уйти с работы. Вот уж действительно неудачное время для запозданий. Она твердой рукой направила луч фонаря на проем и решительно шагнула во тьму.

Бренда попыталась восстановить в памяти макет новой Лаборатории, установленный в библиотеке. Этот огромный вестибюль, все еще без крыши, должно быть, большая приемная, она разделяет два основных крыла здания. Ей нужно держаться левее и пройти там, где будет Отдел биологических исследований. Этот путь — самый короткий, чтобы выйти на шоссе Гайз-Марш-роуд. Она провела лучом по кирпичным стенам и, тщательно выбирая дорогу, пошла по неровной земле к левому проходу. Луч фонаря осветил еще один дверной проем, потом еще. Тьма густела, казалась тяжелой от запаха кирпичной пыли и спрессованной земли. И вот бледное сияние ночного неба погасло: она вошла в ту часть здания, где уже клали крышу. Здесь стояла абсолютная тишина.

Она обнаружила, что крадется вперед, затаив дыхание, устремив неподвижный взгляд на расплывающийся лужицей кружок света у своих ног. И вдруг ничего больше не стало — ни неба над головой, ни дверного проема, ничего, кроме черной черноты вокруг. Она провела лучом фонаря по стенам: они грозно приблизились. Это помещение слишком мало даже для личного кабинета. Кажется, она забрела в какой-то стенной шкаф или кладовку. Она твердо знала, что где-то должен быть проход, тот, через который она вошла. Но, потеряв ориентацию в замкнувшей ее тесной тьме, она не могла больше отличить стены от потолка. Каждое движение фонарного луча, казалось, заставляло тяжелую кирпичную кладку смыкаться вокруг нее, а потолок — опускаться, медленно, как могильная плита. Пытаясь овладеть собой, она постепенно, сантиметр за сантиметром, двигалась вдоль одной из стен, уговаривая себя, что где-то здесь, сейчас обязательно найдется дверной проем.

Вдруг фонарь в ее руке дрогнул и пятно света упало на пол. Бренда замерла в ужасе перед грозившей ей опасностью.

Посреди помещения зияло квадратное устье колодца, прикрытое лишь двумя переброшенными через него досками. Один панический шаг, и она могла бы сшибить доски прочь, провалиться в черное небытие. Ей представилось, что колодец этот — бездонный и труп ее не нашел бы никто и никогда. Она лежала бы там, в грязи, по тьме, слишком слабая, чтобы громко кричать. Никто ее не мог бы услышать. А все, что услышала бы она, — это отдаленные голоса рабочих, кладущих кирпич за кирпичом, замуровывая ее, еще живую, в черной, глубокой могиле. Но тут ей стало страшно совсем по-другому: в голову полезли мысли о причинах случившегося.

Она подумала о проколотых шинах. А было ли это случайностью? Шины были в полном порядке, когда этим утром она поставила велосипед на место. Может, никакого стекла на дороге и не было? Может, кто-то сделал это нарочно? Кто-то, кто знал, что она уйдет из Лаборатории поздно, и некому будет подвезти ее домой, и тогда ей придется идти одной через стройплощадку. Она представила, как он бесшумно пробирается в сарай для велосипедов в темноте раннего осеннего вечера с ножом в руке, приседает у колес, прислушивается к шипению уходящего из камеры воздуха, рассчитывая, какой должна быть дырка, чтобы шины спустили прежде, чем Бренда успеет далеко отъехать от Лаборатории. А теперь он поджидает ее, с ножом в руке, где-то здесь, во тьме. Он улыбается, проводя пальцем по лезвию, прислушиваясь к ее шагам, приглядываясь к свету ее фонаря. У него, конечно, тоже есть фонарь. С минуты на минуту его луч ударит ей в лицо, слепя глаза, чтобы она не разглядела жестокой, торжествующей улыбки, сверкающего лезвия. Бренда инстинктивно выключила фонарь и прислушалась: кровь гремела у нее в ушах, а сердце колотилось с такой силой, что она была уверена: кирпичные стены сейчас непременно задрожат в том же ритме.

И тут она услышала шум. Тихий, словно кто-то сделал один шаг и замер. Шорох — будто рукав задел о доску. Он здесь. Он приближается. И теперь не осталось ничего — толь-

ко паника. Рыдая, она заметалась меж стен, ударяясь ладонями о твердый шершавый кирпич, обдирая пальцы. И вдруг — пустота. Она споткнулась и упала в проем, фонарь вылетел из ее рук. Она лежала, всхлипывая, и ждала смерти. Потом что-то ужасное налетело на нее с диким, торжествующим воплем и хлопаньем крыльев, отчего дыбом встали волосы у нее на голове. Она взвизгнула — ее тоненький голос потонул в птичьем крике: сова отыскала незастекленное окно и вылетела в ночь.

Бренда не знала, как долго пролежала так, вцепившись ободранными пальцами в землю. Рот ее был полон пыли. Немного погодя, однако, она сдержала рыдания и подняла голову. И очень ясно увидела окно — огромный квадрат светящегося неба, проколотого лучиками звезд. А справа от окна светился дверной проем. Она с трудом поднялась на ноги. Не стала тратить времени на поиски фонаря, а пошла прямо на благословенный свет дверного проема. За ним открылся еще один. И вдруг больше не было стен вокруг, только сверкающий купол неба раскачивался у нее над головой.

Все еще плача, но теперь уже с облегчением, Бренда бросилась бежать в лунном свете, ничего не сознавая, волосы развевались у нее за плечами, а ноги, казалось, едва касались земли. И вот перед ней полоса деревьев и, сияя сквозь осенние ветви, — часовня Рена, освещенная изнутри, манящая и священная, сверкающая, словно картинка на рождественской открытке. Она бросилась к часовне, протянув к ней раскрытые ладони, как сотни ее предков на черных болотах, должно быть, бросались к алтарям своих богов, ища прибежища. Дверь была приоткрыта, и светлая полоса стрелкой указателя лежала на дорожке. Бренда ударилась всем телом о дубовую панель, и тяжелая дверь качнулась внутрь, в торжество света.

Поначалу ее мозг, парализованный потрясением, отказывался осознать то, что она так ясно увидела. Ничего не понимая, она осторожно протянула вверх руку и погладила мягкий вельвет брюк, коснулась обмякшей, влажной ладо-

ни. Медленно-медленно, словно подчиняясь приказу собственной воли, Бренда подняла глаза и теперь сразу все увидела и осознала. Лицо Стеллы Моусон, ужасное в смерти, склонялось над нею. Глаза были полуоткрыты, ладони повернуты наружу, словно прося о милосердии или о помощи. Вокруг шеи двойной петлей обвивался синий шелковый шнур, конец его, украшенный кистью, был привязан к крюку, высоко вбитому в стену. Рядом с ним, обернутая вокруг второго крюка, виднелась веревка от колокола. Низкий деревянный стул валялся, опрокинутый, под висящими ногами. Бренда подняла стул. Со стоном она ухватилась за веревку и качнулась на ней — раз, другой, третий — прежде, чем веревка выскользнула из ее слабеющих рук, и Бренда потеряла сознание.

ГЛАВА 10

Меньше чем в полутора километрах от часовни, за полем и территорией Хоггата, Мэссингем завел полицейский «ровер» на въездную аллею Лаборатории и остановился в кустах. Выключил фары. Фонарь напротив въезда озарял аллею мягким сиянием, а дверь Лаборатории была ясно видна в лунном свете.

— Я забыл, сэр, — сказал Мэссингем, — что сегодня — полнолуние. Ему пришлось бы ждать, пока луна за тучи зайдет. Но даже так ему, конечно, удалось бы выйти из дома и пройти по аллее незамеченным, если бы он выбрал удачный момент. В конце концов, Дойл мыслями, да и не только мыслями, был погружен во что-то совсем другое.

— Но ведь убийца об этом никак не мог знать. Если он видел, как приехала машина, сомневаюсь, что он стал бы рисковать. Ну что ж, мы, во всяком случае, можем выяснить, возможно это было или нет, даже без помощи миссис

Микин. Это мне напоминает детскую игру «бабушка идет»*. Кто начинает — вы или я?

Но этому эксперименту так и не суждено было осуществиться. Именно в этот момент от часовни донеслись три слабых, но несомненных и четких удара колокола.

ГЛАВА 11

Не снижая скорости, Мэссингем выехал на травянистую обочину и затормозил в нескольких сантиметрах от живой изгороди. Дорога за ними плавно вилась меж расстрепанных ветром кустов, мимо какого-то строения, похожего на заброшенный амбар из почерневших бревен, и дальше, мимо голых болот — к Гайз-Маршу. Справа высился черный массив новой Лаборатории. Фонарь Мэссингема выхватил из темноты перелаз, а за ним — дорожку, ведущую через поле к деревьям на его дальнем конце, сейчас казавшимся лишь размазанным темным пятном на фоне ночного неба.

— Странно, как она далеко от дома, — сказал он. — И стоит так укромно. И не узнаешь, что она тут. Кто-нибудь мог бы подумать, что первые владельцы имения ее построили для совершения тайных магических ритуалов.

— Более вероятно, что они строили ее как семейный мавзолей. Не предполагали исчезнуть без следа.

Больше они не говорили. Они инстинктивно выбрали подъезд к часовне с дороги на Гайз-Марш. Хотя ехать пришлось в объезд около двух километров, это было быстрее, чем идти пешком, отыскивая путь через территорию Хоггата и недостроенное здание Лаборатории. Они ускорили шаг и почти бежали к отдаленной группе деревьев, влекомые каким-то необъяснимым страхом.

* «Бабушка идет» — детская игра типа прятков.

И вот они уже идут меж свободно насаженных буков, ныряя под низко склоненные ветви, а под их ногами шуршат и потрескивают неубранные осенние листья. Наконец впереди вырисовались слабо светящиеся окна часовни. У полуоткрытой двери Мэссингем инстинктивно встал боком, как бы собираясь надавить плечом, но с ухмылкой отступил назад.

— Ох, простите, я забылся. Нет смысла мне врывать сюда с размаху. Это скорее всего мисс Уиллард трет медяшку* или пастор читает положенную молитву, чтобы в очередной раз освятить часовню.

С чуть демонстративной осторожностью он открыл дверь, шагнул в сторону, и Дэлглиш первым ступил в освещенный притвор.

И не было больше разговоров, не было осознанных мыслей, только инстинктивные действия. Теперь они были как единое существо. Мэссингем схватил и приподнял висящие ноги, а Дэлглиш, взяв стул, опрокинутый упавшей без сознания Брендой, освободил двойную петлю на шее Стеллы Моусон и положил женщину на пол. Мэссингем рывком расстегнул застежку ее полупальто, с силой отвел назад ее голову и, бросившись на пол рядом с ней, прижался ртом к ее рту. Непонятный узел на полу у стены вдруг пошевелился и издал тихий стон, и Дэлглиш опустился на колени рядом с Брендой. Почувствовав его руки на своих плечах, она попыталась бороться, неистово и бессмысленно, и слабо вскрикнула, словно замыкал котенок. Потом открыла глаза и разглядела, кто это. Тело ее расслабилось, и она теснее прижалась к Дэлглишу. Сказала еле слышно:

— Убийца. В новом здании. Ждал меня. Он ушел?

Слева от двери был распределительный щит с несколькими выключателями. Одним движением руки Дэлглиш включил их все, и вся часовня засияла огнями. Он шагнул за резную перегородку, в алтарь: там было пусто. Дверь на хоры

* Тереть медяшку — накладывать лист бумаги на медную или бронзовую надгробную плиту, натирать бумагу грифелем или углем, чтобы получить отпечаток надписи, рельефа.

была приоткрыта. Он застучал башмаками по винтовой лестнице, поднялся на галерею. Там тоже было пусто. Он стоял там, глядя вниз, на мирный пустой алтарь, переводя взгляд с изящной лепнины потолка на шахматный узор пола, выложенного мраморными плитами, на два ряда резных деревянных стульев друг против друга, высокими гнутыми спинками обращенных к северной и южной стенам часовни, на гармоничное восточное окно и на дубовый престол, где не было больше на престольной пелены. Теперь на нем стояли только два серебряных подсвечника, высокие белые свечи в них обгорели до половины, фитили почернели. Слева от алтаря, совершенно неуместно, помещалась деревянная доска — обозначать номера псалмов. На ней было четыре номера:

29

10

18

40.

Дэлглишу вспомнился голос старика Лорримера: «Она сказала что-то вроде того, что свет отгорел, и она записала цифры». Две последних цифры были 18 и 40. Так не «свет отгорел», а свечи обгорели — две алтарных свечи, и никакого отношения к номерам дел эти цифры не имеют.

ГЛАВА 12

Сорок минут спустя Дэлглиш остался в часовне один. Вызванный на место происшествия доктор Грин после краткого осмотра констатировал смерть Стеллы Моусон и уехал. Мэссингем отправился вместе с ним — отвезти Бренду Придмор домой и объяснить ее родителям, что случилось, заехать в Спроггов коттедж и вызвать доктора Хоурта. Док-

тор Грин дал Бренде успокоительное — пришлось сделать укол, но не выразил уверенности в том, что она будет в состоянии отвечать на вопросы раньше следующего утра. Вызвали судебного патанатома, он был уже на пути сюда. Голоса, вопросы, звон шагов по лестнице — все на какое-то время утихло.

В тишине часовни Дэлглиш ощутил невероятное одиночество, тем более гнетущее, что здесь лежало мертвое тело: у него было такое чувство, будто кто-то — или что-то — лишь недавно покинуло часовню, оставив за собой пустоту в ее доселе непо потревоженном воздухе. Такое одиночество духа было ему не внове: он уже испытывал его раньше, находясь рядом с недавно умершими. Сейчас он опустился на колени и внимательно оглядел погибшую женщину. При жизни одни лишь глаза придавали некую особость ее изможденному лицу. Теперь они остекленели и казались клейкими, как липкие леденцы, засунутые под полуоткрытые веки. В этом лице не было мира. Его черты, еще не умиротворенные смертью, по-прежнему несли на себе отпечаток жизненной неуспокоенности. Дэлглишу пришлось видеть так много мертвых лиц, что он научился распознавать в них стигматы насилия. Иногда они даже говорили ему — как, когда или где. Но чаще всего, как и в этом случае, они ничего ему не говорили.

Он приподнял конец шнура, все еще свободно обернутого вокруг ее шеи. Сплетенный из шелковых нитей ярко-синего цвета, он был довольно длинным — хватило бы, чтобы подвязывать тяжелую портьеру, а его конец украшала нарядная, синяя с серебряным кисть. У стены стоял длинный, метра в два, деревянный сундук, и Дэлглиш, натянув перчатки, поднял тяжелую крышку. В нос ему ударил запах нафталина, густой и тошнотворный, словно наркоз. В сундуке он увидел пару аккуратно сложенных портьер выцветшего синего бархата, накрахмаленный, но скомканный стихарь, черный с белым капюшон магистра искусств и, поверх всей этой разномастной кучи, — второй плетеный шнур. Тот, кто накинул синий шнур ей на шею — она ли сама или кто-то другой, — знал наперед, где его найти.

Он принялся обследовать часовню. Ступал он мягко, и все же его шаги тяжело и зловеще отдавались от мраморного пола. Очень медленно он прошел меж двух рядов прекрасных резных скамей к престолу. Проект и обстановка часовни напоминали ему церковь в его колледже. Даже запах был тот же — школьный, холодный и строгий, лишь самую малость церковный запах. Сейчас, когда престол был лишен своего убранства, кроме двух свечей в подсвечниках, часовня выглядела совершенно светской, неосвященной. Возможно, она и всегда была такой. Ее официальная классичность отвергала эмоции. Она увековечивала человека, но не Бога; воспевала разум, но не мистическую тайну. Она была местом, где совершались определенные утверждающие ритуалы, помогавшие ее владельцу укрепиться в собственных взглядах на то, каким должно быть устройство вселенной, а также на его собственное место в этом устройстве. Адам попытался отыскать хоть какое-то напоминание о первом владельце — и нашел. Справа от алтаря располагался единственный памятник в этой часовне: мраморный бюст, наполовину задрапированный мраморными же складками ткани, изображал джентльмена восемнадцатого века в пышном парике. Под бюстом — надпись:

«Dieu aye merci de son ame»*.

Эта простая мольба, совсем не характерная для того времени, необыкновенно контрастировала с официальной самоуверенностью самого памятника, с гордым поворотом головы, с самодовольной усмешкой, на полных мраморных губах. Он построил часовню и поместил ее внутри тройного кольца деревьев, но смерть не захотела ни на миг замедлить движение своей руки и даже не дала ему времени проложить подъездную аллею к храму.

По обе стороны перегородки, лицом к восточному окну, стояли на возвышениях две искусно изукрашенных скамьи под резными балдахинами, каждая из них оберегалась от

* Dieu aye merci de son ame — Господи, помилуй его душу (фр.).

сквозняков синими бархатными портьерами, такими же, как те, что лежали в сундуке. На сиденьях — подушки такого же синего бархата; мягкие подушки с серебряными кистями по углам — на книжных пюпитрах. Дэлглиш взобрался на правое возвышение. На бархатной подушке лежал тяжелый, переплетенный в черную кожу «Молитвенник для всех». Он раскрылся с трудом, и яркие черные и красные буквы засияли с желтоватой страницы:

«Ибо я чужой Тебе, и преходяще бытие мое, как и предков моих. Яви же мне хоть малую милость Твою, чтобы я мог вновь обрести силы, прежде чем покину сей мир и исчезну из вида».

Дэлглиш взял книгу за корешок и потряс. Ни листка бумаги не выпало из ее твердых страниц. Но там, где лежала книга, к бархатному ворсу подушки пристали четыре волоска: один светлый и три темных. Достав из кармана конверт, он прилепил волоски к смазанному клеем клапану. Он понимал, что судмедэксперты очень мало что смогут выяснить по всего лишь четверем волоскам, но все же была надежда, что хоть что-то можно будет узнать.

Часовня, думал он, должна была стать идеальным местом для их встреч. Упрятанная среди деревьев, уединенная, безопасная и даже — теплая. Жители Болот с наступлением темноты не выходят из дома и даже в светлые вечера испытывают полусуеверный страх при мысли о посещении этого пустого и чуждого им святилища. Даже не запираясь на ключ, они могли не опасаться случайных посетителей. Ей нужно было лишь внимательно следить, чтобы никто не видел, как ее «ягуар» сворачивает на въездную аллею Лаборатории, и потом она ставила его в одном из гаражей в бывших конюшнях, вдали от любопытных глаз. А дальше? Подождать, пока наконец погаснет свет в Биологическом отделе, пока замелькает, приближаясь, луч фонаря в руке Лорримера, и он пойдет вместе с ней через территорию Хоггата к тройно-

му кольцу деревьев. Не она ли, думал Дэлглиш, притащила все эти подушки в святилище? Может быть, ее еще больше возбуждало то, что они занимались любовью близ лишенного покрова алтаря? Что новые страсти восторжествовали над старыми?

В дверях возникла пламенная шевелюра Мэссингема. Он сообщил:

— С девочкой все в порядке. Мать сразу же уложила ее в постель, и она спит. Потом я заехал в Спроггов коттедж. Дверь была открыта, свет в гостиной горел, но там никого нет. Хоуарт был дома, когда я позвонил, но миссис Шофилд отсутствовала. Он обещал прийти. Доктор Керрисон в больнице, на совещании медицинской комиссии. Его экономка сказала, что он уехал чуть позже семи. Я не звонил в больницу. Если он там, у него будет множество свидетелей.

— А Миддлмасс?

— Никто не отвечает. Обедает где-то или в паб отправился. У Блейклока телефон тоже молчит. А здесь что-нибудь есть, сэр?

— Ничего, кроме того, что мы и ожидали найти. Вы поставили кого-нибудь указать дорогу Блэйн-Томсону, когда он прибудет?

— Да, сэр. Да он, кажется, уже прибыл.

ГЛАВА 13

У доктора Реджиналда Блэйн-Томсона была забавная привычка: прежде чем приступить к обследованию, он ходил вокруг трупа быстрыми мелкими шажками, не спуская с него настороженных глаз, как бы полуопасаясь, что мертвец вдруг оживет и вцепится ему в горло. Так он семенил и сейчас, в безупречном сером, в тонкую полоску костюме, с неперменной розой в крохотной серебряной

бутоньерке на лацкане пиджака: роза выглядела такой свежей, словно стоял июнь и ее только что срезали с куста. Доктор был холостяк, высокий, аристократичный, с худым лицом и нежной, свежей и розовой, как у девушки, кожей. Все знали, что он никогда не надевает защитной одежды, отправляясь освидетельствовать труп. Из-за этого он напоминал Дэлглишу одного из выступающих по телевидению поваров, которые, ради удовольствия продемонстрировать необычайную утонченность своего ремесла, готовят обед из четырех блюд в полном вечернем облачении — не снимая фрака и крахмальной манишки. Поговаривали даже, впрочем, несправедливо, что Блэйн-Томсон и посмертное вскрытие проводит в костюме-двойке.

Однако, несмотря на эти личные странности, он был блестящим судебным патологоанатомом. Присяжные его обожали. Когда он появлялся на свидетельском месте и хорошо поставленным голосом, чуть усталым и небрежно-официальным тоном перечислял свои потрясающие степени и звания и приводил послужной список, они взирали на него с уважительным восхищением людей, умеющих с первого взгляда разобрать, кто выдающийся консультант, а кто — нет, и у которых нет намерения проявить неподобающее недоверие к тому, что он сочтет необходимым им сообщить.

Теперь Блэйн-Томсон присел около трупа, прислушался, принялся, прикоснулся... Потом выключил специальный фонарик и встал в полный рост.

— Так, хорошо, — произнес он. — Вполне очевидно, что она мертва и смерть наступила совсем недавно. В пределах двух часов, если вы настаиваете на определенности. Но вы же и сами скорее всего пришли к тому же выводу, иначе вы не сняли бы ее с веревки. Когда, вы говорите, вы ее обнаружили? В три минуты девятого? Скажем, к тому времени она была мертва уже часа полтора. Вполне возможно. Вы собираетесь спросить меня, убийство это или самоубийство. Все, что я могу сейчас сказать, — это что на шее двой-

ной странгуляционный след и шнур соответствует этому следу. Но это вы и сами можете увидеть. Нет следов удушения руками, и не похоже, чтобы шнур был наложен поверх какой-то иной лигатуры. Она — хрупкая женщина, весом чуть больше сорока четырех килограммов, насколько я могу судить, так что было бы нетрудно с ней справиться. Но следов борьбы нет, и ногти кажутся абсолютно чистыми, значит, по всей видимости, у нее не было возможности или необходимости царапаться. Если это — убийство, то он должен был подойти к ней сзади очень быстро, накинуть шнур петель через голову и потянуть вверх, почти сразу же, как она потеряла сознание. Что касается причины смерти — удушение ли это, перелом шейных позвонков или сжатие блуждающего нерва, — ну, тут вам придется подождать, пока она не окажется у меня на столе. Могу забрать ее сразу же, если вы готовы.

— Когда вы сможете провести вскрытие?

— Ну, видимо, чем раньше, тем лучше, не правда ли? Вы не дадите мне простаивать, командер. Мое заключение о Лорримере вопросов не вызвало, как я вижу?

— Нет, благодарю вас. Я пытался вам позвонить.

— Простите, меня трудно застать. Весь день я был практически замурован в самых разных комиссиях. Когда намечено следствие по делу о Лорримере?

— Завтра, в два.

— Я приеду. Думаю, оно будет отложено. И я позвоню вам и дам предварительное заключение сразу, как только ее зашьют.

Он натянул перчатки, тщательно разглаживая каждый палец, и вышел. Слышно было, как он обменялся несколькими словами с констеблем, ожидавшим его, чтобы посветить, когда он пойдет через поле к автомобилю. Кто-то из них засмеялся. Потом голоса затихли.

Мэссингем высунул голову за дверь. Два одетых в темную форму служителя морга, безмянные чиновники смерти, прокатили носилки на колесах к двери, а затем и в ча-

совню с небрежной ловкостью. Подняли труп Стеллы Моусон с равнодушной осторожностью. Повернули носилки, чтобы вывезти их прочь, но тут путь им преградили две темные тени, и Хоуарт с сестрой спокойно и одновременно вошли в ярко освещенную часовню. Двое с носилками замерли без движения, словно древние рабы-илоты, ничего не видя и не слыша.

Мэссингему подумалось, что появление сестры и брата кажется заранее продуманным, как появление кинозвезд, прибывших на премьеру фильма. Они были одинаково одеты — в свободных брюках и светло-коричневых кожаных куртках, отороченных лохматым мехом; воротники у обоих были подняты. И впервые он поразился их необычайному сходству. Впечатление кинопоказа усилилось. Глядя на эти светловолосые головы и надменные лица, обрамленные мехом, на эти два красивых профиля, театрально обрисовавшихся, словно брат и сестра позировали, на фоне темных стенных панелей, он подумал, что они похожи на избалованных близнецов. И снова совершенно одновременно глаза их обратились к закутанному в полиэтилен, словно в саван, телу на носилках, потом оказались устремлены на Дэлглиша. Тот сказал, обращаясь к Хоуарту:

— Вы не очень-то спешили прийти.

— Сестра уезжала покататься на машине, и я ждал ее возвращения. Вы сказали, что мы нужны вам оба. Мне не дали понять, что дело имеет неотложный характер. Что произошло? Инспектор Мэссингем не был слишком словоохотлив, когда так настоятельно вызвал нас сюда.

— Стелла Моусон умерла. Смерть через повешение.

Дэлглиш не сомневался, что Хоуарт правильно оценил важность осторожного подбора слов. Брат и сестра взглянули на два крюка, вбитых в стену, на веревку от колокола, намотанную на один из них, на синий шнур с болтающейся на конце кистью в руке у Дэлглиша.

— Интересно, откуда она узнала, где взять этот шнур? — сказал Хоуарт. — И почему — здесь?

— Вы узнаете этот шнур?

— Он ведь из сундука? Там должны быть два одинаковых шнура. У нас была мысль повесить занавеси у входа в алтарь, когда мы устраивали здесь концерт двадцать шестого августа. Но получилось так, что мы передумали. Вечер был слишком теплый, так что не стоило беспокоиться насчет сквозняков. Тогда в сундуке было два шнура с кистями.

— Кто мог их видеть?

— Практически все, кто помогал с подготовкой: я сам, моя сестра, мисс Фоули, Мартин, Блейклок. Миддлмасс помогал расставлять взятые напрокат стулья, с ним — еще несколько человек из Лаборатории. Кое-кто из женщин взялся помогать с закусками после концерта, поэтому они тоже крутились здесь днем. Сундук не запирается, так что любой заинтересовавшийся, что там внутри, мог туда заглянуть. Но я не понимаю, как мисс Моусон могла узнать про шнур. Она была на концерте, но не принимала участия в подготовке.

Дэлглиш кивнул служителям с носилками. Они осторожно покатали их к двери, и Хоуарт и миссис Шофилд посторонились, давая им пройти. Потом Дэлглиш спросил:

— Сколько имеется ключей к часовне?

— Я вчера уже говорил вам: я знаю только об одном. Он обычно находится на доске в кабинете главного сотрудника по связям с полицией.

— Это — тот, что сейчас в замке?

Хоуарт даже не повернул головы:

— Если на нем пластмассовая бирка Лаборатории — да.

— Вы не знаете, его сегодня кому-нибудь выдавали?

— Не знаю. Эта деталь — из тех мелочей, которыми Блейклок вряд ли стал бы меня беспокоить.

Дэлглиш повернулся к Доменике Шофилд:

— Это предположительно и есть тот ключ, который вы взяли, чтобы заказать такие же, когда решили использовать часовню для встреч с Лорримером. Сколько еще имеется ключей?

Она спокойно ответила:

— Два. Один вы обнаружили на нем. Вот второй.

Она достала ключ из кармана куртки и протянула ему на ладони жестом небрежным и полным презрения.

— Вы не отрицаете, что приходили сюда?

— Зачем? Это не противозаконно. Мы оба — взрослые люди, в здравом уме, свободные. Это даже не было прелюбодеянием, обычное совокупление. Кажется, вас весьма занимает моя сексуальная жизнь, командер, даже когда вы заняты более обычными для вас делами. Вы не боитесь, что это становится навязчивой идеей?

Дэлглиш продолжал, не изменив тона:

— И вы не попросили вернуть вам ключ, когда порвали с Лорримером?

— Опять-таки — зачем? Он был мне без надобности. Это же не обручальное кольцо.

Хоуарт не смотрел на сестру во время этого обмена репликами. Неожиданно он спросил, очень резко:

— Кто ее обнаружил?

— Бренда Придмор. Ее отвезли домой. С ней сейчас доктор Грин.

Голос Доменики Шофилд прозвучал удивительно мягко:

— Бедная девочка. У нее, кажется, входит в привычку обнаруживать трупы, не правда ли? А теперь, когда мы объяснили вам все, что требовалось, про ключи, мы вам еще зачем-то нужны сегодня вечером?

— Только затем, чтобы сообщить нам, где вы оба находились с шести часов.

Ответил Хоуарт:

— Я ушел из Лаборатории примерно без четверти шесть и после этого все время был дома. Моя сестра в семь часов уехала на машине — одна. Она иногда любит поездить в одиночестве.

— Не уверена, что смогу точно определить маршрут, но я заезжала выпить и поесть в очень милый паб в Уиттлзфорде, — сказала Доменика Шофилд, — незадолго до вось-

ми. Может быть, они меня вспомнят. Там меня довольно хорошо знают. А в чем дело? Вы хотите сказать, что это — убийство?

— Это — смерть в результате невыясненных обстоятельств.

— И вероятно, вызывающих подозрения. Но не приходило ли вам в голову, что она могла убить Лорримера, а потом покончить с собой?

— А вы могли бы привести хоть одну убедительную причину, почему она могла бы это сделать?

Она негромко засмеялась:

— Почему она убила Эдвина? Да по самой убедительной и самой тривиальной причине, во всяком случае, так об этом в книжках пишут. Потому что она когда-то была за ним замужем. Разве вам самому не удалось это выяснить, командер?

— Откуда вы знаете?

— Так он мне сам сказал. Вероятно, я единственный человек во всем мире, которому он решился рассказать об этом. Он сказал, что брак этот так и остался нереализованным и через два года был аннулирован. Думаю, именно поэтому он так и не привез жену домой. Неловко, знаете ли, привезти молодую жену познакомиться с родителями и всей деревней, особенно когда ты знаешь, что она тебе и не жена вовсе, и подозреваешь, что так никогда ею и не станет. Не думаю, что его родители вообще знали об этом браке, так что не очень удивительно, что и вы не знаете. Но впрочем, естественно ожидать, что вы раскопаете о человеке все, что касается его частной жизни и личных тревог.

Дэлглиш не успел ей ответить: все они одновременно услышали звук торопливых шагов по каменным ступеням часовни, и в дверях встала Анджела Фоули. Она раскраснелась от бега. Тяжело дыша, она переводила безумный взгляд с одного лица на другое. Спросила, задыхаясь:

— Где она? Где Стар?

Дэлглиш шагнул вперед, но она отступила, словно испугавшись, что он может ее коснуться. И сказала:

— Эти люди. Под деревьями. Люди с фонарем. Они что-то увозят. Что это? Что вы сделали с ней? С моей Стар?

Не глядя на брата, Доменика Шофилд протянула руку. Его рука тотчас же встретила ее ладонь. Они не придвинулись друг к другу, так и стояли неподвижно поодаль, неразрывно связанные соединенными руками.

— Я очень сожалею, мисс Фоули, — ответил ей Дэлглиш. — Ваша подруга умерла.

Четыре пары глаз не отрывались от ее лица, а она сначала взглянула на синий шнур, свободно свисавший с руки Дэлглиша, потом — на два одинаковых крюка в стене и — наконец — на деревянный стул, теперь аккуратно поставленный у стены. Прошептала только:

— О нет! Нет!

Мэссингем шагнул к ней — подхватить под руку, но она стряхнула его ладонь и, закинув назад голову, как воющий зверь, прорыдала:

— Стар! Стар!

Прежде чем Мэссингем успел ее остановить, она выбежала из часовни, и вечерний несильный ветер донес до их слуха ее отчаянный, дикий вопль.

Мэссингем бросился ей вслед. Теперь она молча быстро бежала вперед через рощу, огибая деревья. Но он легко перехватил ее, прежде чем она добежала до двух людей в черном с их ужасной ношей. Сначала она неистово сопротивлялась, но вдруг, обмякнув в его руках, затихла, и он смог поднять ее и отнести в машину.

Когда он, минут через тридцать, вернулся в часовню, Дэлглиш тихо сидел на одной из скамей, видимо глубоко погруженный в текст «Молитвенника для всех». Отложив книгу, он спросил:

— Ну, как она?

— Доктор Грин ввел ей успокоительное. Договорился с районной медсестрой, чтобы она посидела с ней сегодня

ночью. Больше никто ему в голову не пришел. Похоже, ни она, ни Бренда Придмор не смогут отвечать на наши вопросы до завтрашнего утра. — Он взглянул на небольшую горку нумерованных карточек на скамье рядом с Дэлглишем.

— Я нашел их на дне сундука, — объяснил его шеф. — Думаю, мы можем проверить их на отпечатки пальцев вместе с теми, что на доске. Но мы ведь знаем, что там обнаружится.

Мэссингем спросил:

— А вы поверили тому, что рассказала миссис Шофилд? Что Лорример и Стелла Моусон были женаты?

— О да, думаю, это правда. Зачем лгать, когда так легко проверить факты? И это ведь многое объясняет: экстраординарное изменение завещания, и даже тот всплеск эмоций во время разговора с Брэдли. Первая сексуальная неудача, должно быть, очень глубоко его задела. Даже после всех этих лет ему невыносимо было думать, что она может хоть как-то, хоть косвенно, получить выгоду от его завещания. Или, может быть, сама мысль, что она в отличие от него обрела счастье, да к тому же еще — счастье с женщиной, была для него непереносима?

— Итак, она и Анджела Фоули ничего не получают. Но ведь это не причина для того, чтобы покончить с собой. И почему — здесь, другого места не нашлось? — спросил Мэссингем.

Дэлглиш поднялся на ноги.

— Не думаю, что она покончила с собой. Это было убийство.

КНИГА ПЯТАЯ
МЕЛОВОЙ КАРЬЕР

ГЛАВА 1

а ферму Боулема они прибыли еще до рассвета. Миссис Придмор взялась печь очень рано. На кухонном столе уже стояли две больших глиняных миски, накрытые поднявшимся горбом полотном, и дом благоухал теплым, сытным ароматом дрожжевого теста. Когда приехали Дэлглиш и Мэссингем, доктор Грин — приземистый, широкоплечий, с лицом благодушной жабы — убрал стетоскоп на дно старомодного гладстоновского саквояжа*. Прошло не более двенадцати часов, с тех пор как Дэлглиш и доктор виделись в последний раз, ведь, как полицейский хирург, Грин был первым медиком, вызванным освидетельствовать труп Стеллы Моусон. Он провел тогда очень краткий осмотр и заключил:

— Мертва ли она? Ответ: да. Причина смерти? Ответ: повешение. Время смерти? Около часа назад. А теперь вам лучше вызвать эксперта, и он объяснит вам, почему первый вопрос — пока единственный, на который он может дать вам компетентный ответ.

* Гладстоновский саквояж, «гладстон» (по имени премьер-министра Великобритании Уильяма Гладстона) — кожаный неглубокий саквояж с округлыми боками.

Сейчас он не стал тратить времени на вежливые приветствия или вопросы, только коротко кивнул полицейским и продолжал разговор с миссис Придмор:

— С девочкой все в порядке. Она пережила сильное потрясение, но ничего такого, чего не мог бы исправить крепкий ночной сон, с ней не случилось. Она молода, здорова, и двух трупов далеко не достаточно, чтобы превратить ее в невротическую развалину, если вы этого опасаетесь. Моя семья лечит вашу целых три поколения, и ни один из вас за это время из ума не выжил. — Он кивнул Дэлглишу: — Теперь уже можно пройти к ней наверх.

Артур Придмор стоял рядом с женой, крепко сжав пальцами ее плечо. Никто не потрудился представить его Дэлглишу, да в этом и не было необходимости.

— Худшее у нее еще впереди, верно? — сказал он. — Это уже второй труп. Как вы думаете, что за жизнь будет у нее в нашей деревне, если вам не удастся раскрыть эти два убийства?

Доктор Грин раздраженно захлопнул саквояж:

— Господи Боже мой, что вы такое говорите! Никто и не подумает подозревать Бренду! Она всю свою жизнь здесь прожила. Я сам помог ей явиться в этот мир.

— А это что, защищает от клеветы, как по-вашему? Я не говорю, что ее тут обвинять будут. Но вы же знаете наши Болота. Здешние жители суеверны, ничего не забывают и не прощают. Верят, что есть люди, приносящие несчастье.

— Ну, ваша Бренда такая миленькая, ей это не грозит. Она скорее всего станет в деревне героиней. Бросьте молоть беспросветную чушь, Артур. Лучше проводите меня до машины, я хочу вам пару слов сказать о том деле, что на приходском церковном совете обсуждали.

Они вышли вместе. Миссис Придмор подняла глаза на Дэлглиша, и он подумал, что она плакала.

— Ну вот, — сказала она, — теперь вы станете ее расспрашивать, заставьте говорить об этом, опять ворошить все с самого начала.

— Не беспокойтесь, — мягко сказал Дэлглиш. — Пусть выговорится, это ей поможет.

Она не двинулась, чтобы проводить их наверх, проявив удивительный такт, за что Дэлглиш был ей очень благодарен. Он не смог бы возражать против ее присутствия, тем более что времени вызвать женщину-полицейского у них не было; однако он представлял себе, что Бренда будет более спокойной и более откровенной в отсутствие матери. Она радостно отозвалась на его стук. Маленькая спальня, с низкими потолочными балками и задернутыми занавесями, скрывшими от глаз предугрэнную тьму, была полна света и красок, и Бренда сидела в постели свежая и ясноглазая, в ореоле спутанных, ниспадающих на плечи волос. Дэлглиш снова, в который уже раз, подивился способности юных быстро восстанавливать душевные и физические силы. А Мэссингем вдруг замер в дверях, подумав, что ей надо бы быть в Уффици*, босоногой, плывущей по воздуху над сияющим весенними цветами лугом, и чтобы солнечный итальянский пейзаж, простираясь за нею, уходил в бесконечность.

Эта комната все еще оставалась в значительной степени комнатой школьницы. На стенах — две полки с учебниками, еще одна — с коллекцией кукол в национальных костюмах и пробковая доска с вырезками из воскресных приложений к газетам и фотографиями подруг. Рядом с кроватью — плетеный стул с большим плюшевым медведем. Дэлглиш снял его, положил на кровать рядом с Брендой и сел на стул сам. Спросил:

— Ну, как вы себя чувствуете? Лучше?

Она импульсивно наклонилась к нему. Широкий рукав кремовой ночной блузы опустился, прикрыв усыпанную веснушками руку ниже локтя.

* Уффици — государственная картинная галерея во Флоренции.

— Я так рада, что вы пришли, — сказала она. — Никто не хочет говорить со мной об этом. Никто не может понять, что мне просто надо иногда про это поговорить, и лучше всего сейчас, пока все еще свежо в памяти. Это ведь вы меня нашли, правда? Я помню, как меня подняли — почти как Марианну Даствуд в романе «Чувство и чувствительность»*, и помню такой приятный шерстяной запах от вашего пиджака. Но после этого совсем ничего не могу вспомнить. Правда, я помню, как в колокол позвонила.

— Вы очень умно поступили. Мы поставили машину на въездной аллее Лаборатории — и слышали колокол. А иначе труп нашли бы только через много часов.

— На самом деле это было не так уж умно, просто я в панике была. Вы, наверное, поняли, что случилось? Я камеру у велосипеда проколола и решила пешком домой пойти через новое здание. Потом вроде бы дорогу потеряла и запаниковала. Подумала про убийцу доктора Лорримера и вообразила, что он меня в засаде ждет. Даже вообразила, что это он шины проколол, нарочно. Сейчас это глупым кажется, но тогда так не казалось.

— Мы осмотрели велосипед, — сказал Дэлглиш. — Днем мимо Лаборатории прошел грузовик со щебнем, и немного щебня просыпалось на дорогу. У вас в обеих шинах нашли по острому осколку кремня. Но совершенно естественно, что вы испугались. Вы не можете вспомнить, кто-то и на самом деле был в новом здании?

— Нет, не на самом деле. Я никого не видела, и мне кажется, просто вообразила себе, что слышу какие-то звуки. Во всяком случае, большинство из них. На самом-то деле меня сова испугала. Потом я выбралась из этого здания и в панике бросилась через поле, прямо к часовне.

— У вас не создалось впечатление, что там, в часовне, мог быть и кто-то живой?

* «Чувство и чувствительность» (1811) — роман английской писательницы Джейн Остен.

— Ну, знаете, там же никаких колонн нет, за которыми спрятаться можно. Странная часовня, правда? Не похожа на святое место. Может, в ней просто не так уж много молились поэтому? Я до этого только один раз там была, когда доктор Хоуарт и еще три сотрудника из Лаборатории давали там концерт, оттого и знаю, как она выглядит. А вы хотите сказать, что он там мог за скамьей присесть и следить за мной? Ужас какой!

— Да, разумеется. Но сейчас, когда вы в полной безопасности, вы можете постараться подумать об этом?

— Могу, раз вы здесь, со мной. — Она помолчала. — Я не думаю, что он был там. Я никого не видела и, кажется, никого не слышала. Но я была так перепугана, что, наверное, и не могла бы никого заметить. Все, что я смогла там увидеть, это висящую у стены грудку одежды, а потом — лицо, нависшее прямо надо мной.

Дэлглишу не было необходимости предупреждать ее о важности своего следующего вопроса:

— Вы можете вспомнить, где нашли стул? Его точное положение?

— Он лежал, опрокинутый, тут же, справа от висящего тела, как будто она отбросила его ногами. Мне кажется, он лежал на спинке, но, может быть, и на боку.

— Но вы совершенно уверены, что он упал?

— Совершенно уверена. Я помню, что перевернула его, чтобы поставить прямо. Чтобы на него залезть и дотянуться до веревки от колокола.

Она смотрела на него блестящими, ясными глазами:

— Мне не надо было этого делать, да? Теперь вы не можете сказать, она на нем следы и комочки земли оставила или я? Для этого инспектор Мэссингем мои туфли вчера забрал, да? Мне мама сказала.

— Да, для этого.

Стул будет проверен на наличие отпечатков, потом его отошлют в лабораторию Столпола для обследования. Но это

убийство — если это убийство — было преднамеренным. Дэлглиш сомневался, что на этот раз убийца сделал хоть одну ошибку.

Бренда сказала:

— Одна вещь все-таки меня поразила. Странно ведь, правда, что там свет горел?

— Это еще один вопрос, который я хотел вам задать. Вы вполне уверены, что часовня была освещена? Это не вы сами включили там свет?

— Я вполне уверена, что свет я там не зажигала. Я увидела свет сквозь деревья. Вроде как Божий город*, понимаете? Конечно, разумней было бы к дороге бежать, раз уж я выбралась из нового здания. Только я вдруг увидела часовню, как тень за деревьями, и окна ее светились, правда, не очень ярко, и бросилась туда почти инстинктивно.

— Думаю, действительно инстинктивно. Ваши предки так и поступали. Только они искали бы прибежища в храме Святого Николая.

— А я все время про свет этот думаю, как только проснулась. Похоже на самоубийство, правда ведь? Я не думаю, что люди кончают с собой в темноте. Я уверена, что я бы не смогла. Не могу даже представить, что могла бы убить себя, если, конечно, не заболела бы безнадежно, или одна бы осталась и некому помочь, или боли бы страшные были, или бы кто пытал меня, чтоб что-то важное выведать. Но если бы я решилась на такое, я бы свет не стала выключать. Захотела бы в последнюю минуту свет видеть, перед тем как во тьму уйти, а вы? Но убийцы ведь всегда хотят отсрочить обнаружение трупа, правда? Тогда почему он свет не погасил и дверь не запер?

* Божий город — конечная цель паломничества пилигрима-христианина в аллегорическом романе Джона Беньяна (1628—1688) «Путь паломника».

Она говорила в счастливом неведении горя: болезнь, одиночество и боль были от нее столь же далеки и столь же нереальны, как и пытки.

— Возможно, именно потому, — сказал Дэлглиш, — что он хотел, чтобы это выглядело как самоубийство. И первое, что вам пришло в голову, когда вы обнаружили труп, было, что она покончила с собой?

— В тот момент — нет. Я была слишком напугана, чтобы думать. Но как только проснулась и начала все это обдумывать, — да, мне кажется, я и вправду думаю, что это — самоубийство.

— Но вы не можете сказать, почему вы так думаете?

— Может, потому, что это так странно — взять и повесить человека, чтобы убить. Но самоубийцы ведь часто вешаются, правда? Предыдущий свинарь мистера Боулема так и сделал — повесился в десятинном амбаре. И старая Энни Мейкпис. Я заметила, что здесь, на Болотах, люди или стреляются, или вешаются. Вы же знаете, на ферме всегда и ружье найдется, и веревка.

Она говорила свободно, без стеснения и страха. Всю свою жизнь она прожила на ферме. Рождение и смерть здесь были обычным делом: рождение и смерть животных, так же как и рождение и смерть людей. А долгие зимние ночи на Болотах несли с собою миазмы сумасшествия или отчаяния. Но не для Бренды.

— Вы меня ужасаете, — сказал ей Дэлглиш. — То, что вы говорите, просто катастрофично.

— Ну, это не так часто происходит, но если случается такое — запоминаешь. Просто у меня всегда такая смерть — через повешение — с самоубийством связывается. А вы думаете, на этот раз я ошибаюсь?

— Может быть. Но мы это выясним. Вы нам очень помогли.

Он поговорил с ней еще минут пять, но она больше ничего не могла добавить к сказанному. Она не ходила с инс-

пектором Блейклоком в кабинет главного инспектора Мартина, когда тот включал систему ночной охраны, и поэтому не могла сказать, висел ли ключ от часовни на своем месте или нет. Стеллу Моусон она видела только один раз, на концерте в часовне. Бренда сидела в том же ряду, что Анджела Фоули, Стелла Моусон, миссис Шофилд и доктор Керрисон с детьми.

Когда Дэлглиш и Мэссингем уходили, она сказала:

— Не думаю, что мама с папой теперь разрешат мне вернуться в Лабораторию. Просто уверена, что не разрешат. Они хотят, чтоб я за Джералда Боулема замуж пошла. А я думаю, что не против за него замуж выйти, во всяком случае, ни за кого другого я замуж никогда и не собиралась, но только не сейчас, не сразу. Мне хотелось бы ученым стать, карьеру настоящую сделать. Только у мамы ни минутки спокойной не будет, если я в Лаборатории работать останусь. Она меня любит, у нее ведь только я и есть. Нельзя же боль причинять тем, кто тебя любит.

Дэлглиш распознал в ее словах мольбу о помощи. Он вернулся и снова сел у кровати. Мэссингем, заинтригованный, сделал вид, что внимательно смотрит в окно. Интересно, что подумали бы в Скотленд-Ярде, если бы увидели, что их старик, отнимая время у расследования, дает советы по неясным моральным аспектам «Движения за освобождение женщин». Но ему было жаль, что Бренда обратилась не к нему. С того момента, как они вошли в ее комнату, она смотрела только на Дэлглиша. Тут он услышал, что Дэлглиш говорит:

— Я думаю, научную работу нелегко будет совмещать с обязанностями жены фермера.

— Наверное, это было бы не очень справедливо в отношении Джералда.

— Раньше я думал, что мы можем получить от жизни почти все, чего от нее желаем, что это лишь вопрос умелой ее организации. Но теперь я убеждаюсь, что нам приходится

делать выбор гораздо чаще, чем этого хотелось бы. Главное здесь — убедиться, что это мы делаем выбор, не кто-нибудь другой, и что мы выбираем честно. Но единственное, в чем я совершенно уверен, — это что не очень разумно принимать решение, если ты не в самой лучшей форме. Почему бы не подождать немного, пока мы не разберемся с убийством доктора Лорримера? К тому времени у вашей мамы может измениться настроение.

— Я думаю, — сказала Бренда, — вот что на самом деле приносит с собой убийство. Оно меняет жизнь человека. Портит ее.

— Меняет — да. Но не обязательно портит. Вы молоды, умны, не робкого десятка, и не допустите, чтобы ваша жизнь была испорчена.

Внизу, в кухне фермерского дома, миссис Придмор готовила сэндвичи, вкладывая поджаренный бекон между щедрыми ломтями только что испеченного, хрустящего корочкой хлеба. Она ворчливо произнесла:

— Вы оба выглядите так, что завтрак вам никак не помешает. Всю ночь небось на ногах. Никому хуже не будет, если вы присядете на минутку и съедите вот это. А я уже свежий чай заварила.

Их ужин накануне состоял из пары бутербродов, принесенных младшим полицейским из «Простофили» и съеденных прямо в притворе часовни. Мэссингем осознал, как он голоден, только когда до него донесся аромат бекона. С чувством неизмеримой благодарности он впился зубами в теплый хлеб, ощутив по рту солоноватую сочность домашнего бекона, и отхлебнул из кружки горячего крепкого чая. Он нежился в доброжелательном тепле этой кухни, в уютном, словно колыбель, убежище, укрывающем человека от Черных Болот. Но тут раздался телефонный звонок. Миссис Придмор пошла взять трубку. И сказала:

— Это доктор Грин звонил. Он велел передать, что Анджела Фоули пришла в себя и теперь в силах поговорить с вами.

ГЛАВА 2

Анджела Фоули медленно вошла в комнату. Она была полностью одета и совершенно спокойна, но обоих мужчин поразила происшедшая с ней перемена. Она двигалась скованно, и лицо ее казалось помятым и постаревшим, будто всю ночь ее горе причиняло ей чисто физическую боль. Небольшие глаза ее стали еще светлее и почти спрятались за высокими обтянувшимися скулами, на щеках выступили нездоровые пятна, нежный рот распух, а на верхней губе выступил герпес. Не изменился только ее голос — детский, невыразительный голос, каким она отвечала на их вопросы в первый раз.

Районная медсестра, проведшая в Спрогговом коттедже ночь, разожгла огонь в камине. Взглянув на потрескивающие поленья, Анджела сказала:

— Стелла никогда не разжигала камин до вечера. Я обычно закладывала в него дрова утром, перед тем как уходила на работу, а она просто подносила к ним спичку за полчаса до моего возвращения.

— Мы нашли ключи мисс Моусон у нее в кармане. К сожалению, нам пришлось отпереть ее бюро — посмотреть ее бумаги. Вы спали, так что мы не могли попросить у вас разрешения.

Она хмуро ответила:

— Это ничего не изменило бы, не так ли? Вы бы все равно посмотрели. Вам ведь это необходимо.

— Вы знали, что ваша подруга когда-то была формально замужем за Эдвином Лорримером? Развода не было, брак был аннулирован через два года, поскольку фактически так и не был осуществлен. Она вам не говорила?

Она повернулась и взглянула на него, но невозможно было разгадать выражение этих глаз, так похожих на пороссячи. Если в голосе ее и появилось какое-то выражение, это скорее было печальное любопытство, чем удивление.

— Замужем? За Эдвином? Так вот откуда она знала... — Анджела помолчала. — Нет, она мне не говорила об этом. Когда я переехала сюда, это было началом новой жизни для нас обеих. Я не хотела говорить о прошлом, и она, думается, тоже. Иногда она что-нибудь рассказывала: о своей жизни в университете, о работе, о людях, которых знала. Но этого как раз она мне не говорила.

Дэлглиш, очень мягко, спросил ее:

— Вы могли бы сейчас рассказать мне, что случилось вчера вечером?

— Она сказала, что пойдет пройтись. Она часто выходила по вечерам, но обычно после ужина. Она тогда обдумывала свои книги, разрабатывала сюжет, строила диалог, шагая в темноте, в полном одиночестве.

— В какое время она ушла?

— Незадолго до семи.

— У нее был ключ от часовни?

— Вчера она попросила у меня ключ, как раз после ленча, когда я возвращалась в Лабораторию. Сказала, что собирается описать семейную часовню семнадцатого века в своей книге, но я не думала, что она собирается пойти туда так скоро. Когда, в пол-одиннадцатого, она не вернулась домой, я пошла ее искать. Почти целый час ходила, пока мне в голову не пришло заглянуть в часовню.

Потом она обратилась непосредственно к Дэлглишу, говоря очень терпеливо, как бы объясняя что-то глупому ребенку:

— Она сделала это ради меня. Она убила себя, чтобы я могла получить деньги по ее страховке. Она говорила мне, что я — ее единственная наследница. Дело в том, что домовладелец очень торопится продать этот коттедж: ему нужны деньги. Мы хотели его приобрести, но у нас не хватало денег внести залог. Как раз перед тем как выйти, она спросила меня, как это было, когда я ребенком оказалась на попечении местных властей, что это значит — не иметь

родного дома. Когда Эдвина убили, мы думали, может быть, в его завещании есть что-то и для меня. Но там ничего не было. Поэтому она и попросила у меня ключ. Неправда, что ей нужно было описать часовню в новой книге. Не в этой книге, во всяком случае. Здесь действие происходит в Лондоне, и она почти закончена. Я знаю. Ведь я ее перепечатывала. Я сразу подумала, что это странно, что ей понадобился ключ. Но я давно научилась не задавать Стелле вопросов.

— Как по-вашему, — спросил Дэлглиш, — решилась бы писательница, любая психически здоровая писательница, убить себя, когда ей осталось совсем немного, чтобы закончить книгу?

Она хмуро ответила:

— Не знаю. Я не представляю, что чувствуют писатели.

— Но я представляю, — сказал Дэлглиш. — Ни за что.

Она не ответила. Он мягко продолжал:

— Она была счастлива здесь, с вами?

Анджела устремила на него взволнованный взгляд, и впервые голос ее ожил, словно она всеми силами хотела заставить его понять:

— Она говорила, что никогда в жизни не была так счастлива. Она говорила, что это и есть любовь — знать, что можешь хоть одного человека сделать счастливым и что этот человек в ответ может сделать счастливой тебя.

— Тогда зачем же ей было убивать себя? Неужели она могла и в самом деле поверить, что вы предпочли бы ее деньги ей самой? Почему она могла бы прийти к такому выводу?

— Стелла всегда себя недооценивала. Она могла подумать, что когда-нибудь я забуду ее, но деньги и благополучие останутся со мной навсегда. Она могла даже решить, что жизнь с ней мне во вред, что эти деньги дадут мне какую-то свободу. Она как-то раз говорила что-то вроде этого.

Дэлглиш смотрел на хрупкую прямую фигуру женщины, сидевшей, сложив на коленях руки, в глубоком кресле напротив него. Устремив пристальный взгляд на ее лицо, он тихо сказал:

— Но ведь никаких денег не будет. При страховании жизни специально ставится условие на случай самоубийства. Если мисс Моусон убила себя, вы ничего не получите.

Она не знала. Хотя бы в этом он мог быть совершенно уверен. Эта новость удивила ее, но не потрясла. Это не было реакцией убийцы, лишившейся добычи.

Анджела улыбнулась и мягко ответила:

— Это не имеет значения.

— Это имеет значение для нашего расследования. Я читал один из романов вашей подруги. Мисс Моусон была писателем высокоинтеллектуальным, а это значит, что она была очень умной женщиной. У нее было здоровое сердце, и ее страховка стоила очень недешево. Не так-то легко было выплатить эти взносы. Неужели вы и в самом деле полагаете, что она не знала условий страховки?

— Что вы пытаетесь мне доказать?

— Мисс Моусон знала или думала, что знает, кто убил доктора Лорримера, не так ли?

— Да, она говорила мне об этом. Но не сказала кто.

— Даже не упомянула, мужчина это или женщина?

Она задумалась.

— Нет. Только — что она знает. Я даже не уверена, что она и это мне говорила. Не употребляла этих слов. Просто, когда я ее спросила, не стала отрицать.

Она помолчала, потом продолжала, более оживленно:

— Вы думаете, она вышла, чтобы встретиться с убийцей, правда? Что она пыталась его шантажировать? Но Стелла не стала бы этого делать! Только дурак мог подвергнуть себя такой опасности, а Стелла вовсе не была душой. Вы сами так сказали. Она ни за что не пошла бы по собственной воле, одна, встречаться с убийцей, ни за какие деньги. Ни одна женщина в здравом уме не пошла бы на это.

— Даже если убийца — женщина?

— Только не в одиночестве и не в темноте. Стар была такая маленькая и хрупкая, и сердце у нее было не такое уж здоровое. Когда я ее обнимала, мне казалось — я держу в руках птичку.

Глядя в огонь, она произнесла, чуть ли не с удивлением:

— Я ее никогда больше не увижу. Никогда. Она сидела в этом кресле и натягивала сапожки точно так, как всегда это делала. Я никогда не предлагала вечером пойти вместе с ней. Я знала — ей необходимо побыть в одиночестве. Все было обыкновенно, как всегда, пока она не подошла к двери. Вот тогда я испугалась. Умоляла ее не уходить. И я никогда больше ее не увижу. Она никогда больше не заговорит — ни со мной, ни с кем-нибудь другим. Она никогда больше не напишет ни единого слова. Я еще не могу в это поверить. Я понимаю, это, должно быть, правда, иначе вы не пришли бы сюда. И все равно не могу поверить. Как смогу я вынести это, когда поверю?

— Мисс Фоули, — сказал Дэлглиш, — нам необходимо знать, выходила ли мисс Моусон пройтись в тот вечер, когда был убит доктор Лорример.

Она подняла на него глаза:

— Я понимаю, чего вы добиваетесь от меня. Если я скажу, что она выходила, тогда ваше расследование будет закончено, не правда ли? Все очень мило увязывается: оружие, мотив, возможности. Он был ее бывший муж, и она возненавидела его из-за завещания. Она пошла и попыталась убедить его помочь нам с деньгами. Когда он отказался, она схватила первое попавшееся оружие и нанесла удар, который его свалил.

Дэлглиш возразил ей:

— Он мог впустить ее в Лабораторию, хоть это мало вероятно, но как она сумела оттуда выбраться?

— Вы скажете, что я взяла ключи из сейфа доктора Хоурта и дала ей. На следующее утро я положила их на место.

— А вы это сделали?

Она покачала головой.

— Вы могли бы это сделать, если бы инспектор Блейклок был замешан в это дело вместе с вами. А какой у него резон желать смерти доктору Лорримеру? Когда его единственную дочь сшиб скрывшийся с места происшествия водитель, свидетельство судмедэксперта обеспечило водителю оправдание. Но это случилось десять лет назад, и эксперт был не доктор Лорример. Когда миссис Придмор рассказала мне о смерти его дочери, мы всё проверили. Показания относились к частичкам краски, этим занимаются судебные химики, а не биологи. Вы что же, хотите сказать, что инспектор Блейклок солгал мне, когда утверждал, что ключи были в сейфе?

— Он не солгал. Ключи были на месте.

— В таком случае какое бы обвинение в адрес мисс Мусон мы ни пытались построить, оно оказывается весьма слабым, не правда ли? Неужели найдется кто-нибудь, способный поверить, что она выбралась через окно четвертого этажа? Вы должны поверить, что мы здесь для того, чтобы выяснить истину, а не сфабриковать выводы полегче.

Но она права, подумал Мэссингем. Стоит Анджеле Фоули признать, что ее подруга в тот вечер выходила из Спрогова коттеджа, как им станет значительно труднее доказать, что преступление совершил кто-то другой. Предложенные ею доводы были достаточно обоснованы, и кто бы ни стал обвиняемым на процессе по делу об убийстве Лорримера, защита использует эти доводы на полную катушку. Он не спускал внимательных глаз с лица своего шефа.

А Дэлглиш говорил:

— Я согласен, что ни одна нормальная женщина не выйдет вечером, чтобы встретиться с убийцей. Поэтому я и не думаю, что она это сделала. Она полагала, что знает, кто убийца Эдвина Лорримера, и если у нее и была назначена

встреча вчера вечером, то встреча эта была не с ним. Мисс Фоули, пожалуйста, посмотрите на меня. Вы должны мне поверить. Я еще не знаю, покончила ли ваша подруга с собой или была убита. Но если мне суждено выяснить истину, я должен знать, выходила мисс Моусон из дома в тот вечер, когда погиб доктор Лорример, или нет.

Она хмуро ответила:

— Мы весь вечер провели дома, вместе. Мы же вам говорили.

Воцарилась тишина. Мэссингему казалось, она тянется уже много минут. Вдруг поленья в камине вспыхнули, раздался треск, словно пистолетный выстрел. Одно из поленьев скатилось на каминную плиту. Дэлглиш опустил на колени и щипцами аккуратно положил полено на место. Тишина все длилась и длилась. Потом Анджела сказала:

— Пожалуйста, сначала вы скажите мне правду. Вы думаете, Стар убили?

— Я не могу быть в этом уверен. Возможно, что я никогда не смогу этого доказать. Но — да, я так думаю.

— Стар действительно выходила в тот вечер, — сказала она. — Ее не было с половины восьмого до половины девятого. Она не говорила мне, куда она ходила, и она была совершенно обыкновенной, такой же, как всегда, абсолютно спокойной и собранной, когда вернулась домой. Она ничего не сказала мне, но она действительно выходила из дома.

Потом она добавила:

— А теперь мне хотелось бы, чтобы вы ушли. Пожалуйста.

— Мне думается, кто-то должен побыть здесь, с вами, — сказал Дэлглиш.

— Я не ребенок. Мне не нужна миссис Суоффилд, или районная медсестра, или еще кто-нибудь из деревенских доброхотов. И женщина-полицейский мне здесь тоже ни к чему. Я не совершала никаких преступлений, так что вы не

имеете права силой навязать мне свое присутствие. Я сообщила вам все, что знаю. Вы заперли бюро Стеллы, так что никто не сможет добраться до ее бумаг и прочих вещей. Я не стану делать глупости — ведь это выражение употребляют, когда хотят тактично поинтересоваться, не собираешься ли ты покончить с собой? Нет, я не собираюсь. Со мной уже все в порядке. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Боюсь, нам придется снова навязать вам свое присутствие — несколько позже, — сказал Дэлглиш.

— Несколько позже — это лучше, чем сейчас.

Она вовсе не пыталась их оскорбить. Она просто говорила все, как есть. Она с трудом встала и пошла к двери, высоко подняв голову на неподвижной шее, словно лишь жесткая дисциплинированность тела помогала ей сохранить хрупкое равновесие ума. Дэлглиш и Мэссингем переглянулись. Она была права. Невозможно силой принести утешение, нелепо навязывать чье-то общество, если нежеланно ни то ни другое. Не было закона, дающего им право остаться с ней или заставить ее уехать. И кроме того, были еще дела.

Анджела прошла к окну и из-за шторы следила, как их машина объехала Спроггов лужок и помчалась в сторону деревни. Потом она бросилась в переднюю и стянула с полки телефонную книгу. Понадобилось всего несколько секунд лихорадочного перелистывания страниц, чтобы отыскать нужный номер телефона. Набрав номер, она подождала немного, затем поговорила и положила трубку. Снова вернулась в гостиную. Медленно и торжественно она сняла со стены французский меч. Стояла совершенно неподвижно, вытянув вперед руки с мечом, лежащим на ладонях. Прошло несколько секунд. Анджела крепко обхватила ножны пальцами левой руки, а правой медленно и торжественно извлекла клинок. Затем встала в дверях гостиной с обнаженным мечом в руке, меряя комнату взглядом, оценивая

расположение мебели и других вещей, напряженно, словно чужая здесь, рассчитывая свои возможности в некоем грядущем испытании.

Несколько минут спустя она прошла в кабинет и снова остановилась, оглядывая комнату. У камина стояло викторианского стиля кресло с круглой спинкой. Она подтащила его к двери кабинета и спрятала за ним обнаженный меч так, что острое клинка упиралось в пол. Потом запрятала под кресло ножны. Убедившись, что ни того ни другого не видно, она вернулась в гостиную. Села в кресло у камина и сидела совершенно неподвижно, ожидая услышать рокот приближающегося автомобиля.

ГЛАВА 3

Если Клэр Истербрук и была удивлена, когда, не успевшая она явиться в Лабораторию без чего-то девять, инспектор Блейклок попросил ее немедленно встретиться с командером Дэлглишем, она и виду не подала. Прежде всего она переделалась в белый халат, но не стала тянуть с выполнением просьбы дольше, чем было абсолютно необходимо для утверждения собственной независимости. Войдя в кабинет директора, она увидела двух полицейских, темно-волосого и рыжего, тихо беседовавших у окна, будто, подумала она, их дело было совершенно обычным, а их присутствие здесь — совершенно естественным. На столе доктора Хоурта лежала чужая папка, а на столе для совещаний — план Лаборатории и раскрытая карта Чевিশема, изданная Государственным картографическим управлением. В остальном же кабинет выглядел как обычно. Дэлглиш перешел к письменному столу и сказал:

— Доброе утро, мисс Истербрук. Вы слышали о том, что произошло вчера вечером?

— Нет. А надо было? После обеда я ездила в театр, так что меня трудно было найти, и я ни с кем еще не разговаривала, кроме инспектора Блейклока. Он ничего мне не сообщил.

— Стеллу Моусон, подругу мисс Фоули, нашли повешенной в часовне.

Она нахмурилась, как если бы это сообщение показалось ей оскорбительным, и произнесла, выказав лишь вежливый интерес, не более того:

— Ах, вот что. Не думаю, что я с ней встречалась. Впрочем, припоминаю. Она была на концерте в часовне. Волосы с проседью, замечательные глаза. Что случилось? Она покончила с собой?

— Это — одна из двух возможностей. Вряд ли это похоже на несчастный случай.

— Кто же ее нашел?

— Мисс Придмор.

Она проговорила с удивительной мягкостью:

— Бедная девочка!

Дэлглиш раскрыл папку, достал оттуда два прозрачных конверта для вещдоков и сказал:

— Я хотел бы попросить вас взглянуть на эти четыре волоска — срочно. Для меня. Нет времени отсылать их в лабораторию Столпола. Мне хотелось бы знать, если это возможно, с одной и той же головы эти темные волосы или нет.

— Легче будет определить, если не с одной и той же. Я могу рассмотреть их под микроскопом, но сомневаюсь, что смогу вам помочь. Идентификация волос и вообще-то дело нелегкое, а тут всего три образца. Мало надежды что-то сделать. Кроме исследования под микроскопом, мы обычно проводим масс-спектрометрию, чтобы определить различия в микроэлементах, но даже этот метод неприменим, если имеются всего три волоса. Если бы их исследование было поручено мне, мне пришлось бы заявить, что я не могу дать определенный ответ.

— И все же я был бы вам очень признателен, — сказал Дэлглиш, — если бы вы посмотрели. Это просто наитие, и мне хотелось бы знать, стоит ли разрабатывать эту версию.

— А мне хотелось бы посмотреть, как вы это делаете. Если вы не против, — сказал Мэссингем.

Она окинула его взглядом:

— Разве что-нибудь изменилось бы, если бы я была против?

Через десять минут, подняв голову от микроскопа, она произнесла:

— Раз речь зашла о наитиях, у меня оно такое, если только оно чего-то стоит: эти волосы — с разных голов. Кутикула, внешний слой и сердцевина существенно различаются. Но оба волоса, по-моему, мужские. Взгляните сами.

Мэссингем наклонился к окуляру. Ему показалось, что он видит срезы двух бревен, с узорчатой и зернистой структурой. А рядом — два других бревна, с изодранной корой. Но он мог разобрать, что это разные бревна, от разных деревьев.

— Спасибо, — сказал он. — Я сообщу об этом мистеру Дэлглишу.

ГЛАВА 4

Здесь не было ничего, чем он мог бы загордиться от сверкающего, острого, как бритва, клинка. С грустной иронией он подумал, что пуля, пожалуй, была бы еще хуже. Но тут же засомневался. Чтобы воспользоваться огнестрельным оружием, нужно хоть какое-то умение; если бы в первый раз она промахнулась, он по крайней мере смог бы лишить ее возможности сделать второй

выстрел. Но сейчас у нее в руке было три фута холодной стали, и в этом замкнутом пространстве ей достаточно было лишь одного колющего удара или взмаха клинка — и он будет пронзен до самой кости. Теперь он понял, почему она провела его в кабинет. Здесь не было места для маневра, не было ни одного предмета, который он мог бы схватить и швырнуть в нее. И он понимал, что не должен оборачиваться, должен, не спуская глаз, твердо и без страха смотреть ей в лицо. Он старался говорить спокойно, разумно: одна нервозная улыбка, один намек на враждебность, случайный вызов, и окажется слишком поздно убеждать. Он сказал:

— Послушайте, вам не кажется, что лучше сначала поговорить об этом? Я совсем не тот, кто вам нужен, поверьте.

— Прочтите записку — ту, что на столе, позади вас. Вслух.

Он не посмел обернуться, только протянул назад руку и пошарил на столе. Пальцы нащупали листок бумаги. Он прочел:

«Вам надо получше проверять вещдоки по конопле, когда инспектор Дойл крутится в лаборатории. На какие средства он такой дом себе смог купить, как по-вашему?»

— Ну?

— Откуда это у вас?

— Из секретера Эдвина Лорримера. Стелла нашла записку и отдала ее мне. Вы ее убили, потому что она знала. Пыталась вас шантажировать. Она договорилась встретиться с вами вчера вечером в часовне Рена, и вы ее задушили.

Он чуть не рассмеялся ироничности ситуации, но понимал, что смех сейчас просто смертелен. А теперь они хотя бы разговаривали. Чем дольше она промедлит, тем выше его шансы.

— Вы что, хотите сказать, что ваша подруга считала — это я убил Эдвина Лорримера?

— Она знала, что не вы убили. Она вышла пройтись в тот вечер, когда его убили и, мне думается, видела, как человек, которого она узнала, выходил из Лаборатории. Она знала, что это не вы. Она не рискнула бы встретиться с вами наедине, если бы думала, что вы — убийца. Мистер Дэлглиш мне это объяснил. Она пошла в часовню, думая, что ей ничто не грозит, что она сможет как-то договориться с вами. Но вы ее убили. Поэтому я решила убить вас. Стелле была ненавистна мысль о том, что людей запирают в тюрьмы. А мне невыносима мысль, что ее убийца когда-нибудь окажется на свободе. Десять лет в тюрьме взамен ее жизни? Как это — вам предстоит жить, а Стелла — мертва?

Дойл не сомневался — она сделает то, о чем говорит. Ему приходилось видеть людей, выбитых из колеи, шагнущих за грань терпения — в безумие; приходилось видеть этот взгляд — взгляд фанатичной целеустремленности. Он стоял совершенно неподвижно, опираясь на обе ступни, ожидая увидеть первое, инстинктивное напряжение мышц перед ударом. Старался говорить тихо, спокойно, без малейшего намека на шутку:

— Это разумная точка зрения. Не думайте, что я против. Мне всегда было непонятно, почему люди шепетильничают, когда речь идет о том, чтобы немедленно уничтожить осужденного убийцу, и вполне приемлют его медленное уничтожение в течение двадцати лет. Но там хотя бы речь идет об осужденных. Имеется такая незначительная деталь, как судебный процесс. Никакой казни без должной процедуры. И поверьте мне, мисс Фоули, я не убивал Эдвина Лорримера и, к счастью для меня, могу это доказать.

— Меня не интересует Эдвин Лорример. Меня интересует Стелла. А вы — ее убийца.

— Я даже не знал, что она умерла. Но, если она умерла между половиной четвертого и половиной восьмого, я —

вне подозрений. У меня алиби — самое лучшее из всех возможных. Я был в полицейском участке Гайз-Марша, и большую часть времени меня допрашивали люди из Скотленд-Ярда. А когда Дэлглиш и Мэссингем уехали, я там еще часа два провел. Позвоните туда. Спросите кого угодно. Послушайте, вы же можете запереть меня в чулане, где-нибудь, откуда я не смогу выбраться, пока вы звоните в Гайз-Марш. Господи, да неужели вы хотите сделать ошибку? Вы же меня знаете. Вы же не захотите убить меня бестолково, ужасно, оставив на свободе настоящего убийцу? Неофициальная казнь — это одно дело, а убийство — совсем другое.

Ему показалось, что рука, сжимавшая меч, чуть расслабилась. Но выражение напряженного, смертельно бледного лица не изменилось. Она спросила:

— А записка?

— Я знаю, кто это написал. Моя жена. Ей хотелось, чтобы я ушел из полиции, а она знала, что нет ничего лучше, чем небольшая служебная неприятность, чтобы заставить меня подать в отставку. У меня уже были осложнения по службе года два назад. Дисциплинарная комиссия меня оправдала, но я тогда был чертовски близок к отставке. Неужели вы не в силах распознать женское озлобление, когда с ним встречаетесь? Эта записка ничего не означает, только что она хотела меня опозорить и заставить уйти из полиции.

— Но вы же крали коноплю, подкладывая вместо нее инертное вещество?

— Ну, это совсем другой вопрос. Но вы же меня убиваете не за это? И знаете, вы этого доказать никак не сможете. Последняя партия вещдоков с коноплей, с которой я имел дело, была предназначена для уничтожения, на это имелось распоряжение суда. Я сам помогал их сжигать. К счастью, успели вовремя: инсинератор сломался сразу же после этого.

— А в вещдоках, которые вы сожгли, была конопля?

— В некоторых. Но вы не сможете доказать, что я осуществил подмену, даже если решите использовать эту записку. Сейчас уже не сможете. Да и какое это имеет значение? Я ушел из полиции. Слушайте, вы ведь знаете — я работал по делу об убийстве в меловом карьере. Вы что же, и в самом деле думаете, что я сидел бы дома в это время дня и мог бы приехать к вам по первому зову, лишь для того, чтобы удовлетворить собственное любопытство, если бы продолжал расследовать дело об убийстве, если бы меня не отстранили или не отправили в отставку? Может, я и не самый блестящий пример безукоризненной честности по отношению к своему ведомству, но я не убийца и могу это доказать. Позвоните Дэлглишу, спросите у него.

Теперь уже можно было не сомневаться: ее рука уже не так крепко сжимала меч. Она стояла на прежнем месте, совершенно неподвижно; на него она больше не смотрела — взгляд ее теперь был устремлен в окно. Выражение лица и теперь не изменилось, но он увидел, что она плачет. Слезы текли безостановочно из ее небольших прищуренных глаз, лились по щекам. Он бесшумно шагнул к ней и взял меч из ее несопротивляющейся руки. Обнял ее за плечи. Она не отстранилась. А он сказал:

— Послушайте, вы пережили шок. Не надо вам оставаться здесь одной. Не пора ли нам с вами выпить по чашке чаю? Покажите, где тут у вас кухня, и я приготовлю чай. Или, еще лучше, может, у вас что покрепче найдется?

Она хмуро ответила:

— Есть виски, но мы держим его для Стеллы. Я его не пью.

— Ну, сейчас-то вы обязательно выпьете. Вам это только на пользу будет. И, клянусь Богом, мне выпить тоже не помешает. А потом вам лучше спокойненько посидеть и рассказать мне все, как есть.

— Но если не вы, кто же тогда убил Стеллу?

— Я бы сказал: тот же, кто убил Лорримера. Два убийцы в таком маленьком и глухом месте — слишком невероятное совпадение. Но, слушайте, вам надо сообщить полиции про эту записку. Мне это повредить теперь уже никак не может, а им может помочь. Если ваша подруга нашла одну записку с инкриминирующей информацией в секретере Лорримера, она могла найти и еще что-то. Она не использовала эту записку. Она, вероятно, понимала, как мало эта записка стоит. Но как с той информацией, которой она воспользовалась?

Анджела хмуро произнесла:

— Вы им сами скажите, если хотите. Теперь это уже не важно.

Но он не ушел, пока не приготовил чай. Опрятность и разумный порядок на кухне приятно поразили его, и он постарался приготовить поднос с чаем не кое-как, поставив его перед ней на низкий столик, который он пододвинул к самому камину. Повесил меч на место над каминной полкой и отошел — убедиться, правильно ли он висит. Потом разжег огонь. Она потрясла головой, когда он предложил ей виски, но он налил себе щедрую порцию и сел напротив Анджелы, по другую сторону камина. Она не казалась ему привлекательной. Даже при кратких встречах в Лаборатории он бросал на нее лишь беглый равнодушный взгляд. Было совершенно необычно, чтобы он лез из кожи вон ради женщины, от которой ему ничего не надо, и до сих пор неизвестное ему чувство бескорыстной доброты оказалось очень приятным. Сидя напротив нее в полной тишине, он ощущал, как отдаляются травмы этого дня и им овладевает чувство необыкновенного покоя. Тут у них в доме есть очень приличные штучки, решил он, оглядывая уютную, заполненную вещами гостиную. Интересно, это все ей отойдет или нет?

Минут через десять он пошел позвонить по телефону. Когда он вернулся, один взгляд на его лицо вывел ее из горестного оупения.

— Что случилось? Что он сказал? — спросила она.

Он прошел в глубь комнаты, нахмутив брови. И ответил:

— Его там нет. Ни его, ни Мэссингема нет ни в Гайз-Марше, ни в Лаборатории. Они в Маддингтоне. Поехали в меловой карьер.

ГЛАВА 5

И снова они ехали по тому же маршруту, которым мчались накануне, когда до них донеслись три колокольных удара от часовни: два километра до перекрестка с дорогой на Гайз-Марш, а потом прямо по главной улице деревни. Не говорили ни слова. Одного взгляда на лицо шефа Мэссингему оказалось достаточно, чтобы заключить, что разумнее всего будет молчать. Пока что им не с чем было себя поздравить. У них по-прежнему не было ни одного доказательства, ни одного решающего факта, который мог бы сломать сопротивление собранного материала и позволить открыть дело. «Да и получим ли мы когда-нибудь такое доказательство?» — думал Мэссингем. Ведь они имели дело с людьми умными и образованными, которые, разумеется, понимали, что стоит лишь держать язык за зубами — и ничего доказать будет нельзя.

На деревенской улице появлялись первые пешеходы — люди спешили сделать субботние покупки; деревенские сплетницы, уже собравшиеся группками там и сям, поворачивали головы вслед полицейской машине. Но вот дома стали редеть, справа от дороги потянулось Хоггатово поле с массивом недостроенной новой Лаборатории. Мэссингем сбавил скорость перед поворотом к въезду в Старый пасторский дом, и тут это произошло. Желто-синий мяч выпрыгнул на дорогу прямо перед ними, а за ним, сверкая красными сапожками, выбежал Уильям. Машина шла слишком

медленно, чтобы представлять хоть какую-то опасность, но Мэссингем, выругавшись, резко свернул и затормозил. А затем последовали две секунды невыразимого ужаса.

Потом, вспоминая об этом, Дэлглиш видел все, что произошло, как при замедленной съемке, словно время остановилось. Красный «ягуар», вылетевший на дорогу и замерший в воздухе; синяя молния, сверкнувшая из перепуганных глаз; разверстый в безмолвном крике рот; побелевшие костяшки пальцев, сжимающих рулевое колесо. Инстинктивно он обхватил голову руками и напрягся, ожидая столкновения. «Ягуар» врезался сбоку в задний бампер «ровера», в скрежете рвущегося металла снес его прочь. Машину сильно качнуло и развернуло задом наперед. На какой-то миг воцарилась абсолютная тишина. Дэлглиш и Мэссингем, сорвав ремни безопасности, бросились на противоположную сторону к маленькому неподвижному телу. Один красный сапжок остался лежать на дороге, а мяч медленно катился к травянистой обочине.

Уильяма отбросило на кучу сена, оставшуюся на обочине от последней летней косьбы. Мальчик лежал распростершись такой умиротворенный, в такой полной неподвижности, что Мэссингем было подумал, ужаснувшись, что Уильям сломал себе шею. В ту пару секунд, что Мэссингем колебался — то ли схватить малыша на руки, то ли броситься назад, к машине, звонить в «Скорую помощь», Уильям, перевел дух и попытался выкарабкаться — довольно тщетно — из колючего и влажного сена. Утратив и собственное достоинство, и собственный мячик, он разревелся. Доменика, с распустившимися, упавшими на побледневшее лицо волосами, с трудом передвигая ноги, подошла к ним.

— Как он? В порядке?

Мэссингем быстро ощупал мальчика и взял его на руки.

— Думаю, да. Судя по реву — в полном порядке.

Они уже подошли к въездной аллее, когда навстречу им выбежала Элеанор Керрисон. Она только что мыла голову.

С мокрых волос, прядями упавших ей на плечи, стекала вода. Увидев ее, Уильям удвоил рев. Она неловко бежала рядом с Мэссингемом, широко шагавшим по направлению к дому, ухватив его за руку повыше локтя. Капли воды, брызнув с ее волос, жемчужинками светились на щеках Уильяма.

— Папу вызвали труп осмотреть. Он обещал взять меня с Уильямом в Кембридж, пообедать, когда освободится. Мы собирались купить Уильяму взрослую кровать. Я специально голову вымыла. Оставила Уильяма с мисс Уиллард. С ним все в порядке, да? Вы уверены, что все в порядке? В больницу его не надо отвезти? Что случилось?

— Мы не видели. Думаю, его поддело и отшвырнуло передним бампером «ягуара». К счастью, он упал на кучу соломы.

— Его же могло убить! Я ее предупреждала про дорогу. Нельзя, чтобы он играл в саду один. Вы уверены, что не надо доктора Грина вызвать?

Мэссингем прошел через весь дом прямо в гостиную и, положив Уильяма на диван, сказал:

— Можно и вызвать, но я уверен, что он в порядке. Вы только его послушайте!

Уильям, словно поняв, о чем говорят, немедленно прекратил рев, приподнялся на диване и сел. Тут у него начался приступ икоты, сотрясавшей все его тело, но, видимо, несколько этим не обеспокоенный, он взирал на собравшихся с большим интересом, а потом устремил пристальный, оценивающий взгляд на босую левую ногу. Подняв глаза на Дэлглиша, он строго спросил:

— Где Уиллама мячик?

— Полагаю, лежит у обочины, — сказал Мэссингем. — Я его принесу. А вам надо что-то предпринять, чтобы починить ворота у въезда.

В холле послышались шаги, и в дверях, неловко покачиваясь, встала мисс Уиллард. Элеанор сидела на диване рядом с братом. Теперь она поднялась на ноги и встала перед сконфуженной женщиной. Молчаливое презрение ее было

столь очевидным, что мисс Уиллард покраснела. Она оглядела собравшихся и произнесла, как бы оправдываясь:

— Какая милая компания. Недаром мне послышались голоса.

И тут девочка заговорила. Тон ее, по мнению Мэссингема, был жесток и надменен; она говорила, словно матрона викторианских времен, увольняющая кухонную прислугу. Сцена могла бы показаться комичной, если бы не была так страшна.

— Вы можете упаковывать чемоданы и убираться. Вы уволены. Я попросила вас всего лишь присмотреть за Уильямом, пока вымою голову. Вы даже этого не смогли сделать. Он мог погибнуть. Вы — ни на что не годная, страшная и глупая старуха. Вы пьянствуете, от вас воняет, и все тут вас терпеть не могут. Вы нам больше не нужны. Так что убирайтесь. Соберите свои гадкие грязные пожитки и уходите. Я сама могу позаботиться о папочке и Уилли. Папе никто не нужен, кроме меня.

Глупая слащавая улыбка исчезла с лица мисс Уиллард. Красные полосы загорелись у нее на щеках и на лбу, как будто ее хлестали не словами, а хлыстом. Потом вдруг она резко побледнела и затряслась, словно в лихорадке. Дотянувшись до спинки стула, она оперлась на нее и произнесла высоким, искаженным от боли голосом:

— Вы! Вы думаете, он в вас очень нуждается? Может, я и немолода и мои лучшие годы ушли, но я по крайней мере не полупсих. А если я, по-вашему, страшная, так лучше на себя взгляните! Да он вас терпит только из-за Уильяма. Можете отсюда катиться хоть завтра, он и не заметит. Только рад будет. Он Уильяма любит, а не вас. Я видела, какое у него лицо бывает, и слышала, как он разговаривает, так что мне ли не знать. Он собирается вас к матери отпустить. А вы и не знали, да? И еще есть кое-что, чего вы не знаете. Как вы думаете, чем это ваш драгоценный папочка занимается, когда вас снотворным усыпит? Потихоньку в часовню бегают, чтоб с ней там любовью заниматься.

Элеанор повернула голову и посмотрела на Доменику Шофилд. Потом обернулась к Дэлглишу и потребовала:

— Она лжет? Скажите мне, что она лжет! Это все неправда.

Наступила тишина. Она не могла быть долгой, всего пару секунд, пока Дэлглиш мысленно выстраивал осторожный ответ. И тут Мэссингем, будто ему не терпелось опередить шефа, не глядя на него, четко выговорил:

— Нет. Это правда.

Нелл отвела глаза от Дэлглиша и взглянула на Доменику Шофилд. Потом покачнулась, словно теряя сознание. Дэлглиш шагнул к ней, но она попятилась. И сказала тусклым, полным отупелого спокойствия голосом:

— Я думала, он из-за меня это сделал. Я не стала пить какао, которое он мне дал. И не спала, когда он вернулся. Я вышла в сад и смотрела, как он белый халат на костре сжигает. И я знала, что там кровь. Я думала, он пошел к доктору Лорримеру из-за того, что тот плохо обошелся с Уильямом и со мной. Я думала, он из-за меня это сделал, потому что любит меня.

Она вдруг издала громкий отчаянный вопль: так кричит в мучениях зверь. И в то же время в ее голосе было столько человеческого взрослого страдания, что у Дэлглиша кровь застыла в жилах.

— Папа! Папочка! Нет!

Она поднесла руки к горлу и, вытянув из-под свитера плетеный ремешок, принялась рвать его и перекручивать, как зверек, пытающийся освободиться из силков. В конце концов узел на ремешке лопнул. И на темный ковер посыпались и раскатились шесть начищенных медных пуговиц с гербами, сверкая, словно драгоценные камни.

Мэссингем наклонился и аккуратно подобрал пуговицы с пола, уложив их в свой носовой платок. Все молчали. Уильям продвинулся по дивану, слез и, подковыляв к сестре, обхватил ручонками ее ногу. Губы у него дрожали. Доменика Шофилд произнесла, обращаясь к Дэлглишу:

— Господи, ну и грязное же у вас ремесло!

Дэлглиш не обратил на нее внимания. Мэссингему он сказал:

— Присмотрите за детьми. Я позвоню, чтобы прислали женщину-полицейского, и надо, пожалуй, пригласить миссис Суоффилд. Никто больше в голову не приходит. Не уходите от нее, пока они обе не приедут. А я позабочусь об остальном.

Мэссингем повернулся к Доменике Шоффилд.

— Это не ремесло, — сказал он. — Просто работа. А вы что, хотите сказать, что ее не надо делать?

Он подошел к девочке. Ее била крупная дрожь. Дэлглиш думал, что она отстранится от Мэссингема. Но она стояла совершенно неподвижно. Всего тремя словами он разрушил ее мир. Но к кому еще могла она обратиться за помощью? Мэссингем снял шерстяную куртку и закутал девочку, стараясь не прикасаться к ней. Сказал мягко:

— Пойдемте со мной. Покажете мне, где можно чай приготовить. А после полежите немножко, а мы с Уильямом побудем с вами. Я Уильяму книжку читаю.

Она пошла с ним, покорно, будто арестант с тюремщиком, не поднимая на него глаз, полы длинной куртки волочились по полу. Мэссингем вел Уильяма за руку. Видеть Мэссингема Дэлглишу больше не хотелось. Но он, разумеется, увидит его, и не раз, а со временем перестанет испытывать неприязнь, а то и забудет о происшедшем. Он не хотел больше с ним работать, но понимал, что никуда не денется. Он был не из тех, кто станет портить подчиненному карьеру из-за того, что тот оскорбил чувства, на которые он, Дэлглиш, и права-то не имеет. То, что сейчас совершил Мэссингем, казалось Дэлглишу непростительным. Но жизнь научила его, что непростительное обычно легче всего прощается. Можно было честно делать полицейскую работу; фактически иначе и нельзя было делать ее без риска. Но невозможно было делать эту работу, не причиняя боли.

Мисс Уиллард почти ошупью добралась до дивана. Она бормотала, будто пытаясь оправдаться перед самой собой:

— Я не хотела. Это она заставила меня сказать. Я не хотела. Я не хотела ему плохого.

Доменика Шофилд уже собиралась уходить.

— Ну, еще бы, — сказала она. — Кто же этого хочет. — И Дэлглишу: — Если я вам понадобится, вы знаете, где меня найти.

— Нам нужны будут ваши письменные показания.

— Разумеется. Разве бывает так, чтобы они не были вам нужны? Тоска и одиночество, страх и отчаяние, вся человеческая неразбериха, на аккуратно подшитых полутора страничках канцелярской бумаги.

— Нет, только факты.

Он не спросил ее, когда это началось. На самом деле это не имело большого значения, и он счел, что нет необходимости спрашивать. Бренда Придмор говорила, что сидела на концерте в часовне в одном ряду с миссис Шофилд и доктором Керрисоном с детьми. Это было в четверг, двадцать шестого августа. А в начале сентября Доменика порвала с Эдвином Лорримером.

У двери она приостановилась и обернулась. Дэлглиш спросил:

— Он звонил вам утром, после убийства, — сказать, что положил ключ в карман Лорримеру?

— Он никогда мне не звонил. Никто из них не звонил. Никогда. Мы так договорились. А я никогда не звонила ему.

Она помолчала, потом сказала, достаточно резко:

— Я не знала. Может быть, подозревала, но ничего не знала. Мы — как это вы выражаетесь? — не предумышляли этого вместе. Я не виновата. Это было не из-за меня.

— Нет, — сказал Дэлглиш. — Я и не предполагал, что из-за вас. Мотив убийства редко бывает таким незначительным.

Она подняла на него свои невероятные, незабываемые глаза и спросила:

— Почему я вам не нравлюсь?

Эгоцентризм, продиктовавший такой вопрос, да еще в такое время, неприятно поразил Дэлглиша. Но гораздо неприятнее было ему узнать кое-что и о себе самом. Он прекрасно понимал, отчего эти двое мужчин готовы были тайком, виновато, словно сексуально озабоченные подростки, пробираться на свидания с ней, становиться партнерами в ее сложной эротической игре. Он и сам, если бы представилась такая возможность, сделал бы то же самое.

Она ушла. Дэлглиш подошел к мисс Уиллард:

— Это вы звонили доктору Лорримеру, чтобы сообщить об обгоревших свечах и номерах псалмов на доске в часовне?

— Я болтала с ним, когда он подвозил меня в церковь, к мессе, в позапрошлом воскресенье. Приходилось мне о чем-нибудь разговаривать, он-то всегда молчал. А я беспокоилась из-за свечей в алтаре. Я впервые заметила, что кто-то их зажигал, когда заходила в часовню в конце сентября. А в последний раз они еще больше обгорели. Я подумала, а вдруг часовней пользуются «Слуги сатаны»? Я знаю, она уже давно секуляризована, но ведь все равно это святое место. И стоит так укромно. Никто там не бывает. Жители Болот не любят выходить по вечерам. И я подумала, может, стоит поговорить с пастором или с отцом Грегори посоветоваться. Доктор Лорример попросил меня опять зайти в часовню на следующий день и сообщить ему номера псалмов, что на доске написаны. Я подумала тогда — как странно, что он об этом попросил. Но он, видно, подумал, что это важно знать. А я даже и не заметила, что номера поменялись. Понимаете, я могла попросить ключ. А ему это было бы неприятно.

Но он ведь мог взять ключ, не расписываясь в журнале, подумал Дэлглиш. Почему же он не сделал этого? Из-за риска, что его увидят? Потому, что его одержимой законопослушной натуре претила сама мысль о нарушении лабораторных правил? Или, что более вероятно, оттого, что ему

невыносимо было бы войти в эту часовню снова, увидеть воочию приметы ее предательства? Она даже не побеспокоилась изменить место встреч. Она по-прежнему пользовалась хитроумным кодом, чтобы обозначить дату нового свидания. Даже ключ, который она вручила Керрисону, был ключом Лорримера. И никто лучше него не знал значения тех четырех цифр: двадцать девятый день десятого месяца, в шесть сорок.

— И вы вместе с ним ждали в тени деревьев в прошлую пятницу? — спросил командер.

— Это была его идея. Ему нужен был свидетель, понимаете? О, у него были причины беспокоиться. Такая женщина, совершенно неподходящая, чтоб стать мачехой Уильяму. Один мужчина за другим, сказал доктор Лорример. Поэтому она и из Лондона должна была уехать. Не могла ни одного мужчину пропустить. Любой ей годился. Он все про нее знал. Сказал — все в Лаборатории знают. Она даже ему когда-то делала авансы. Кошмар. Он собирался написать миссис Керрисон и положить этому конец. А я не могла дать ему адрес. Доктор Керрисон такой сдержанный на этот счет. Но я не уверена, что он и сам точно знает, где сейчас его жена находится. Но мы знали, что она с одним доктором сбежала, и его фамилию знали. Такая обычная фамилия, каких много, но доктор Лорример сказал, что сможет найти его по медицинскому справочнику.

Медицинский справочник. Вот о чем ему надо было справиться, вот почему он так быстро открыл дверь, когда позвонил Брэдли. Ему нужно было лишь выйти из директорского кабинета на первом этаже. И в руках у него была тетрадь для записей. Как это Хоуарт сказал? Он терпеть не мог клочков бумаги. Он всегда пользовался тетрадью, записывая все, что ему представлялось важным. А это было важно. Фамилии и адреса возможных любовников миссис Керрисон.

Мисс Уиллард подняла голову и взглянула на Дэлглиша. Он увидел, что она плачет, слезы стекали по щекам, остав-

ляя блестящие полосы, и падали на сплетенные, нервно сжимающиеся пальцы.

— Что с ним будет? — спросила она. — Что вы с ним сделаете?

Зазвонил телефон. Дэлглиш быстро прошел через холл в кабинет и взял трубку. Это был Клиффорд Брэдли. Голос его звучал громко и возбужденно, как голос восторженной девушки.

— Коммандер Дэлглиш? — спросил он. — В полиции мне сказали, что вы, может быть, еще тут. Я должен вам сейчас же сообщить. Это важно. Я только что вспомнил, откуда я знал, что убийца еще в Лаборатории. Я услышал какой-то звук, когда подошел к двери. Тот же самый звук я услышал две минуты назад, когда шел вниз по лестнице, выйдя из ванной. Сюю как раз закончила с матерью по телефону разговаривать. Вот что это был за звук: кто-то трубку положил на рычаг, а я услышал.

Брэдли всего лишь подтвердил то, о чем Дэлглиш подозревал уже давно. Он вернулся в гостиную и спросил у мисс Уиллард:

— Почему вы сказали нам, что слышали, как доктор Керрисон звонил по телефону из своего кабинета в девять часов? Он просил вас солгать ради него?

Она подняла к нему испещренное пятнами лицо и полные слез глаза:

— О нет, что вы! Он никогда не сделал бы этого! Он только спросил, не слышала ли я случайно, как он разговаривал. Это было, когда он вернулся домой после вызова на место преступления. Я хотела ему помочь, хотела, чтоб он был мной доволен. Ведь это была такая незначительная, такая несущественная ложь. И, если по-настоящему, это даже не было ложью. Я подумала, что, может, я и в самом деле слышала его голос. Вы, может, его подозревали, а я знала, что он просто не мог этого сделать. Он добрый, хороший и очень мягкий человек. И это, кажется, такой простительный грех — оберечь невинного. Эта

женщина завлекла его в свои сети, но я знала, что он не способен на убийство.

Скорее всего он с самого начала собирался позвонить в больницу из Лаборатории, если не успеет вернуться домой вовремя. Но звонить туда, когда тут же лежал убитый им Лорример, — это требовало железных нервов. Он, видимо, едва успел положить трубку, как услышал приближающиеся шаги. И что тогда? В темную комнату — следить и ждать? Это, должно быть, был один из самых страшных моментов: стоять вот так, в темноте, задержав дыхание, с колотящимся сердцем, и думать, кто же это может быть и как вошел в Лабораторию? Это ведь мог быть Блейклок, Блейклок, который сразу же позвонит в полицию, который сразу же примется обыскивать Лабораторию.

Но это был всего-навсего до смерти перепуганный Брэдли. Не было ни телефонных звонков, ни призывов на помощь, только эхо панического бега по коридору. И теперь все, что ему оставалось делать, — это спокойно последовать за Брэдли, спокойно выйти из Лаборатории и отправиться домой через новое здание, так же, как он пришел сюда. Он выключил свет и подошел к парадной двери. И увидел свет фар: машина Дойла свернула на въездную аллею и остановилась в кустах. Он теперь не мог решиться выйти через эту дверь. Путь был закрыт. И ждать, пока они уедут, он тоже не мог. Дома осталась Нелл, она могла проснуться и спросить, где отец. И ответный звонок в десять часов. Необходимо было вернуться.

Но головы он и тут не потерял. Это был умный шаг — взять у Лорримера ключи и запереть Лабораторию. Полицейское расследование неминуемо должно было сосредоточиться на четырех наборах ключей и ограниченном числе тех, кто имел к ним доступ. И он знал единственный путь из здания, а мужества и умения им воспользоваться ему было не занимать. Он надел халат Миддлмасса, чтобы предохранить свою одежду: он ведь знал, какую фатальную роль мо-

жет сыграть одна надорванная шерстяная нитка. Но ничего не было порвано. А легкий ночной дождь смыл со стен и окон все следы, которые могли бы его выдать.

Он благополучно добрался домой и придумал предлог, чтобы зайти к мисс Уиллард, создавая себе более прочное алиби. Никто ему не звонил, никто не приходил. И он знал, что завтра будет одним из первых вызван освидетельствовать труп. Хоуарт сказал, что стоял возле двери, пока Керри-сон осматривал тело. Видимо, тогда-то он и вложил ключ от часовни в карман к Лорримеру. Это и стало одной из его ошибок: Лорример носил ключи в специальном кожаном футляре, а не просто в кармане.

По гравию въездной аллеи прошуршали шины. Дэлглиш взглянул в окно: подъехала полицейская машина с сержантом Рейнольдсом и двумя женщинами-полицейскими на заднем сиденье. Соппротивление материала было сломлено, можно было открывать дело. Только на самом деле сломленным оказывалось не сопротивление материала, сломлены бывали прежде всего люди. А сейчас Мэссингем и он, Дэлглиш, освободились для последнего разговора — самого трудного из всех.

У кромки мелового карьера мальчик запускал красного змея. Увлекаемый свежайшим ветром, змей взмывал вверх и пикировал, виляя волнистым хвостом на фоне лазурного неба, безоблачного и ослепительного, словно в разгар лета. Весь карьер наполнился веселыми голосами и смехом. Даже пустые жестянки из-под пива сверкали, словно блестящие игрушки, а скомканная бумага кегельными шарами каталась под порывами ветра. Воздух был свежий, остро пахло морем. Легко было поверить, что субботние покупатели, тянувшиеся через пустырь с корзинками и детьми, направляются на пикник у берега моря, что меловой карьер выводит прямо к дюнам и зарослям тростника, к звенящему детскими голосами пляжу. Даже щит ограждения, который полицейские, борясь с ветром, пытались установить, выглядел как ширма

кукольного театра «Панч и Джуди», перед которой в некотором отдалении собралась кучка зевак, терпеливо ожидающих начала представления.

Первым навстречу им по склону карьера поднялся суперинтендент Мерсер. Он объяснил:

— Неприятное дело. Муж той молодой женщины, которую в среду тут обнаружили. Он подручный мясника. Вчера унес с собой один из ножей и вечером явился сюда, горло себе перерезал. Записку оставил, бедолага чертов: признался, что это он убил. Этого могло и не случиться, если бы мы успели его вчера арестовать. Но пришлось подзадержаться из-за убийства Лорримера и отстранения Дойла. Мы результаты по крови только вчера поздно вечером получили. А вам кого надо повидать?

Мерсер с любопытством поглядел на Дэлглиша, но тот сказал только:

— Доктора Керрисона.

— Он тут уже закончил. Я ему передам.

Минуты через три длинная фигура Керрисона появилась над кромкой карьера, и доктор направился к ним.

— Это Нелл? — спросил он.

— Да.

Он не спросил, как или когда. Он внимательно выслушал Дэлглиша, произносившего обычные слова предупреждения, как будто никогда раньше ему не доводилось их слышать, как будто он хотел, чтобы они запали ему в память. Потом, глядя на Дэлглиша, сказал:

— Мне не хотелось бы сразу ехать в полицейский участок Гайз-Марша. Хочу рассказать об этом вам сейчас, и только вам одному, никому больше. Никаких трудностей у вас не будет. Сделаю полное признание по всей форме. Что бы ни случилось, я не хочу, чтобы Нелл пришлось давать показания. Вы можете обещать мне это?

— Вы же сами знаете, что не могу. Но я не вижу причин, почему Королевскому суду надо было бы вызывать ее, если вы намереваетесь признать себя виновным.

Дэлглиш открыл дверцу машины, но Керрисон отрицательно покачал головой. И сказал без малейшего намека на жалость к себе:

— Мне бы хотелось побыть на воздухе. Впереди столько лет отсидки, когда у меня не будет возможности пройтись под открытым небом. Может быть, это — на всю оставшуюся жизнь. Если бы только убийство Лорримера, я мог бы надеяться на вердикт о простом убийстве. Оно ведь было непредумышленным. Но второе — предумышленное.

Мэссингем оставался у машины, пока Дэлглиш и Керрисон ходили вокруг мелового карьера. Керрисон говорил:

— Это началось здесь, на этом самом месте, всего четыре дня тому назад. А чувство такое, будто вечность прошла. Другая жизнь, другое время. Нас обоих вызвали в меловой карьер, на место убийства, а он потом отвел меня в сторону и велел мне встретиться с ним в тот же вечер, в восемь тридцать, в Лаборатории. Не попросил — велел. И сказал, о чем собирается поговорить со мной. О Доменике.

— Вы знали, что он был ее любовником? — спросил Дэлглиш. — До вас?

— Не знал, пока не увиделся с ним в тот вечер. Она никогда не говорила со мной о нем. Ни разу даже его имени не упомянула. Но когда он излил на меня этот поток ненависти, зависти, ревности, тогда, разумеется, я все понял. Я не стал спрашивать, как он про меня узнал. Я думаю, он сошел с ума. Может быть, мы сошли с ума оба.

— И он пригрозил вам, что напишет вашей жене и помещает передаче детей на ваше попечение, если вы не откажетесь от Доменики?

— Он собирался написать ей в любом случае. Он хотел вернуть Доменику, и, я думаю, он, бедняга, и вправду верил, что это возможно. И все же ему обязательно надо было меня наказать. Только один раз в жизни я видел такую же ненависть. Он стоял там, с побелевшим лицом, понося меня, обливая грязью, грозя, что я потеряю детей, что я не имею права быть отцом, что я их никогда больше не увижу. И вдруг оказа-

лось, что это говорит не Лорример. Понимаете, я все это уже слышал раньше от собственной жены. Голос был его, но слова — ее. И я понял, что больше не могу этого вытерпеть. Я не спал почти всю предыдущую ночь; Нелл устроила мне ужасную сцену, когда я вернулся домой; и я весь день волновался, не представляя, что Лорример собирается мне сказать.

И тут зазвонил телефон. Звонил его отец, жаловался на телевизор. Лорример очень коротко поговорил с ним и повесил трубку. Но, когда он разговаривал, я увидел молоток. И вспомнил, что у меня в кармане куртки — перчатки. Разговор с отцом, казалось, его отрезвил. Он заявил, что ему нечего больше мне сказать. И вот, когда он повернулся ко мне спиной, я схватил молоток и ударил. Он упал без единого звука. Я положил молоток на стол и тут увидел раскрытую тетрадь для записей с адресами и фамилиями трех врачей. Один из них был любовником моей жены. Я вырвал эту страницу, скомкал и сунул в карман. Подошел к телефону и позвонил. Было только девять часов. Я думаю, остальное вам известно.

Они уже обошли меловой карьер, шагая рядом, глядя на яркую траву на краях впадины. Теперь они повернули и пошли тем же путем обратно.

— Лучше будет, если вы мне расскажете, — сказал Дэлглиш.

Но ничего нового он так и не узнал. Все произошло именно так, как он рассудил. Когда Керрисон закончил описывать, как он сжег халат и тетрадную страничку, Дэлглиш спросил:

— А Стелла Моусон?

— Она позвонила мне в больницу и попросила встретиться с ней в часовне вчера в половине восьмого. Примерно сказала, о чем пойдет речь. Сказала, что у нее оказался черновик письма, который она нашла на чьем-то секретере. Я понял, о чем там говорилось.

Она, видимо, взяла письмо с собой в часовню, подумал Дэлглиш. У нее в столе письма они не обнаружили, ни чер-

новика, ни оригинала. Это было совершенно необычно, что она и в самом деле рискнула дать Керрису понять, что письмо при ней. Как он мог быть уверен, что она не сняла с письма копию? И как она могла быть уверена, что он не попытается силой завладеть письмом?

Словно прочитав его мысли, Керрисон сказал:

— Все было не так, как вы полагаете. Она не пыталась продать мне письмо. Она ничего не собиралась продавать. Она объяснила мне, что взяла письмо с секретера почти импульсивно, не хотела, чтобы его обнаружила полиция. По какой-то причине, которую она не захотела мне привести, она ненавидела Лорримера и не испытывала ко мне неприязни. Вот что она мне сказала: «За свою жизнь он достаточно причинил горя. Так надо ли, чтобы он причинял людям горе и после смерти?» И еще одну необыкновенную вещь произнесла: «Когда-то я была его жертвой. Не вижу, почему теперь его жертвой должны стать вы». Она смотрела на это так, что она как бы на моей стороне, что она оказала мне услугу. И теперь просила меня об ответной услуге, о чем-то совершенно обычном и простом. О чем-то, что я, с ее точки зрения, вполне мог себе позволить.

— Денег на покупку Спроггова коттеджа? — спросил Дэлглиш. — Чтобы она и Анджела Фоули могли внести залог.

— Она даже не просила о безвозмездном даре. Только займы. Ей нужно было четыре тысячи фунтов под такой процент, какой она могла себе позволить. Она отчаянно нуждалась в деньгах, и ей надо было найти эту сумму как можно скорее. Она объяснила мне, что ей не у кого больше было просить. И была вполне готова подписать соответствующий, юридически оформленный договор. Мягче, добрее и разумнее шантажиста и придумать невозможно.

И она полагала, что имеет дело с самым мягким, добрым и разумным человеком на свете. Она совершенно не испытывала страха до самого последнего, страшного момента, когда он вытащил из кармана шнур и она поняла, что перед

ней не товарищ по несчастью, не жертва, а убийца. И Дэлглиш спросил:

— Шнур вы, должно быть, приготовили заранее? Когда вы решили, что она должна умереть?

— Даже и это, как и смерть Лорримера, было почти случайностью. Она взяла ключ у Анджелы Фоули и пришла в часовню первой. Сидела на одной из скамей в алтаре. Дверь она оставила открытой, и когда я вошел в притвор, я увидел сундук. Я знал, что там лежит шнур. У меня было достаточно времени обследовать часовню, пока я ждал Доменику. Так что я достал шнур и положил в карман. Потом прошел к ней, и мы поговорили. Письмо она взяла с собой, оно было у нее в кармане. Она его достала и показала мне. Ни капельки страха. Письмо не было закончено, всего-навсего черновик, над которым он трудился. Он, видимо, наслаждался, когда его писал, очень старался получше все выразить.

Она была необыкновенная женщина. Я сказал, что одолжу ей деньги, что попрошу своего поверенного составить соответствующий договор. Там лежал молитвенник, и она заставила меня положить на него руку и поклясться, что я никогда, никому не скажу о том, что между нами произошло. Я думаю, ее ужасала мысль, что Анджела Фоули когда-нибудь узнает об этом. Тогда-то я и понял, что она, и только она, владеет этой опасной информацией, и решил, что она должна умереть.

Он остановился. Повернулся к Дэлглишу и сказал:

— Понимаете, я не мог рисковать, доверившись ей. Я не пытаюсь оправдаться. Я не пытаюсь даже заставить вас понять меня. У вас нет детей, вы не знаете, что значит — быть отцом. Вы и не смогли бы понять. Я не мог позволить, чтобы моя жена получила в руки такое оружие против меня, когда дело об опеке дойдет до высокого суда. Присяжных вряд ли обеспокоило бы то, что у меня есть любовница: это не означает, что я не способен заботиться о своих детях. Если бы означало, многие ли родители получили бы право опеки над своими детьми? Но тайная связь, скрытая мной от по-

лиции, да еще с женщиной, чей предыдущий любовник был убит? А мое не весьма надежное алиби в тот вечер, при достаточно веском мотиве убийства? Не покачнет ли все это чашу весов? Моя жена привлекательна и лжет вполне правдоподобно — и внешне кажется вполне нормальной. Безумие не так уж трудно диагностировать, невроз гораздо менее драматичен внешне, но смертельно опасен, если с ним приходится сосуществовать. Она оторвала нас друг от друга — меня и Нелл. Я не мог допустить, чтобы она забрала Уильяма и Нелл. Когда я стоял там, в часовне, и смотрел в глаза Стеллы Моусон, я понял: ставка — их жизнь против ее.

И это оказалось так легко. Я набросил шнур ей на шею двойной петлей и сильно потянул. Она умерла, должно быть, сразу же. Потом я отнес ее в притвор и повесил, привязав шнур к крюку. Не забыл потереть подошвы ее сапог о сиденье стула, а стул опрокинул. И пошел через поле туда, где оставил машину. Я ее поставил там, где Доменика ставит свой «ягуар», когда мы с ней встречаемся: в тени старого амбара у дороги на Гайз-Марш. Даже расчет времени был очень удачным. Я должен был ехать в больницу на заседание медицинской комиссии, но собирался сначала заехать к себе в Лабораторию, кое-что доделать. Даже если кто-то в больнице и заметил, в какое время я приехал, оставалось всего двадцать минут, которые я не мог оправдать. Но я вполне мог задержаться в пути на лишние двадцать минут.

Они молча шли к машине. Потом Керрисон снова заговорил:

— Я и до сих пор не могу этого понять. Она такая красивая. И дело не только в ее красоте. Она могла бы получить любого мужчину, стоило только захотеть. Поразительно, что по какой-то непонятной причине ей оказался нужен я. Когда мы были вместе, лежали при свете свечей в тишине в покое часовни, после того как были близки, все волнения, все тревоги, вся ответственность — все исчезало, забывалось. Встречаться было легко, ведь вечера очень темные. Она могла спокойно оставлять машину у амбара. Никто не выхо-

дит на Гайз-Марш-роуд по вечерам, и машины очень редки. Я знал, весной будет труднее, потому что темнеет поздно. Но ведь я и не надеялся, что так долго буду ей нужен. Это чудо, что я вообще ей понадобился. Я никогда не загадывал дальше следующей встречи, дальше новой даты на доске для обозначения псалмов. Она не разрешала мне звонить ей. Я никогда не видел ее, не разговаривал с ней иначе, как только наедине, в часовне. Я понимал — она не любит меня, но это было не важно. Она давала мне все, что могла, этого мне было достаточно.

Они уже подошли к машине. Мэссингем открыл и придержал дверцу. Керрисон обернулся к Дэлглишу и сказал:

— Это не было настоящей любовью, и все же, по-своему, мы любили друг друга. И был такой покой. И сейчас тоже — покой: ведь я больше ничего не должен делать. Конец ответственности, конец волнениям. Убийца навсегда ставит себя вне общества, вне человечества вообще. Это — как смерть. Я словно умирающий: проблемы никуда не ушли, это я уйду от них в иное измерение. Я многое утратил, убив Стеллу Моусон, даже право чувствовать боль.

Он сел в машину на заднее сиденье, не проронив больше ни слова. Дэлглиш закрыл дверцу. И тут сердце его на мгновение дало сбой: желто-синий мяч, выпрыгнув из карьера, понесся ему навстречу, а за ним, громко смеясь, с кричащей матерью по пятам, выскочил на дорогу мальчик. На единственный ужасный миг Дэлглишу показалось, что это Уильям: это его темная челка, его красные, сверкающие на солнце сапожки.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Джеймс Филлис Дороти
Смерть эксперта-свидетеля

Роман

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин
Компьютерная верстка: М.В. Пашенко
Технический редактор Н.К. Белова
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ВЗОИ»
143000, Московская обл., г. Одинцово-6, ул. Союзная, д. 7

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.